

Е. А. БУДИЛОВА

---

*Философские проблемы
в советской психологии*

Е. А. Будилова

*Философские проблемы
в советской
психологии*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Эта книга посвящена исследованию роли и значения философских проблем в развитии советской психологической науки, начиная от первых лет ее создания и до настоящего времени. Автор знакомит читателя с психологическими дискуссиями прошлых лет и нашего времени. В книге излагаются такие актуальные философско-теоретические вопросы современной психологической науки: как социальная обусловленность психики, взаимоотношение природного и социального, психического и физиологического, рассматриваются психологический и кибернетический подходы к исследованию восприятия и мышления и др.

Ответственный редактор
Е. В. ШОРОХОВА

ОТ АВТОРА

В истории отечественной психологической науки можно выделить два поворотных момента — во-первых, возникновение в середине XIX в. на основе рефлексорной теории И. М. Сеченова новой материалистической психологии, опиравшейся на философское учение Н. Г. Чернышевского, и, во-вторых, создание после Великой Октябрьской социалистической революции советской психологии на марксистской философской основе. Эти два рубежа важны не только для развития нашей отечественной науки, но и для всеобщей истории психологии.

Во второй половине XIX в. психология как самостоятельная экспериментальная дисциплина развивалась в России, в отличие от Западной Европы и Америки, в материалистическом направлении. Борьба материалистической, сеченовской психологии с господствовавшим тогда идеализмом составляла главную особенность психологической науки в нашей стране. Философским проблемам в психологической науке в России со второй половины XIX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции была посвящена ранее выпущенная наша книга «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX — начало XX в.» (М., «Наука». 1960. Отв. редактор С. Л. Рубинштейн).

Развитие советской психологии на основе философии марксизма открывает новый период истории отечественной психологии — ее целью становится создание диалектико-материалистической психологической теории. Настоящая работа завершает собой задуманное автором исследование философских проблем русской дореволюционной и советской психологии.

Для каждого психологического учения исходным является решение вопроса о природе психического. Этим определяется роль философских проблем психологии в построении ее теории. От этого решения, всегда связанного с философским воззрением на отношение духа и материи, сознания и бытия, зависит характеристика психики, определение предмета психологической науки и ее задач. От него зависит и разработка методологических принципов, которые направляют научный поиск исходя из общего мировоззрения, а также объединяют

результаты исследований в систему взаимосвязанных понятий. Поэтому исследование философских проблем психологии — отношения психики с окружающим миром, психических процессов с физиологическими, проблем детерминации психики, отношения биологических и социальных детерминант, активности сознания и его связи с деятельностью человека — имеет методологическое значение для изучения исторического пути развития психологической науки. И наиболее ярко роль философских проблем в психологической теории обнаруживается в советской психологии.

История советской психологической науки мало изучена. Мы располагаем лишь рядом обзорных статей, докладов и лекций, приуроченных к юбилейным датам, и книгой А. В. Петровского «История советской психологии», посвященной становлению советской психологии в 20—30-х гг. и в самых общих чертах коснувшейся ее состояния в послевоенные годы. Философские проблемы в истории советской психологии еще не подвергались специальному исследованию.

Структура книги такова, что, с одной стороны, философские проблемы психологии включаются в общий контекст развития психологической науки и определяется их роль в этом развитии более чем за полувековой путь и, с другой — рассматриваются ведущие собственно философские проблемы психологии в каждый ее исторический период и в современной науке. Данная монография состоит из трех частей: I — Начальный этап советской психологии (1917—1931 гг.). II — Становление марксистской психологической теории (1931—1945 гг.). III — Разработка теоретических принципов советской психологической науки на новых рубежах (1945—1971 гг.). Введения к каждой из этих частей в совокупности дают общий исторический очерк советской психологической науки. Основным содержанием каждой части является исследование главных для данного исторического периода философско-теоретических проблем психологии. Последняя часть соединяет историю с современностью.

В книге рассмотрены узловые теоретические вопросы, разработка которых была обусловлена определением методологических принципов марксистской психологической науки, поэтому изложение исследований советских психологов ограничено кругом философских проблем психологической науки.

Начальный этап советской психологии

Введение

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В 1917—1931 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед психологией путь марксизма. История советской психологии — это первый опыт применения в психологической теории марксистских философских принципов и вместе с тем это первый опыт развития психологической науки в условиях нового общественного строя.

Марксистская психология делала свои первые шаги в сложной обстановке. От русской дореволюционной науки она унаследовала богатство созданной И. М. Сеченовым рефлекторной теории и его материалистического психологического учения. Воинствующий материализм учения И. М. Сеченова определил особенности становления русской психологии как самостоятельной экспериментальной дисциплины. Передовые врачи-психиатры В. М. Бехтерев, П. И. Ковалевский, С. С. Корсаков, А. А. Токарский, следуя призыву И. М. Сеченова начать разработку материалистической психологии, стали организаторами первых русских психологических экспериментальных лабораторий. Материалистические взгляды на психику получили обоснование в трудах сеченовской физиологической школы — А. А. Ухтомского, И. П. Павлова. Советская психология располагала наследием таких крупных психологов, как Н. Н. Ланге, А. Ф. Лазурский, ученых-естествоиспытателей, как В. А. Вагнер, П. Ф. Лесгафт.

Однако в дореволюционной России руководящие позиции занимала идеалистическая психология, издавна крепко связанная с идеалистической философией и православной церковью. Философы, занимавшие университетские кафедры и преподававшие психологию в высших и средних учебных заведениях, готовили психологов на основе идеалистической философии. Пользовавшаяся поддержкой самодержавия, располагавшая мощным пропагандистским аппаратом православной церкви с ее многочисленными духовными учебными заведениями, владевшая кафедрами университетов идеалистическая философия в царской России рьяно боролась с материалистическим направлением в психологии, всемерно подавляла его развитие.

Этим объясняется тот на первый взгляд странный факт, что И. М. Сеченов, чье учение определило ход борьбы материализма с идеализмом в психологии с 60-х гг. прошлого века и до конца предоктябрьского периода, не оставил последователей в психологии, не создал в ней своей школы: преподавать он мог только физиологию, проблемам психологии были посвящены лишь его публичные лекции и журнальные статьи. А после смерти И. М. Сеченова в 1905 г., в обстановке политической и идеологической реакции противники материалистической психологии поставили себе задачу окончательно пресечь сеченовскую линию ее развития, и тогда защиту материализма в психологии взяли на себя физиологи сеченовской школы, врачи-психиатры и невропатологи.

Переход русской экспериментальной психологии от сеченовской ориентации к вундтовской был подготовлен Н. Я. Гротом. Замысел Н. Я. Грота — направить экспериментальные исследования по новому руслу, отвести их от материалистических идей, которым они следовали, руководствуясь сеченовскими заветами, и подчинить их идеалистическим концепциям — был осуществлен Г. И. Челпановым. Он создал Институт психологии при философском факультете Московского университета. Под его руководством этот институт стал крупным научным центром, развивающим экспериментальное направление в психологии сообразно с той основой, на которой стоит идеалистическая философия, — с принципом самостоятельности духа, его независимости от материи.

Развитие психологии в дореволюционной России привело к выделению ее в самостоятельную экспериментальную науку, к организации экспериментальных психологических лабораторий и институтов. Несмотря на то, что в годы, предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции, психология обладала материальными техническими средствами, а также подготовленными специалистами, она обнаруживает глубокий упадок теоретической мысли и переживает методологический кризис, который препятствует ее дальнейшему развитию и принимает все более тяжелые формы¹.

В годы первой мировой войны укрепляется религиозно-идеалистическое направление в психологии. Его активными деятелями были Л. М. Лопатин, А. И. Введенский, С. М. Франк, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин. Деятельностью Московского психологического общества руководил тогда Л. М. Лопатин, которого В. И. Ленин характеризовал как «философского черносотенца». Лопатин объявлял бессмертие души теоретически и морально необходимым постулатом, призывал искать истину в

---

¹ См. Е. А. Будилова. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1960, гл. 9, 10, 11.

религии, укрепление которой считал неотложной задачей современной мысли². Подобные взгляды проповедовали и Франк, и Лосский, и другие представители российского идеализма.

Выход из кризиса принесла русской психологии Великая Октябрьская революция, которая повернула науку к философии марксизма. Новый общественный строй коренным образом изменил условия развития всех областей науки. В тяжелейшие годы вооруженной интервенции и гражданской войны Советская власть приступила к созданию новой, социалистической культуры, опирающейся на диалектико-материалистическое мировоззрение. Во всех формах общественного сознания предстояло укорениться новой идеологии с тем, чтобы побороть и вытеснить прежнюю, буржуазную. Необходимы были новые научные кадры. Но прежде всего к созданию социалистической культуры следовало привлечь передовую часть интеллигенции, добиться такой расстановки сил в науке, которая помогла бы организовать в ней борьбу нового со старым.

Борьба за марксизм в науке становится предметом особой заботы Коммунистической партии. В своем философском завещании — программной статье «О значении воинствующего материализма», опубликованной в 1922 г., В. И. Ленин призвал укреплять союз философии с естествознанием, перестраивая естествознание на базе диалектического материализма.

В резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей в августе 1922 г., говорилось: «Надо поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма» и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы Социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.)»³. На журнал «Под знаменем марксизма», который начал издаваться в 1922 г., была возложена задача осуществить ленинскую программу борьбы за воинствующий материализм в науке. Журнал отводил много места методологическим проблемам общественных наук и естествознания. На его страницах, а также в других теоретических марксистских журналах — «Вестник Коммунистической академии», «Октябрь мысли» — обсуждается вопрос о применении марксизма в разных науках, в том числе и в психологии.

Советская власть и Коммунистическая партия всемерно поддерживали и развивали передовые направления в науке. В труднейших условиях первых лет революции Советское правительство специальным постановлением Совета народных комиссаров

---

² Л. Лопатин. Неотложные задачи современной мысли. — «Вопросы философии и психологии», 1917, кн. 1 (136).

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 673.

РСФСР, подписанным В. И. Лениным, обеспечило наилучшие условия для научной деятельности И. П. Павлова. Для Павлова создали крупные лаборатории с новейшим оборудованием. В начале 20-х гг. был организован ряд научно-исследовательских учреждений, занимающихся проблемами психоневрологии (под психоневрологией понимался комплекс наук, изучающих деятельность мозга,— неврология, психиатрия, рефлексология, психология, педология, психотехника). Созданный в 1908 г. В. М. Бехтеревым Психоневрологический институт был реорганизован в Государственную психоневрологическую академию, где он стал президентом. В 1918 г. было принято решение о создании Института по изучению мозга, который также возглавил В. М. Бехтерев. Этот институт объединил большой коллектив врачей — невропатологов и психиатров. В Украинском психоневрологическом институте было организовано отделение экспериментальной психофизиологии. Исследовательская работа по психологии началась в Академии коммунистического воспитания, где открылась психологическая секция, психологические исследования велись в Ленинградском институте научной педагогики и в ряде высших учебных заведений. Были созданы психологические лаборатории в Педагогическом институте в Москве, в Центральном институте труда, при Московском городском отделе народного образования. Крупнейшим в стране психологическим центром оставался Институт экспериментальной психологии в Москве, созданный Г. И. Челпановым в 1912 г., которым он продолжал руководить и в первые послереволюционные годы.

Создание психологии в новых общественных условиях требовало освобождения психологов из плена буржуазной идеологии, их отказа от идеалистической философии. Психологам предстояло овладеть философией марксизма и впервые разработать методологические основы построения новой системы марксистской материалистической психологии. Одновременно приходилось выводить психологию из тяжелого кризиса, в котором она оказалась.

Марксистская философия давала новой психологии общие методологические установки. Очевидной для психологов была первая задача: борьба против идеалистического мировоззрения, за материализм в науке. Отделение Советской властью церкви от государства освободило психологическую науку от опеки церкви.

Молодая советская психология решительно отвергла идеалистическую психологию богословского толка, проповедуемую профессорами духовных академий, а также мистико-религиозные волюнтаристские построения Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, С. М. Франка, А. И. Введенского и других защитников российского идеализма, которые в годы нэпа попытались использовать частные издательства для выпуска философско-психологической литературы и провозгласить «религиозно-мистическое воз-

рождение». Эти взгляды среди психологов уже не находили новых приверженцев, а большинство их старых защитников из буржуазной профессуры покинули Советскую страну и продолжали свою враждебную деятельность уже за рубежом.

Несколько иначе обстояло дело с экспериментальным направлением, возглавляемым Г. И. Челпановым, который продолжал руководить Институтом экспериментальной психологии. Выступая как сторонник экспериментальной науки, Челпанов пытался сохранить теоретические устои интроспективной психологии. Борьба, поднятая советскими психологами против идеалистической психологии, против Г. И. Челпанова, который возглавлял ее, была первым шагом в перестройке психологии на основе марксизма⁴.

В критике интроспективной психологии объединились все психологи, устремившиеся к марксизму. В числе первых, выступивших против старой психологии, за построение новой, материалистической науки были П. П. Блонский и К. Н. Корнилов. П. П. Блонский учился в Киевском университете у Г. И. Челпанова, занимался у него в психологическом семинаре, а потом стал его сотрудником по кафедре философии в Московском университете. После Октябрьской революции в мировоззрении П. П. Блонского наступил перелом. В своей автобиографии он писал: «Я считаю для себя величайшим счастьем, что жил в эпоху Октябрьской революции. Такие эпохи заставляют задумываться решительно над всем, ставят все под вопрос, обнажают самые скрытые основы. С другой стороны, вряд ли когда бывает что-либо хотя бы немного похожее на то огромное богатство творчества, которое проявляется в эти эпохи»⁵. «Меня увлекало революционное разрушение капиталистического общества вообще и в частности разрушение старой педагогики»⁶, — вспоминал он. Блонский убедился в необходимости «реформы науки», в том, что новая психология возможна только на почве марксизма. «Научная психология ориентируется на марксизм», — писал он в 1920 г.⁷ Выпущенный в 1921 г. «Очерк научной психологии» П. П. Блонского был «первым подлинно боевым выступлением против традиционной идеалистической психологии, первым призывом к построению психологии на основе материализма»⁸.

К. Н. Корнилов, работавший в Институте экспериментальной психологии, так же как и П. П. Блонский, был учеником

⁴ О борьбе с идеалистической психологией в первые годы советской психологии см. Б. М. Теплов. Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947; А. А. Смирнов. Пути развития советской психологии. М., 1966; А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. I и II.

⁵ П. П. Блонский. Избранные педагогические произведения. М., 1961, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 42.

⁷ П. П. Блонский. Реформа науки. М., 1920, стр. 34.

⁸ Б. М. Теплов. Советская психологическая наука за 30 лет, стр. 10.

Г. И. Челпанова. В 1922 г. вышла книга К. Н. Корнилова «Учение о реакциях человека», в которой он требовал полного отделения психологии от идеалистической философии. Эта книга отколола Корнилова от школы Челпанова.

Давний противник идеалистической психологии В. М. Бехтерев продолжал критику интроспекционизма, опираясь на созданное им учение — рефлексологию, теоретические принципы которого сложились в предреволюционное время.

В январе 1923 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд по психоневрологии. В работе съезда участвовали представители ряда наук — неврологи, физиологи, психологи, психиатры. Организаторы съезда А. П. Нечаев, В. В. Крамер, Г. И. Челпанов, активные участники дореволюционных съездов по педагогической психологии и экспериментальной педагогике, предполагали, как они отмечали в своих выступлениях, продолжить старые традиции в психологии. Но работа съезда, отвечая требованиям жизни, пошла по иному пути и наглядно показала те сдвиги, которые произошли в науке за годы Советской власти и которые заставляли «выяснить, оценить и объединить возникающие повсюду очаги новых научных устремлений и открытий»⁹.

Выступивший на съезде с докладом «Современная психология и марксизм» К. Н. Корнилов призвал к созданию системы марксистской психологии¹⁰. Он поставил вопрос о разработке философских проблем психологии с позиций марксизма о необходимости по-новому определить предмет и задачи психологии. «С самых давних пор и до нашего времени психология всегда рассматривалась как философская дисциплина по преимуществу,— говорил он,— А раз это так, то тем с большим правом мы должны применить к переоценке психологии марксизм — это строго научное или, как говорят, «внутринаучное» философское мировоззрение»¹¹. Доклад К. Н. Корнилова стал главным событием съезда и был поддержан его марксистской группой¹².

К. Н. Корнилов, последовательно боровшийся против идеалистической психологии, которую отстаивал Г. И. Челпанов, сплотил для этой борьбы большую группу молодых психологов, стремившихся к построению марксистской психологии. Вместе с К. Н. Корниловым выступали В. А. Артемов, Н. Ф. Добрынин, З. И. Чучмарев и другие. В 1923 г. Челпанов был отстранен от руководства Институтом экспериментальной психологии. Директором его стал К. Н. Корнилов. Институт объединил московских психологов, начавших создание новой психо-

⁹ «Известия», 11 января 1923 г.

¹⁰ См. К. Н. Корнилов. Современная психология и марксизм.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 1.

¹¹ Там же, стр. 42.

¹² «Известия», 12 января 1923 г.

логии — А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, Л. С. Выготского А. Р. Лурия, В. М. Боровского и других.

К. Н. Корнилов в программных докладах и статьях, опубликованных в журнале «Под знаменем марксизма», настаивал на переоценке современной психологии, пропагандировал марксистские взгляды на психику, призывал изучать марксизм, строить с помощью диалектического метода новую психологию и служить строительству нового общества¹³.

Против идеалистической психологии выступала и большая группа ленинградских психологов, врачей-психиатров и невропатологов, которую возглавлял В. М. Бехтерев. Пользуясь большим авторитетом, он сумел увлечь за собой многих своих сотрудников и учеников, работавших в Институте по изучению мозга и других руководимых им учреждений.

В январе 1924 г. в Петрограде состоялся II Всероссийский съезд по психоневрологии. В его работе, так же как и на первом съезде, участвовали невропатологи, психиатры. На съезде была широко представлена физиология. С докладом выступил А. А. Ухтомский; много сообщений сделали сотрудники павловских лабораторий К. М. Быков, И. П. Разенков и другие. Однако главными на съезде стали вопросы методологии. В статье о работе съезда газета «Правда» писала: «Центр внимания съезда прикован к основным методологическим, принципиальным вопросам психоневрологии, так как революция в первую голову требует новой, немыслимой в прежние времена, постановки задачи и методов научной деятельности... *Революция завоевала не только ученых, но и науку*»¹⁴.

Съезд одобрительно отнесся к докладу К. Н. Корнилова «Диалектический метод в психологии»¹⁵, в котором он излагал основные положения марксистского диалектического метода и предлагал применить его в психологии. Тезис А. П. Нечаева «ни идеализма, ни материализма» был отвергнут и его попытки увести психологию от марксизма потерпели поражение. Участники съезда справедливо оценили этот тезис как намерение реставрировать старую интроспективную психологию и отвергли его. На съезде отчетливо выявились два основных направления: одно, которое поддерживало учение, развиваемое К. Н. Корниловым — реактологию, и другое, следовавшее за В. М. Бехтеревым, предлагавшее заменить психологию рефлексологией.

¹³ К. Н. Корнилов. Современная психология и марксизм.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 1; он же. Современная психология и марксизм (статья вторая).— «Под знаменем марксизма», 1923, № 4—5; он же. Диалектический метод в психологии.— «Под знаменем марксизма», 1924, № 1. См. также: Б. М. Теплов. Борьба К. Н. Корнилова в 1923—1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма.— В кн. «Вопросы психологии личности», М., 1960.

¹⁴ «Правда», 10 января 1924 г.

¹⁵ См. К. Н. Корнилов. Диалектический метод в психологии.— «Под знаменем марксизма», 1924, № 1.

Реактологическое и рефлексологическое направления противостояли друг другу в определении путей развития психологии, но они объединялись в продолжающейся борьбе против идеалистической психологии. Отстраненный от руководства Институтом экспериментальной психологии, Г. И. Челпанов наступал на материалистическую психологию, надеясь приспособиться к новому времени и восстановить былую силу идеализма. Идти открыто против марксизма стало невозможно. И он принялся маскировать под марксизм старые взгляды. Одну за другой он публикует в частных издательствах полемические брошюры, в которых «согласовывает» интроспективную психологию с марксизмом. Но попытки его терпели неудачу — устои идеалистической психологии были подорваны.

И все же от принятия советской психологической наукой общих философских положений диалектического материализма до решения на их основе конкретных вопросов психологии лежал тернистый путь исканий и разных попыток построения марксистской психологической теории. Марксизм, вооружая психологию диалектико-материалистическим методом и философскими принципами, не предопределял конкретного содержания системы марксистской психологии, ее предстояло создать. История первых десятилетий советской психологии свидетельствует, каким трудным оказался поиск путей воплощения марксизма в психологию.

Статьи и книги К. Н. Корнилова, сборники, подготовленные Московским институтом экспериментальной психологии, где были собраны статьи, представляющие разные точки зрения на развитие советской психологической науки, выступления В. М. Бехтерева и его учеников на съездах по психоневрологии, публикация ряда полемических брошюр, в том числе челпановских, а также выпуск многих книг и статей, в которых делались попытки дать программу новой теории, вызвали ожесточенные споры. В 20-х гг. вышли книги П. П. Блонского, В. М. Бехтерева, В. М. Боровского, М. Я. Басова, С. В. Кравкова, Л. С. Выготского, Н. Ф. Добрынина, М. Л. Рейснера и ряд других ¹⁶.

---

¹⁶ П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921; он же. Психологические очерки. М., 1927; К. Н. Корнилов. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения (Реактология). М., 1922; он же. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л., 1926; В. М. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. М.—Пг., 1923; он же. Коллективная рефлексология. Пг., 1921; В. М. Боровский. Введение в сравнительную психологию. М., 1927; он же. Психология с точки зрения материалиста. М.—Л., 1929; М. Я. Басов. Методика психологических наблюдений над детьми. М., 1926; он же. Общие основы педологии. М.—Л., 1928 (значительная часть книги была посвящена детской и педагогической психологии); С. В. Кравков. Очерк психологии. М., 1925; Л. С. Выготский. Педагогическая психология. М., 1926; Н. Ф. Добрынин. Введение в психологию. М.—Л., 1929.

Статьи о психологии печатались во многих журналах и сборниках¹⁷. В этих книгах и статьях излагались разнообразные программы создания марксистской психологии. Авторы их стремились решать с философских позиций марксизма психологические проблемы, создать новую систему психологических понятий. Каждый из них считал себя марксистом и критиковал других. Споры шли вокруг философских вопросов психологической теории, вокруг ее методологии. Все сторонники марксистской психологии исходили из того, что психика есть свойство высокоорганизованной материи, но по-разному понимали это свойство и соответственно выводили разные заключения о том, какова должна быть марксистская психология. Эти книги и статьи показывают, сколь различно понимались коренные положения диалектического материализма в применении к психологии, сколь различно понималась новая методология. Поступали и предложения напрочь уничтожить психологию, заменить ее рефлексологией или «теорией новой биологии». Были и другого рода предложения — слить психологию с социологией соединить с марксизмом новые зарубежные психологические теории — бихевиористские, фрейдистские, гештальт-теорию и т. д.

Социальную обусловленность психики признавали все, кто стремился создать программу новой психологии, но вопрос этот решался опять-таки по-разному, в соответствии с предлагаемыми принципами построения психологии или науки, которой предполагалось ее заменить. Некоторые предлагали проблему социальной обусловленности психики превратить в предмет специальной отрасли психологии — социальной психологии.

К. Н. Корнилов в обзоре советской психологической науки за десять послереволюционных лет отмечал: «Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, часто противоречивых, может быть, и ошибочных, даже не нужных, мы не наблюдали никогда еще в истории русской психологии»¹⁸. Далее он так охарактеризовал положение дел: «Бехтерев не признает никакой психологии и упрекает Корнилова в субъективизме;

---

¹⁷ П. П. Блонский. Психология как наука о поведении; А. Р. Лурия. Психонализ как система монистической психологии.— В кн. «Психология и марксизм». М.— Л., 1925; В. Бехтерев и д-р Дубровский. Диалектический материализм и рефлексология.— «Под знаменем марксизма», 1926, № 7—8; В. Я. Струминский. Марксизм в современной психологии.— «Под знаменем марксизма», 1926, № 3 и № 4—5; Н. Курманов. Рефлексология или психология.— «Под знаменем марксизма», 1929, № 6; И. Ф. Куразов. Предмет рефлексологии в свете диалектики.— «Вопросы изучения и воспитания личности», 1928, № 3—4; Ю. В. Франкфурт. В борьбе за марксистскую психологию.— «Красная новь», 1927, № 10; см. также: «Психология и марксизм», «Проблемы современной психологии», «Ученые записки Московского государственного института экспериментальной психологии», т. I—VI. М.— Л., 1925—1930.

¹⁸ К. Корнилов. Современное состояние психологии в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 10—11, стр. 215.

Корнилов обвиняет Павлова и Бехтерева в механическом материализме; Челпанов упрекает Корнилова в незнании марксизма; Франкфурт уличает рефлексологов в эклектизме, а Челпанова в извращении марксизма; Челпанов, не оставаясь в долгу, обвиняет Франкфурта в енчменизме; Струминский упрекает всех московских психологов-марксистов в субъективизме...»¹⁹.

Методологические проблемы сразу встали перед советской психологической наукой потому, что речь шла о создании принципиально новой психологической системы. Главными были вопросы о предмете, методах и задачах психологии, они требовали своего решения в соответствии с новой трактовкой природы психического. И они стояли в центре дискуссий. Но вместе с ними возникал вопрос о том, как найти правильное взаимоотношение новой науки с теориями прошлого и настоящего, с теориями, опирающимися на иные философские взгляды. Надо было определить отношение к зарубежным теориям, построенным на чуждой марксизму идеалистической основе, а также к теориям, опирающимся на домарксистские материалистические воззрения. Стремление сохранить преемственность в научном познании диктовалось марксистско-ленинскими взглядами на отношение к научному наследию.

Когда после первой мировой войны в Советскую Россию стали поступать из-за рубежа новые книги, были переведены и изданы работы многих зарубежных психологов — К. Коффки, К. Бюлера, З. Фрейда, Д. Уотсона и других. Новые направления — бихевиоризм, гештальтизм, фрейдизм и другие — отвергали и резко критиковали старую субъективно-эмпирическую психологию, пытаясь по-своему найти выход из кризиса психологии сознания, которым ознаменовалось начало нового века. Поток новых идей и новых фактов увлек многих советских психологов; им казалось, что зарубежная психология в новых теориях обрела способы преодоления кризиса.

Бихевиоризм привлекал своим отказом от субъективного метода и требованием внесения в науку объективного, естественного метода, обилием новых экспериментальных методик и экспериментальных фактов. Некоторые психологи, прельщенные объективными методами бихевиоризма, сочли возможным утверждать, что это учение надо развивать на философской основе диалектического материализма.

Одним из пропагандистов бихевиоризма был В. М. Боровский, работавший в области сравнительной психологии²⁰. Влия-

---

¹⁹ К. Корнилов. Современное состояние психологии в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 10-11, стр. 209—210. Енчменизмом Корнилов называл теорию, предложенную Э. Енчменом, которая биологизировала социологию и отвергала психологию.

²⁰ См. В. Боровский. Психология с точки зрения материалиста. М.— Л., 1929; он же. Метафизика в сравнительной психологии.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 7-8.

ние бихевиоризма испытал в начале 20-х гг. и П. П. Блонский²¹. Увлечение поведенчеством оставило след на раннем периоде научной деятельности Л. С. Выготского.

Гештальт-психология вызывала интерес новым принципом целостности, новым типом экспериментов, позволивших подойти к вопросу о структуре психической деятельности. Это побуждало некоторых психологов перенести гештальт-теорию в советскую психологию²². Фрейдизм демонстрировал неведомую область бессознательного и ставил вопросы о влиянии бессознательных психических явлений на сознание, претендуя на решение социальных проблем. Поэтому иные психологи считали, что марксистской психологии надо развивать идеи фрейдизма²³. Такое предложение получило поддержку у тех советских философов, которые оказались под влиянием фрейдизма²⁴.

Советские психологи пытались использовать новые знания, которые были приобретены западноевропейской и американской психологией в первую четверть нашего века. Но эти знания включались в систему воззрений, чуждых марксизму. Для их использования был необходим критический анализ зарубежных психологических теорий, который требовал достаточно разработанных теоретических принципов марксистской психологии. Таких принципов советская психология в то время не имела. Психологи тогда только начинали осваивать марксизм и, сопоставляя отдельные его положения с той или иной психологической теорией, иногда готовы были без должного критического разбора и оценки философских позиций этих теорий объявлять их соответствующими марксистской психологии.

Недостаточная разработка философских проблем психологии приводила к упрощенному взгляду на соотношение теории и эксперимента в науке. Было распространено представление о независимости экспериментальной практики от решения философских вопросов научной теории. Считалось, что можно легко отделить экспериментальные факты от теоретических построений и принять первые, отбросив вторые, хотя взаимозависимость между теорией и экспериментом значительно сложнее, как это показали более поздние философско-теоретические исследования.

---

²¹ П. П. Блонский. Психология как наука о поведении.— В кн. «Психология и марксизм».

²² См. Л. Выготский, С. Геллерштейн, Б. Фингер, М. Ширвиндт. Основные течения современной психологии. М.— Л., 1930.

²³ Ал. Лурия. Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Казань, 1923; он же. Психоанализ как система монистической психологии.— В кн. «Психология и марксизм»; Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма. Там же; А. Б. Залкинд. Очерки культуры революционного времени. М., 1924.

²⁴ См. Б. Быховский. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 11—12; В. Юринев. Фрейдизм и марксизм.— «Под знаменем марксизма», 1924, № 8—9; А. И. Варьяш. Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма.— В сб. «Диалектика в природе» № 1. Бюлгга, 1926.

Попытки использовать накопленные наукой знания в этих условиях приводили к тому, что диалектико-материалистические философские положения механически соединялись с психологическими теориями, опирающимися на методологические принципы идеалистической философии или позитивизма, или же психологические факты, заимствованные из разных психологических теорий, сохраняя психологическую интерпретацию этих теорий, непосредственно объединялись с марксистской философией.

Не менее сложным оказался и вопрос об использовании материалистических теорий отечественной психологии и физиологии. Это был прежде всего вопрос о сеченовском наследии, о взаимоотношении психологии с учениями И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Вопрос этот нес в себе все особенности исторического развития психологической мысли в России. В первые годы Советской власти учение И. П. Павлова привлекло внимание психологов. Издание в 1923 г. книги И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» и его «Лекций о работе больших полушарий головного мозга» в 1926 г. возбудило интерес к павловскому учению и стремление применить его в построении психологической теории. Об условных рефlekсах писали К. Н. Корнилов, П. П. Блонский, С. В. Кравков, Л. С. Выготский, Н. Ф. Добрынин. Статьи А. А. Ухтомского, опубликованные в начале 20-х гг. и посвященные учению о доминанте, представляли для психологии столь же большую ценность, как и труды И. П. Павлова. Однако определение отношения к физиологическим теориям требовало решения философских вопросов самой психологии и теоретического анализа учения о высшей нервной деятельности в свете диалектического материализма, а также решения более общего вопроса о взаимоотношении физиологии и психологии, связанного с психофизиологической проблемой в целом. Весь этот комплекс вопросов, непосредственно связываясь с пониманием предмета и методов психологии, вошел в содержание теоретических дискуссий тех лет.

Психология в свою очередь вызывала большой интерес у физиологов. К психологической проблематике в последнее десятилетие своей творческой деятельности подходит И. П. Павлов. Мысли о психологии занимают А. А. Ухтомского. Но те же методологические трудности ждали и физиологическую науку на пути ее сближения с психологией.

Советские психологи считали важнейшей своей задачей поставить марксистскую психологию на службу строительству нового общества. «Марксистская психология уже по тому самому, что она исходит из учения Маркса, ставит своей задачей изучение поведения людей для того, чтобы не только теоретически объяснить это поведение, но чтобы и практически овладеть им. Это единство теории с практикой и является завершающим, а вместе с тем и руководящим принципом в построе-

нии этой грядущей системы марксистской психологии»²⁵, — писал К. Н. Корнилов.

Связь психологии с практикой устанавливается через ее прикладные отрасли — психотехнику, детскую, педагогическую, военную, судебную, библиотечную психологию, — которые широко развертывают свою работу во второй половине 20-х гг.²⁶ Связь с практикой, надеялись психологи, даст возможность преодолеть слабость теории. Утверждается мнение, что ведущая роль в развитии психологической науки принадлежит ее прикладным отраслям. Л. С. Выготский четко выражает эту мысль в написанной им в 1927 г. и оставшейся неопубликованной работе «О смысле кризиса в психологии». «Нет никакого сомнения в том, — писал он, — что водительствовавшая роль в развитии психологии сейчас принадлежит *прикладной* психологии: в ней представлено все прогрессивно здоровое, с зерном будущего, что есть в психологии; из нее исходят лучшие методологические работы ... Через психотехнику, психиатрию, детскую психологию, криминальную психологию психология *впервые* столкнулась с высоко организованной практикой — промышленной, воспитательной, политической, военной. Это прикосновение к практике заставляет психологию перестроить свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой... Реформирующее, обновленное и перестраивающее влияние прикладной науки испытал на себе всякий психолог. Она для развития психологии сыграет ту же роль, что медицина для анатомии и физиологии и техника для физических наук»²⁷.

Представление о независимости экспериментальных и конкретных психологических исследований от теории способствует обособлению прикладных отраслей от общей психологии. Намечается опасность их разрыва, что сразу же заметил Л. С. Выготский, который в 1927 г. писал: «...разрыв этот начался, происходит и закончится по линии *практики*»²⁸. Последующие годы показали, какие тяжкие последствия вызвал этот разрыв и как сам Выготский старался ликвидировать его, развивая теорию и методологически укрепляя прикладные отрасли психологии.

Ведущей отраслью в советской психологии становится психотехника, которая занимается вопросами повышения производительности труда в промышленности и на транспорте, организует психофизиологические и психологические исследования с целью научной организации и рационализации трудовой дея-

²⁵ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 24.

²⁶ О прикладных отраслях психологии в период 20—30-х гг. см.: А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, стр. 165—203, 226—238, 262—292.

²⁷ Цит. по статье: В. Н. Колбановский. Лев Семенович Выготский. — «Советская психотехника», 1934, № 4, стр. 393.

²⁸ Там же.

тельности, помогает производственному обучению и профессиональному отбору²⁹. Психотехнические работы вели многие высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения в Москве, Ленинграде, Харькове, Казани, Тбилиси и других городах (Центральный и Всеукраинский институты труда, Институт профессиональных болезней, Институт охраны труда и другие учреждения). Кроме того, для практической работы психологов было создано много психологических лабораторий, станций, научно-исследовательских кабинетов, консультационных пунктов непосредственно на больших промышленных предприятиях, на транспорте, в культурно-просветительных учреждениях.

Особенно широко развернулись психотехнические исследования в крупных промышленных центрах Урала — Перми, Челябинске, Златоусте, Тагиле. К 1932 г. на Урале в металлургической, горной и химической промышленности работало 30 психотехнических пунктов³⁰.

В 1927 г. организовалось Всероссийское психотехническое общество, председателем его был избран И. Н. Шпильрейн (он же редактировал журнал «Психотехника и психофизиология труда», потом переименованный в «Советскую психотехнику»). Советские психотехники участвуют в совещаниях, конференциях и съездах по научной организации труда, психофизиологии труда и по профессиональному отбору, в работе международных конференций по психотехнике (в 1927, 1928, 1930, 1931 гг.).

Большое практическое применение психология нашла в народном просвещении и образовании. Здесь сложилось своеобразное положение, когда участие психологов в деле воспитания и обучения оказалось опосредованным педологией. Возникшая на рубеже XIX и XX вв. педология утверждала себя в качестве особой науки о развитии ребенка, охватившей все дисциплины, занимавшиеся детским возрастом. Разработка детской и педагогической психологии протекала поэтому в условиях подчиненности педологии, которая располагала сетью научно-исследовательских учреждений, где и сосредоточивалась эта работа.

Психотехника и педология претендовали на самостоятельность в решении методологических вопросов, связанных с психологическими исследованиями. На самом деле эти две обособившиеся дисциплины находились под влиянием чуждых марксизму теорий, развитых в капиталистических странах, где психотехника была поставлена на службу капиталистическому

---

²⁹ См. С. Г. Геллерштейн. Вопросы психологии труда.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. II. М., 1960.

³⁰ См. сб. «Психотехника и физиология труда на Урале» (Материалы к I Уральскому областному съезду психотехников и физиологов труда), вып. 1. Свердловск — Москва, 1932; Л. А. Кудрина. История советской психологии на Урале.— В кн. «Итоги и перспективы советской психологии на Урале. Материалы к совещанию, посвященному 50-летию советской психологии на Урале». Пермь, 1967.

производству, а педология связана требованиями к воспитанию, предъявляемыми капиталистическим обществом.

Психотехника зародилась в капиталистических странах, когда там возникло стремление к научной организации труда на предприятиях для все большего увеличения прибылей и человек стал рассматриваться как особый фактор трудового процесса. Она выросла на основе прагматизма и, выясняя законы человеческого поведения, искала в условиях капиталистического производства способы и средства организации труда, обеспечивающие наибольшую эксплуатацию рабочего.

На необходимость изменения методологии психотехники в соответствии с задачами социалистического строительства настойчиво указывала Н. К. Крупская, которая интересовалась психотехникой и ее значением для профессионального отбора учащихся³¹. Между тем советская психотехника, заимствуя проблематику и методы зарубежной науки, не учитывала новые социальные условия, особенности новых производственных отношений в нашей стране, особенности требований к воспитанию рабочих кадров. Советские психотехники, пренебрегая теорией, полагали, что экспериментальной прикладной науке нет нужды считаться с разницей в теоретических воззрениях советской и зарубежной психологии, что экспериментальная наука якобы независима от теории. Психотехника утверждала свою «философскую нейтральность» на том основании, что она опирается на практику, и объявляла себя стоящей вне методологической борьбы. Происходило противопоставление психотехники и общей психологической теории.

Однако наибольшие трудности, с которыми столкнулась советская психотехника, были связаны с методологией. Перенесенные в условия советской действительности экспериментальные методы зарубежной психотехники (среди них ведущим был метод тестов) требовали коренной переработки. В критической оценке нуждались и те теоретические схемы, которые неизбежно вносились в советскую психотехнику вместе с заимствованными методами, поскольку они всегда оказывались связанными с определенными теоретическими установками. Более того, вопреки своим декларациям о независимости экспериментальных дисциплин от теории деятели советской психотехники зачастую руководствовались теоретическими взглядами, непосредственно заимствованными из буржуазной психологической науки. Так, И. Н. Шпильрейн, отстаивавший философскую нейтральность психотехники, принимал некоторые идеи персоналистической теории В. Штерна.

Педология, через которую, как уже говорилось, осуществлялась связь психологии с практикой детского воспитания и об-

---

³¹ Взгляды Н. К. Крупской на психотехнику были исследованы А. В. Петровским в его книге «История советской психологии» (М., 1967, стр. 262—266).

разования, столкнулась с теми же методологическими трудностями, что и психотехника. Теоретическое содержание педологии составляла биогенетическая концепция развития ребенка, опиравшаяся на биогенетический закон. Она вступала в противоречие с признанием социальной обусловленности психики человека, которое следовало из марксизма. Вместе с тем поведенческая психология, господствовавшая в то время, также не согласовалась с биогенетической концепцией. Попытки разрешить противоречия введением в педологию социогенетической теории развития ребенка, которая основным фактором считала приспособление детей к социальной среде, были неудачны потому, что эта теория строилась на тех же механистических принципах. Вторая половина 20-х гг. была отмечена дискуссиями биогенетического и социогенетического направлений в педологии. Наибольшего напряжения они достигли на первом педологическом совещании в 1927 г.

Основным методом изучения психического развития детей стало массовое их обследование с помощью наборов стандартных тестов³². Метод тестов широко применялся в педологии и был разработан в соответствии с ее теоретическими установками. Заимствованный из зарубежной науки, он не был подвергнут методологическому анализу. Не надо думать, что он не имел противников среди советских психологов. С критикой тестов выступали К. Н. Корнилов, М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский. Они указывали на неправомерность перенесения в советскую школу тестов, применявшихся в школах капиталистических стран, на ошибки, допускаемые при комплектовании классов на основании тестовых обследований. Но критика была направлена на улучшение самих тестов и не давала оценки роли и места тестов во всей совокупности методов психологического исследования, их значения как самостоятельного метода. Главное же было в том, что задачи массового обследования школьников оказывались тесно связанными с теоретической концепцией детского развития, принятой педологией. Массовое тестовое испытание уровня умственного развития должно было выявить одаренных и умственно отсталых детей. Последние направлялись в специальные классы или школы, поскольку заранее признавалась предопределенность и ограниченность их умственного развития врожденными биологическими данными. При этом набор ответов на стандартные тесты являлся единственным и достаточным основанием для того, чтобы раз и навсегда определить возможность интеллектуального развития данного ребенка. Все эти методологические вопросы можно было решить только созданием марксистского психологического учения о развитии ребенка.

---

³² См., например, «Тесты (теория и практика)». Сб. № 1, № 2, № 3. М., 1928—1930. Тестам в те годы была посвящена обширная литература.

Условия, в которых началось построение советской психологии, складывались так, что реализация поставленных ею двух главных задач — создания марксистской психологической теории и участия в практике советского строительства — столкнулась с необходимостью определения методологических принципов новой психологии.

Задача разработки методологических проблем встала перед психологией со всей остротой, так же как перед другими областями советской науки. Вопросы методологии науки становятся актуальными как для конкретных наук, так и для советской философии, направляемой ленинским заветом союза с естествознанием. Для успешного применения диалектического материализма к конкретным наукам мало было общих формул. Каждой из этих наук предстояло найти свой путь воплощения диалектического метода.

Сложный процесс внедрения марксистской методологии в общественные и естественные науки отражают теоретические дискуссии 20-х гг. Эти дискуссии были тесно связаны с общими процессами идеологической жизни в стране, с борьбой против остатков буржуазной и реформистской идеологии и с внутрипартийной борьбой против оппозиционных групп. Дискуссии проходили в общественных науках (среди экономистов, историков), в естествознании (среди физиков, биологов), а также в психологии.

Позитивистские нападки на марксистскую философию получают выражение в требовании заменить философию общими выводами науки. Провозглашая тезис «за материализм и марксизм, но против философии», С. Минин отрицал философию на том основании, что она прислужничает буржуазии, и предлагал выбросить ее «за борт»³³. Э. Енчмен предлагал заменить философию «теорией новой биологии», а вместе с философией отбросить и психологию. Психология, уверял он, наука соглашательская, предающая интересы рабочего класса. Енчмен собирался создать новую науку — историческую физиологию, которая объединила бы биологию с социологией и ликвидировала бы психологию³⁴. А. А. Богданов в 1920 г. выступил с программой всеобщей организационной науки — тектологии, которую как методологию науки противопоставил философии³⁵.

В 1923—1927 гг. группа философов, за которыми закрепилось название механистов, выступала под лозунгом развития марксизма на основе новейших достижений современного естествознания, следуя механистическим взглядам. Представители

---

³³ С. Минин. Философию за борт! — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6.

³⁴ Э. Енчмен. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии». Пятигорск, 1920; он же. Теория новой биологии и марксизм. М., 1923.

³⁵ А. А. Богданов. Всеобщая организационная наука («Тектология») Л.— М., 1925.

этой группы И. И. Скворцов-Степанов, В. Н. Сарабьянов, И. А. Боричевский и другие, подменяя развитие материалистической диалектики механистическими выводами из естествознания, пришли к отождествлению марксистской философии с общими выводами конкретных наук. Марксистская философия, считали механисты, и есть последние и наиболее общие выводы естествознания³⁶. Современная наука, по их словам, «сама себе философия»³⁷. Это есть мировоззрение «внутринаучное, которое хочет быть одним из предельных обобщений положительной науки, как целого, и стремится освободить ее от всяких философских призраков»³⁸.

Механисты, заключая союз с естествознанием, оказались неподготовленными к диалектико-материалистическому анализу специальных естественнонаучных проблем и воспринимали теоретические выводы естествоиспытателей, стоявших на позициях механистического материализма, склонявшихся к позитивизму и идеализму. При этом механистические выводы из естествознания принимались ими как диалектико-материалистические. Не понимая существа диалектики, они утверждали, что «для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механическое понимание, т. е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращению тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией»³⁹.

Механисты не умели примирить признание непрерывности и единства всех форм движения материи с признанием качественной несводимости высших форм к низшим. Положение о том, что все высшие формы движения можно свести к низшим и в конечном счете объяснить любые процессы видоизменением механического перемещения различных частиц, считалось непреложным⁴⁰. Такой взгляд неизменно приводил к упрощенному пониманию процессов и явлений жизни, к стиранию их качественных различий, так же как и к сведению целого к сумме частей, к отрыву единичного и особенного от общего, к формальным аналогиям между качественно разнородными явлениями. Это положение оказалось, как мы далее увидим, губительным и для многих психологических концепций

---

³⁶ См.: И. Степанов. Исторический материализм и современное естествознание. М., 1925; Вл. Сарабьянов. О некоторых спорных проблемах диалектики.— «Под знаменем марксизма», 1925, № 12; он же. Беседы о марксизме. М., 1925; Сб. «Механистическое естествознание и диалектический материализм», № 1 и 2. Вологда, 1925.

³⁷ И. Боричевский. Введение в философию науки (Наука и метафизика). Пг., 1922, стр. 101.

³⁸ И. А. Боричевский. Речь.— В сб. «Механистическое естествознание и диалектический материализм», № 1. Вологда, 1925, стр. 51—52.

³⁹ И. Степанов. О моих ошибках, «открытых и исправленных» тов. Стэнном.— «Большевик», 1924, № 14, стр. 85.

⁴⁰ В. Сарабьянов. Беседы о марксизме. М., 1925, стр. 14.

того времени. Механицизм проявлялся как в отрицании специфичности явлений социальной жизни, так и в отрицании специфичности психических явлений в жизнедеятельности организма. К упрощению приводил и принцип механической причинности, признающий лишь одностороннее действие внешнего толчка.

Представители другой группы философов, в философской дискуссии их называли диалектиками,— А. М. Деборин и его сторонники И. К. Луппол, Н. А. Карев и другие центральную задачу в развитии советской философии видели в том, чтобы разрабатывать теорию диалектики, дальше развивать и вводить в марксизм категории гегелевской диалектики. При этом они затушевывали принципиальное отличие марксизма от предшествующих философских теорий. Деборин утверждал, что «марксизм по своему общеполитическому мировоззрению примыкает к учению Спинозы, являясь, по выражению Г. Плеханова, родом спинозизма»⁴¹. Эта группа понимала философию как общую теорию диалектики, оторванную от конкретных знаний и конкретных наук, от практики социалистического строительства. И если механисты растворяли философию в естествознании, то деборинцы призывали к тому, чтобы естествознание растворилось в философии диалектического материализма. Механисты указывали своим противникам: «... не подменяется ли общая методология философской системой, «наукой наук», которая мнит себя стоящей над науками и претендует на то, чтобы наперед предписывать им результаты, к которым они должны приходиться?»⁴². «...Диалектика не наука наук, не стоит над науками: ее надо искать в самих науках»⁴³. Рассуждая так, они сами при этом ограниченно понимали диалектический метод, характеризовали его как индуктивный, исходящий из фактов,— иначе говоря, склонялись к позитивизму.

Деборинцы выступали против нигилистического отношения к философии, защищали ее самостоятельность, отстаивали ее предмет.

Деборин возражал механистам, утверждавшим, что якобы Энгельс в начале 80-х гг. изменил свое отношение к механистическому материализму, и доказывал, что Энгельс не изменял своих взглядов и всегда был диалектиком⁴⁴.

Задача диалектико-материалистического обоснования методологии естествознания, поставленная В. И. Лениным, оказалась раздробленной: с одной стороны, она ограничивалась про-

---

⁴¹ А. Деборин. Спинозизм и марксизм.— «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 11.

⁴² И. Степанов. Диалектическое понимание природы — механистическое понимание.— «Под знаменем марксизма», 1925, № 3, стр. 217.

⁴³ Там же.

⁴⁴ А. Деборин. Энгельс и диалектическое понимание природы.— «Под знаменем марксизма», 1925, № 10—11.

тивопоставлением материализма идеализму вне диалектического метода, с другой — разработкой диалектики вне ее связи с конкретными науками. Установки деборинской группы позволяли до известного предела критиковать ошибки механистического материализма, но они не обеспечивали последовательного разоблачения механистической методологии. Философская дискуссия выявила методологические ошибки механистов, их позитивистское отрицание философии и непонимание диалектики, их теоретическую слабость.

Однако противопоставить механистам положения, развивающие марксистскую методологию в отношении естествознания, диалектики не смогли.

На Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в 1929 г. были подведены некоторые итоги споров. Взгляды механистов были осуждены как проявление философского ревизионизма, как явный отход от марксистско-ленинских философских позиций. Но в ходе дискуссии выяснились ошибки и другой группы философов.

Дискуссия была заключена Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма»⁴⁵. Это постановление подвело итоги философским дискуссиям 20-х гг. и дало программу развития диалектико-материалистической философии в условиях вступления СССР в период социализма. В нем была поставлена задача разработки ленинского этапа развития марксизма как качественно новой его ступени, указывалась недопустимость отрыва теории от практики, философии от политики, необходимость разработки теоретических проблем в тесной связи с практикой социалистического строительства, был поставлен вопрос о коренном отличии взглядов Маркса и Энгельса от взглядов их теоретических предшественников. Критике были подвергнуты ошибки А. М. Деборина и его сторонников. Был сформулирован принцип борьбы на два фронта в философии — как с механистической ревизией марксизма, которая рассматривалась как главная опасность того периода, так и с тем отношением к философии Гегеля, при котором исчезало принципиальное различие между его диалектикой и диалектикой Маркса и Энгельса. Разбор теоретических ошибок и извращений, выявленных в ходе дискуссий, создавал предпосылки для дальнейшего развития марксистско-ленинской философии.

Для психологии того времени, как и для естественных наук, сближение с марксизмом шло в первую очередь через механистическое направление. Приняв материализм, психология осталась перед трудностью внесения диалектического подхода во всю совокупность психологического знания. На эту особенность указывали в то время те, кто главную задачу советской

---

⁴⁵ См. «О партийности в советской печати». М., 1954, стр. 406—407.

философии видели в развитии диалектики. «Сама жизнь поставила в порядок дня вопрос о распространении революционной, марксистской точки зрения на новые и новые области и, в частности, на область психологии. Но, завоевывая новые позиции, марксистская теория в руках тех, кто не усвоил, не переварил диалектического метода, опускалась, принижала свою собственную силу до уровня тех новых позиций, которыми она овладевала»⁴⁶. А этими позициями были позиции домарксистского материализма, предлагавшего готовые понятия, механистические идеи, укоренившиеся в естествознании и сыгравшие прогрессивную роль в свое время. В условиях нового развития научных знаний, несоответствуя им, механистические идеи становились помехой, уводя от диалектико-материалистических обобщений, подменяя их старыми формами материализма, ограниченными в своем действии.

Психологические концепции, выдвинутые в идейной борьбе с идеалистической психологией, связывались с механистическими воззрениями, что порождало черты, общие для них. Принимая разнообразные формы, механистические воззрения мешали развитию науки, так как направляли по ложному пути в решении методологических проблем. Борьба Коммунистической партии против механистической ревизии марксизма, а затем против ошибок деборинской группы помогла развернуть критику механистических тенденций в учении о психике, а также критику неверного толкования диалектического метода в психологической науке.

Методологические трудности, возникшие при реализации ленинского завещания о союзе философии с естествознанием, преодолевались изучением научного наследия Маркса, Энгельса и Ленина как марксистами-философами, ряды которых пополнялись молодыми кадрами, так и представителями всех областей научного знания. Большим событием явилась первая публикация «Философских тетрадей» В. И. Ленина, ряда работ Маркса и Энгельса. Напечатанная в 1926 г. впервые на немецком и русском языках «Диалектика природы» Ф. Энгельса вызвала огромный интерес и у философов, и у естествоиспытателей.

Одновременно с философской дискуссией и под ее влиянием проходили методологические дискуссии и в ряде конкретных наук. Методологические проблемы стали в центре дискуссии по рефлексологии, состоявшейся в 1929 г., и по реактологии, происходившей в 1930—1931 гг.

Дискуссия по рефлексологии была организована в 1929 г. уже после смерти В. М. Бехтерева. По замыслу ее организаторов, руководителей методологической секции Общества реф-

---

⁴⁶ Гр. Баммель. О нашем философском развитии за 10 лет революции.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 10—11, стр. 80.

лексологии, неврологии, гипнологии и биофизики, поставивших дилемму «рефлексология или психология?», обсуждению должна была подвергнуться программа дальнейшего развития рефлексологии.

Организаторы дискуссии по рефлексологии ставили задачу разработки диалектико-материалистической методологии изучения поведения человека и решения таким путем вопроса о взаимоотношении рефлексологии и психологии. Дискуссия выявила глубокие расхождения во взглядах среди учеников и последователей В. М. Бехтерева. Главное в разногласии было отношение к психологии. Одни ее отвергали, усугубляя ошибки Бехтерева, другие предлагали встать на путь разработки психологических проблем и тем самым отказывались от прежней рефлексологической программы. Дискуссия не оправдала надежд ее организаторов, искавших пути развития рефлексологии; она стала началом конца рефлексологии. Наметившийся раскол среди рефлексологов привел к тому, что одни пришли к психологии, а другие включились в разработку проблем физиологии высшей нервной деятельности и неврологии, отказавшись от претензий рефлексологии как на замену психологии, так и на замену социологии ⁴⁷

В январе 1930 г. в Ленинграде состоялся I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека. Большое место в работе его заняли вопросы помощи социалистическому строительству, проблемы обучения рабочих кадров. Съезд происходил в условиях, когда в результате борьбы против механистических воззрений в философии и естествознании, в результате научных дискуссий, в частности рефлексологической, произошли большие сдвиги в отношении к поведению. На съезде произошло столкновение взглядов. Руководители съезда — А. Б. Залкинд, К. Н. Корнилов, И. Д. Сапир — направляли съезд по старому пути поведенческой психологии. В тезисах докладов, представленных на съезд, биологизаторство поведения человека и вместе с тем вульгарное социологизаторство достигло своих пределов ⁴⁸. Но эти взгляды уже не получали поддержки, что свидетельствовало о тех изменениях, которые произошли в результате обсуждения и разработки методологических проблем. Однако принципиальные методологические вопросы не только остались нерешенными, но и не были достаточно четко сформулированы. Выступая против односторонней биологизации поведения и про-

---

⁴⁷ В журнале «Психология» после дискуссии была помещена статья Б. Г. Ананьева, в которой давалась критика методологии рефлексологии. См.: Б. Г. Ананьев. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии. — «Психология», 1931, т. IV, вып. 3-4. Б. В. Беляев. Начало конца рефлексологии. — «Психология», 1930, т. III, вып. 1.

⁴⁸ См. «Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. 25 января — 1 февраля 1930 г.)». М. — Л., 1930.

тив односторонней социологической его трактовки, участники съезда не смогли подвергнуть критическому разбору методологические принципы поведенчества.

Обсуждение поведенческой психологии было продолжено дискуссией о реактологии, которая началась вслед за поведенческим съездом, в том же 1930 г. Дискуссия была организована ячейкой ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники (так тогда назывался Институт психологии в Москве) и партийными организациями ряда других научно-исследовательских учреждений.

На дискуссии отмечалась необходимость изучения ленинского наследства, овладения марксистско-ленинской методологией и критического анализа буржуазной психологии. Участники дискуссии резко критиковали методологические ошибки реактологической концепции. С критикой реактологии К. Н. Корнилова, бихевиоризма В. М. Боровского, увлечения штернианскими взглядами И. Н. Шпильрейна выступили А. А. Таланкин, Ф. Н. Шемакин, Т. В. Коган, А. В. Веденов и ряд других психологов. Не во всем эта критика была справедлива. В критике деятельности К. Н. Корнилова не были отделены те правильно сформулированные задачи, которые он ставил перед советской психологией, от их осуществления в реактологии⁴⁹. Дискуссия продемонстрировала беспомощность реактологии и ее несоответствие диалектико-материалистическим воззрениям. Были обсуждены ошибки поведенческой психологии в целом и тем самым завершена и дискуссия по рефлексологии. Критике подверглись все попытки соединить с марксизмом чуждые по своим философским основам психологические учения, без их анализа и переработки⁵⁰.

Значение дискуссий о предмете, методе и задачах новой психологии, происходивших в 20-х гг. и завершившихся рефлексологической и реактологической дискуссиями, заключалось в том, что они помогли отвергнуть господствовавшие механистические взгляды и определили направление дальнейших поисков реализации диалектико-материалистических принципов построения марксистской психологии.

---

⁴⁹ «Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6 июля 1931 г.).— «Психология», 1931, т. IV, вып. 1.

⁵⁰ См. А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, стр. 122—131.

Глава I

ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ПСИХИЧЕСКОГО, ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ПСИХОЛОГИИ

ПОРАЖЕНИЕ ИДЕАЛИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

Марксистская философия, под знамя которой встала советская психология, опровергала все построения идеализма и развивала диалектико-материалистическое учение о природе психики, которое опиралось на утверждение существования объективного материального мира, независимого от отражающего его сознания человека, но вместе с тем включающего в себя человека как деятеля, изменяющего этот мир согласно присущим этому миру объективным законам. Признавая психику свойством высокоорганизованной материи, диалектический материализм развивал идею об отражении психикой независимого от нее объективного мира, об общественно-исторической обусловленности психики, преодолевал созерцательность всего предшествующего материализма и, утверждая детерминацию психики объективным миром, подчеркивал зависимость результата отражения от собственной деятельности субъекта. Рассматривая человека как субъекта практической и теоретической деятельности, преобразователя предметного, объективного мира, марксизм на этой основе раскрывал отношение чувственного отражения и мышления к предмету, к вещи. Диалектико-материалистический принцип детерминизма снимал те трудности, перед которыми останавливался механистический материализм в понимании психического, отбрасывал дуалистическое представление о внешнем и внутреннем опыте, принимая новое диалектико-материалистическое понятие опыта.

Марксистская теория отражения, развитая В. И. Лениным, поставила перед психологией задачу изучения всей противоречивости процесса отражения объективной реальности человеком, исследования зависимости психики от мира, который она отражает, и от деятельности головного мозга, органа, который отражает этот внешний мир, а также задачу выявления общественно-исторической обусловленности психической деятельности человека.

После великого революционного переворота, приведшего нашу страну к новому общественному строю, марксистское положение об активном воздействии человека на действительность, о революционном преобразовании мира приобрело новую силу. Роль практической деятельности человека в формировании его сознания и действенность его сознания обнаруживала сама революционная действительность.

Все эти положения марксистской философии имели первостепенную важность для построения марксистской психологической системы, но внести их в психологическую науку, конкретизировать их как философские проблемы самой психологической науки оказалось весьма долгим и трудным делом. Всех зачинателей новой психологии объединяла борьба против господствовавшей в дореволюционной России идеалистической психологии. Все они принимали тезис о том, что психика является свойством высокоорганизованной материи и с этой позиции опровергали идеалистическую психологию.

П. П. Блонский один из первых выступил против идеалистической психологии. «Психология первоначально развивалась как наука о душе, но проблема души есть проблема метафизическая, а не научная, и психологии, как науке, с душой, как метафизической субстанцией, решительно нечего делать... Борясь против психологии души, мы боремся против религиозных и метафизических атавизмов в психологии»¹,— писал он. Эмпирическая психология, объявлявшая себя психологией без души, указывал Блонский, сохраняет пресловутую душу в замаскированном виде, поскольку предметом своего изучения считает явления души. «Современные психологи очень часто определяют психологию как науку о сознании. Но и такое определение психологии должно быть отвергнуто. Если сознание понимается как метафизическая сущность, то оно является лишь синонимом души, и психология сознания есть модернизированное издание старой психологии души»².

К. Н. Корнилов считал, что пороком метафизической и эмпирической психологии является «коренное разграничение психического от материального». «Дуализм психического и физического — это основная предпосылка всякой, даже и так называемой эмпирической психологии, дуализм, открыто выявленный в старой метафизической психологии и скрытый, завуалированный в эмпирической психологии»,— заявлял он, противопоставляя старым взглядам положение о том, что психика «есть не нечто противоположное материи, а есть лишь *свойство наиболее организованной материи*»³.

¹ П. П. Блонский. Избранные психологические произведения. М., 1964, стр. 135. См. также стр. 40—41, 136 и др.

² Там же, стр. 135.

³ К. Н. Корнилов. Современная психология и марксизм.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 1, стр. 42—43.

Критика эмпирической психологии Блонским и Корниловым была направлена против Г. И. Челпанова, поскольку в условиях первого послереволюционного десятилетия именно он и отстаивал в новых условиях старые взгляды и объединял сторонников идеализма в психологии. На протяжении всей своей научной деятельности Г. И. Челпанов проповедовал идеализм в психологии и боролся с материализмом. Но в этой борьбе он неоднократно менял свою стратегию и тактику. Казалось, он противоречил самому себе, когда выступал то за психологический эксперимент, то против него. Однако и в конце прошлого века, когда он ратовал за вундтовскую экспериментальную психологию, и десятилетие спустя, когда он требовал прекратить школьные эксперименты, Челпанов вел свою линию. Цель у него оставалась одна — разорвать связь эксперимента с материалистическим направлением в психологии и с объективным методом, поставить эксперимент в психологии на службу идеализму. Он выступал против экспериментального метода, когда тот трактовался как объективный метод, и за него, когда эксперимент сводился к интроспекции.

В 90-х гг. прошлого века, используя подъем естествознания, Челпанов звал к союзу психологии, понятно идеалистической, и естествознания⁴. После 1905 г. его тактика изменяется: он призывает пересмотреть отношение психологии к естествознанию и уверяет, что нет нужды поддерживать связь между ними. В отходе от естествознания он теперь видит средство обезопасить психологию от влияния материалистических идей: «Система психологии должна находиться в руках психологов-философов; конечные нити психологии должны оставаться в руках психологов-философов»⁵. В предреволюционные годы Челпанов настаивал на системе философской психологии, предлагая в качестве ее философской опоры гуссерлианство⁶. Но когда свершилась Великая Октябрьская революция и встал вопрос о построении марксистской психологии, он еще раз изменил свои позиции, стремясь любыми средствами отвоевать место для старой интроспективной психологии. Для этого Челпанов объявляет психологию эмпирической, экспериментальной, независимой от философии наукой. Снова, как и прежде, он присоединяется к позитивистской доктрине, усмотрев в ней возможность маскировки идеализма.

На I Всероссийском съезде по психоневрологии в 1923 г. Челпанов противопоставил призыву Корнилова создать мате-

---

⁴ См. Г. И. Челпанов. Мозг и душа. М., 1900. В 1903 г. вышло второе издание книги, переработанное и значительно дополненное. В последующие годы вплоть до Великой Октябрьской революции книга неоднократно переиздавалась.

⁵ Г. И. Челпанов. Сборник статей. Психология и школа. М., 1912, стр. 82.

⁶ См. Г. И. Челпанов. Об аналитическом методе в психологии.— «Психологическое обозрение», 1917, № 1.

риалистическую марксистскую психологию утверждение, что «современная научная психология считается эмпирической, т. е., другими словами, отмежевывается от всякой метафизики и идеализма. Поэтому психология никак не может быть идеалистической»⁷. Представить психологию как чисто эмпирическую науку, которая не касается философских вопросов, Челпанову нужно было для утверждения того, что «в системе Маркса... современная научная психология, обозначающая себя *эмпирической*, вследствие того, что она отмежевывается от всякой метафизики, остается без изменения и *по методу и по содержанию*»⁸, — иначе говоря, к ней неприменим диалектический материализм. Челпанов допускал, что марксистской может стать социальная психология, но не эмпирическая или экспериментальная. Свою трактовку он представлял «защитой» марксизма от «неправильных» истолкований и подкреплял ее набором цитат из Маркса, Энгельса, Фейербаха, Дицгена и Плеханова, в которых допускал значительные искажения⁹.

По уверениям Челпанова, методологической основой психологии должен быть некий «психофизический» материализм, соответствующий принципу психофизического параллелизма, которому якобы следовал Маркс в своих воззрениях на природу психики. Челпанов выдавал отказ марксистского философского материализма от вульгарно-материалистического, механистического отождествления психики и материи за его отступление к идеализму.

К. Н. Корнилов, П. П. Блонский и другие психологи незамедлили изобличить Челпанова не только в извращении марксизма, но и в искажении приводимых цитат¹⁰. Полемизируя со своими противниками, Челпанов выпускает серию брошюр¹¹, «издание которых, — как он пишет, — мною предпринято для разъяснения вопроса о том, какова должна быть психология при идеологии марксизма»¹². Челпанов продолжал утверждать возможность согласования идеалистической психологии с марксиз-

---

Г. Челпанов. Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927, стр. 41.

⁸ Там же, стр. 45.

⁹ Г. Челпанов. Психология и марксизм. М., 1924, стр. 5.

¹⁰ См.: К. Н. Корнилов. Психология и марксизм проф. Челпанова. — В кн. «Психология и марксизм». Л. — М., 1925; П. Н. Блонский. Психология как наука о поведении. Там же; Ю. В. Франкфурт. В защиту революционно-марксистского взгляда на психику (смена вех у психологов идеалистов). — В кн. «Проблемы современной психологии». Л., 1926.

¹¹ Г. Челпанов. Психология и марксизм. М., 1924; он же. Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925; он же. Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926; он же. Социальная психология или условные рефлексy? М. — Л., 1926; он же. Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927.

¹² Г. Челпанов. Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии), стр. 3.

мом. Такой ход позволил ему заявить: «Я не сдавал никаких позиций. Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в настоящее время»¹³. Это заявление он объяснял так: «Ученый, совмещающий в себе две специальности, философию и психологию, как философ, может быть идеалистом, метафизиком, но в то же время, как психолог, он не может быть идеалистом. Он может в каком-либо виде признавать бессмертие души, но *пользоваться таким понятием в психологии не сочтет возможным*, потому что это противоречило бы эмпирическому характеру научной психологии»¹⁴.

В полемике Челпанов умело использовал промахи и ошибки своих противников. Ошибка рефлексологии и других поведенческих теорий состояла в том, что они отбрасывали проблему сознания. И Челпанов был прав, когда квалифицировал отрицание сознания как позицию механистического материализма (по его выражению «механического»): «Если же отрицается *реальность сознания*, то рефлексология превращается в философскую систему механического материализма, находящегося в противоречии с философией марксизма. Как раз именно это последнее и делают русские рефлексологи»¹⁵⁻¹⁶, — писал он, Пользуясь непоследовательностью философских взглядов Бехтерева, ссылаясь на его утверждение о возможности сосуществования субъективной психологии с рефлексологией, Челпанов предлагал рефлексологии заключить союз с интроспективной психологией. Он отмечал, что исключение рефлексологией психики из сферы исследования не только позволяет, но настойчиво требует, чтобы рядом с рефлексологией существовала интроспективная психология. «Непримиримость этих двух противоположных направлений в психологии происходит, — пояснял он, — вследствие невыясненности понятий «объективный» и «субъективный» метод психологии. Когда это будет сделано, то произойдет примирение двух противоположных направлений, подобно тому, как это уже происходит в Америке с психологией и бихевиоризмом. Рефлексология в собственном смысле есть только часть психологии, может существовать только при психологии, ни в коем случае не может претендовать на то, чтобы заменять психологию»¹⁷.

Приспособленчество Челпанова никого не обмануло, и его попытки прикрыть идеализм фразами о независимой от философии эмпирической психологии потерпели неудачу.

---

¹³ Г. Челпанов. Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии), стр. 24.

¹⁴ Там же.

¹⁵⁻¹⁶ Г. Челпанов. Психология и марксизм, стр. 8.

¹⁷ Г. Челпанов. Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925, стр. 6.

Если в борьбе с идеалистической психологией психологи-марксисты были едины, то в отношении положительной программы между ними никакого единства не существовало. Предложений было много. Все они, казалось, исходили из основных философских положений марксизма, но теоретические выводы их для психологии были многообразны и противоречивы. Споры начинались уже с того, как понимать природу психического. В зависимости от ответа на этот вопрос следовали определенные выводы о предмете и методе психологии.

Наиболее развернутую программу перестройки психологии на новых основах предложили в начале 20-х гг. представители двух направлений — реактологического во главе с К. Н. Корниловым и рефлексологического, которое развивал В. М. Бехтерев и его многочисленная научная школа.

К. Н. Корнилов выделяет как исходное для создаваемой системы марксистской психологии положение о том, что психика есть свойство высокоорганизованной материи; он подчеркивает вместе с тем, что сущность ее состоит в отражении материального мира. «Диалектический материализм говорит о том, что в основе бытия лежит материя, как единственная объективная, независимо от нас существующая реальность, частицей каковой реальности является и сам человек, обладающий психикой, отображающей материальный мир и являющейся по своей сущности не чем иным, как свойством высокоорганизованной материи»¹⁸.

Но как Корнилов понимал это положение? Психика для него была субъективным выражением, переживанием, или отражением протекающих в мозгу физиологических процессов. Соответственно такому пониманию и строилась К. Н. Корниловым теория, которая была названа реактологией, поскольку центральным в ней было объявлено понятие реакции.

Каков же был ход мысли К. Н. Корнилова? Как же произошло расхождение между философским марксистским положением о психике как отражении действительности и пониманием психики реактологией? Корнилов следующим образом формулирует свои исходные позиции. «Для того, чтобы вскрыть, что должна представлять собой психология с марксистской точки зрения, лучше всего, по-моему, воспользоваться основным методом марксизма — диалектическим. А так как диалектика по своему существу есть учение о формах развития реальной действительности, то из этой-то реальной действительности необходимо исходить и в данном вопросе»¹⁹. Эту реальную действительность, однако, он видит не в изучаемом объекте, а в существующих

¹⁸ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 18.

¹⁹ Там же, стр. 9.

психологических теориях. «Ведь не явится же эта система марксистской психологии чем-то неизвестно откуда взявшимся и абсолютно порывающим с прошлым,— продолжает Корнилов,— ясно, что ее исходные корни будут лежать в современной исторической действительности, в тех психологических течениях, которые столь рельефно выступают на первый план в наши дни во всех странах Европы и Америки»²⁰. Речь идет о двух главных течениях психологической науки того времени — психологии сознания и поведенческой психологии, или, как их называет Корнилов, эмпирической субъективной и объективной психологии.

Методологические основы эмпирической психологии «не соединяемы с марксизмом», указывал Корнилов, потому что объектом изучения субъективной психологии является отдельный человек, рассматриваемый вне социальной среды, потому что психология эта является индивидуальной, а не социальной, потому что она изучает отдельные явления сознания, а не цельную человеческую личность. Что же тогда удерживает Корнилов из субъективной психологии? «Во-первых, *признание не только реальности, но и значимости психических процессов*, как таковых... в эмпирической психологии это положение является краеугольным ее камнем»²¹. И, во-вторых, «*признание значимости за методом самонаблюдения*»²², что вытекает из признания субъективности психического.

Психология поведения «методологически приемлемее»²³ для марксизма своим стремлением изучить поведение человека и найти законы его регулирования, приемлемее своими объективными методами, но ее отказ от исследования психики никак не соответствует установкам марксизма. И психическое, и деятельность, или поведение, при этом принимаются Корниловым в той характеристике, которая дается, с одной стороны, интроспективной, а с другой — поведенческой психологией. В результате он приходит к выводу, что «грядущая система марксистской психологии будет синтезом двух борющихся сейчас во всех странах течений: наиболее давнего и уже достаточно одряхлевшего, хотя и находящего еще своих адептов, так называемого эмпирического, или субъективного, направления, этого тезиса современной психологии, и второго — более позднего, скорее продукта наших дней, этого антитезиса, каковым является психология поведения, рефлексология, или, как ее еще называют, объективная психология»²⁴. Смысл этого синтеза заключался для Корнилова в том, чтобы удержать для психологии психику

²⁰ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 9.

²¹ Там же, стр. 17.

²² Там же, стр. 18.

²³ Там же, стр. 17.

²⁴ Там же, стр. 9.

как предмет изучения и тем самым противодействовать поведенческой психологии, отбрасывающей изучение психики.

Перед Корниловым возникала задача ввести в представление о природе психического, взятое из интроспективной психологии, материалистическое положение о том, что психика есть свойство высокоорганизованной материи — мозга, раскрыть характеристику этого свойства и ввести вместе с тем характеристику психики как свойства отражения. Как же он это совершает? «По отношению к другим свойствам материи (протяженности, непроницаемости, веса, массы и др.), которые можно условно назвать *объективными*, психика является *субъективной* стороной их... И вот это-то неразрывное и органическое слияние субъективной и объективной сторон и дает нам тот *синтез*, который должен лечь в основу построения марксистской психологии»²⁵, — полагал он. «Психика как свойство материи есть субъективная, но неотъемлемая сторона все той же материи»²⁶. Взаимоотношение этих сторон — субъективной и объективной — понимается как взаимодействие, в котором объективная сторона определяет субъективную. И вот тут-то и вводится понятие отражения, толкуемое как отношение психического, субъективного к материальным, объективным процессам мозга. Именно такой смысл Корнилов вкладывает в понимание этого отношения, когда пишет, «объективная сторона всегда определяет субъективную». Так он понимает формулировку «бытие определяет сознание»²⁷. Он утверждает, что психические состояния составляют «свойство высокоорганизованной материи и являются субъективным выражением физических и физиологических процессов, происходящих в организме»²⁸. «Не что иное, как именно протекание... энергетических процессов, влекущее за собой под влиянием особой структуры нервной системы изменения в смысле быстроты, напряженности и направления разряда энергии вызывает то, что субъективно мы воспринимаем как психические процессы, но что объективно является не чем иным, как особым проявлением все той же физической энергии»²⁹, — писал К. Н. Корнилов.

Таким образом, вопрос о природе психического реактология рассматривала вне принятой марксизмом познавательной характеристики психического, а вместе с тем и представление о регуляционной роли психики вовсе исключалось из психологической теории. Как следствие из такого определения психики вытекало отрицание познавательного значения ощущений. Коор-

---

²⁵ Там же, стр. 19.

²⁶ Там же, стр. 17—18.

²⁷ Там же, стр. 20.

²⁸ К. Н. Корнилов. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. М.—Л., 1928, стр. 3.

²⁹ К. Н. Корнилов. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., 1923, стр. 14.

динация раздражения и движения принималась как первичный факт, поскольку полностью отрицалась регуляторная роль психики. Перестав быть отражением объективного мира, ощущения вовсе изгонялись из реактологии на том основании, что они не играют никакой роли в поведении и не даны в непосредственном опыте, состоящем, как утверждали реактологи, только из двигательных реакций. Ощущения, по Корнилову, представляют собой «абстрагированные понятия». Изучение психологии, считал он, должно начинаться не с ощущений или восприятий, а с первично данного нам в непосредственном опыте явления реакции.

Понятие реакции принималось за основное для новой системы психологии, поскольку в каждой реакции живого организма обе стороны — и объективная, и субъективная — являются неотделимыми друг от друга. «Вот такое двустороннее, слитое неразрывно воедино изучение поведения человека я называю *реактологическим изучением, поскольку само понятие реакции в отличие от рефлекса включает в себя обе эти стороны*»³⁰, — утверждал Корнилов. По его представлению, акт реакции объединяет в единое целое и физиологические процессы, рефлекторные по своей природе, и психические явления. «Тем-то и отличается акт реакции от рефлекса и психического состояния, что тогда как первое есть лишь узкофизиологическое, а второе — узкопсихологическое понятие, абстрагированные из проявлений живого организма, реакция есть акт биологического порядка, как выявление всех функций организма во всей их целокупности, — где есть и физиологическая сторона и ее «интроспективное выражение»... Совокупность-то этих реакций и составляет предмет науки о поведении человека, строящейся в полном согласии с методологическими предпосылками диалектического материализма»³¹.

Считая предметом реактологии поведение человека, К. Н. Корнилов в отличие от рефлексологов, которые отрицали необходимость изучения собственно психики, полагал обязательным исследование психики с помощью интроспекции. В то же время он настаивал на введении в психологию объективных методов для изучения двигательных реакций человека. В экспериментах предлагалось, во-первых, измерять время двигательных реакций, определять их интенсивность и форму, что давало объективные показатели, и, во-вторых, учитывать данные, полученные субъективным методом — самонаблюдением.

По сути дела, реактологический эксперимент был продолже-

---

³⁰ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 19.

³¹ К. Н. Корнилов. Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека. — В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 16; см. он же. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма.

нием вундтовского эксперимента по измерению времени реакций на внешнее раздражение. В реактологическом эксперименте к измерению времени реакции прибавлялось лишь изучение интенсивности и формы двигательной реакции. Этот эксперимент сталкивался с теми же трудностями, что и вундтовский, поскольку он методологически ничем не отличался от него. Но вундтовский эксперимент ставил ограниченные цели: во-первых, изучению подвергались так называемые низшие процессы — ощущения и, во-вторых, выяснялось лишь соответствие физиологических реакций психологическому самонаблюдению. К высшим процессам Вундт не считал возможным применять такой эксперимент. Реактология же делала попытку на основании указанных реакций дать характеристику всех психических актов, включая мышление.

Реакции классифицировались на семь групп. Наиболее сложной считалась ассоциативная реакция. Ответ испытуемого следовал после того, как предъявленное раздражение вызывало у него по ассоциации любое представление (свободная ассоциация) или же представление, определенным образом связанное с данным впечатлением (ограниченная ассоциация, ассоциация типа логических суждений). Закономерности усматривались в отношении между временным, динамическим и моторными моментами реакции, с одной стороны, и сложностью мыслительного процесса — с другой. С усложнением мыслительного процесса удлиняется время реакции, уменьшается затрачиваемая в движении энергия, а также путь и скорость этого движения: мыслительная деятельность и внешнее проявление движений находятся в обратном отношении друг к другу. Из этого делались далеко идущие выводы об антитезе ума и воли. Такими общими положениями, ни в какой мере не раскрывающими психологические особенности данного процесса, реактология ограничивалась не только в отношении мышления, но и в характеристиках других психических процессов.

Экспериментальные исследования, проводившиеся по этой программе, были мало плодотворны. Когда Корнилов попытался положить полученные результаты в основу новой теории, возникло противоречие между намеченными задачами новой психологии и «скуднейшей программой ее конкретного содержания: изучение скорости и силы ответных движений...»³²

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ — ЕЕ ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Другим направлением, завоевавшим в 20-х гг. многих сторонников, была рефлексология, учение, созданное В. М. Бехтеревым. В. М. Бехтерев назвал свое учение рефлексологией, счи-

³² Б. М. Теплов. Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947, стр. 13.

тая его основой идею рефлекторной деятельности мозга. Вступив в науку последователем сеченовского учения о рефлексах головного мозга, Бехтерев занялся комплексным экспериментальным исследованием мозга в созданной им в 80-х гг. прошлого века первой в России психологической лаборатории. Результаты изучения строения и функций мозга, открытия в области неврологии, были обобщены в капитальных трудах В. М. Бехтерева «Проводящие пути спинного и головного мозга» и «Основы учения о функциях мозга». В своих психологических исследованиях он стоял за строго объективный метод. Резкая критика субъективизма идеалистической психологии и требование объективно подходить к изучению психической деятельности поставили Бехтерева в ряд передовых психологов. Одновременно с И. П. Павловым В. М. Бехтерев стал изучать явление, которое назвал сочетательным рефлексом, а Павлов — условным рефлексом. В лабораториях Бехтерева, так же как и в лабораториях Павлова, было получено множество новых научных фактов о рефлекторной деятельности мозга.

В «Объективной психологии», вышедшей отдельными выпусками в 1907—1912 гг., Бехтерев переходит к теоретическим обобщениям, развивая учение, которое первоначально называет объективной психологией, а потом — рефлексологией³³. Эта теория отражает значительные перемены в мировоззрении ученого. От материалистических взглядов, сформировавшихся ранее под влиянием революционно-демократических идей, он переходит к энергетизму, по существу, к отрицанию коренного материалистического тезиса о том, что психика есть свойство материи.

Энергия, которая понимается В. М. Бехтеревым как результат «дематериализации» физических тел³⁴, является, полагает он, причиной и психических явлений, и материальных процессов. «С старым понятием вечной материи и ее свойствами и в особенности с понятием силы, как свойством материи, в современной науке далеко не уедешь, ибо понятие материи в действительности поглощается понятием энергии и сама материя понимается как связанная энергия»³⁵, — писал Бехтерев. «Но если такая материя есть фикция, — рассуждает он, — а одна энергия есть реальность, то уже нет основания противопоставлять психическое материальному и наоборот, и нам остается спросить себя: нет ли возможности и психическую деятельность свести на физическую энергию?»³⁶

В результате такого сведения Бехтерев отказывался от характеристики психической деятельности как отражения объек-

---

³³ В. М. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. 4 изд. М.—Л., 1928. I изд. 1917; 2 изд.—1923; 3 изд.—1924.

³⁴ В. М. Бехтерев. Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925, стр. 36.

³⁵ Там же, стр. 41.

³⁶ В. М. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. М.—Л., 1928, стр. 85—86.

тивного мира и рассматривал ее как выражение движения энергии по нервным путям. Препятствия к движению энергии вызывают ее напряжение, результатом которого и являются ее субъективные проявления — психические процессы, которые «сопутствуют» рефлекторной деятельности мозга ³⁷.

Бехтерев следующим образом поясняет свой взгляд на природу психического: «Мы говорим, что имеется один процесс, нервно-психический от начала до конца, но при незначительности препятствий в периферических приборах процесс не проявляется в субъективной форме, тогда как в центральных областях, вследствие больших препятствий для движения тока, этот же процесс оказывается «нервно-психическим» с явным субъективным окрашиванием, которое при обратном отражении волны тока и прохождении ее по двигательным и секреторным проводникам вновь сводится на один нервный процесс. Дело идет, таким образом, не о теории взаимодействия, а о теории полного или неполного проявления одного и того же нервно-психического процесса, зависящего от большего или меньшего сопротивления той ткани, в которой он протекает» ³⁸. Психику Бехтерев считал только внутренним проявлением нервной энергии: «То, что относится к субъективному или психическому процессу, видимому, представляет собою результат более высокого напряжения той же энергии, как бы ее свойство проявлять себя самое при соответственных условиях. Это более высокое напряжение энергии происходит обычно в том случае, когда процесс, достигая высших мозговых центров, подвергается торможению» ³⁹.

Возникновение психических явлений, согласно Бехтереву, детерминируется внутренними условиями проводимости энергии нервными путями, а не внешними воздействиями. Запасы же энергии пополняются для всех нужд организма равным образом через питание и через органы чувств. Ощущения, представления, понятия, выраженные словесными символами, помогают выяснить соотношения между разнообразными внешними раздражениями и организмом, однако не влияют на течение самого рефлекторного процесса. По его словам, психические явления в рефлекторной деятельности никакой роли не играют.

Бехтерев, таким образом, отходит от сеченовского понимания рефлексов головного мозга. Отличие рефлексологии от сеченовской теории коренилось в разном решении этими теориями философских вопросов психологии, в разном понимании природы психического. Бехтерев полагал достаточным рассматривать психические явления как внутренние субъективные знаки движения токов энергии по нервным путям. Собственно психические явления, считал он, в рефлекторной деятельности мозга никакой

---

³⁷ Там же, гл. IV и XLIX.

³⁸ Там же, стр. 90—91.

³⁹ Там же, стр. 86.

роли не играют и никакого влияния на поведение не оказывают. Он расходится с И. М. Сеченовым в самых существенных положениях рефлекторной теории психического. У Бехтерева исчезла характеристика психического как отражательной функции мозга, составляющая ядро сеченовской рефлекторной теории, и вместе с тем отпадала и регуляторная роль психики в рефлекторных актах, в которой Сеченов видел ее назначение. В той трактовке психических явлений, которую давал Бехтерев, отвергалась главная идея сеченовских рефлексов головного мозга — включение психического в рефлекторный процесс и детерминация таким путем психики объективным миром и далее, через ее посредство, детерминация действий, поведения человека условиями его жизни.

При внешнем сходстве бехтеревской характеристики мысли как заторможенного рефлекса⁴⁰ с той, которую ей дал Сеченов в «Рефлексах головного мозга», определив мысль как первые две трети психического рефлекса, между ними существует принципиальное различие. Для Сеченова мысль была отражением действительности, а для Бехтерева — субъективным выражением физиологических процессов. У Сеченова мысль выполняет общую функцию психического, которая, по его определению, состоит в том, чтобы служить орудием различения условий действия и руководителем соответствующих этим условиям целесообразных действий. У Бехтерева ни мысль, ни ощущения не оказывают никакого влияния на протекание рефлекторных процессов.

Предметом своего изучения рефлексология объявляла человека как деятеля. «Человек есть деятель, механизм которого вводится в действие внешними или внутренними раздражениями... Сообразно этому и в зависимости от этого он развивает реакцию на внешние и внутренние воздействия того или иного рода в виде разнообразных иногда более сложных, иногда более простых, целесообразно связанных рефлексов, вызываемых как внешними, так и внутренними воздействиями и притом воздействиями не настоящего только, но и прошлого времени»⁴¹. Общественным методам доступно изучение лишь внешних проявлений деятельности человека; их-то и исследовала рефлексология в соотнесении с теми или иными предваряющими их внешними воздействиями. «Для рефлексологии... нет ни объекта, ни субъекта в человеке, а имеется нечто единое — и объект, и субъект, вместе взятые в форме деятеля, причем для стороннего наблюдателя доступна научному изучению только внешняя сторона этого деятеля, характеризующаяся совокупностью разнообразных рефлексов, и она-то и подлежит прежде всего объективно-

---

⁴⁰ В. М. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. М.— Л., 1928, стр. 486.

⁴¹ Там же, стр. 185.

му изучению, субъективная же сторона не подлежит прямому наблюдению и, следовательно, не может быть непосредственно изучаема...»⁴²

На том основании, что психика не может быть подвергнута непосредственному объективному исследованию, рефлексология вовсе отказывалась от ее изучения. И в этом было ее отличие от реактологии, которая, как уже говорилось, предлагала изучать психику субъективным методом. Рефлексологические эксперименты состояли в исследовании образования сочетательно-двигательных рефлексов.

Задача рефлексологии, как пояснял Бехтерев, «состоит в том, чтобы не только более элементарные, но и все высшие отправления человеческого существа, которые на обыденном языке обозначаются проявлениями чувства, ума, воли или, выражаясь общее, проявлениями так называемой психической деятельности, иначе «духовной сферы», рассматривать с строго объективной точки зрения, ограничиваясь, таким образом, только внешними особенностями действий человека, его мимики и жестов, голоса и речи, как связной совокупности знаков, в соотношении с теми внешними физическими, биологическими и в особенности социальными, а также и внутренними воздействиями в настоящем и прошлом, которые их обуславливают»⁴³. Рефлексологическое исследование личности предполагало наблюдение по определенной схеме в определенной внешней обстановке реакций человека и корреляции их между собой, а также выяснение скорости образования и дифференцирования сочетательно-двигательных рефлексов.

Парадоксальность рефлексологии, так же как и реактологии, заключалась в том, что оба эти направления, объявляя предметом изучения человека как деятеля, в действительности рассматривали его как пассивное звено в переключении внешних стимулов на двигательную реакцию. Человеческая деятельность лишалась своей сущности — сознательности и сводилась к двигательным рефлексорным ответам или реакциям. В то же время вопрос об активности человека неминуемо приводил к вопросу о сознании. Реактология и рефлексология имели общие черты, порожденные общей механической методологией, общим неверным толкованием взаимоотношения психических и физиологических процессов, расхождение между ними было в вопросе о том, является ли психика предметом научного исследования и можно ли использовать наряду с объективным методом исследования поведения субъективный метод наблюдения психических явлений. На этом сосредоточивалась полемика между этими двумя, тогда господствовавшими направлениями.

---

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 3.

Среди советских психологов в 20-е гг. довольно широкий отклик нашел бихевиоризм. Достаточным основанием для привлечения бихевиористских концепций к марксистской психологической теории считался их отказ от психологии сознания и требование объективного метода изучения поведения человека.

Некоторые психологи предлагали развивать на основе диалектического материализма уотсоновский бихевиоризм, усматривая достоинство последнего в объективном изучении поведения человека, в разработке новых экспериментальных методов и в обилии экспериментальных фактов. Такого мнения придерживался В. М. Боровский. С его точки зрения, бихевиоризм ценен тем, что следует материалистическому монизму. «Психология поведения стоит на точке зрения строгого монизма и изучает один-единственный ряд реальных явлений, из которых складывается поведение каждого организма»⁴⁴. У реакций человека есть субъективная сторона, но для психологии поведения эта сторона совершенно безразлична, считал он, следуя основному принципу бихевиоризма. «Все, что объективно,— мы должны изучить, то, что субъективно,— мы не можем изучить». А потому «искать примеры активного воздействия «сознания» на поведение — все равно, что пытаться «объять необъятное»⁴⁵. Психика понимается Боровским как субъективная группировка явлений, не имеющих для действий человека никакого значения. Считая свои позиции марксистскими, Боровский писал: «Субъективная группировка не может влиять на протекание ряда реальных явлений... Сознание не может определять «бытия»⁴⁶. Он вкладывал в понятие отражения смысл, противоречащий диалектико-материалистическому пониманию: отражение — это группировка субъективных представлений в комплексе «я».

В. М. Боровский не видел качественного отличия поведения человека и животных, предлагал пользоваться одними и теми же методами для изучения животных и человека. «Занимаясь зоопсихологией, педагог непосредственно упражняется в пользовании методами, которые принципиально одинаковы... при изучении детей и животных»⁴⁷⁻⁴⁸. Центральной задачей психологии объявлялось изучение навыков, образование которых, согласно взглядам бихевиоризма, происходит одинаково и у человека и у животных.

⁴⁴ В. М. Боровский. Метафизика в сравнительной психологии.— Под знаменем марксизма», 1927, № 7—8, стр. 189—190; он же. Психология с точки зрения материалиста. М.— Л., 1929.

⁴⁵ В. М. Боровский. Метафизика в сравнительной психологии.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 7—8, стр. 191.

⁴⁶ В. М. Боровский. Психология с точки зрения материалиста, стр. 36.

⁴⁷⁻⁴⁸ В. М. Боровский. Сравнительная психология и педагогика.— «Психология», 1928, № 1, стр. 43.

В начале 20-х гг. бихевиоризм оказал влияние и на П. П. Блонского. Вместе с идеалистической концепцией сознания он отбрасывает тогда и саму проблему сознания, поскольку полагает, что за ней неминуемо стоит старый вопрос о душе. Он предлагает строить новую теорию как «психологию без сознания», как науку о поведении; только ее он считает соответствующей материализму. Предметом психологии, по его убеждению, должно стать поведение человека. При этом человека он рассматривает как биологическое существо. Таким образом, «психология, как наука о поведении, есть биологическая наука, и бывая бездна между психологией и естествознанием уничтожается: человек... не противостоит природе, но координирован с ней»⁴⁹.

Однако для Блонского характерно стремление установить координацию психологии и с социальными условиями жизни человека. Изучение социальной природы человека он включает в программу будущей психологии и выдвигает эту задачу в качестве одной из важнейших задач марксистской психологии⁵⁰. Такое включение в психологию, рассматриваемую в качестве биологической науки, программы социальных исследований кажется противоречивым, но трактовка Блонским социальности снимала это противоречие: под социальностью он понимал всякую деятельность индивида, связанную с деятельностью других индивидов, допуская такую деятельность и у животных. Социальное он, таким образом, вводит в биологическое, в жизнь высших животных.

Все содержание психологии Блонский рассматривал как разные формы поведения. Первоначально он исключал из предмета психологии собственно психическое, но постепенно его взгляды меняются — он расширяет понятие поведения и подводит под него психические процессы, считая их видами поведения. Блонский уже не отказывается считать сознание предметом психологии. Он сурово оценивает свой «Очерк научной психологии», который, по его словам, «был продуктом очень незрелого творчества»⁵¹. В 1925 г. в полемике с Челпановым Блонский отводит упрек в том, что он не считает нужным изучать сознание и психические явления. «Некоторые (например, проф. Челпанов), — пояснял он, — думают, что сторонники психологии поведения отрицают вообще существование сознания. Так, конечно, думать смешно: отрицается не сознание, а психология, как нау-

⁴⁹ П. П. Блонский. Реформа науки. М., 1920, стр. 28. См. также П. П. Блонский. Очерк научной психологии. — «Труды Московской академии социального воспитания», т. I. М., 1921.

⁵⁰ В этом решающем пункте — выдвигании на первый план социальной природы человека Б. М. Теплов видел принципиальное отличие взглядов П. П. Блонского от бихевиоризма. См. Б. М. Теплов. Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947.

⁵¹ П. П. Блонский. Предисловие к книге Л. Джемсона. Очерк психологии. М., 1925, стр. X.

ка о сознании. Сознательное же поведение мы охотно делаем объектом нашего анализа и объяснения,— но, конечно, в научных, а не метафизических терминах». Все дело в том, чтобы объяснить психические явления. «Все, что старая психология объясняла как душевные способности или явления, мы объясняем как виды поведения... Смотреть, слышать, вспоминать, думать, внимать, наслаждаться — все это различные виды поведения»⁵². В предисловии к новой книге «Психологические очерки» П. П. Блонский опять возвращается к вопросу о предмете психологии. Он продолжает называть себя сторонником психологии поведения, а между тем взгляды его существенно изменились. Теперь он пишет: «Если понимать под субъективной психологией психологию, зачеркивающую объект и составляющую только субъект, т. е. психологию, изучающую сознание вне зависимости его от бытия, а под (вульгарной) объективной психологией — психологию, отрицающую субъект и оставляющую только объект, т. е. психологию, игнорирующую субъективные состояния и доходящую даже до отрицания самой себя, до замены себя рефлексологией или физиологией больших полушарий, то я не сторонник ни той, ни другой такой психологии: первая ничего не объясняет, вторая состоит только из объяснений, игнорируя и даже отрицая подлежащие объяснению факты. Не надо зачеркивать субъективные состояния, т. е. уничтожать предмет психологии, но надо давать этим состояниям материалистическое объяснение. В этом смысле я принадлежу к объективной психологии. Я лично называю себя представителем «психологии поведения»⁵³. В программу дальнейшего развития психологии Блонский включал анализ отдельных видов поведения в «материалистических терминах» со сравнительно генетической точки зрения. В последние годы Блонский осуществляет задуманный им большой цикл экспериментальных исследований памяти и мышления. Но к тому времени, когда были выполнены эти исследования, он отказался уже от поведенческих схем. Конкретные исследования со всей очевидностью показали несостоятельность этих схем.

ОТНОШЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ К РЕФЛЕКТОРНОЙ ТЕОРИИ И. М. СЕЧЕНОВА И УЧЕНИЮ И. П. ПАВЛОВА

Отношение советской психологии к рефлекторной теории И. М. Сеченова, его материалистической психологии и к учению И. П. Павлова о высшей нервной деятельности было обусловлено рядом обстоятельств, среди которых решающее значение имело

---

⁵² П. П. Блонский. Психология как наука о поведении.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 225, 226 и 227.

⁵³ П. П. Блонский. Психологические очерки. М., 1927, стр. 3—4.

развитие самой психологической теории и разработка философских проблем психологической науки.

Статьи, доклады, лекции и речи И. П. Павлова, собранные в книге «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» (1923), представили последовательный ход развития его учения об условных рефлексах и позволили обозреть огромный экспериментальный материал. Вышедшие затем «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» (1926) впервые дали систематическое изложение его учения. Учение о высшей нервной деятельности продолжало развиваться, и новые издания первой книги Павлова включали все новые и новые главы, углубляющие и расширяющие понимание механизмов и динамики высшей нервной деятельности. Выход трудов И. П. Павлова был встречен марксистской периодической печатью и оценен как победа материалистической научной мысли⁵⁴.

Психологи обращаются к учению И. П. Павлова, но рефлексаторная деятельность мозга понимается ими только как физиологическая и речь идет о том, как связать с нею психологические построения, возникшие независимо от рефлексаторной концепции психического, которая, по сути дела, не усматривается в учении о высшей нервной деятельности. К. Н. Корнилов писал, что на физиологию высшей нервной деятельности советские психологи смотрят как «на ближайшего сотрудника, вскрывающего столь важную для психологии область, как физиологические механизмы»⁵⁵. Сам Корнилов, как мы видели, оценивал условные рефлексы как чисто физиологическое явление и вводил в свою психологическую концепцию в качестве основного понятия понятие реакции, не признавая за рефлексаторным актом никакого психологического значения. В своем учебнике психологии⁵⁶ Корнилов считает принцип условных рефлексов основным в деятельности мозговых полушарий, но ни в какой мере не связывает рефлексаторную деятельность мозга с психикой и с поведением человека и не делает из рефлексаторного учения никаких выводов для психологической теории. Здесь в силу вступает его реактология.

В начале 20-х гг. П. П. Блонский писал: «Учение Павлова об условных рефлексах является ключом к пониманию высших форм поведения животных»⁵⁷. Однако Блонский в те годы, когда писал эти строки, развивал взгляды психологии поведения и

---

⁵⁴ См. «Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5; М. Великовский. Победа материализма (О работах академика Павлова).— «Спутник коммуниста», 1923, № 23.

⁵⁵ К. Корнилов. Современное состояние психологии в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 10—11, стр. 216.

⁵⁶ К. Н. Корнилов. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. М., 1928.

⁵⁷ П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921, стр. 38.

соответственно этим взглядам оценивал учение об условных рефлексах. Полагая, что новая психология должна быть «психологией без сознания», он объявлял ее исходной точкой «простейшие движения человека, т. е. рефлексы»⁵⁸. Учение об условных рефлексах рассматривается им как обоснование поведенческой концепции в психологии. Поэтому Блонский и пишет: «Мышление не представляет собой чего-либо особенного. Оно — одна из разновидностей рефлексов»⁵⁹. Позднее, в 30-х гг., отказавшись от поведенческой концепции, Блонский меняет и свое отношение к учению об условных рефлексах. Поскольку условные рефлексы для него не являлись носителями психического, Блонский, включив в предмет психологического исследования психические процессы, считает теперь рефлекторную теорию ограниченной в ее применении к психологии. Так, например, устанавливая четыре ступени в развитии памяти, Блонский к рефлекторной деятельности относит только ее низшую ступень — моторную память⁶⁰.

В ряде других работ того времени — Н. Ф. Добрынина, С. В. Кравкова — изложение учения о рефлексах предшествует характеристике психических явлений, но остается вне связи с ними, относится лишь к физиологической характеристике работы нервной системы.

Подступ психологии к павловскому учению в 20-е гг. не вызвал изменений ни в теории, ни в практике экспериментальных психологических исследований. Теоретическая слабость молодой советской психологии мешала правильно оценить и рефлекторную теорию И. М. Сеченова и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Значение сеченовского учения для психологии заключалось в том, что был открыт способ детерминации поведения объективным миром посредством психики. Преобразованная и принципиально измененная Сеченовым схема рефлекторной деятельности включала психические компоненты, начиная от элементарных уровней чувствительности и кончая мышлением. Было выделено общее для всех психических явлений — то, что они представляют отражение мозгом действительности и опосредствуют поведение, регулируя действия, являются, по определению Сеченова, «руководителем действий». Общая функция психического состоит в том, чтобы служить орудием различения действия и руководителем соответственных этим условиям целесообразных действий.

Когда психика была поставлена в причинную связь с внешним миром и с деятельностью человека, на первый план выступили две ее главные взаимосвязанные функции — отражатель-

---

⁵⁸ П. Блонский. Реформа науки. М., 1920, стр. 29.

⁵⁹ П. П. Блонский. Очерк научной психологии, стр. 80.

⁶⁰ См. П. Блонский. Память и мышление. М., 1935, стр. 23—26.

ная и регуляторная, осуществляемые в рефлекторных процессах мозга⁶¹. Психическое отражение вводилось как детерминанта хода рефлекторного процесса в его высшей форме — в рефлексах головного мозга. Введенная в причинный ряд, начинающийся внешним воздействием и заканчивающийся ответным действием организма, психика сохраняла качественное отличие от физиологических процессов. И в этом было существенное отличие сеченовской теории от механистических и вульгарно-материалистических теорий и, в частности, от поведенческой схемы стимул — реакция, которая выражала механистическое понимание детерминации поведения и в толковании рефлекторной деятельности оставалась в пределах декартовской схемы.

В соответствии с решением вопроса о природе психического сеченовская программа развития психологии требовала применения объективных методов исследования детерминации психики объективным миром и изучения внутренних факторов психического развития в их взаимосвязи с внешними воздействиями⁶². Из представления о рефлекторной природе психического выводилась мысль о психическом акте как процессе, а изучение взаимодействия субъекта с объектом являлось существенным методологическим отличием предложенной программы. Приняв за основу положение о деятельном отношении человека к миру, И. М. Сеченов связал детерминацию психического внешними условиями жизни человека с его «нервно-психической организацией» и с его предметной деятельностью. Сеченов доказывал, что регуляция действий животных и человека «через посредство психики»⁶³ никак не противоречит материалистическому пониманию психической деятельности, и опровергал все попытки обвинить его в нарушении закона сохранения материи.

Все эти особенности сеченовской рефлекторной теории не были восприняты участниками дискуссии 20-х гг. о природе психического, преградой этому были механистические воззрения, усвоенные ими. В отношении к сеченовской теории сказался и отход психологии в предреволюционной России от материалистических идей. Теории И. М. Сеченова еще предстояло стать достоянием советской психологии. Философско-психологический анализ трудов И. М. Сеченова, проведенный в последующие годы, позволил по-настоящему оценить и понять богатство его учения как в решении общей проблемы природы психического, так и в решении многих конкретных вопросов психологического

---

⁶¹ Этому вопросу посвящены многие страницы психологических исследований И. М. Сеченова (см. *И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения*. М., 1947, стр. 154, 251—252, 263, 464, 472, 475, 504 и др.).

⁶² О том, как понимал И. М. Сеченов взаимодействие внешнего и внутреннего в психическом развитии, см. его трактат «Элементы мысли» (*И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения*, стр. 398—537).

⁶³ *И. М. Сеченов. Итоги животной физиологии за истекшее столетие.* — «Научное наследство», т. III. М., 1956, стр. 168.

исследования. Вместе с тем обозначились пределы сеченовского учения, которое остановилось перед проблемой общественной детерминации психики человека, осталось в границах домарксистского материализма, не поднявшегося до объяснения общественного содержания человеческого сознания и мотивов поведения.

Сеченовская рефлекторная теория соединила принцип активности сознания с материалистическим принципом отражения и с предметной деятельностью человека, но соединение это происходит на уровне такого взаимодействия человека с окружающей его действительностью, когда человек рассматривается в плане его природного существования, а не общественного бытия. Общественная сущность сознания человека, определяемая социальными условиями его жизни, закономерности которых были открыты марксизмом, оставалась Сеченову неизвестной. Его психологическая теория не раскрывала и не могла раскрыть в силу своей философской основы, опирающейся на материалистическую философию русских революционных демократов, общественно-историческую обусловленность психики человека.

И. П. Павлов стал преемником И. М. Сеченова в развитии рефлекторной теории и наполнил ее новым научным содержанием. О том, что он продолжает дело Сеченова, Павлов говорил сам: «Исходную точку наших исследований я отношу к концу 1863 г., к появлению известных очерков Сеченова «Рефлексы головного мозга»⁶⁴. Методологическая общность их учений состояла в том, что центральным понятием для них являлось понятие рефлекса головного мозга, или, в павловской терминологии, условного рефлекса, как явления одновременно и физиологического, и психического. Павловская физиология по своему замыслу никак не была физиологией, обособленной от психологии. Свою первоначальную задачу И. П. Павлов и определил как попытку «найти такое элементарное психическое явление, которое могло бы считаться вместе с тем и чисто физиологическим явлением...»⁶⁵ Выбор условного рефлекса в качестве объекта исследования решал эту задачу. Этот исходный объект исследования стал предметом строго объективного физиологического анализа, но он заключал в себе психические компоненты. Выключенное из числа объяснительных принципов психическое содержалось в объекте исследования и включалось в объективное изучение, поскольку исследованию подлежали процессы анализа и синтеза сенсорных раздражений и их временные связи с эффекторными актами. При принципиальной общности установок Павлова и Сеченова по вопросу о рефлекторной деятельности мозга как деятельности психической и физиологической Павлов изучал фи-

⁶⁴ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. VI. М., 1962, стр. 258; см. также т. III, кн. I, 1951, стр. 249 и др.

⁶⁵ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, М., 1951, стр. 322.

физиологические закономерности. У него на первый план выступал физиологический аспект рефлекторной теории, задача физиологического анализа рефлекторной деятельности высших отделов головного мозга. И он решил эту задачу, открыв законы работы коры больших полушарий мозга, создав учение о высшей нервной деятельности. Психологического анализа рефлекторной деятельности Павлов касался лишь в той мере, в какой это было нужно для создания настоящей, как он сам говорил, физиологии мозга.

Созданное И. П. Павловым и экспериментально им обоснованное физиологическое учение о высшей нервной деятельности, вводившее представление о сигнальных системах действительности, возводило фундамент для материалистической психологии.

Учение, которое развивал И. П. Павлов, с беспримерной настойчивостью и последовательностью накапливая данные, полученные в экспериментах с животными, развертывалось в границах физиологии. Оно не было доведено до тех теоретических обобщений, которые облегчили бы его связь с психологией. Важнейшие выводы ученого об особенностях высшей нервной деятельности человека были еще впереди. Союз психологии с физиологией он считал необходимым в интересах не только психологии, но и самой физиологии высшей нервной деятельности человека. Вместе с тем известно, как строго держался И. П. Павлов границ физиологического исследования, как он был осторожен в отношении к психологии. Павлов неоднократно подчеркивал, что он остается на точке зрения физиолога, но он также не раз отмечал, что исследования, проводимые им и его сотрудниками, «должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания»⁶⁶, что в конечном счете физиология высшей нервной деятельности подойдет к объяснению психических явлений, займется соотношением физиологических и психологических фактов⁶⁷.

Если соотнести учение И. М. Сеченова и учение И. П. Павлова, то можно сказать, что вопрос о месте психического в деятельности мозга решается ими одинаково. О единстве их линий говорит хотя бы основное для павловской концепции положение о сигнальной деятельности больших полушарий головного мозга как самой общей их характеристике. Введение в учение о высшей нервной деятельности понятия второй сигнальной системы по существу явилось программой физиологического объяснения специфических особенностей психики человека — его сознания. Это основополагающее для физиологии высшей нервной деятельности человека положение далеко не всегда учитывалось, что привело и приводит и ныне к попыткам выключить психологическое содержание из рефлекторной концепции, к от-

⁶⁶ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1. М., 1951, стр. 105.

⁶⁷ Там же, стр. 23—39.

рыву павловского учения от сеченовского и их противопоставлению.

И. П. Павлов, так же как и И. М. Сеченов, доказывал детерминированность рефлекторной деятельности извне, но не считал возможной механическую зависимость поведения от раздражителя, реакции от стимула, как это утверждалось сторонниками поведенческих теорий. Задачей павловского учения являлось исследование закономерностей нервных процессов, опосредствующих зависимость ответных реакций от раздражителей. Однако в рассматриваемый период психологи, еще не владевшие оружием диалектико-материалистического метода и не сумевшие преодолеть механистические воззрения, оценивали павловское учение, так же как и сеченовское, с механистических позиций. Несмотря на все расхождения в решении философских проблем павловской физиологии высшей нервной деятельности и рефлексологии, психологии того времени сближали эти учения и объединяли в одну «рефлексологическую» школу. Так их рассматривал, например, К. Н. Корнилов в упомянутой обзорной статье⁶⁸, хотя И. П. Павлов и В. М. Бехтерев настойчиво и неоднократно протестовали против такого отождествления.

Усердно старался отождествить эти принципиально разные теоретические линии Г. И. Челпанов: таким путем он стремился приписать павловскому учению несостоятельность положения рефлексологии. Сам Челпанов отлично видел эту разницу: не случайно он пытался привлечь в союзники интроспекционизму именно бехтеревскую рефлексологию⁶⁹, памятуя слова Бехтерева о том, что «рефлексология, вообще говоря, не исключает никакой вообще гипотезы о сознании и о душе вообще»⁷⁰. В то же время Челпанов чрезвычайно настойчиво распространял мнение о механицизме павловского учения, развивающем якобы старое, декартовское понятие рефлекса. Декарт, как известно, относил рефлексы к деятельности тела, а сознание, согласно его дуалистической системе, имело свои законы. Челпанов заявлял, что учение Павлова касается лишь физиологии и не имеет никакого отношения к психологии. При этом Челпанов ссылаясь на слова Павлова, который не раз подчеркивал, что он не занимается проблемами психологии. Отчасти Челпанову удалось добиться своего. В представлении психологов того времени стиралось отличие сеченовского понимания рефлексов головного мозга от декартовского представления о рефлексах, а также павловской концепции условных рефлексов от рефлексологиче-

⁶⁸ См. К. Корнилов. Современное состояние психологии в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1927, № 10-11.

⁶⁹ См. Г. Челпанов. Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925, стр. 6.

⁷⁰ В. М. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. М.— Пг., 1923, стр. 60.

ских построений. Такое уподобление тяжело сказалось на отношении психологии к рефлекторной концепции психики после победы психологии над рефлексологией. Но об этом дальше.

НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИЗМ

Результатом отождествления рефлексологии и павловского учения было возникновение направления, сливавшего эти две теории и осмыслявшие их в духе механицизма⁷¹. Предполагалось, что развитие физиологических знаний позволит свести все психические явления к физиологическим, психология как наука исчезнет во имя торжества материализма.

Одним из ведущих представителей этого направления был А. Г. Иванов-Смоленский⁷². Свои взгляды он называл «нейробиологическим монизмом» и характеризовал так: «Беря свое начало непосредственно от физиологической теории поведения Сеченова и созданной Павловым и его школой физиологии больших полушарий головного мозга животных, это течение свое главное внимание и притом в гораздо большей степени, чем бихевиоризм, сосредоточивает на экспериментальном исследовании детей и взрослых, здоровых и нервнобоьных, стремясь к созданию физиологии и патологии высшей нервной деятельности (поведения) человека»⁷³.

Пафос рефлекторной концепции Иванов-Смоленский видел в том, что она позволила ограничить изучение поведения физиологическими методами. Биофизиологический метод в учении об условных рефлексах постепенно охватил и поведение высших животных, и нет никаких препятствий для перенесения его на человека. «Грандиозная трудность и сложность вопроса отнюдь еще, конечно, не довод для отказа искать на него ответ и, наоборот, лишь стимул для осторожного, постепенного, но неуклонного продвижения в область физиологического анализа взаимоотношений среды и нервной системы человека, начиная с простейших и элементарнейших «временных связей» и мало-помалу приближаясь к сложнейшим»⁷⁴.

Ход против психологии у Иванова-Смоленского был общим с рефлексологией — отказаться от изучения психической деятельности, поскольку изучение поведения без остатка исчерпывается физиологическим исследованием. Далее начинались расхождения. Рефлексология предметом изучения объявляла соотношение раздражителя и ответа, «нейробиологический монизм»

---

⁷¹ А. В. Петровский обозначил это направление как рефлексологическую вульгаризацию учения о высшей нервной деятельности. См. его книгу «История советской психологии» (М., 1967, гл. II, § 3).

⁷² См. А. Г. Иванов-Смоленский. Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология. М., 1929.

⁷³ Там же, стр. 108.

⁷⁴ Там же, стр. 72—73.

предлагал изучать условнорефлекторную деятельность вне какого-либо ее отношения к психике, или, вернее сказать, в полном отрыве ее от психической деятельности. И то, что у Павлова выступало как ограничение задач физиологии, становится принципом, снимающим психическое как предмет объективного изучения вообще. Только отсутствие экспериментально-физиологического доступа к исследованию работы больших полушарий головного мозга человека оставляло эту область в руках психологии, теперь же, полагал Иванов-Смоленский, физиологическое или неврологическое исследование должно прийти на смену психологическому анализу. Он писал, имея в виду Сеченова и Павлова: «Гениальный взлет одного русского физиолога преодолел эту величайшую трудность и создал первую, физиологическую теорию, пока еще теорию поведения человека, которую, однако, другой русский физиолог, создавший метод условных рефлексов, дал возможность облечь в плоть и кровь экспериментально установленных фактов»⁷⁵. Сеченовская рефлекторная теория оценивалась, таким образом, как поведенческая теория. А Сеченов, боровшийся за создание материалистической психологии, оказывался знаменем тех, кто выступал против психологии как самостоятельной науки.

Интерес представляет оценка с этих позиций психологических дискуссий того времени. Руководствуясь представлением о том, что психология «не является наукой и постепенно распадается, дегенерирует»⁷⁶, Иванов-Смоленский осуждает взгляды Корнилова как психолога-менталиста, а в протестах его против неограниченного биологизма и против забвения того, что человеческое поведение есть фактор не чисто биологический, усматривает «безудержную психологическую агрессию»⁷⁷. В то же время указывается тенденция к психологической переработке и ассимиляции данных физиологии мозга (имеется в виду Л. С. Выготский), что квалифицируется как «психологическое их уродование»⁷⁸. Иванов-Смоленский порицает рефлексологию за то, что она признает субъективные явления. Для него самого вопрос решается просто — ни психика, ни сознание не нужны для науки о поведении. Он осуждает тех учеников Бехтерева, которые предлагают изучать сознание. Однако Иванов-Смоленский пишет: «Мы должны сказать, что рефлексология В. М. Бехтерева в период ее расцвета, несомненно, представляла собою одно из самых близких естествознанию направлений в русской психологии, аналогичное наиболее левым течениям американского психо- или полубихевиоризма. Чутко прислушиваясь к достижениям биологии, физиологии и других естественнонаучных дисциплин,

⁷⁵ См. А. Г. Иванов-Смоленский. Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология, стр. 74.

⁷⁶ Там же, стр. 78.

⁷⁷ Там же, стр. 93.

⁷⁸ Там же, стр. 94.

она уделяла им много внимания, но по существу своему, своим методам и своим принципиальным предпосылкам неизменно оставалась и остается «объективной психологией»⁷⁹.

Заметим, что вульгаризация учения И. П. Павлова в данной концепции была отмечена и осуждена I Всесоюзным съездом по изучению поведения человека в 1930 г.⁸⁰

К представителям течения, которое можно назвать рефлексологической вульгаризацией учения о высшей нервной деятельности, можно отнести В. В. Савича, А. К. Ленца, И. А. Арямова и некоторых других рефлексологов⁸¹. Это течение объявляло путем исследования человеческого поведения «путь полного отказа от всяких психологических понятий и методов, путь естественнонаучного объяснения явлений поведения как явлений органической природы вообще»⁸² и давало биологизаторскую трактовку его⁸³.

ФРЕЙДИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Среди разных программ построения марксистской психологической теории, большей частью поведенческих, особое место по своей направленности занимали концепции, предлагавшие использовать учение З. Фрейда и развивать его на основе диалектико-материалистической методологии. В обращении к фрейдизму была своя логика: фрейдизм выступал против интроспективной психологии. В этом усматривалась общность с ним марксистской психологической теории. Поведенчество, следовавшее механистической формуле стимул — реакция, отвергало не только сознание, но и всю психологию личности, снимало проблему мотивации, так как принимало непосредственную зависимость реакции от внешнего стимула. Психологи, которые не соглашались с тем, что можно отказаться от изучения психики, находили во фрейдизме систему взглядов, по-новому объяснявших психологию личности.

Учение Фрейда привлекало психологов, во-первых, своим противостоянием субъективной эмпирической психологии, открытием новой области — бессознательного; во-вторых, задачей изучения цельной личности, ее потребностей, стремлений, мотивации поведения. Психологи и философы, пытавшиеся соединить фрейдизм с марксизмом, справедливо выделяли весь комплекс

⁷⁹ Там же, стр. 104.

⁸⁰ И. Ф. Куразов. Методологические итоги поведенческого съезда. — «Вопросы изучения и воспитания личности», вып. I—II. М.—Л., 1930.

⁸¹ А. Ленц. Об основах физиологической теории человеческого поведения. — «Природа», 1922, № 6-7; В. В. Савич. Основы поведения человека. Анализ поведения человека с точки зрения физиологии центральной нервной системы и внутренней секреции. Л., 1924.

⁸² А. Ленц. Об основах физиологической теории человеческого поведения. — «Природа», 1922, № 6-7, стр. 8.

⁸³ См. А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. II, § 3.

этих вопросов как имеющих первостепенное значение для психологической теории. В-третьих, учение Фрейда представлялось системой монистической психологии, сводящей детерминацию психического к единой причинности, связывавшей две стороны жизни человека: органическую с биологическими потребностями и побуждениями и социальную, общественную. Как известно, фрейдизм простирает свои выводы на социальные явления и это усиливало интерес к нему, вызывая стремление связать его с историческим материализмом и таким путем ввести марксизм в психологию⁸⁴. Пропагандистам фрейдизма казалось, что это учение проникнуто «монизмом, материализмом... и диалектикой, т. е. методологическими принципами диалектического материализма»⁸⁵, поэтому задачи психологии, поставленные теорией исторического материализма, могут быть решены применением психоаналитического метода Фрейда⁸⁶. Предлагалось исследовать исходные методологические посылки и итоговые выводы «психоаналитического учения в свете диалектического материализма»⁸⁷.

Учение Фрейда трактовалось тогда как материалистически-монистическое представление о цельном организме. «Психоанализ, перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в цельном человеческом организме, резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлекссах человека) твердый фундамент психологии материалистического монизма...»⁸⁸ Психоанализ, считали психологи, увлеченные в то время фрейдизмом, отвечает задаче, поставленной перед психологией марксистской философией,— материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики, они полагали, что фрейдизм, «исследуя поведение личности, ее бессознательные мотивы и их связь с органическими состояниями... идет по пути к созданию монистического учения о поведении личности»⁸⁹.

Довод о зависимости психики от органических причин («психологическая телеология заменяется органической каузальностью...»⁹⁰) казался тогда наиболее убедительным для пропагандистов фрейдовского учения как базы марксистской пси-

⁸⁴ Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма.— В кн. «Психология и марксизм».

⁸⁵ Б. Быховский. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 11-12, стр. 169.

⁸⁶ См. М. А. Рейснер. Проблемы психологии и теория исторического материализма.— «Вестник социалистической академии», 1923, № 3.

⁸⁷ Б. Быховский. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 11-12, стр. 163.

⁸⁸ А. Р. Лурия. Психоанализ как система монистической психологии.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 79.

⁸⁹ Там же, стр. 60.

⁹⁰ Там же, стр. 72.

хологии, поскольку положение о психике как свойстве высокоорганизованной материи реализовалось в утверждении ее детерминации внутриорганическими причинами. «В системе психоанализа особенно подчеркивается зависимость психических функций от раздражений органического порядка; психика вводится в систему организма, изучение ее теряет свою изолированность, которой она отличалась в старой школьной психологии, стремившейся представить психику как нечто не связанное с общей жизнью всего организма и изучавшей мозг вне всяких влияний на него отдельных органов тела (желез внутренней секреции и др.) и общей динамики всего организма. Эта-то попытка ввести психику в общую систему интерреляции органов, рассматривать мозг и его деятельность не оторванно, но наравне с другими органами тела, дать психологии крепкую биологическую базу и тем окончательно порвать с метафизическим подходом к ней — эта попытка составляет крупнейшую заслугу психоанализа»⁹¹.

Сферу психики, которую интроспективная психология ограничивала сознанием, фрейдизм расширил областью бессознательного и предсознательного. Сознание Фрейд подчинил бессознательным органическим влечениям. Таким путем делалась попытка найти новый подход к детерминации сознания и к его соотносительности с внешним миром. Соответственно в обширном фрейдистском учении выделялась характеристика психического аппарата как защитного механизма, оберегающего организм от всевозможных внешних раздражений, регулирующего поступающие раздражения. Место и роль психического аппарата, согласно этому учению, заключается в том, чтобы снизить приходящие извне раздражения, тормозить их доступ в организм, а также снизить тонус раздражений, исходящих из влечений, и привести организм в состояние наименьшего тонуса возбуждения. Психический аппарат подчинен, следовательно, двоякого рода целесообразности — биологической, внутренней, органической и внешней. Движущие силы развития относятся ко внутренним условиям, вся сложность психической деятельности определяется влечениями, которые понимаются как следствие органического процесса, являющегося раздражителем для психики. Фрейдизм занимал, таким образом, позицию, противоположную поведенчеству.

Психика, согласно фрейдистским построениям, мыслится как взаимодействие функций разных систем психического аппарата — бессознательное, предсознательное и сознательное. Причем центральным становится взаимодействие бессознательного и сознательного при ведущей роли бессознательного, являющегося выражением органических потребностей человека.

Новое понимание сознания, казалось, находило ему детерминистическое объяснение. А принцип реальности, подчинен-

---

⁹¹ Там же, стр. 66.

ный в системе психоанализа принципу удовольствия, выделялся на первый план теми, кто хотел соединить фрейдизм с марксизмом и прийти к выводу, что психика все же обуславливается реальной действительностью⁹².

Был и другой довод у сторонников фрейдизма в советской психологии. Это учение, полагали они, связывает возникновение психических явлений с биологическими потребностями и тем самым дополняет исторический материализм. «Исторический материализм связывает психологию человека с социологией, психоанализ — с биологией. Выражаясь точнее, исторический материализм показывает, как социальное создает психологическое, психоанализ же показывает, каким образом биологическое под влиянием социального превращается в психологическое»⁹³.

Последователи фрейдизма считали, что он методологически продолжает исторический материализм, общность с ним фрейдизма они видели в признании потребностей источником деятельности человека. Извращая исторический материализм, они полагали, что марксизм идет к изучению сложных явлений общественной жизни от изучения органических потребностей человека, а психоанализ — к процессам возникновения желаний и способам образования стремления.

Критика психоанализа и попыток объединить фрейдизм с марксизмом шла в советской психологии во второй половине 20-х гг. в русле политической и философской борьбы с ним⁹⁴. На первый план выступала критика социологических взглядов Фрейда и выявление реакционной сущности его учения, но вместе с тем критике подверглось и положение о ведущей роли бессознательного и сексуальных мотивов в детерминации поведения человека. К концу 20-х гг. фрейдизм уже перестал оказывать сколько-нибудь заметное влияние на развитие советской психологии.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Проблему сознания как центральную в психологии отстаивал Л. С. Выготский. Он считал, что, «игнорируя проблему сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека»⁹⁵.

---

⁹² См. Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теории исторического материализма.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 141 и др.

⁹³ Там же, стр. 159.

⁹⁴ Обстоятельный анализ попыток соединить марксизм с фрейдовским учением и внести это учение в советскую психологию, а также разбор критики психоанализа см.: А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. II, § 2.

⁹⁵ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 175.

Об этом Выготский говорил на II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г.⁹⁶

Утверждая необходимость включить понятие сознания в систему марксистской психологии, Выготский этой системой считал психологию поведения. «Психики без поведения так же не существует, как и поведения без психики, потому хотя бы, что это одно и то же»⁹⁷ Поэтому проблему сознания надо рассматривать как проблему психологии поведения. Сознанию «должно быть найдено место и дано истолкование в *одном ряду* явлений со всеми реакциями организма... Сознание есть проблема структуры поведения»⁹⁸, — писал Выготский.

В отказе от исследования сознания, считает он, коренится порок тех систем, которые утверждают в качестве новой психологии. «Вопрос о психологической природе сознания настойчи́во и умышленно обходится в нашей научной литературе. Его стараются не замечать, как будто для новой психологии он и не существует вовсе. Вследствие этого складывающиеся на наших глазах системы научной психологии несут в себе с самого начала ряд органических пороков»⁹⁹.

Самое главное, по мнению Выготского, состоит в том, что «исключение сознания из сферы научной психологии сохраняет в значительной мере весь дуализм и спиритуализм прежней субъективной психологии»¹⁰⁰. Исключение проблемы сознания из психологии означает, что она отказывается искать закономерности, характеризующие своеобразие человеческого поведения, упускает то принципиально новое, что вносит в человеческое поведение сознание. С этих позиций Выготский критикует рефлексологию: «Изучать поведение человека без психики, как это хочет рефлексология, так же нельзя, как и изучать психику без поведения»¹⁰¹. Он показывает всю непоследовательность ее создателя — В. М. Бехтерева. Выготский приводит слова Бехтерева о том, что было бы ошибкой признавать субъективные процессы совершенно лишними явлениями в природе, так как все лишнее в природе атрофируется, а субъективные явления достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах соотносительной, иначе говоря рефлексорной, деятельности. «Можно ли, спрашивается,— продолжает Выгот-

---

⁹⁶ Доклад этот был положен в основу статьи Л. С. Выготского «Методика рефлексологического и психологического исследования». — В кн. «Проблемы современной психологии». Л., 1926.

⁹⁷ Л. С. Выготский. Методика рефлексологического и психологического исследования. — В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 41.

⁹⁸ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 175 и 181.

⁹⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰⁰ Там же, стр. 178.

¹⁰¹ Л. С. Выготский. Методика рефлексологического и психологического исследования. — В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 42.

ский,—исключить изучение *тех* явлений, которые достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах соотносительной деятельности, *той* науки, которая предметом своего изучения делает именно эту соотносительную деятельность»¹⁰².

Непоследовательность Бехтерева выражается в том, что он не исключает субъективную психологию, а отмежевывает ее от рефлексологии, признавая возможность ее существования. «Ведь ясно для каждого, что здесь возможно одно из двух: 1) или полное объяснение соотносительной деятельности без психики — это признает акад. Бехтерев, и тогда психика делается побочным, ненужным явлением — это акад. Бехтерев отрицает; 2) или такое объяснение невозможно — тогда можно ли признавать субъективную психологию, отмежевывать ее от науки о поведении и т. д. Вместо того или другого акад. Бехтерев говорит о взаимоотношении обеих наук, о возможном сближении в будущем...»¹⁰³ Отмечая и далее непоследовательность Бехтерева, Выготский пишет: «Но если психика неотделима от соотносительной деятельности и высшего развития достигает именно в ее высших формах — как же их можно изучать раздельно»¹⁰⁴. Основная предпосылка рефлексологии — допущение возможности построить психологию без психики представляет, по мнению Выготского, «вывороченный наизнанку дуализм субъективной психологии — ее попытку изучать чистую, отвлеченную психику. Это другая половина прежнего же дуализма: там психика без поведения, здесь поведение без психики; и там, и здесь психика и поведение не одно, а два»¹⁰⁵.

Выготский относит к рефлексологии и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, не усматривая в понимании природы психического павловским учением принципиальной разницы с бехтеревской рефлексологией. Он также говорит о непоследовательности И. П. Павлова и делает общий вывод: «И в сущности, *дуализм* и есть настоящее имя этой точки зрения акад. Павлова и Бехтерева... Субъективные или психические явления — на тысячу ладов повторяют рефлексологи... Во взглядах на этот вопрос — решающий вопрос — рефлексология стоит на позиции чистейшего идеализма и дуализма, который правильно было бы назвать идеализмом наизнанку. Для акад. Павлова — это непространственные и беспричинные явления; для акад. Бехтерева — они не имеют *никакого* объективного бытия, так как могут изучаться только на себе самом. Но и Бехтерев, и Павлов знают, что они направляют нашу жизнь. Все же они видят в этих явлениях, в психике, нечто отличное от

¹⁰² Л. С. Выготский. Методика рефлексологического и психологического исследования.— В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 39—40.

¹⁰³ Там же, стр. 40.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 178.

рефлексов, что должно изучаться отдельно и безотносительно к чему должны изучаться рефлексы. Это, конечно, материализм чистейшей воды — отказаться от психики, но только материализм в своей области; вне ее, это — чистейшей воды идеализм — выделять психику и ее изучение из общей системы поведения человека»¹⁰⁶.

Изучение сознания — важнейшая задача психологии, утверждает Л. С. Выготский. «Психологически... сознание есть несомненный факт, первостепенная действительность, и факт огромнейшего значения, а не побочного или случайного. Об этом никто не спорит. Значит, вопрос надо было и можно было *отложить*, но не *снять* вовсе. До той поры в новой психологии не будут сведены концы с концами, покуда не будет поставлена отчетливо и бесстрашно проблема сознания и психики и покуда она не будет решена экспериментально объективным путем»¹⁰⁷. И он дает проект того, как, принимая поведенческую концепцию, считая предметом психологии поведение человека, внести в психологическую теорию материалистический взгляд на сознание.

Поведение человека, так же как и поведение животных, складывается из безусловных и условных рефлексов. Сознание же, полагал Выготский, включается в систему рефлексов как их отражение. «Проблема сознания должна быть поставлена психологией и решена в том смысле, что она есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов»¹⁰⁸. Выготский поясняет свою мысль следующим образом. «Вся разница между сознанием и миром (между рефлексом на рефлекс и рефлексом на раздражитель) только в контексте явлений. В контексте раздражителей — это мир; в контексте моих рефлексов — это сознание. Это окно — предмет (раздражитель моих рефлексов); оно же с теми же качествами — мое ощущение (рефлекс, переданный в другие системы). Сознание только рефлекс рефлексов»¹⁰⁹. Выготский приходит к заключению, что содержанием сознания является не отражение предметного мира, а отражение нервной деятельности: «Сознание есть соотносительная деятельность внутри самого организма, внутри нервной системы, соотносительная деятельность человеческого тела с самим собой»¹¹⁰.

Перед чем же останавливается Выготский? Почему он отказывается соотнести сознание с объективным миром, почему он отказывается от связи сознания с объектом, с предметом? Этот отказ вызван принципиальными соображениями. Принятое

---

¹⁰⁶ Л. С. Выготский. Методика рефлексологического и психологического исследования. — В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 40—41.

¹⁰⁷ Там же, стр. 43.

¹⁰⁸ Там же, стр. 41.

¹⁰⁹ Там же, стр. 41—42.

¹¹⁰ Там же, стр. 42.

Л. С. Выготским понятие сознания соответствует, как он полагает, онтологической точке зрения, которая присуща психологии. Проблема соотношения сознания с объектом, по его мнению, присуща гносеологической точке зрения и выходит за пределы психологии. «В том и заключается методологическая трудность психологии, что ее точка зрения есть точка зрения реально научная, онтологическая, и в ней-то это противопоставление (психического и физического.— *Б*) и было бы ошибкой. Насколько в гносеологическом анализе мы должны строго противопоставлять ощущение и объект, настолько в психологическом мы не должны противопоставлять психический процесс и физиологический» ¹¹¹.

Принимая для психологии только один аспект психического, одно его качество, одну его связь — связь с мозгом, рассматривая его в единстве с физиологическими процессами, Выготский характеристику сознания стремится вывести из мозга, из рефлекторной деятельности как нервной мозговой деятельности. Он характеризует сознание как «систему передаточных механизмов с одних рефлексов на другие» ¹¹². «Способность нашего тела быть раздражителем (своими актами) для самого себя (для новых актов) — такова основа сознания» ¹¹³, — пишет Выготский. Выделяя конечное звено рефлекса, «ответные части» — соматические и двигательные реакции, он опирается на факт такой связи рефлексов, когда при соответствующих условиях ответная часть может стать условным раздражителем или тормозом другого рефлекса. Механизм этот и есть механизм сознания. А применяет он эту закономерность к генезису психического так: «Вой волка вызывает во мне как раздражитель соматические и мимические рефлексы страха; измененное дыхание, сердцебиение, дрожь, сухость в горле (рефлексы) заставляют меня сказать или подумать: я боюсь. Здесь передача с одних систем на другие» ¹¹⁴.

Происходит, следовательно, ответная реакция вне психического отражения, а затем возникает отражение ответной реакции. Еще одно пояснение, даваемое Выготским: «Движение моей руки, воспринимаемое глазом, может быть одинаково раздражителем как для моего, так и для чужого глаза; но сознательность этого движения, те проприо-рецептивные возбуждения, которые при этом возникают и вызывают вторичные реакции, существуют для меня одного. Они ничего не имеют общего с первым раздражением глаза. Здесь совершенно другие

---

¹¹¹ Л. С. Выготский. Психика, сознание и бессознательное.— В сб. «Элементы общей психологии (основные механизмы человеческого поведения)». М., 1930, стр. 53—54.

¹¹² Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 187.

¹¹³ Там же, стр. 186.

¹¹⁴ Там же, стр. 187.

нервные пути, другие механизмы, другие раздражители». Таким образом он поясняет свой вывод: «Психическое потому именно и непохоже ни на что другое, что оно имеет дело с раздражителями *suī generis*, не встречающимися *нигде больше, кроме моего тела*»¹¹⁵.

Выготский видит свое расхождение с павловским пониманием рефлекторной деятельности и полагает, что он преодолевает тот дуализм, в котором упрекает Павлова, поскольку сам он вводит сознание в деятельность организма и находит ему место в системах рефлексов. «Утверждая, что и сознание должно быть понято как реакция организма на свои же собственные реакции, приходится быть большим рефлексологом, чем сам Павлов. Что ж — если хочешь быть последовательным, приходится иной раз возражать против половинчатости и быть большим папистом, чем папа, большим роялистом, чем король. Короли не всегда хорошие роялисты»¹¹⁶.

И действительно, здесь глубокое и принципиальное расхождение Л. С. Выготского с учением И. П. Павлова и не только с ним, но и с рефлекторной теорией психики И. М. Сеченова. Никак не отрицая того обстоятельства, что не только мускулатура, но и все тело со всеми его органами «дает себя знать» большим полушариям, И. П. Павлов возражал тем, кто считал центростремительные импульсы от исполняемых движений ведущими в условнорефлекторной деятельности больших полушарий. «Главнейшая роль» коры состоит в установлении связи с внешним миром, в отражении его свойств, а раздражения от собственных движений служат лишь саморегулированию и уточнению этих движений¹¹⁷. И. М. Сеченов, рассматривая человека не как пассивного реагента на внешние воздействия, а как деятеля, развивая свои идеи о роли «мышечного чувства» в психическом отражении, всегда выделял предметность действия и, присовокупляя к образу предмета образ действия, понимал действие как условие наиболее верного отражения предметного мира, достигаемого в результате активной деятельности в нем человека.

¹¹⁵ Там же, стр. 189.

¹¹⁶ Л. С. Выготский. Методика рефлексологического и психологического исследования. — В кн. «Проблемы современной психологии», стр. 42.

¹¹⁷ И. П. Павлов несколько позже, в 1932 г., выясняя свое расхождение с бихевиористскими представлениями об условнорефлекторной деятельности, отвечая Газри, писал: «Я держу в голове не только центростремительные импульсы от скелетной мускулатуры, но считаю более чем вероятным существование их даже для всех тканей, не говоря об отдельных органах. По моему мнению, весь организм со всеми его составными частями может давать себя знать большим полушариям. Дело, значит, не в моем забвении, а в том, что фактически для нас нет ни малейшего основания понимать факт так, как его толкует автор» (И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2. М.—Л., 1951, стр. 156). А толкование было таково, что условным раздражителем являются не свойства реальных предметов, а поступающие из организма двигательные импульсы.

Свое толкование сознания Выготский применяет к трем традиционным сферам психики — познанию, чувству и воле. Он видит соответствие своей гипотезы теории эмоций Джемса. Известно, что Джемс ставил на первое место телесные реакции и ими детерминировал появление эмоций. Этим, по мнению Выготского, вполне раскрывается, во-первых, рефлекторный характер эмоций, так как за внешним воздействием шла ответная двигательная реакция, и, во-вторых, доказывался вторичный характер сознательности чувства — своя же реакция служит раздражителем новой внутренней реакции. Вот откуда неповторимость, единственность эмоций. В актах познания наблюдается подобная же вторичность сознания. Такую сущность сознательности обнаруживает и воля. Всякое движение первый раз совершается бессознательно, затем его кинестезия делается основой осознания двигательного акта. Сознательность воли дает иллюзию этих двух моментов: я подумал, и я сделал. Однако эти две реакции происходят в обратном порядке.

В понимании сознания как отражения взаимовозбуждения различных систем рефлексов, т. е. в признании его вторичности, и находит психологическое выражение, как утверждал Выготский в своей первой работе о сознании, марксистское положение о том, что бытие определяет сознание.

Особому анализу Выготский подвергает роль слова в рефлекторных актах. Отличительное свойство слова состоит в том, что в рефлексах слово может быть раздражителем и может становиться реакцией. Рефлексы на слово надо характеризовать как обратимые. Слово услышанное — раздражитель, слово произнесенное — рефлекс, создающий тот же раздражитель. Словесные раздражители исходят от людей и воссоздаются воспринимающим человеком, поэтому они представляют, с одной стороны, систему «рефлексов социального контакта», а с другой — «систему рефлексов сознания, т. е. аппарат отражения других систем»¹¹⁸. Через такой контакт и происходит социологизирование сознания.

К какому же выводу приходит автор статьи «Сознание как проблема психологии поведения»? Вывод несколько неожиданный. Этот вывод, по утверждению Выготского, совпадает с выводами Джемса в его известном докладе «Существует ли «сознание»? ¹¹⁹. Об этом Выготский пишет: «Мне представляется чрезвычайно важным и существенным в заключение этого очерка указать на то совпадение в выводах, которое существует между развитыми здесь мыслями и гениальным анализом сознания, который сделан Джемсом... Сознания, как определенной категории, как особого способа бытия, не оказывается. Оно ока-

---

¹¹⁸ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 195.

¹¹⁹ У. Джемс. Существует ли «сознание»? — В сб. «Новые идеи в философии». СПб., 1913, сб. 4.

зывается очень сложной структурой поведения, в частности удвоения поведения». А далее Выготский приводит слова Джемса: «Мысли сделаны из той же материи, что и вещи»¹²⁰.

Почему же получилось такое совпадение и случайно ли оно? Можно отметить в суждениях Выготского несколько поворотных пунктов, которые увели его на тот путь, где произошла встреча с Джемсом. Критикуя рефлексологию за отказ изучать сознание, Выготский вводит сознание в жизнедеятельность организма, ищет ему там место, поскольку справедливо отмечает, что признание психики эпифеноменом физиологических процессов нельзя признать удовлетворительным решением вопроса. Но стремление рассмотреть сознание как проблему психологии поведения приводит к тому, что теряется соотносительность психического с объективной действительностью, психическое теряет свое качество отражения реального мира. Выготский делает детерминантой сознания ответную часть рефлекса и сознание, таким образом, определяется раздражением собственного тела человека. И здесь снова утрачивается связь человека как субъекта деятельности с объективной действительностью.

Рефлексология отвергла психику как предмет объективного изучения, приняв позитивистскую догму о познаваемости лишь непосредственно данных явлений. Изучение рефлекторных актов свелось ею к изучению двигательных реакций на внешние раздражители, рефлексология, как мы уже говорили, в этом разошлась с сеченовской рефлекторной теорией, которая психическое отражение объективного мира включала в качестве необходимой регулирующей функции в рефлекторную деятельность головного мозга, а сознание рассматривала как высшую форму этого регулирования. Л. С. Выготский в решении проблемы сознания опирается на учение о рефлексах, но он, во-первых, уравнивает западноевропейскую физиологическую концепцию рефлекторной деятельности, бихевиористские взгляды с сеченовской теорией и с павловским учением, а, во-вторых, как это ни удивительно, он следует за критикуемой им рефлексологией в утверждении первенствующего значения двигательного, конечного звена рефлекса. Тот разрыв между сознанием и деятельностью, который имеется в рефлексологии, остается и у Выготского, поскольку сознание у него получает лишь поведенческую характеристику. Отражение связывается прежде всего с двигательными реакциями человека и тем самым приобретает совсем иное содержание, чем то, которое дается ему диалектико-материалистическим мировоззрением. Объективная действительность как исходная детерминанта психической деятельности, а также отражательная сущность психического выпадает, следовательно, из системы взаимосвязей психического. В каче-

---

¹²⁰ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 197—198.

стве предмета психологического исследования остаются двигательные реакции и их отражение сознанием. Здесь и происходит пересечение со взглядами Джемса, который, восприняв махистские идеи, заявил о том, что «сознание испарилось», и оставил в качестве объекта психологического исследования внешние реакции, лишённые психического содержания. Таким образом, психология сознания показала свою оборотную сторону — психологию поведения. Поведенческая характеристика сознания обнаружила свою несостоятельность на том же пути снятия основного для психики соотношения — взаимодействия субъекта и объекта.

Концепция сознания, противопоставленная рефлексологии, не смогла оторваться от нее в трактовке рефлексорной теории. И это коренилось в их общем методологическом принципе: они не усмотрели существенного положения сеченовской рефлексорной теории, введившей психику в рефлексорные акты в качестве регулятора действия. Поэтому, с одной стороны, стал возможным отказ от исследования психики рефлексологией и, с другой — стало необходимым конструирование психики из двигательной активности, ибо поставлена задача ввести сознание в поведение и дать ему поведенческую характеристику.

Мы подробно останавливаемся на взглядах Л. С. Выготского потому, что его статья, по замыслу, была программной. «Нам сейчас,— писал он,—... важно наметить, что же именно требуется доказать, а потом браться за доказательство; сперва составить задачу, и потом решать ее»¹²¹. Высказанные мысли определяют линию его дальнейших трудов.

К вопросу о природе психического Л. С. Выготский возвращается снова и снова, подчеркивая, что это вопрос методологический и в зависимости от него решается судьба психологии. Он формулирует положение о единстве психических и физиологических процессов, о том, что это единство надо понимать как включение данных процессов в целостный психофизиологический процесс, «который характеризуется со стороны субъективной и объективной одновременно»¹²². «Мы приходим таким образом к признанию своеобразных психофизиологических единых процессов, представляющих высшие формы поведения человека, которые мы предлагаем называть *психологическими процессами*, в отличие от психических и по аналогии с тем, что называется физиологическими процессами»¹²³. Обосновывает он свое предложение побуждением дать методологическое определение взаимоотношения психических и физиологи-

---

¹²¹ Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 198.

¹²² Л. С. Выготский. Психика, сознание и бессознательное.— В сб. «Элементы общей психологии (Основные механизмы человеческого поведения)». М., 1930, стр. 52.

¹²³ Там же, стр. 53.

ческих процессов. Это методологическое требование направлено против реактологии, против ошибок тех психологов, которые считают, что психология должна складываться из чисто физиологического изучения условных рефлексов и интроспективного анализа, которые механически объединяются друг с другом. Диалектическая психология, как пишет Выготский, пытается по-новому определить предмет своего изучения. «Это есть целостный процесс поведения, который тем и характерен, что он имеет свою психическую и физиологическую сторону, но психология изучает его именно как единый и целостный процесс, только так стараясь найти выход из создавшегося тупика»¹²⁴. Но какова же роль психического в этом единстве? Психическое Выготский рассматривает «как субъективное выражение тех же самых (т. е. физиологических.— Б.) процессов, как особую сторону, особую качественную характеристику высших функций мозга»¹²⁵. И тут Выготский сближается и с реактологией и с рефлексологией, также считавшими психику субъективным выражением физиологических процессов.

Постановка Выготским проблемы сознания как центральной для психологии, произведенная им первоначально в рамках психологии поведения, привела его в дальнейшем к преодолению поведенчества. Он ищет новых решений этой проблемы в разработке учения о развитии высших психических функций.

ДИСКУССИИ ПО РЕФЛЕКСОЛОГИИ И РЕАКТОЛОГИИ

В. М. Бехтерев, как уже говорилось, предлагал заменить психологию рефлексологией. Между тем рефлексология все более и более отходила от психологической проблематики. В конце концов Бехтерев пришел к «коллективной рефлексологии», которая, как он считал, должна была заняться изучением общественной жизни человека, применяя «биосоциальный метод». Расширение программы рефлексологии рождало новые трудности, упрощенное биологизаторство общественных явлений вызывало все большие сомнения в принятой методологии у той большой группы исследователей, которая шла за Бехтеревым. В большинстве своем это были врачи-невропатологи и психиатры. Среди рефлексологов начались разногласия. Сдерживаемые авторитетом В. М. Бехтерева, эти разногласия после его смерти в 1927 г. очень обострились. Это привело к тому, что в 1929 г. методологическая секция Общества рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики организовала дискуссию, которая поставила своей целью разработать программу дальнейшего развития рефлексологии.

Рефлексологическая дискуссия происходила в Ленинграде

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 52.

с 4 мая по 10 июня 1929 г. Она была продолжена на специальной конференции по методологическим основаниям рефлексологии, организованной Государственным рефлексологическим институтом по изучению мозга им. Бехтерева. Конференция состоялась 24—30 сентября 1929 г.¹²⁶ Доклады В. Н. Осиповой, А. Л. Шнирмана, И. Ф. Куразова и других рефлексологов были посвящены методологическим вопросам и главным среди них был: рефлексология или психология? С решением методологических проблем связывалось существование рефлексологии как самостоятельной научной дисциплины.

Мнения о том, как дальше развивать рефлексологию, разошлись. Далеко не все разделяли теперь взгляд на необходимость отказаться от исследования психики. Обсуждая методологические вопросы, выдвинутые практикой экспериментального исследования, которая высоко ценилась рефлексологией, многие рефлексологи пришли к заключению о необходимости единого, целостного изучения поведения, включающего и изучение психики, и совершили методологически важный шаг, выделив проблему психического как подлежащую изучению. В. Н. Осипова настаивала на том, что во имя сохранения рефлексологии надо ввести психическое в предмет ее изучения. Исключение психики из предмета рефлексологии ведет «к идеалистическому пониманию психики,— говорила она,— к упрощенному, механистическому пониманию поведения, к узаконению прав самой идеалистической психологии наравне с объективной наукой — рефлексологией. Тогда рефлексология не может называть себя наукой о поведении в целом. Двух же противоположных наук об одном предмете быть не может».

Но как ввести психическое в рефлексологию? Суждения были разные. В. Н. Осипова рассматривала психику как качественную сторону соотносительной деятельности, как ее часть. «Поэтому, признавая качественную сторону реальностью, рассматривая ее как момент высших форм соотносительной деятельности, исходя из примата объективно материального, физиологического над психическим, объясняя его из развития всей соотносительной деятельности, рефлексология должна включить в своей предмет изучение качественной стороны, что ни в какой мере не превращает рефлексологию в психологию»¹²⁷

Б. Г. Ананьев, проследившая логику развития рефлексологии, обусловленную ее борьбой с идеализмом, пришел к выводу, что «отрицать психику и сознание и сводить их к простейшим формам соотносительной деятельности — недопустимый методологический просчет... Психику и сознание не следует искать за пределами соотносительной деятельности, их нужно изу-

¹²⁶ Материалы дискуссии опубликованы в двух сборниках: «Рефлексология или психология? Материалы дискуссии». Л., 1929; «Рефлексология и смежные направления. Материалы II конференции». Л., 1930.

¹²⁷ «Рефлексология или психология? Материалы дискуссии», стр. 17.

чать и вскрыть в пределах этой деятельности»¹²⁸. К такому же выводу приходит и И. Ф. Куразов: «Развитие рефлексологии привело к необходимости расширить и углубить ее предмет изучения, ...включить в нее социальные мотивы и факторы, с одной стороны, и всю многообразную систему явлений сознания, с другой...»¹²⁹.

Проблема сознания, заявляли участники дискуссии, требует применения новых методов — социологических. «Проблема сознания будет закрыта для рефлексологии до тех пор, пока социологический метод в «биологии личности» не явится методом основным и определяющим», — указывал Б. Г. Ананьев¹³⁰. Столь же важна и постановка вопроса о введении принципа развития, «исторического принципа бытия» в изучение человеческих форм поведения, их социальной детерминации. На том этапе развития рефлексологии это было выражено как требование развития «социогенетической рефлексологии».

Однако некоторые докладчики, например Г. Н. Сорохтин, продолжали настаивать на том, что нет нужды изменять предмет рефлексологии, поскольку психические феномены «являются бездеятельным субъективным отражением нервно-физиологического процесса, они не входят в область изучения рефлексологии»¹³¹. Надо сказать, что, несмотря на разные мнения о том, включать или не включать изучение психических явлений в предмет рефлексологии, представление о психическом как интроспективном выражении соотносительной деятельности или субъективном отражении нервно-физиологического процесса сохраняется рефлексологами.

Признание необходимости изучения сознания большинством участников рефлексологической дискуссии означало, по сути дела, отрицание тех основных принципов рефлексологии, которые противопоставляли ее психологии. Такой результат немедленно был отмечен психологами: «рефлексологи... говорят уже о таких вещах, о которых раньше и слышать не хотели»¹³². Но оценка эта была сделана представителями все еще господствовавшей реактологии, считавшими ее единственно марксистской психологией. А потому ответ на поставленный рефлексологами вопрос о том, как подойти к исследованию сознания, не отказываясь от требований объективного метода, давался такой: «Психологи-марксисты давным давно оценили методологически эмпирическую психологию и подвели под психологию научный материалистическо-диалектический базис, диалектически синте-

---

¹²⁸ Там же, стр. 32—33.

¹²⁹ Там же, стр. 66.

¹³⁰ Там же, стр. 36.

¹³¹ Там же, стр. 25.

¹³² Б. В. Беляев. Начало конца рефлексологии. — «Психология», 1930, т. 111, вып. 1, стр. 143.

зировав старую идеалистическую психологию с вашей механически-материалистической рефлексологией»¹³³.

То методологически верное различие между предметом исследования и принятым методом, между предметом, подлежащим изучению, и концепцией, утвердившейся в науке, к которому пришли рефлексологи, поставившие на обсуждение вопрос об изучении психической деятельности объективными методами, оказалось недоступным представителям реактологии. И они предрекали, что работа над методологией приведет рефлексологов к тому синтезу, который получился у Корнилова. Вместе с тем противники рефлексологии справедливо усматривали и подчеркивали как результат дискуссии «начало конца рефлексологии». «Но что же, спросим мы, останется от рефлексологии?.. Непонятно только, зачем сохранять термин «рефлексология», раз он «опустошил» сам себя»¹³⁴ — не без основания замечали ее критики.

Обсуждение методологических вопросов продолжилось реактологической дискуссией, завершенной в июне 1931 г. В этой дискуссии происходит объединение психологов на новых позициях — борьбы с механицизмом и поведенчеством в условиях использования результатов нового этапа философской дискуссии, выяснения методологических ошибок как механистического течения в советской философии, так и деборинской группы. Овладение ленинским философским наследием, применение марксистско-ленинской методологии к психологической теории, к анализу зарубежных направлений, к разбору ошибок механистических построений — так формулировались задачи психологии при подведении итогов дискуссии по реактологической психологии. Было обращено внимание на то, что механицизм представляет главную опасность. В то же время была отмечена необходимость борьбы и с теми ошибками, которые восходили к неверным положениям философов, группировавшихся вокруг Деборина, и подверглись критике в философской дискуссии. Одной из таких ошибок явился отрыв психологической теории от практики. Отмечалась также недостаточная разработка научного наследства Ленина в области психологии и преувеличение роли Плеханова, некритическое восприятие его некоторых теоретических положений, отразившееся в истолковании методологических вопросов, в частности в попытках психологизировать исторический материализм и социологизировать психологию¹³⁵.

---

¹³³ Б. В. Беляев. Начало конца рефлексологии. — «Психология», 1930, т. III, вып. 1, стр. 135.

¹³⁴ Там же, стр. 142.

¹³⁵ См. «Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6 июня 1931 г.)». — «Психология», 1931, т. IV, вып. I, стр. 2.

Положение о необходимости борьбы на два фронта стало исходным не только для выяснения методологических ошибок реактологии, но и для нового обсуждения рефлексологического направления. Критика двух ведущих направлений сомкнулась при выяснении общей для них механистической методологии. Важнейшим было положение о том, что ни одна из психологических концепций (К. Н. Корнилова, В. М. Бехтерева, В. М. Боровского, Л. С. Выготского и др.), утверждавших себя в качестве марксистской психологии, не смогла воплотить в своих построениях марксистские взгляды.

Наиболее подробную оценку получила реактология. «Исторически реактология сослужила прогрессивную роль в борьбе с реакционно-идеалистической психологией Лопатина, Челпанова и т. п., с одной стороны, и с енцименианством и рефлексологией — с другой. Однако возникшая сама как продолжение метода реакций вундтовской школы физиологической психологии и выросшая на почве эмпирической психологии Челпанова, затем эклектически соединенная с рефлексологией и бихевиоризмом, она не исходила и не могла исходить в своей борьбе из марксистских позиций»¹³⁶. Причина такого положения состояла в том, что «возникшая как эклектическое сочетание совершенно различных психологических школ, имеющих свои корни в буржуазной философии и социологии, реактологическая психология некритически и без переработки перенесла к нам чуждые стране строящегося социализма буржуазные учения, их методы и методики...»¹³⁷ Отсюда следовал вывод о необходимости построения принципиально новой психологической теории. Теоретический раздел итогов был мало разработан. Высказывалась мысль, что «нужно в качестве основных принципов выдвинуть: а) *созидающую и формирующую роль труда* по отношению ко всем психологическим процессам... б) тесную связь психологии с физиологией труда, с физиологией высшей нервной деятельности...»¹³⁸

На этом закончились в 20-х гг. дискуссии о предмете, методе и задачах психологии, которые, при всем многообразии предлагаемых концепций, проходили под знаком поведенчества.

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ

Попробуем проследить основные линии теоретических поисков в начальный период советской психологии — в 20-е гг. Первый этап можно охарактеризовать как объединенный фронт советских психологов против идеалистической психологии. В наступлении на идеализм была выработана общность позиций,

---

¹³⁶ Там же, стр. 4.

¹³⁷ Там же, стр. 5.

¹³⁸ Там же, стр. 6—7.

с которых велась его критика: взгляд на психику как на свойство мозга и требование отказа от субъективного метода в пользу объективного.

Тезис о психике как свойстве высокоорганизованной материи принимается всеми, кто выступает против идеалистической интроспективной психологии. Он разворачивается на основе механистической методологии и реализуется в поведенческих концепциях. В этих условиях положение о психике как отражении трактуется в системе отношения психики и мозга, вне отношения психики к объективному миру. Поэтому психика понимается не как отражение внешнего мира, а как отражение нервных процессов, их субъективное выражение или субъективная сторона объективных физиологических процессов. Такое понимание психического мы встречаем не только у психологов, но и у физиологов.

Разработка и обсуждение программ построения новой психологии вызывает разъединение и борьбу по основным теоретическим вопросам: о природе психического, предмете и методе психологии. Обособляется фрейдистская концепция. Расхождения между разного рода поведенческими построениями начинаются с того, включать ли психику в предмет психологии поведения или нет. Здесь пролегает граница между рефлексологией и реактологией. Рефлексология отказывается от изучения психики, связывая возможность ее исследования только с применением субъективного метода интроспективной психологии. Последователи американского бихевиоризма в этом отношении разделяют взгляды рефлексологов. Реактология ставит своей целью сохранить психику как предмет изучения и потому удерживает старую интроспективную концепцию сознания, соединяя ее с поведением. Проблема сознания становится центральной и в концепции Л. С. Выготского, который преобразует понятие сознания и включает его в психологию поведения. Концепции, сводящие психику к физиологическим нервным процессам предлагают заменить психологию физиологией.

Марксистский тезис о роли деятельности человека в формировании его сознания конкретизируется в психологических учениях таким образом, что деятельность отрывается от характеристики психики как отражения действительности. Понятие деятельности человека оказывается подчиненным поведенческой трактовке и подменяется понятием поведения. В противоречии с марксистскими взглядами на человека как субъекта деятельности поведенческая психология рассматривает его в качестве пассивного реагента на внешние раздражения и деятельность его отрывает от психики. Вопрос о сознании, которым пренебрегает поведенчество, требует своего решения именно в связи с тем, что психология приходит к признанию творческой, преобразующей мир общественной деятельности человека в марковом ее понимании. Включение в предмет психологического

исследования сознания и деятельности в ее поведенческой трактовке и неминуемое их столкновение при рассмотрении в плоскости поведенчества выдвигает на первый план исследование связи сознания и деятельности, что и становится ближайшей целью марксистской психологической теории.

Воплотить в психологической теории основополагающие положения марксистской философии о природе психики психологи могли лишь с помощью диалектического метода. Для диалектического подхода особую важность имело соотнесение характеристик психики в разных системах ее отношений с разными явлениями материального мира. Между тем в первые годы советской психологии ей это оказалось недоступно. Психология еще не связывала характеристики психического между собой и произвольно переносила их из одной системы отношений в другую или обособляла одни свойства и качества психики от других. Например, в результате смешения гносеологической и онтологической характеристик произошел перенос понятия отражения в систему взаимоотношения психического и физиологического, а в результате отрыва онтологической характеристики от гносеологической понятие отражения было перенесено на отражение в сознании деятельности человеческого организма.

Предлагаемые теоретические концепции, вызвавшие горячие споры, в той или иной мере опирались на учение о рефлекторной деятельности мозга — будь то рефлексология, реактология или другие построения. Рефлекторная деятельность понималась ими только как физиологическая. Психика сочеталась с ней разными способами: или в качестве субъективных явлений, сопутствующих ей, или в качестве ее равноправной части, образующей вместе с рефлексам целостный, единый психофизиологический процесс. Некоторые теории целиком вытесняли психику учением о рефлекторной деятельности мозга, искореняя из этого учения все, что могло иметь отношение к психике. Такая трактовка рефлекторной деятельности расходилась и с сеченовской теорией рефлексов головного мозга, созданной как теория происхождения психического, и с методологическими принципами павловского учения, но психологи не видели этого. Они связывали и сеченовское и павловское учение с механистическими воззрениями. Между тем анализ поведенческих программ, которые предлагались в 20-х гг. для создания новой психологической теории, показывает, что никак нельзя считать, что в это время происходит внесение в марксистскую психологию сеченовской и павловской рефлекторной концепции психики.

Борьба с механицизмом в философии, преодоление механицизма в психологии и связанное с этим крушение рефлексологии имели в отношениях психологии с сеченовским учением и с павловской физиологией далеко идущие следствия. Справедливо критикуя механицизм бехтеревской рефлексологии и реф-

лексологическую вульгаризацию учения о высшей нервной деятельности, выясняя несостоятельность их теоретических позиций, противоречие их с марксизмом, психологи в то время не сумели провести границу между рефлексологическими построениями и сеченовской рефлекторной теорией, а также физиологическим учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности¹³⁸. Ошибочные взгляды рефлексологии, ее методологические ошибки переносились и на сеченовское и на павловское учение. Несостоятельность рефлексологии была воспринята как свидетельство слабости рефлекторной теории психики, а следовательно, учений И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

Вместе с борьбой против реактологии и рефлексологии была объявлена борьба «против попыток истолкования при помощи методов условных рефлексов школы Павлова всего сложного и своеобразного поведения человека»...¹³⁹ В этом тезисе речь шла о методе условных рефлексов. И в той мере, в какой учение И. П. Павлова тогда трактовалось как применение методики условных рефлексов к изучению поведения человека, этот тезис, направленный против вульгаризации павловского учения, был справедлив, так как попытка такого истолкования была следствием механистического подхода к учению о высшей нервной деятельности. На деле же началось отрицание ценности для психологии павловского учения в целом.

Для характеристики позиций некоторых психологов приведем выдержку из одного доклада о построении советской психологии, сделанного в 1929 г. в Ленинградском институте марксизма. В равной степени враждебными марксизму докладчик Б. А. Фингерт считал интроспективную психологию и павловское учение. «В стороне от... путей советской психологической науки,— заявлял он,— стоят два направления, полярные по отношению друг к другу, но одинаково враждебные по отношению к марксистской психологии. Одно из них, связанное с именем Челпанова, представляет собой своеобразную попытку микрии под марксизм глубоко враждебного марксизму течения буржуазной психологии — эмпирической психологии... Челпанов не борется с психологией, но, поскольку он ведет борьбу с марксизмом (а его путь — путь борьбы с марксизмом), по-

---

¹³⁸ Как уже отмечалось, разграничение рефлексологии и учения о высшей нервной деятельности проводилось самими В. М. Бехтеревым и И. П. Павловым. Достаточно четко это проведено и в докладе А. Л. Шнирмана «Рефлексология и учение об условных рефлексах», сделанном им на второй методологической конференции по рефлексологии (см. «Рефлексология и смежные направления. Материалы II конференции методологической комиссии Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева 24—30 сентября 1929 г. Л., 1930). Однако эти суждения не повлияли на общую оценку, принятую большинством психологов.

¹³⁹ «Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6 июня 1931 г.» — «Психология», 1931, т. IV, вып. 1, стр. 6.

Столькѹ онъ выступаетъ противъ *научной* (марксистской) психологѣи. Второе враждебное марксистской психологѣи течение... исходитъ изъ диаметрально противоположныхъ Челпанову предпосылокъ. Это течение въ *своей основѣ* — материалистическое; оно не ставитъ себѣ прямой задачей борьбу съ марксизмомъ, больше того, въ лицѣ некоторыхъ своихъ представителей оно даже пытается протянуть руку марксизму, но поскольку оно выступаетъ противъ психологѣи, какъ автономной науки, постольку оно... становится въ ряды противниковъ марксизма. Мы имеемъ въ виду физиологическую школу Павлова и рефлексологическую школу Бехтерева»¹⁴⁰.

При этомъ главную задачу Фингертъ виделъ въ борьбѣ противъ павловской физиологѣи и рефлексологѣи. «Если челпановская попытка выступленія противъ психологѣи, построенной на базѣ диалектическаго материализма, можетъ считаться отошедшей въ область исторіи... то направленія физиологическое и рефлексологическое... представляютъ собой актуальнейшую идеологическую силу»¹⁴¹.

Б. А. Фингертъ, какъ мы видимъ, объединялъ и рефлексологию, и павловское учение, и вульгаризаторскіе физиологическіе течения. Правда, въ другомъ мѣстѣ того же доклада учение И. П. Павлова выделяется особо. Вотъ что здѣсь говорится: «Учение объ условныхъ рефлексахъ представляетъ собой одно изъ величайшихъ достижений научной мысли, будучи рассматриваемо въ тѣхъ границахъ, на которыя оно только и можетъ претендовать. Вскрывая механизмы, лежавшіе въ основѣ высшей нервной дѣятельности животнаго, учение объ условныхъ рефлексахъ темъ самымъ вскрываетъ происхождение индивидуальнаго, приобретеннаго опыта и его соотношенія съ опытомъ родовымъ, наследственнымъ, являясь, такимъ образомъ, какъ бы продолженіемъ дарвиновскаго учения. Далѣе — учение объ условныхъ рефлексахъ, установивъ роль высшихъ отделовъ центральной нервной системы, ...указываетъ научной психологѣи пути къ разрешенію вопроса объ объективномъ субстратѣ психическаго — вопроса о той ступени развитія организованной матеріи, на которой возникаетъ психическое. И, наконецъ, учение объ условныхъ рефлексахъ даетъ неоценимыя методологическіе приемы въ руки научной, марксистской, материалистической психологѣи человека»¹⁴². Однако докладчикъ не стремился отделить павловское учение отъ рефлексологическихъ теорій и установить его взаимодействіе съ психологѣей, а хотѣлъ показать границу между нимъ и психологѣей. Вульгаризація павловскаго учения и попытки замѣнить психологию физиологѣей действительно подтверждали большую опасность, но глубоко ошибочно было утвердившееся мнѣніе, что учение о реф-

¹⁴⁰ Б. А. Фингертъ. Къ вопросу о построении научной психологѣи.— В кн. Л. Выготскій, С. Геллерштейн, Б. Фингертъ, М. Ширвиндт. Основные течения современной психологѣи. М.— Л., 1930, стр. 19—21.

¹⁴¹ Там же, стр. 21—22.

¹⁴² Там же, стр. 79—80.

лексах не имеет значения для психологической теории, поскольку относится к простейшим физиологическим актам организма.

Такое заблуждение в отношении к павловской физиологии проистекало из-за поверхностного знакомства с павловским физиологическим учением и с психологическим учением И. М. Сеченова, из-за отсутствия философского анализа их методологических принципов. В результате советские психологи отстранялись от учения о высшей нервной деятельности в то время, когда открытие закономерностей деятельности головного мозга готовило прочную основу для новой психологии. Мы хотим подчеркнуть факт этого расхождения, чтобы объяснить, почему в 30-х гг. и первой половине 40-х гг. психологические исследования развиваются вне связи с рефлексорной концепцией психики.

Указанное заблуждение укреплялось существовавшим тогда неверным взглядом на историю русской психологии. В ней не только не видели ее отличительной черты, действующего во второй половине прошлого века передового материалистического, теоретического и экспериментального направления, но считали ее в досоветском периоде наиболее отсталой в мировой психологии. «В развитии психологии в дореволюционной России и первые годы после революции был ряд специфических черт. В некоторое отличие от Западной Европы и Соединенных Штатов психология в России была исключительно спекулятивной и умозрительной отраслью философии», — писал А. Таланкин. «Отдельные указания Ленина на материалистические моменты в психологии отнюдь не относились к российской психологии»¹⁴³, заключал он, находясь в неведении ее действительной истории.

Только учитывая действительную историю отечественной психологии в дореволюционное время, эволюцию воззрений В. М. Бехтерева, ход развития учения И. П. Павлова и борьбу с ним идеалистического лагеря в психологии, а также борьбу советской психологии с интроспективной психологией и направление теоретических исканий советских психологов в первые десятилетия советской власти, их методологические установки, их взгляды на историю русской психологии, можно понять, почему тогда не была поддержана сеченовская программа развития материалистической психологии, хотя она, предлагая рассматривать психику как рефлексорную деятельность мозга, больше всего приблизилась к марксизму своими материалистическими принципами подхода к психической деятельности.

Прошло не мало времени, пока в результате философского марксистского анализа и рефлексорная теория Сеченова и павловское физиологическое учение были отмежеваны от рефлексологии Бехтерева, получили должную оценку. Рефлексология в свою очередь подверглась историко-теоретическому исследо-

---

¹⁴³ А. Таланкин. О «марксистской психологии» проф. Корнилова. — «Психология», 1931, т. IV, вып. 1, стр. 25.

ванию, которое позволило выяснить философские ошибки такого большого ученого — психолога, невролога и психиатра, каким был В. М. Бехтерев, понять их влияние на его научное творчество на разных этапах его деятельности, никак не ограничивавшейся учением, созданным им в последний период его жизни и названным рефлексологией.

В результате философских и психологических дискуссий 20-х гг. был совершен поворот в развитии советской психологии. Но следствия механистической методологии в решении ряда проблем психологической теории продолжали влиять на ее развитие. В психологической теории оставались и действовали понятия, заключавшие механистические воззрения и ждавшие своего дальнейшего преобразования, оставались проблемы, решенные с позиций механицизма, и методы, связанные со старыми концепциями психического.

По мере разработки диалектико-материалистических принципов психологической теории, по мере решения ею философских вопросов в марксистской психологической науке создавались условия для того, чтобы вновь подступить к проблемам, где ранее потерпел неудачу механистический подход, чтобы вновь решить их, но на новом теоретическом уровне. Это относится к отстраненной в 30-х гг. проблеме взаимоотношения психических и физиологических процессов, а вместе с ней и к проблеме взаимоотношения психологии и физиологии. В таком положении оказались и проблемы, первоначально связанные с фрейдизмом. Вместе с отрицанием самого фрейдовского учения были отброшены и те проблемы, которыми занимался фрейдизм — проблемы бессознательного, потребностей, мотивации. Вопросы взаимоотношения сознательного и бессознательно-го начали экспериментально исследоваться лишь Д. Н. Узнадзе. В 50—60-е гг. вместе с исследованием психологии личности поднимаются проблемы потребностей и мотивации.

Философские и психологические дискуссии, острая критика реактологии и рефлексологии, борьба против механистических тенденций в психологии, связанных с механистическими взглядами в философии, неудачи, вызванные слепым подражанием зарубежной психологии, со всей очевидностью показали, что на новой философской основе должна быть построена психологическая система, которая предполагает новое решение в психологии главных теоретических вопросов, непосредственно связанных с философией, — философских проблем психологии. Крушение всех попыток приспособить к марксизму прежние построения психологии заставляло взяться за очень сложную задачу — создать новую систему материалистической психологии, опирающуюся на прочный философский фундамент диалектического материализма. Эта задача до наших дней определяет главное направление теоретической мысли в советской психологии.

Глава II

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

БОРЬБА ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА В ПСИХОЛОГИИ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Советские психологи приняли марксизм не только как философскую основу для своих исследований, но и как революционное учение о закономерностях общественного развития, истинность которого была доказана революционной практикой низвержения русского самодержавия и построением нового общественного строя. Сама действительность утверждала мысль, что нельзя понять психологию человека без учета классовой психологии. Вопросы социальной психологии были поставлены перед наукой молодой советской страны революционной действительностью. Революционный переворот, передавший государственную власть в руки Советов, обнажил всю силу классовой борьбы в современном обществе. Теоретические положения марксизма подтверждались практикой революционной борьбы, становились руководством к действию. Идеологическая борьба порождала стремление к установлению непосредственной связи конкретных наук с теорией исторического материализма.

Необходимость перевоспитания людей с буржуазной и мелкобуржуазной психологией, выросших в условиях старого общества и поставленных революцией в новые жизненные условия, требовала решения проблем социальной психологии, выяснения психологических устоев людей различных социальных групп и слоев. Положение о роли социальной среды, о конкретно-исторической классовой обусловленности психики человека выдвигается с первых лет советской психологии. Первым поставил этот вопрос в 1921 г. П. П. Блонский. «Традиционная общая психология,— писал он,— была наукой о человеке, как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни»¹. «Лишь на основе социаль-

---

¹ П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921, стр. 12.

ных движущих факторов нам становится понятной и та индивидуальная психология, которой занимается эмпирическая психология»², — заявлял К. Н. Корнилов.

В начальный период развития советской психологии проблема общественно-исторической детерминации психики сливалась с проблемами социальной психологии. В выступлениях П. П. Блонского, К. Н. Корнилова и других психологов шла речь и о необходимости изучения социальной детерминации психики человека, и о необходимости изучения явлений общественной психологии. И то и другое подразумевалось, когда говорили о социальной психологии. Развивая мысль о том, что поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни, Блонский делал вывод: «Поэтому научная психология есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или другого индивидуума»³. Так же думал и Корнилов: «Мы должны идти не от индивидуальной психологии к социальной, а обратным путем...»⁴.

П. П. Блонский в своем «Очерке научной психологии» — первой работе, посвященной задаче создания марксистской психологии, писал: «Человеческое «я» есть «я» социальное, обозначающее человека, который живет в обществе других. Человеческий индивидуум есть социальный продукт; он не абстрактная общественная единица и не столь же абстрактная внеобщественная индивидуальность, но именно вполне конкретный продукт действующей на него активной и изменчивой человеческой среды...»⁵. Он подчеркивал: «В классовом обществе понятие «человека вообще» есть пустое отвлеченное понятие: общественное поведение человека определяется поведением его класса, и каждый человек непременно есть человек того или другого класса. В этом отношении мы должны быть глубоко историчными и всегда приводить поведение человека в связь с классовой ситуацией в данный момент. Это должно быть основным методологическим приемом для всякого психолога»⁶.

Вопросов социальной психологии касались почти все участники дискуссии 20-х гг. о природе психического. Поднятые в обстановке революционной ломки буржуазного общественного строя, в обстановке построения новой идеологии, эти вопросы привлекали внимание не только психологов, но и философов,

---

² К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. — В кн. «Психология и марксизм». М. — Л., 1925, стр. 12.

³ П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921, стр. 12.

⁴ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. — В кн. «Психология и марксизм», стр. 22.

⁵ П. П. Блонский. Очерк научной психологии, стр. 54.

⁶ Там же, стр. 73.

юристов, историков, журналистов. Поэтому и обсуждение шло не только в рамках дискуссии, происходящей в психологической науке и отражающей борьбу в ней, но и за ее пределами.

В первые послереволюционные годы стержневой в советской психологии была борьба против идеалистической теории, которую защищал и отстаивал Г. И. Челпанов. Тезис о социальной обусловленности психологии человека был противопоставлен идеалистической психологии вместе с материалистическим взглядом на природу психического. И тут Г. И. Челпанов использовал создавшуюся обстановку и особый интерес к социальным проблемам, чтобы отвести удар от идеалистической психологии. Он представил дело так: марксизм должен заниматься социальной психологией, для этого надо воссоединить марксистские положения об идеологии с уже имеющимися социально-психологическими теориями, а собственно психология как эмпирическая наука должна быть независимой от марксизма наукой⁷ «Символом реформы психологии при идеологии марксизма должна быть... только лишь организация институтов социальной психологии»⁸.

Не в силах удержаться от злобного выпада против павловского учения и в то же время лучше многих других понимая значение этого учения для материалистической психологии, а потому желая принизить его, Челпанов писал: «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии»⁹ Защита идеализма под флагом разделения психологии на экспериментальную, якобы нейтральную, а по существу идеалистическую науку, и на социальную, подчиненную марксистской методологии, была разоблачена как один из стратегических ходов идеалистического лагеря. Челпанову не удалась его попытка, он потерпел неудачу. Психологи единодушно отвергли противопоставление методологических позиций экспериментальной и социальной психологии.

Несмотря на единодушный отпор Челпанову, его идеи оказали свое влияние, которое выразилось своеобразно. Противоположение идее разделения методологических принципов и ограничения сферы действия марксизма, прежде всего состояло в такой постановке вопроса о предмете социальной психологии, которая включала в этот предмет всю общую психологию. Основываясь на марксистском положении о том, что психика че-

---

⁷ См. Г. И. Челпанов. Социальная психология или «условные рефлексy»? М.— Л., 1926.

⁸ Г. Челпанов. Спинозизм и материализм. (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927, стр. 44.

⁹ Г. И. Челпанов. Социальная психология или «условные рефлексy»? М.— Л., 1926, стр. 10.

ловека социально детерминирована, психологи ставили вопрос: быть ли наряду с общей психологией психологии социальной, или следует всю общую психологию назвать социальной и подразделить ее на психологию индивида и психологию коллектива, поскольку формы и законы коллективного поведения не аналогичны формам и законам индивидуального поведения. Предлагалось, следовательно, признать предметом психологической науки в целом социальную психологию. «Существует единая социальная психология, распадающаяся по предмету своего изучения на социальную психологию индивида и на социальную психологию коллектива»¹⁰.

Реактология предлагала сохранить методологическое единство по-другому: для этого достаточно держаться и в отношении социальной психологии, предметом которой она считала поведение человека в коллективе, реактологического метода — изучать скорость, силу и динамичность реакций. Сторонники реактологии предполагали, что на основании этих трех показателей можно сделать вывод об особенностях психологии разных социальных групп, коллективов и классов. Между тем ограниченность предлагаемого метода особенно наглядно выступала именно по отношению к социальной психологии. В конкретных исследованиях, которые были проведены реактологами, изучались раздражители, объединяющие индивидуумов в коллектив, и коллективные реакции. Наличие единого, общего для всех раздражителя и единой, общей для всех реакции рассматривалось как критерий объединения членов коллектива. При такой узости подхода действительно существенные задачи, которые ставили себе исследователи, — изучение внешней и внутренней структуры коллектива, его состава и взаимодействия членов — оказались неразрешимыми. Не удавалось раскрыть, в чем конкретно заключается то важное положение, которое принималось и всемерно подчеркивалось, — поведение коллектива не простая сумма поведения отдельных личностей, а поведение качественно новое и целостное¹¹.

И в первом, и во втором направлении противостояние Челпанову заключало отказ от признания особенностей социальной психологии, требующих не только определения ее предмета в системе марксистской психологической науки, так же как и путей ее развития, но и создания соответствующих предмету методов исследования.

По-своему решал вопрос о социальной психологии П. П. Блонский. Он своеобразно понимал социальность, подразумевая под ней всякую деятельность индивида, связанную с деятельностью других людей. Жизнь животных, считал он, так же социальна, как и жизнь человека. «Как и животные, человек — социальное

¹⁰ В. А. Артемов. Введение в социальную психологию. М., 1927, стр. 75.

¹¹ См., например: Б. В. Беляев. Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения. — «Психология», 1929, т. II, вып. 2.

существо, и поведение его отличается подражательностью и социальным взаимоприспособлением»¹². Поэтому жизнь социальна в своих основах. Для Блонского нет противоречия между утверждением психологии биологической наукой и включением в ее программу социальных проблем. «Научная психология как биологическая дисциплина,— пишет он,— существует только как социальная наука. Этим самым уничтожается нелепость современного деления психологии на индивидуальную и социальную... Поведение человека, в его основах, не может быть иным, как социальным»¹³. Для социальности человека характерно то, что он активное существо и его поведение не пассивный результат влияния среды. Социальная активность отличает человека, так же как и другая особенность его поведения: использование человеком орудий. «Человек есть «*homo technicus*» и «*homo socialis*». Отсюда ясно,— заключает Блонский,— в чем видеть ключ к разгадке поведения человека. Этот ключ — техническая деятельность человеческого общества. Общественное производство является тем базисом, на котором основывается поведение человечества. Тем самым мы становимся на марксистскую точку зрения как на единственно научную»¹⁴. Своеобразие человека заключается в том, что он «животное, пользующееся орудиями», и в том, что «человек стал говорящим животным». Членораздельная речь и жестикуляция «до крайности способствовали возможности взаимоприспособления среди людей»¹⁵.

Решение вопросов социальной психологии и общественной детерминации поведения человека определялось в столкновении разных направлений двумя взаимодействующими: во-первых, методологическими принципами, тесно связанными, вернее вытекающими из конкретизации в психологической теории философских установок, и, во-вторых, решением общих вопросов психологической теории, принятыми взглядами на предмет и задачи психологии. Определение позиции и постановка задач марксистской психологической теории в отношении к социальной обусловленности психики осуществлялось в пределах поведенческих концепций. Поэтому принципиально важная диалектико-материалистическая характеристика психики как отражения внешнего мира не входила в предлагаемые теоретические построения. И в этом позиции были едины. Но поскольку взгляды на предмет и задачи психологии были, как мы видели, разными, постольку предложенные социально-психологические воззрения были также разнообразны. Смена этих воззрений и расстановка сил отражали общее положение, идеологическую борьбу, происходившую в советской психологической науке. Более

¹² П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921, стр. 43.

¹³ П. П. Блонский. Реформа науки. М., 1920, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 31.

¹⁵ П. П. Блонский. Очерк научной психологии, стр. 44.

подробно взгляды на социальную психологию были выражены в коллективной рефлексологии, предложенной В. М. Бехтеревым, и в концепции М. А. Рейснера. Проблема общественно-исторической детерминации психики в те годы включалась также в концепции онтогенетического развития.

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ

Созданная В. М. Бехтеревым рефлексология в своем стремлении заменить психологию готова была взять на себя решение всех проблем, вставших перед последней, в том числе и вопросов социальной психологии. Отрасль рефлексологии, призванную решать проблемы социальной психологии, Бехтерев назвал коллективной рефлексологией. Вопросами социальной психологии он занялся в годы создания своего обширного труда «Объективная психология» (1907—1912). Тогда он изложил свои взгляды в работе «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки» (1911). Впоследствии эти взгляды были им развиты в книге «Коллективная рефлексология», которая вышла в 1921 г.

Своим предметом коллективная рефлексология объявляла поведение коллективов в целом, а также поведение личности в коллективе, условия возникновения социальных объединений людей, особенности деятельности этих объединений и взаимоотношения их членов. Согласно общим теоретическим принципам рефлексологии, изучение поведения людей в разных общественных группах сводилось к изучению соотношения внешних влияний с двигательными и мимико-соматическими реакциями коллектива. В этом проявлении соотносительной деятельности, или совокупности высших рефлексов, и видел в конечном счете предмет коллективной рефлексологии В. М. Бехтерев. Коллективную рефлексологию как учение о закономерностях поведения людей в разных общественных группах он противопоставлял субъективной социальной психологии и социологии «Не допуская субъективного толкования в вопросах, касающихся исследования развития общественных или коллективных явлений,— разъяснял он,— и понимая все такого рода явления как коллективные или общественные рефлексы, мы признаем необходимым применить к их исследованию тот же строго объективный метод, который применен нами к изучению отдельной личности, вследствие чего и наименование настоящему труду мы даем «Коллективная рефлексология», вместо обычно употребляемого термина общественной или социальной, иначе коллективной психологии»¹⁶.

Следуя методологическим принципам общей рефлексологии, коллективная рефлексология отказывается от психологических

¹⁶ В. М. Бехтерев. Коллективная рефлексология. Пг., 1921, стр. 11.

понятий, считая их чуждыми объективной науке. Заметим, что Бехтерев, не выдерживая принятой установки, нередко сам прибегает к ним. Подстановка на место понятия психической деятельности понятия соотносительной деятельности имела принципиальное значение. «Для коллективной рефлексологии,— писал Бехтерев,— не должно существовать и субъективной терминологии наподобие общественного сознания, общественных чувств, общественного внимания, воли и проч., а она должна быть заменена объективной терминологией»¹⁷ И если общая рефлексология расходилась с марксизмом в понимании природы психического и его роли во взаимосвязях материального мира, то коллективная рефлексология коренным образом расходилась с марксизмом, отказываясь от понятия общественного сознания.

По замыслу Бехтерева коллективная рефлексология должна была соединить рефлексологию и социологию. Взаимоотношение рефлексологии и социологии он представлял так: рефлексология изучает деятельность объединенных общественных групп, или коллективов, изучает механизм их объединения. «Изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей проявления коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношения между этими коллективами... есть дело социолога»¹⁸. Социология изучает соотношение общественных групп с условиями их жизни — экономическими, политическими и другими условиями сотрудничества групп и классовой борьбой. Особая роль коллективной рефлексологии, думал Бехтерев, состоит в том, что она сближает изучение социального, «надорганического» мира с естественнонаучным изучением органического и неорганического мира.

Свое исследование Бехтерев строит на том, что «психология отдельных лиц непригодна для уяснения общественных движений и развития общественных событий, поскольку отдельная личность не может быть олицетворением всего общества или народа»¹⁹, должна быть наука, изучающая «общественные проявления человеческой деятельности»²⁰. Соответственно «предметом коллективной рефлексологии является изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ...,— писал он и продолжал, делая весьма существенное дополнение,— проявляющих свою соборную соотносительную деятельность как целое, благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов». В этом случае «мы будем встречаться с проявлением общественных настроений, соборного умственного

¹⁷ В. М. Бехтерев. Коллективная рефлексология, стр. 40.

¹⁸ Там же, стр. 32.

¹⁹ Там же, стр. 14.

²⁰ Там же, стр. 15.

творчества и коллективных действий многих лиц, связанных друг с другом теми или другими интересами...»²¹ Члены общественных групп обнаруживают в совместной деятельности такие стороны своей личности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни. Задача и состоит в выяснении особенности действия индивида в коллективе, в выяснении механизма связи индивидов между собой при образовании коллектива. «Особенности этих проявлений, условия и законы их развития и должны служить предметом специального изучения коллективной рефлексологии»²².

Специфика коллективных действий, на это Бехтерев обращает особое внимание, заключается в том, что коллектив действует и проявляет себя как целое; в его деятельности возникают новые качества и свойства его членов, и эти качества существуют только при взаимодействии и объединении людей. В этом положении была заложена важная и передовая идея о целостности социальных коллективов и о новом качественном уровне общественного действия.

Идея эта открывала новый подход к исследованию личности. Но уже первый ход коллективной рефлексологии в анализе социально-психологических явлений сводит на нет выделенные существенные особенности. Бехтерев снимает их утверждением, что «деятельность коллектива развивается теми же путями и по тем же законам, как и деятельность отдельной личности»²³. Он уподобляет коллективную деятельность соотносительной деятельности индивида. И тут мы сталкиваемся с одним из многих противоречий учения Бехтерева. С одной стороны, происходит разделение рефлексологии на индивидуальную и коллективную как дисциплин, имеющих разные предметы изучения и, с другой — коллективная деятельность уподобляется индивидуальной, а действующие и тут и там закономерности отождествляются. Коллективная рефлексология, несмотря на отличие в предмете ее изучения, оказывается подчиненной тем же закономерностям, что и индивидуальная, понятие рефлекса, оставаясь прежним по своему содержанию, переносится на явления, специфика которых требует рассмотрения их в новых связях и аспектах.

Механистические воззрения Бехтерева вели к тому, что любое целое он считал лишь суммой отдельных частей, не наделенной никакими новыми качествами в силу их целостности и образования новой системы. Поэтому понятие «собирательной личности», равноценное понятию о коллективе, уподобляется в коллективной рефлексологии понятию отдельной личности. Бехтерев считает, что проявления «собирательной личности», открываемые при анализе общественной жизни, подчиняются такой

²¹ Там же, стр. 39.

²² Там же, стр. 40.

²³ Там же.

же закономерности, какая открывается при строго объективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности. Притом самые формы этой закономерности оказываются общими как для отдельной личности, так и для «собирательной личности». «Объединенная соотносительная деятельность общества является как бы равнодействующей деятельности входящих в общество личностей»...²⁴

Здесь Бехтерев совершает второй ход, который уводит его еще дальше от диалектико-материалистического мировоззрения. Хотя он не сомневается, что человеческая личность есть продукт общественности, ибо без общества человек не был бы человеком, однако во главу угла рефлексология ставит биологические особенности человека, поскольку высшие или сочетательные рефлексы возникают на почве обыкновенных рефлексов, представляющих чисто биологическое явление. А так как законы деятельности коллектива те же, что и законы, управляющие деятельностью личности, коллективная рефлексология биосоциальную теорию личности переносит и на «собирательную личность», иначе говоря на общественные явления, и последовательно проводит уподобление коллективов живым организмам. Причины объединения людей в коллективы Бехтерев ищет в социальных инстинктах, связанных с необходимостью объединения сил для нападения и защиты, социальной поддержки в интересах коллектива слабых членов. Объединение это происходит по законам социального отбора. Таким образом, исходная трудовая, производственная деятельность людей и связанные с ней общественные отношения уступают в коллективной рефлексологии место инстинктивной деятельности людей. Как психиатра Бехтерева особо интересует изучение в качестве объединяющих факторов взаимовнушения, взаимоподражания и взаимоиндукции. Условиями, содействующими объединению индивидов в коллектив, являются речь, выразительные движения, жесты, однородная деятельность.

Вооружившись такими принципами, Бехтерев обращается к конкретным фактам социальной жизни. В их обобщении и анализе он выделяет ряд важных проблем и высказывает свои во многом интересные наблюдения и соображения. Прежде всего он дает характеристику разных видов социальных групп в соответствии с установленными в них связями между индивидами: неорганизованная толпа, непостоянно организованная масса — публика в театре, собрания разного рода и т. п.; постоянные коллективы — учебные, производственные. По характеру объединения различаются партийные, правовые, религиозные, служебные, профессиональные, школьные, семейные социальные группы. Общность интересов и задач, предполагающую единство цели, обуславливает связь отдельных членов

---

²⁴ В. М. Бехтерев. Коллективная рефлексология, стр. 69.

коллектива, побуждает их к единству действий, придает смысл существованию коллектива.

Бехтерев исследует тенденции и формы динамики группового, коллективного и массового поведения в обычных условиях и во время общественных сдвигов, таких, например, как революционные потрясения, он дает характеристику стадийности массового настроения, ищет причины его неустойчивости. Задавшись целью проследить взаимоотношение личности и коллектива в его разных формах, Бехтерев сталкивается с трудностями, порожденными не только сложностью этих взаимоотношений, но и принятым им положением о «собираательной личности», подчиняющейся тем же законам, что и отдельные личности. Неизбежным следствием всех попыток выяснить это взаимоотношение является противоречие между конкретными фактами общественной жизни и теоретическими принципами рефлексологии.

Бехтерев изучает разные уровни социальных связей личности. Личность подчиняется общечеловеческим обычаям, принадлежит к определенному народу, классу, профессиональной группе и т. д. Эта иерархия уровней социальных связей начинается с общечеловеческой и, спускаясь, доходит до первичных, семейных связей. Все эти разнообразные связи властвуют над личностью, которая в своих поступках соотносится с отношениями, существующими в данном сообществе, с общепринятыми обычаями, взглядами и установлениями. «Личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия... Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям»²⁵. Личность в обществе перестает быть сама собой, она становится его частью и в этом смысле утрачивает значительную долю своего независимого существования, становясь исполнительницей общественных установлений. «Самая организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью. Обычаи и законы общества категоричны и требуют почти безусловного подчинения... При всем том личность и общество не являются противоположностями, ибо наиболее совершенное общество может состоять только из наиболее совершенных личностей... В этом случае задача создания совершенной личности совпадает с осуществлением наиболее совершенного общества»²⁶. Казалось бы, что отсюда прямой путь научного исследования лежит к изучению особенностей общественного развития и общественных связей личности. Марксизм, выяснивший движущие силы общественного развития, дал первооснову для такого исследования. Но рефлексология считала,

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 70—71.

что общественная жизнь возникает и развивается как проявление чисто биологических свойств человека, поэтому ее поиск шел от биологической организации человека к общественным его связям, к поиску всеобщих универсальных законов природы и общества. И в этом Бехтерев оказался в русле идей органической школы в социологии.

Придерживаясь взгляда, что мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех явлений неорганических, органических и надорганических или социальных, Бехтерев рассмотрел действующие в природе законы в их отношении к «собирательной личности». Он полагал возможным объяснить явления социальной психологии законами более простых форм движения — механического, физического и биологического. Хотя Бехтерев совершенно правильно утверждал, что надо ставить вопрос не о том, сводятся ли социальные явления к физико-химическим или нет, а о том, представляют ли они какие-либо особенности, хотя он и критиковал попытки применить к социальным явлениям энергетическое учение так же, как и попытки создать «социальную механику», хотя он говорит о бесплодных аналогиях органической школы, тем не менее он приходит в конце концов к такому же сведению закономерностей общественных явлений к законам органического и неорганического мира, к какому приходили критикуемые им его предшественники. Универсализацией законов неорганического, органического и надорганического мира, под которым он разумел человеческое общество, Бехтерев стремился объяснить явления общественной жизни. Таких законов, взятых из физики, биологии и других естественных наук, Бехтерев насчитывает более двадцати, в их числе: закон сохранения энергии, закон тяготения, закон энтропии и другие.

Свои энергетические воззрения Бехтерев переносит с личности на коллектив. «Необходимо признать,— писал он,— что если рефлексология отдельной личности основывается на энергетическом учении... то и коллективная рефлексология только тогда может сделаться наукой, способной устанавливать законы общественной жизни, когда она встанет на энергетическую точку зрения...»²⁷ Такой подход к явлениям общественной жизни немедленно обнаруживал свою несостоятельность, не давая возможности подойти к закономерностям общественного развития, поскольку эти закономерности имеют качественное отличие от форм движения материи неорганического мира. Отрицая качественные отличия высших форм движения материи, уподобляя высшие жизненные формы низшим, Бехтерев делал ошибочные механистические заключения. Так, выделяя идею преемственности культуры, наследования поколениями духовных богатств

прошлого, Бехтерев усматривал причину этого в действии закона сохранения энергии. Надо ли говорить о том, что такое объяснение ни в какой мере не раскрывало эту особенность развития человеческого общества. Приложение закона тяготения к «собираательной личности» характеризуется, по словам Бехтерева, тем, что в социальной жизни мы встречаемся с особыми центрами тяготения — промышленными, научными и т. д. «Сила тяготения стоит в определенных соотношениях с размерами этих центров, подобно тяготеющим друг к другу небесным телам»²⁸, — пишет он, доводя до предела свое учение.

Рефлексологические воззрения на социальную психологию вызвали много споров. Критиковали эти воззрения в том же направлении, что и общую рефлексологию. Если в отношении индивида речь шла о том, возможно ли отказываться от изучения психики и сознания человека, то взгляды рефлексологии на социальную психологию вызвали возражения своим отрицанием общественного сознания. Если в отношении индивида возникал вопрос о биологизаторской линии рефлексологии, то коллективную рефлексологию критиковали за механистическое объединение биологических и социологических факторов в детерминации общественных явлений. Указывалась неправомерность перехода от поведения индивида к общественным закономерностям; рефлексологию обвиняли в энергетизме, подмене законов общественной жизни биологическими и физико-химическими закономерностями. Критики рефлексологии отмечали ее позитивистскую методологическую основу, отмечали и тот факт, что, несмотря на свое противопоставление субъективно-эмпирической психологии, она «зачастую представляет собой не что иное, как своеобразный перевод на язык рефлексологии все той же «социальной» психологии, построенной на основах субъективного эмпиризма. Поэтому принципиальные основания «Коллективной рефлексологии», хотя она и претендует на звание объективного труда, принимают те же формы, которые мы нашли у неопозитивистов, психологов субъективной эмпирической школы...»²⁹ И дальше: «Отсутствие диалектического анализа действительности и ложное понимание законов социально-экономической жизни человеческого общества, а также отсутствие определенных взглядов на взаимоотношения личности и общества приводят Бехтерева к исключительным противоречиям в понимании коллективных форм поведения человеческого»³⁰, — такова была критическая оценка коллективной рефлексологии к концу 20-х гг. Этот вывод — свидетельство укрепления советской психологии на позициях марксизма.

---

²⁸ Там же, стр. 243.

²⁹ В. А. Артемов. Введение в социальную психологию. М., 1927, стр. 52—53

³⁰ Там же, стр. 68.

ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ФИЗИОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Заявка на разработку вопросов социальной психологии была сделана М. А. Рейснером, занимавшимся вопросами государства и права. Его концепция была тесно связана с получившими распространение в начале 20-х гг. в советской философии взглядами, психологизировавшими идеологию.

Видный историк марксизма В. В. Адоратский поднял тогда вопрос об уточнении понятия идеологии в марксизме. Мысль Энгельса, относящуюся к буржуазной идеологии, о том, что идеология представляет собой искаженное отражение действительности, Адоратский расценил как общее положение. Ссылаясь на Энгельса, он писал: «Идеология — это своеобразная аберрация ума, отражающего действительность извращенно, в перевернутом виде»³¹. отождествляя идеологию с сознанием, он считал, что процесс возникновения идеологий имеет характер психофизического, вернее психофизиологического, процесса, а потому образование идеологии является одной из основных проблем психологии. Из признания идеологии явлением психическим Адоратский сделал вывод, что понятия базиса и надстройки могут быть объяснены с помощью психологии, а поскольку идеология как извращенное отражение действительности порождается эксплуататорским строем, марксизм будто бы враждебен идеологии. Метод диалектического материализма, считал В. В. Адоратский, позволит разрушить идеологическую аберрацию и сделает возможным научное теоретическое познание. Следовательно, согласно такому взгляду, советскому обществу надо преодолеть идеологию и на ее место поставить науку. Психология должна дать объяснительные принципы общественной жизни и разработкой социальной психологии обосновать исторический материализм.

Психологизация исторического материализма, предложенная В. В. Адоратским, получила поддержку у А. И. Варьяша и М. А. Рейснера. Положение марксизма о том, что отражение экономических и классовых противоречий в идеологических формах происходит бессознательно, Варьяш связал с фрейдизмом. Идеология, указывал он, возникает стихийно, значит, бессознательно, разработкой же вопроса о природе бессознательного занимается фрейдизм, следовательно, марксизм должен искать у него объяснения идеологии, нужно «уточнить» исторический материализм психологическим истолкованием в духе фрейдизма его методологических категорий. Присоединяясь к интерпретации Адоратским указанного положения Энгельса, Варьяш утверждал, что психофизиологическая аналогия «далеко выходит за

---

³¹ В. Адоратский. Об идеологии.— «Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12, стр. 201.

пределы простой аналогии и фактически выражает применяемый к обществу общий закон...»³²

М. А. Рейснер, приняв взгляды Адоратского, соотносит с историческим материализмом психологические и физиологические теории, с тем чтобы на основе достижений естествознания построить марксистскую социальную психологию, а также разрешить «загадки идеологии». В начале 20-х гг. он выступает с докладами, статьями по проблемам социальной психологии³³. Социально-психологические теории прошлого и настоящего Рейснер критиковал за неверный подход к социальной обусловленности поведения человека и утверждал, что правильный подход дает только теория исторического материализма. Однако Рейснер отказывался от рассмотрения философских вопросов психологии. «Я иду не от философии,— писал он,— я меньше всего занимаюсь вопросами философской психологии, но меня интересует здесь психология как наука, непосредственно связанная с экономикой, в частном случае — с трудовым процессом»³⁴. Это пренебрежение философскими проблемами и отсюда — методологией научного исследования не замедлило дать свои плоды. Попытки соединить марксизм с психологией Рейснер совершает вне критического анализа методологических позиций психологических и физиологических теорий. Поэтому свой замысел он осуществляет следующим образом: к марксистским положениям об идеологии он присоединяет фрейдизм³⁵ и павловское учение о высшей нервной деятельности, ни в какой мере не задаваясь вопросом об исходных методологических установках этих учений и о возможности такого объединения. Рейснер, не задумываясь, соединяет разнородные учения, относящиеся к разным областям знания и опирающиеся на разные методологические принципы. Причем это соединение он проводит на основе психологии поведения.

Какое же толкование дает Рейснер психологии? Психологию он понимает как промежуточное звено между производством, с одной стороны, и идеологической, а в более широком смысле культурной, надстройкой — с другой. Психология, по его мнению, не совпадает с идеологией, поскольку последняя противостоит первой в качестве внешнего социального аппарата, вызывающего как социальный раздражитель действия общественного человека. Понять воздействия социальных раздражи-

---

³² А. И. Варьяш. История философии и марксистская философия истории.— «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 9, стр. 294.

³³ М. А. Рейснер. Проблемы социальной психологии. Ростов-Дон, 1925; он же. Социальная психология и марксизм.— В кн.: «Психология и марксизм», 1925; Он же. Проблемы психологии и теория исторического материализма.— «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3.

³⁴ М. А. Рейснер. Проблемы психологии и теория исторического материализма.— «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 214.

³⁵ М. А. Рейснер. Социальная психология и учение Фрейда.— «Печать и революция», 1925, кн. 3, 4, 5—6.

телей на человека можно только через физиологическое учение об условных рефлексах. Открытие условных рефлексов дает возможность выяснить, каким образом материальное становится идеальным, а потому, по словам Рейснера, обоснование положениям исторического материализма об образовании идейных и идеологических надстроек надо искать в учении И. П. Павлова. Так, по мнению Рейснера, произойдет объединение естественных наук с марксистской философией. Подобное представление о переходе научного знания на позиции марксизма было следствием отождествления общественных и природных закономерностей, распространения физиологических закономерностей на общественные явления, не только психологизации, но и физиологизации исторического материализма.

Марксизм пришел к выводу об обусловленности сознания человека общественным бытием, а закономерности общественного развития вывел из развития материальных производительных сил и складывающихся на этой основе производственных отношений. Рейснер же, неверно интерпретируя некоторые высказывания Маркса и Энгельса, вступая в противоречие с марксизмом, утверждал, что общественные явления могут быть объяснены лишь с помощью психологии поведения и физиологии условных рефлексов. Он развивает мысль о том, что идеологическая надстройка представляет собой не что иное, как механизм организации условных рефлексов³⁶. «Способ овладения материальным миром, который свойствен общественному человеку, необходимо требует создания системы психических раздражителей над системой производственной техники. Общество, таким образом, выполняет двойную роль. Во-первых, оно создает систему психических раздражителей в соответствии с производственными условиями, подобно тому как в лабораториях Павлова создаются условные рефлексы в тесной связи и соотношении к рефлексам безусловным. Во-вторых, однако, то же общество подчиняется им созданной системе раздражителей, выполняет необходимую работу и этим путем реагирует на стоящий за раздражителями внешний мир»³⁷.

У человека система условной сигнализации получает внешнее техническое выражение. Он сам создает сигнализационно-культурную технику. Это позволяет ему не только передавать ее из поколения в поколение, но и непрерывно перерабатывать при помощи изобретения. Поэтому противоположность между миром животных и человеческим обществом лежит не в сфере пассивного или активного приспособления и не в том, что одни создают орудия, а другие нет, но в том, что «одни создают технические и сигнальные приспособления в самих себе, т. е. биологически, а другие творят их вне себя, во внешнем

³⁶ М. А. Рейснер. Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса.— «Октябрь мысли», 1924, № 5—6, стр. 7.

³⁷ М. А. Рейснер. Проблемы социальной психологии, стр. 29.

мире и при помощи внешнего мира, т. е. экономически. Животные или насекомые противопоставлены непосредственно среде сами — как основное и главное орудие борьбы и приспособления. Человек выносит из себя во внешний мир не только подавляющую часть своей техники, но и больше того — грандиозный механизм познания, отражения, связи и организации»³⁸.

Рейснер переносит физиологическое учение И. П. Павлова непосредственно в теорию исторического материализма. Для этого он вынужден, с одной стороны, дать подходящее для такого переноса толкование вопроса о надстройке в марксистской теории, а с другой — дать соответствующее толкование условных рефлексов. Что же у него получается? Он применяет понятия безусловных и условных рефлексов из павловского учения к общественным явлениям. «Безусловным рефлексам животного мира,— писал он,— отвечают производственные отношения человеческого общества, а надстройка условных рефлексов дает некоторую аналогию идеологической и идейной надстройке над экономической структурой»³⁹. Положение марксизма об экономической структуре и идейной надстройке, заключает Рейснер, получает полное подтверждение в мире физиологии и биологии. Животное точно так же способно реагировать на потерявший реальное значение условный сигнал, как люди на оторванную от производственной базы идеологию. С этой точки зрения, различные виды культурной надстройки, являясь социальными раздражителями, подобно сигналам условного рефлекса связываются с поведением человека. И социальная психология должна стать наукой о социальных раздражителях разного вида и типа. Соотношение между социальными раздражителями и действиями человека, которое Рейснер понимает согласно поведенческой схеме стимул — реакция, и является для него предметом социальной психологии. Психологическое исследование, отказываясь от рассмотрения собственно психических процессов, своей задачей ставит изучение, во-первых, социальных раздражителей, действующих на человека, и, во-вторых, активного приспособления человека к среде.

Развивая свою идею соединения павловского учения с историческим материализмом, Рейснер рассматривает культурную надстройку как систему сигналов и символов. Эти сигналы и символы составляют «производство» идеологии, которое имеет три формы: 1) производство идей и идеологий мистико-религиозного характера; 2) создание системы раздражителей формально-эстетического выражения; 3) построение рациональной надстройки сигнализации и символики.

³⁸ М. А. Рейснер. Социальная психология и марксизм.— В кн. «Психология и марксизм», стр. 41.

³⁹ М. А. Рейснер. Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса.— «Октябрь мысли», 1924, № 5—6, стр. 5.

Помимо задачи изучения социальных раздражителей, задачей психологии является исследование деятельности человека в окружающей его материальной среде, в которой он выступает в качестве индивидуальной производительной силы, сливающейся с другими в общественном производстве.

Критерием верности предлагаемой программы развития психологии Рейснер считал материалистичность этой программы, которая связывает психологию с экономической структурой общества. Наряду с психологией труда надо развивать социальную психологию культуры вплоть до высших ее проявлений. Прикладной частью социальной психологии должна стать различного вида психотехника. В программу социальной психологии входит исследование психологии коллективного труда и производства, психологии профессий, психологии классов. Еще раз заметим, что реализация этой программы предполагалась в рамках поведенческой психологии. Поведенчество вступало в противоречие с марксистским учением о сознании, от которого Рейснер все же не хотел отказываться⁴⁰. Противоречивость всех этих построений усугублялась еще тем, что вопреки установкам поведенчества он вводил различие сознательной и бессознательной психической деятельности, пробовал проследить различные способы сочетания сознательных и бессознательных явлений, их конфликты, имеющие свое выражение в разных областях деятельности и, в частности, в «идеологическом производстве». Для разрешения этих конфликтов, а следовательно, для управления взаимодействием двух сфер психического — сознательного и бессознательного — вводятся фрейдовские методы психоанализа.

Положения, развиваемые Рейснером, вели к психологизации марксизма и в этом смысле примыкали к идеям идеологической организации общественного процесса, выдвинутым А. Богдановым, идеям, согласно которым социально-психологические связи заменяли экономически-производственные отношения, эту основу общественного строя. Критика неверного тезиса В. В. Адоратского об идеологии, так же как и взглядов А. И. Варьяша и М. А. Рейснера, стала одновременно и критикой психологических построений, возникших на этой основе. Но мысль об определяющей роли человеческой культуры в детерминации психики человека получила развитие в культурно-исторической теории, разработанной Л. С. Выготским, а затем и его последователями.

В 20-х гг. возникли и другие теории, связанные с попытками физиологизировать социологию и психологию. Но они скоро обнаружили свою несостоятельность и были так же быстро отвергнуты, как и конструкции Рейснера. К социологизации био-

---

⁴⁰ См. М. А. Рейснер. Проблемы психологии и теория исторического материализма. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3.

логии и физиологии стремился А. Б. Залкинд, используя фрейдистское учение. Он психологизировал общественное бытие и вместе с тем вводил в психологию вульгарно-социологические воззрения. Речь шла о «классовой физиологии», о «социологической антропологии», о «психоневрологической» интерпретации революции, а дальше классовая психология сводилась к простейшим рефлексам и сублимации половой энергии. В тезисах доклада к I Всесоюзному съезду по изучению поведения человека Залкинд писал: «Должна быть ликвидирована «аполитическая», «внеклассовая» психоневрология. Социальная, классовая типология человека должна быть построена в дополнение к существующей биотипологии, в органической с нею связи. Максимальное внимание должно быть сосредоточено на изучении нервно-психических качеств пролетариата... Боевой проблемой становится сейчас вопрос об изучении *темпа и содержания* изменения нервной системы трудовых масс СССР — в связи с темпом социалистической перестройки страны («темпы и мозг») ⁴¹.

В рассмотренных взглядах на социальную психологию выступают характерные черты механистической методологии. Они проявляются в отождествлении закономерностей, действующих в разных областях действительности, в неправомерном расширении действия биологических закономерностей на социальные явления, в пренебрежении спецификой рассматриваемых явлений, сближении разнородных явлений и сведении сложных зависимостей к механистически понимаемой детерминации. В то время как марксизм, открыв общественно-исторические закономерности развития общества, позволил по-новому подойти ко всему комплексу проблем, связанных с общественной психологией, в результате механистического подхода происходит сведение этих законов к физиологическим закономерностям. Отрыв материализма от диалектического подхода демонстрировал здесь необходимость и обязательность их соединения для научного построения социальной психологии.

В 20-е гг. советская психология не сумела еще овладеть богатством марксистско-ленинских идей в области социальной психологии так же, как и диалектико-материалистическим подходом к общественно-исторической детерминации психики. Эти две проблемы первоначально не были расчленены, а потому оставался неясным самый предмет социальной психологии. Задача исследования общественно-исторической детерминации психической деятельности человека, поставленная еще в первых выступлениях П. П. Блонского и К. Н. Корнилова, подменялась социально-психологическими проблемами. На рубеже

---

⁴¹ «Психоневрологические науки в СССР» (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека 25 января—1 февраля 1930 г.). М.—Л., 1930, стр. 7; см. также: А. Б. Залкинд. Жизнь организма и внушение. М.—Л., 1927, стр. 123 и др.

30-х гг. проблема общественно-исторической обусловленности психики человека выделяется в качестве самостоятельной, и притом важнейшей для марксистской психологии проблемы.

В отношении социальной психологии дело складывалось по-иному. В результате борьбы советской философии с механицизмом, выяснения методологических ошибок в толковании марксистского учения об идеологии, а также критики механистических основ поведенческой психологии подверглись осуждению построения в области социальной психологии, направленные против идеалистической психологии, но связанные с концепциями поведенчества. При этом критика методологических ошибок была неправомерно перенесена на самую проблематику социальной психологии, что привело к отказу от социально-психологических исследований и обусловило перерыв в разработке проблем социальной психологии в советской науке. В последующий довольно длительный период вплоть до середины 50-х гг. некоторыми проблемами социальной психологии, в частности проблемой коллектива, занималась педагогика. В психологии эта проблематика изучалась педагогической психологией и ограничивалась рамками школьных коллективов.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ОНТОГЕНЕЗЕ ЧЕЛОВЕКА

Положение о зависимости поведения человека от социальных условий объединяло всех советских психологов и рассматривалось как обязательное для марксистской психологической теории. Но поскольку оно трактовалось с позиций поведенческой теории, собственно психологические проблемы снимались, исследованию подлежало прямое соотношение поведения с социальными условиями жизни. Иначе говоря, поведенческая схема требовала исследования внешних стимулов и поведенческих реакций, между которыми предполагалась непосредственная связь. Отсюда следовало, что знание внешних факторов, вызывающих определенное поведение, позволит управлять развитием ребенка путем создания соответствующих социальных условий, так же как и то, что изменение условий жизни непосредственно повлечет желаемые действия детей.

Такое представление соединялось с утвердившейся в педологии (а детская психология, как уже говорилось, рассматривалась в качестве ее составной части) биогенетической концепцией развития, которая в отличие от поведенчества ведущими в развитии ребенка признавала внутренние условия, его природные, наследственные данные. Психические свойства ребенка считались врожденными и связанными с его конституцией, а также с другими органическими особенностями как индивидуальными, так и общечеловеческими. Поэтому психическое развитие ребенка признавалось спонтанным, независимым от воспитания. Развитие определялось как созревание организма, несущего

в себе все данные своего будущего существования, заранее predeterminedного наследственностью. Согласно биогенетической теории, внутренние биологические закономерности, присущие организму, и обуславливают целиком развитие ребенка. Поэтому его развитие спонтанно, независимо от воспитания и обучения, которые, выступая в качестве социальных факторов, лишь способствуют проявлению постепенно созревающих природных психических качеств. Таким образом, биогенетическая концепция строилась на признании ведущей роли врожденных, природных факторов развития ребенка. Развитие ребенка приравнивалось к созреванию, пределы которого заранее даны, а социальный фактор представлялся условием, выявляющим исходную природную детерминацию этого развития ⁴².

Сторонники биогенетической теории пытались положить в основу изучения психического развития человека в онтогенезе биогенетический закон, который был признан во второй половине прошлого века действительным для эмбрионального развития. Смысл этого закона, как известно, состоит в утверждении того, что онтогенез сокращенно повторяет филогенез. В применении к психическому развитию этот закон толковался таким образом, что каждый ребенок повторяет стадии психического развития рода. А это означало, что все этапы развития ребенка заранее predeterminedлены и он закономерно проходит их, реализуя наследственные предрасположения, которые обнаруживаются по мере прохождения стадий развития. Так развитие превращалось в стихийный процесс. Сознательная деятельность самого ребенка и воспитание его обществом не находили себе места в данной концепции, составлявшей теоретическое ядро педологии.

Характерный для начального периода советской психологии механицизм мешал разобратся в том, что методологические принципы препятствуют объединению этой концепции развития с поведенческой психологией, целиком отвергавшей внутренние условия детерминации поведения. Противоречия, с которыми столкнулись сторонники биогенетической концепции при введении социального фактора в качестве одного из условий психического развития, с одной стороны, и реализации в психологии биогенетического закона, с другой — резко выступили во взглядах П. П. Блонского.

Воззрения П. П. Блонского на психическое развитие детей и их воспитание, сложившиеся в предреволюционные годы, опирались на признание зависимости психики ребенка от его наследственных природных свойств. В саморазвитии ребенка

⁴² См. Е. А. Аркин. Дошкольный возраст М.—Л., 1927; *он же*. Личность и среда в свете современной биологии. М.—Л., 1931; И. А. Арямов. Основы педологии. М., 1927; *он же*. Рефлексология детского возраста. М., 1924; П. Блонский. Педагогика. М., 1922; *он же*. Педология. М.—Л., 1925; *он же*. Возрастная педология. М.—Л., 1930.

он видел основу воспитания, а поскольку развитие врожденных свойств зависит от их функционального раздражения, постольку на воспитание ложилась задача отбора врожденных свойств, подлежащих развитию, и организации соответствующих упражнений для их стимуляции. Здесь и проявлялось значение изменения среды, роль социального фактора. Задача заключалась в том, чтобы упражнять природные свойства ребенка, используя в качестве стимулов культурные ценности человечества. Стремясь осуществить целостный подход к ребенку, Блонский считал необходимым сочетать три вида характеристик его развития — морфологическую, физиологическую и психологическую — и распространить на все три вида социальную обусловленность.

В чем же Блонский в первые послереволюционные годы видел суть материалистического подхода к развитию ребенка и как он вводил социальную детерминацию? Считая главным в развитии увеличение массы материи, он принимает за основной показатель возрастного развития рост ребенка и увеличение веса. Увеличение веса зависит от питания детей, а питание в свою очередь — от социально-бытовых условий. В прямую связь с питанием и увеличением веса Блонский поставил изменения в конституции ребенка и как следствие этого изменения его поведения. Совокупность этих изменений Блонский называет возрастным симптомо-комплексом⁴³. Таким образом, непосредственно связывались социально-бытовые условия жизни ребенка, его питание, рост, вес, энергетические показатели, а отсюда выводился уровень его органического развития и объяснялось поведение. Поведение же, а именно оно и признавалось предметом психологического исследования, рассматривалось как реакция организма на стимулы среды. Социальный фактор определял, следовательно, поведение ребенка через организм, подчиняясь закономерностям органического развития: «Условия жизни влияют на поведение ребенка через его организм, и именно реакцией организма на эти условия и определяется степень и сущность этих влияний»⁴⁴. Так, через органическое развитие социальный фактор оказывался внутренним условием развития и тем самым происходило несколько неожиданное примирение противоречивых концепций — биогенетической и поведенческой.

Блонский требовал учета социальных условий жизни ребенка при характеристике его умственного уровня, который являлся, согласно его взглядам, результатом созревания организма. Поэтому одной из задач детской психологии было составление стандартов умственного развития для детей различных социальных групп и соответственно составление тестов, применяемых для определения нормального развития ребенка, а также

⁴³ См. П. П. Блонский. Педология. М., 1925.

⁴⁴ П. Блонский. Основы педагогики. М., 1925, стр. 29; он же. Возрастная педология. М.—Л., 1930, стр. 6—7.

определения отклонений этого развития. Диагностика и прогнозирование развития ребенка производились на основе индивидуальной формулы, составленной путем определения физического и умственного роста ребенка, его конституции, а также поведения. Все эти данные взаимно соотносились, и тогда социальное поведение выступало в своей зависимости от темперамента и конституции, определялась и связь уровня умственного развития с социальным поведением. Выяснение динамики физического и психического состояния было главным в прогнозе при условии неизменности социального фактора ⁴⁵.

Биогенетическая концепция опиралась на учение о биологической наследственности. Блонский поставил вопрос о наследственности социальной. Последнюю он понимал как наследственность социального положения и культуры. Наследственность в социальном положении, как считал Блонский, проявляется в эксплуататорском обществе: «...наследуются троны, звания, капиталы, профессия, знания, образ жизни» ⁴⁶. Наследственность социальная, выражающаяся в преемственности культуры, составляет специфически человеческую особенность и передается через воспитание. Культурные ценности выступают в качестве стимулов, обуславливающих особенные черты человеческого развития. Существеннейшей особенностью культуры является то, что ее содержание «не врождено человеку, но приобретает посредством воспитания. Если врожденность физиологических свойств мы назовем биологической наследственностью, то посредством воспитания осуществляется социальная наследственность или наследственность культуры» ⁴⁷.

Наряду с таким пониманием социальной наследственности Блонский проводит идею о воздействии социальных условий через органические процессы на биологическую наследственность. «Улучшение хроматин-наследственности человеческих масс, по всей вероятности, находится в тесной связи с улучшением их питания и уменьшением их истощения, а верное средство улучшить социал-наследственность — это уничтожение всяких привилегий, эксплуатации, нужды и невежества посредством социальной революции в пользу рабочего класса. Так улучшенная социал-наследственность соответствующе изменит и хроматин-наследственность» ⁴⁸.

Хотя Блонский и считал себя сторонником биогенетической концепции, он не был согласен с теми ее представителями, которые трактовали биогенетический закон применительно к психологии как повторение в умственном развитии ребенка всей истории интеллекта человечества. Он не соглашался с тем, что

⁴⁵ См. П. П. Блонский. *Педология; он же. Педология в массовой школе* первой ступени. М., 1925.

⁴⁶ П. П. Блонский. *Педология*, стр. 40.

⁴⁷ П. П. Блонский. *Курс педагогики*. М., 1916, стр. 67—68.

⁴⁸ П. П. Блонский. *Педология*, стр. 51.

цивилизация передается в порядке биологической наследственности. По его мнению, так упрощенно понимать этот процесс нельзя. Биогенетический закон проявляет свое действие в том, что «ребенок живет всегда настоящим, т. е. современностью, но ее, именно ее, он апперцепирует в категориях примитивного мышления»⁴⁹. Путь развития детского интеллекта прямой и постепенный. Это означает, что обучение приводит ребенка к современной науке, но вместе с тем на определенном этапе развития он может усвоить лишь соответствующие его возрасту знания.

Биогенетическая теория развития ребенка была подвергнута критике со стороны другого — социогенетического — направления, которое выступало под флагом марксистской ревизии педологии. Представленное А. Б. Залкиндом, С. С. Моложавым, А. С. Залужным и рядом других педологов, это направление ведущую роль в детерминации детского развития отводило приспособлению к социальной среде⁵⁰.

Представители социогенетической теории, критикуя биогенетистов, опирались в основном на правильно выделенное противоречие между принятым ими биогенетическим законом и положением о социальной обусловленности поведения ребенка. «К чему сводится основная сущность биогенетического закона в приложении его к внеутробному человеку? К двум органически увязанным моментам: 1. К признанию приоритета в детстве *древнего* биологического опыта над новым. 2. К исчерпывающей *эндогенной* обусловленности основных этапов детства. Отсюда уже рост ребенка, как эволюционное изживание древнего опыта. Отсюда же и «свобода» воспитания, как единственный путь для правильной «стопроцентно» *эндогенной* эволюции»⁵¹. Социогенетисты требовали ревизии «эндобиологического статизма»⁵². Противники переноса биогенетического закона в область детского развития не без основания утверждали, что если следовать этому закону, то надо отказаться от мысли о возможности воспитания советских детей в условиях нового общественного строя, согласно новым общественным требованиям.

Казалось бы, социогенетическая теория в определении источников детского развития была противоположна биогенетической, поскольку она стояла за социальную детерминацию. Однако защитники социогенетической теории реализовали те же теоретические установки поведенчества и ту же механистическую методологию, что и представители теории биогенетической. «Пси-

⁴⁹ П. П. Блонский. Педология, стр. 261.

⁵⁰ См. А. Б. Залкинд. Основные вопросы педологии. М., 1927; С. С. Моложавый. Программа изучения поведения ребенка или детского коллектива, М., 1924; А. С. Залужный. Учение о коллективе. М.—Л., 1930.

⁵¹ А. Б. Залкинд. Основные вопросы педологии. М., 1927, стр. 17—18.

⁵² См. А. Б. Залкинд. Вопросы педологии в СССР.—В сб. «Педология и воспитание», М., 1928, стр. 4—6.

хические процессы,— писал А. Б. Залкинд,— приравниваются к обычным органическим актам — к действиям, поступкам, движениям тела...»⁵³. Поэтому заявление Залкинда о том, что «социальный фактор признается господствующим в отношении к психике и закономерность общественной жизни является директивой для накопления всего психического фонда»⁵⁴, надо было толковать, учитывая совершаемое им «приравнивание». Более того, поставленную проблему социальной обусловленности развития ребенка социогенетики считали необходимым решать на биологическом уровне. «Спор придется вести не на социологическом, а на биологическом фронте, так как биогенетики оперируют психофизиологическим материалом»⁵⁵,— так обосновывал А. Б. Залкинд свои теоретические построения.

Утверждениям о незыблемости природных законов жизни человека и подчинения им общественной детерминации представители социогенетического направления противопоставляли положение о том, что природные законы подвластны социальным, и за революционным преобразованием общественного строя следует изменение органических процессов человека, возникновение новых темпов и способов органической жизни. Речь шла о приведении в соответствие «темпа биологического коммунизирования человечества» темпу экономически-социального роста коммунизма⁵⁶. Но тут вступали в действие общие для этих теорий установки поведенчества. И претендующая на реализацию марксистских принципов социогенетическая теория, следуя формуле «стимул — реакция», так же отказывалась от психики, как и биогенетическая. В такой же мере общая механистическая методология привела социогенетическую теорию к тому же способу введения социальных факторов обусловливания поведения, который приняла и биогенетическая теория. Они вводились также через органическое развитие, вне психического отражения. Разница заключалась в том, что, выдвигая на первый план учение об основных рефлексах, сторонники социогенетической теории рассматривали закономерности условнорефлекторной деятельности в качестве нового биологического опыта, возникшего в результате социального приспособления. При этом в условнорефлекторной деятельности они упускали самое главное: включение психического, объединение психического и физиологического в едином рефлекторном акте. «В учении о рефлексах,— писал А. Б. Залкинд,— повторяю, содержится чистейшей воды психофизиологический монизм, при котором психологическая терминология и психологические понятия, действительно,

---

⁵³ А. Б. Залкинд. Основные вопросы педологии. М., 1927, стр. 7.

⁵⁴ Там же, стр. 7.

⁵⁵ Там же, стр. 18.

⁵⁶ См. А. Б. Залкинд. Вопросы педологии в СССР.— В сб. «Педология и воспитание».

впервые становятся научно совсем ненужными»⁵⁷. В своих достаточно путаных писаниях он утверждал, что «понятие «психики» искусственно суживалось исключительно явлениями так называемого «сознания», в то время как действительная психика, т. е. главным образом цепь общественных рефлексов, пронизывает все органы и действия человеческого тела. Общественное бытие определяет собой не только «сознание», но и подавляющую часть всей физиологии человека»⁵⁸.

Изучение психологии ребенка социогенетики подменяли описанием окружающей его среды и реакций ребенка на системы действующих на него раздражителей. Представление о задачах такого рода исследований дает составленная С. С. Моложавым программа изучения поведения ребенка⁵⁹. Согласно этой программе, поведение ребенка определяется средой и является ответной приспособительной реакцией организма на систему внешних раздражителей, которая имеет производственно-классовую структуру. Раздражители, стоящие вне ее, безразличны для ребенка и не вызывают ответных реакций. Система действующих раздражителей образует более или менее устойчивую систему реакций, комплексы навыков и установок. Эти комплексы и составляют «ту сумму сложных процессов, которые называются психическими (способности, импульсы, идеи, художественные образы, интересы, идеалы, мировоззрение и т. п.)»⁶⁰. Первый раздел программы содержал вопросы о среде как системе действующих на ребенка раздражителей — предметов, явлений, процессов, отношений между вещами и людьми. При этом выделялись производственно-трудовые условия, социально-классовая направленность, бытовые и физические факторы среды. Второй раздел был посвящен отдельным реакциям ребенка, а третий — поведению как сложившемуся в условиях приспособления ребенка к среде комплексу реакций. Данные обследования должны были служить организации для ребенка определенной среды, что и оставляло задачу воспитания.

Столкновение двух точек зрения на роль биологического и социального факторов в онтогенетическом развитии человека, так же как и борьба мнений по вопросу о роли внутренних и внешних факторов, привело к поиску решения этого конфликта. Поиск был начат с двух сторон: одновременно с анализом методологических позиций психологии поведения были подвергнуты критическому рассмотрению существующие в психологии концепции развития и разработаны новые, которые поставили своей задачей преодолеть поведенчество, биологизаторство

⁵⁷ А. Б. Залкинд. Очерки культуры революционного времени. М., 1924, стр. 67.

⁵⁸ Там же, стр. 27.

⁵⁹ С. С. Моложавый. Программа изучения поведения ребенка или детского коллектива. М., 1924.

⁶⁰ Там же, стр. 2.

и вульгарный социологизм, разработать исторический подход к психологии человека.

Особое место среди теорий развития ребенка занимала концепция М. Я. Басова. Он начал свои психологические исследования в дореволюционные годы под руководством А. Ф. Лазурского и у него воспринял идею активного приспособления личности к среде. После революции М. Я. Басов сразу включился в борьбу за построение марксистской психологической науки⁶¹. Занимаясь проблемой детского развития, он выступает против субъективизма в психологии, ищет возможности объективной характеристики психических процессов. Однако активность личности он первоначально понимает как чисто внутренний психический акт. Возникшее при этом противоречие он разрешает, перейдя к поведенческой трактовке активности. В трудах Басова мы находим своеобразное видоизменение поведенчества, связанное с внесением в него идеи об активном характере деятельности человека.

Главной для Басова была мысль о том, что человек — активный деятель в среде, и поведение он понимал как активную деятельность человека. В качестве предмета исследования для него «выступает организм как деятель в окружающей его среде, активность этого организма, выявляемая им во взаимоотношениях с окружающей средой в разнообразных формах и процессах поведения»⁶². Формы активности включают не только движения. В качестве процессов активности или, по другому определению, внутренних реакций поведения проявляются психические процессы — восприятие, память, воля, внимание мышление. По убеждению Басова, синтез отдельных форм активности образует психику в целом. Вместе с тем и внешние, и внутренние реакции поведения Басов считал «односущными», т. е. не делал различия между двигательными реакциями на стимулы и психическими процессами.

Развитие ребенка М. Я. Басов представлял как становление его в качестве активного деятеля. «Активность поведения как определенный результат взаимодействия двух факторов — организма и среды — эта формула... дает возможность преодолеть порок дуализма по существу и восстановить тот подлинный материалистический монизм, вне которого нет научного воззрения на жизнь. Эта формула,— писал он,—... давая возможность устанавливать естественные объективно-причинные связи между явлениями, сводит нас с пути субъективно-антропоморфического мышления»⁶³.

Признавая детерминацию развития двумя факторами — со-

⁶¹ См. В. С. Мерлин. Из истории советской психологической мысли (К вопросу о психологическом наследии профессора М. Я. Басова).— «Вопросы психологии», 1965, № 5.

⁶² М. Я. Басов. Общие основы педологии. М.— Л., 1928, стр. 259.

⁶³ Там же.

циальным и природным, Басов в процессе деятельности видел ту равнодействующую, которая и направляет ход развития. В соответствии с поведенческой схемой в структуре деятельности Басов различает два основных элемента — стимул и реакцию. Связь стимула с реакцией образует акт поведения — первоначальное образование, обращенное одной стороной к природным свойствам организма и другой — к социальной среде.

Пытаясь преодолеть ограниченность поведенческой формулы, Басов выделяет внешние и внутренние стимулы. К последним он относит потребности и прошлый опыт. Как внутреннюю, так и внешнюю стимуляцию он ставит в зависимость от состояния общей эмоциональной установки действующего субъекта. Когда Басов перешел к поведению, он первоначально отвергал явления сознания, считая их ненужной фикцией, осложняющей изучение деятельности человека. «Фикция сознания осложняет решение вопроса, причем с наибольшей ясностью здесь видна и абсолютная ненужность этого осложнения: сознание играет всего лишь роль зеркала, в котором зачем-то отражаются явления объективного мира»⁶⁴, — указывал он. И действительно, в пределах поведенческой концепции свойство отражения, от которого Басов отказывался, было ненужным. Позднее он изменил свой взгляд, интерпретируя сознание как «особое качество формы отношения между организмом и средой, качество, проявляющееся в процессах активности, деятельности организма, как результат этих отношений»⁶⁵. «Качество сознания» — это, по определению Басова, «...качество явлений, как сознательность чего-то» и потому «без качества сознания мы не могли бы действовать во имя целей иных, кроме самых непосредственных, и вообще действовать по идее, по заранее составленному плану»⁶⁶.

Однако стремление Басова внести психологическое содержание в акт поведения не было им реализовано в конкретных исследованиях поведения ребенка. В понятии структурных форм поведения, которое он применяет к анализу различных видов деятельности детей, психологическая характеристика деятельности не находит себе места. Психологическое развитие ребенка сводится к характеристике его деятельности — игровой, учебной, трудовой.

Разрабатывая понятие структурных форм поведения, Басов ищет, с одной стороны, изменения, которые личность производит в стимулах, а с другой — изменения в поведении, которые обусловлены требованиями социальной среды. Признание структурных форм процессом организации последовательных актов поведения приводит Басова к плодотворной мысли о таком соотношении их, при котором каждый предыдущий акт влияет на

⁶⁴ М. Я. Басов. Методика психологических наблюдений над детьми. М., 1926, стр. 66.

⁶⁵ М. Я. Басов. Общие основы педологии. Л., 1930, стр. 251.

⁶⁶ Там же.

последующий стимул среды и определяет наряду с ним дальнейший ход поведения. Значит, действия определяются не только стимулом, но и предшествующими реакциями, а также внутренними регулирующими механизмами, к которым Басов относит рефлекторно-ассоциативные связи между стимулом и реакцией, ассоциативно-детерминирующие и апперцептивно-детерминирующие. Учение И. П. Павлова рассматривается Басовым как основа поведенческой схемы поведения.

М. Я. Басов создал метод объективного психологического наблюдения, при котором производилась регистрация актов поведения детей, а затем давалось психологическое истолкование, заключавшееся в анализе детской активности. Он умер в 1931 г., и перспективная линия его научных поисков, направленная на разработку проблемы деятельности в психологической теории и на выяснение связи развития ребенка с различными видами его деятельности, не была завершена.

Становление марксистской психологической теории

Введение

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В 1931—1945 гг.

Новый период советской психологии начинался в годы, когда страна завершала социалистическую реконструкцию народного хозяйства, укрепляла и развивала промышленность, колхозы и совхозы. На этой основе идет борьба за подъем материального положения трудящихся и осуществление в стране культурной революции. Происходит перестройка обучения в начальной, средней и высшей школе. Первостепенной задачей становится подготовка рабочих кадров, владеющих новой техникой, а также кадров советской интеллигенции. Перед психологической наукой встают новые требования, связанные с необходимостью развития ее теории на основе марксистской методологии и оказания практической помощи социалистическому строительству.

Психология, отвечая запросам молодой Советской страны, продолжает свои теоретические искания. Необходимость создания новой психологической теории, а не преобразования старых учений уже не вызывает сомнений. «Самый фундамент психологии должен быть перестроен»¹, — пишет Л. С. Выготский. Создание новой теории — это теперь уже ясно — никак не может заключаться в присоединении к марксизму какой-либо теории, построенной вне марксизма, опиравшейся в своем возникновении на ту или иную, но не марксистскую концепцию психики, будь то отечественная бехтеревская рефлексология или зарубежный бихевиоризм, фрейдизм, гештальт-психология, или сочетание интроспективной психологии с бихевиоризмом, как то предлагалось реактологией. Таков первый вывод из теоретических дискуссий прошедших лет. Очевиден и второй вывод: недостаточно только признания философских положений марксизма, их надо внести в психологическую теорию так, чтобы они стали ключом для решения актуальных проблем самой психологической науки, проблем, которые встали перед наукой в ее собственном историческом развитии, с одной стороны, и, с другой — позволяли преобразовать знания, заключающиеся в ее разнообразных теориях, путем их критического анализа с позиций марксизма.

¹ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 481.

Разработка философских проблем психологии осуществляется в процессе критического анализа состояния зарубежной психологии, выяснения причин ее кризиса и определения методологических принципов марксистской психологической теории.

Теоретические поиски идут в двух направлениях. В начале 30-х гг. ведущей становится проблема общественно-исторической обусловленности психики. И в качестве исходного методологического принимается принцип развития, который оценивается как диалектико-материалистический. П. П. Блонский занимается проблемами возрастной психологии, подвергая исследованию соотношение биологических и социальных закономерностей развития ребенка, а также применяет генетический метод для изучения развития памяти и мышления в онтогенезе. Проблему общественно-исторической обусловленности психики теоретически и экспериментально разрабатывает Л. С. Выготский и его сотрудники. Л. С. Выготский создает культурно-историческую теорию или, как ее теперь называют, учение о развитии высших психических функций. Ранняя смерть оборвала в 1934 г. творческую деятельность этого талантливого ученого, теоретика и экспериментатора, искавшего с огромной энергией, с большой пылкостью новых путей в психологии.

Несколько позже, в середине того же десятилетия на первый план выступает проблема сознания и деятельности. Выдвинутая историческим ходом развития психологической науки, эта проблема становится центральной, когда в мировой психологии начинается новый кризис. Суть этого кризиса заключалась в столкновениях поведенчества с интроспективной психологией и в утрате поведенчеством ведущего положения. В этот период происходит новая расстановка сил в мировой психологии. Если первый кризис психологии, возникший в начале нашего века, был кризисом интроспективной психологии, а поведенчество развилось на пути поисков выхода из него, то в 30-е гг. кризис психологии происходил в условиях поражения и того и другого направления, когда в их новом столкновении обе стороны готовились к будущим взаимным компромиссам и когда против них выступила в корне новая психология, опиравшаяся на диалектический материализм.

Углубленный анализ психологических проблем в трудах К. Маркса, изучение его концепции деятельности позволили свести воедино во внутренне связанную систему идей мысли о психологии, высказанные им в разное время в разных трудах. Опираясь на марксовскую концепцию деятельности, С. Л. Рубинштейн в 1934 г. высказал и обосновал идею единства сознания и деятельности как принципа построения марксистской психологической теории².

---

² См. С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1.

Концепция единства сознания и деятельности была развита С. Л. Рубинштейном в книге «Основы психологии», изданной в 1935 г. Признание этого положения позволяло раскрыть и сделать доступной для психологической науки жизненную проблематику различных сфер человеческой деятельности и вместе с тем выявить роль деятельности в формировании психических свойств и способностей человека. Принцип единства сознания и деятельности становится ведущим методологическим принципом советской психологии. Он получает теоретическую и экспериментальную разработку в исследованиях А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова и многих других советских психологов. В соотнесении с ним происходит дальнейшая разработка и принципа развития в его применении к общей и педагогической психологии. Развертываются многообразные конкретные исследования по различным проблемам психологии — ощущения и восприятия, памяти, мышления, речи, способностей и другим. В то же время экспериментальные исследования открывают возможность проверки, обоснования и дальнейшего развития этого принципа.

К выводу о необходимости коренного преобразования психологической теории вела и практика прикладных отраслей психологической науки. Психотехника, педагогическая и детская психология, медицинская, библиотечная психология испытывали много трудностей и терпели неудачи в своих конкретных исследованиях прежде всего из-за слабости своей теоретической оснащённости, из-за методологических ошибок. Казалось бы, острая нужда прикладных отраслей в новой методологии должна была сблизить их с общей психологией, стремившейся к разработке новых методологических принципов. Однако здесь взаимоотношения складываются далеко не так просто. События развиваются в сложной обстановке.

Теоретические дискуссии, происходившие на рубеже 20—30-х гг., не могли не затронуть психотехнику. Был поднят вопрос о необходимости ее методологической перестройки. И. Н. Шпильрейн отмечал как главную опасность для советской психотехники «фетишизм буржуазной техники», некритическое применение тестов. Он признавал теоретические недостатки в психотехнике, отказывался от тезиса о нейтральности прикладных наук и призывал к повороту в психотехнике на основе сближения ее с общей психологией³. В резолюции I Всесоюзного психотехнического съезда, состоявшегося в 1931 г., было указано, что «съезд считает совершенно недопустимым имевший место разрыв между психотехникой и психологией»⁴. На съезде речь

³ См. И. Н. Шпильрейн. Предмет и задачи психотехники.— «Психотехника и психофизиология труда», 1930, № 6; он же. К вопросу о теории психотехники; О повороте в психотехнике.— «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 4—6.

⁴ «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 4—6, стр. 379.

шла о теоретическом обосновании психотехнической работы, о критическом разборе буржуазной психотехники, о борьбе с механистическими тенденциями, борьбе против эмпиризма и идеализма. Поворот психотехники к методологическим проблемам выразился в публикации ряда теоретических статей в журнале «Советская психотехника», которые ставили перед психотехникой новые задачи. И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн, И. Розанов и другие психотехники связывали новые задачи с практикой социалистического строительства. «В условиях социалистического соревнования и ударничества мы имеем налицо все предпосылки для всемерного развертывания субъективных стимулов труда, вытекающих из принципиально нового отношения социалистического рабочего к труду»⁵, — писал С. Г. Геллерштейн. Речь шла об изменении тематики психотехнических исследований. «Требуется воспитание социалистического отношения к труду. Требуется вовлечение в новые формы организации труда и в новые требования, которые предъявляет завод»^{5а}. В числе новых задач была поставлена задача связи с педологией для совместной работы по политехнизации школы⁶.

Как же осуществлялись эти намерения? В реализации новых задач продолжал сказываться разрыв психотехники с общей психологией, ее стремление к независимости в разработке методологических вопросов. По существу психотехнические исследования продолжали вестись старыми способами, главным образом методом тестов и анкет. Изменения ограничились тем, что в содержание тестов предлагалось внести некоторые изменения: осуществить классовый подход, учесть культурный уровень и национальные особенности испытуемых и т. п.⁷ Несоответствие применяемых методов поставленным задачам все более возрастало, психотехника же обнаруживала свою теоретическую несостоятельность в разработке новых методов. И в этом сказывается ее разрыв с общей психологией, повлекший тяжелые последствия не только для самой психологии, но и для общей психологической теории.

Вероятно, эти последствия не были бы столь тяжелыми, если бы к этому разрыву не присоединились другие обстоятельства — историческая обстановка второй половины 30-х годов. В эти годы нередко предавались забвению ленинские установки в отношении к науке, к путям ее развития и приобщения

---

⁵ С. Г. Геллерштейн. Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки. — «Советская психотехника», 1932, № 1, стр. 18.

^{5а} И. Розанов. К вопросу о новых задачах психотехники и смежных наук, изучающих трудовую деятельность человека. — «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 1—3, стр. 8.

⁶ См. Резолюция I Всесоюзного психотехнического съезда. — «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 4—6; Л. С. Выготский. Психотехника и педология. — «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 2—3.

⁷ И. Н. Шпильрейн. О повороте в психотехнике. — «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 4—6.

к марксизму. В науке проявлялся догматизм, администрирование. Критика психотехники разворачивается уже в ином плане, чем в период дискуссий начала 30-х гг. Если тогда целью методологической перестройки был пересмотр проблем психологии труда для дальнейшего развития психотехники в интересах социалистического строительства, то теперь критика направлена на ликвидацию психотехники⁸. От одной крайности — односторонней оценки психотехники с позиций нейтральности экспериментальной науки совершается переход к другой — отрицается какая-либо научная ценность психотехники, она квалифицируется как буржуазная псевдонаука. Советская психотехника, которая в результате своего пренебрежения теорией не преодолела влияния буржуазной науки и не смогла найти новых путей, оказалась под ударом, когда началась борьба с методологическими ошибками педологии и подвергся осуждению метод тестов, оставшийся главным в психотехнике. В критике ошибок последней вопросы методологии не были отделены от ее проблематики. Осуждение тестов вызвало отказ от дальнейшей разработки всего комплекса вопросов, включавшихся в психотехнику. Такое положение закреплялось рядом организационных мероприятий — были закрыты психотехнические лаборатории в промышленности, на транспорте, в научных учреждениях, прекратилось преподавание психотехники в вузах. Психотехника потеряла кадры и экспериментальную базу. Перестало существовать общество психотехников и был закрыт журнал «Советская психотехника». А поскольку психология трудовой деятельности была центральной проблемой психотехники, поскольку психофизиология труда, психология производственного обучения разрабатывались только в русле психотехники, постольку это было отказом психологии от разработки проблем, представлявших особую важность и для практики, и для теории, которая на первый план выдвинула проблему деятельности человека. Коллизия заключалась в том, что, когда психологическая теория как первоочередную задачу поставила изучение связи сознания с деятельностью человека и особенно нуждалась в исследовании психологического аспекта трудовой деятельности, специальная отрасль науки, занимавшаяся ее изучением, свернула свою работу, оказавшись не в состоянии преодолеть методологические и организационные трудности.

Взаимоотношение общей психологии с детской, возрастной и педагогической психологией складывается в столь же трудных условиях. Эти отрасли психологической науки в первую половину 30-х гг., так же как и в 20-е гг., рассматривались в качестве составной части педологии. Большинство психологов, занимавшихся детской психологией, работали в системе педологических учреждений и их конкретные исследования шли в русле

---

⁸ См. А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. VII.

педологической практики, которая исходила из учения о развитии, принятом педологией и остававшемся неизменным в своих двух вариантах — биогенетическом и социогенетическом, — в равной мере ошибочно понимавших детское развитие, сочетавших механистическую методологию и поведенческие установки. Практическую работу педология ограничивала все теми же тестовыми испытаниями, которые служили средством определения умственного развития детей. На их основании производился отбор школьников и комплектование по классам. В несоответствии между кратковременностью тестового исследования, случайностью его результатов и выводами об умственном уровне ребенка и прогнозами его дальнейшего развития заключался порок педологической практики. Прогнозы эти были основаны на признании постоянства умственных способностей как врожденного, органического свойства ребенка, независимого от его развития в процессе обучения.

В это же время в психологической науке, преодолевающей поведенческие концепции и ошибки механицизма, происходило становление диалектико-материалистических методологических принципов, и прежде всего принципа развития, на основании которого создавалась новая теория психического развития ребенка. События разворачивались так, что психологи П. П. Блонский, Л. С. Выготский, М. Я. Басов в начале 30-х гг. выступали против теоретических взглядов на развитие и обучение детей, господствовавших в педологии, оставаясь при этом приверженцами идеи специальной науки о развитии ребенка, какой должна была бы быть научная педология. П. П. Блонский писал: «...Занятия педологией все больше и больше убеждают меня в поверхностности обычных педологических исследований. Стремясь углубить их, я все больше углубляюсь в психологию»⁹. Он резко критиковал существовавшую педологию, отмечая ее ограниченность и ненаучность.

Л. С. Выготский обосновывал взгляд, согласно которому детская психология должна развиваться как одна из педологических дисциплин, потому что «она должна исходить в своих основных построениях из целостного, т. е. педологического, представления о том месте, которое занимает психологическая эволюция в общей системе онтогенеза»¹⁰. Детская психология, считал он, всегда опирается на то или иное общее учение о развитии ребенка, а это значит, что она исходит из определенной педологической концепции. Вопрос заключается в том, какова эта концепция. При условии построения диалектико-материалистической концепции развития ребенка педология имеет воз-

⁹ П. П. Блонский. Избранные педагогические произведения. М., 1961, стр. 44.

¹⁰ Л. С. Выготский. Психотехника и педология. Доклад на совместном заседании секции психотехники Комкадемии и психотехнического общества 21 сентября 1930 г. — «Психотехника и психофизиология труда», 1931, № 2—3, стр. 177.

возможность существования. Надо изменить содержание теории развития в педологии — такова задача, которую ставил Л. С. Выготский. Ее он и решал своими психологическими исследованиями. Отношение Л. С. Выготского к педологии сказалось на судьбе созданного им учения в годы, после крушения той педологии, против которой боролся он сам.

Методологические ошибки педологии, ее вмешательство в педагогический процесс приносили вред народному образованию. Сложившееся положение вызвало необходимость организационных мероприятий, прекративших деятельность педологических учреждений. В 1936 г. было принято постановление Центрального Комитета ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»¹¹, которое установило, что в системе народного просвещения были допущены извращения, выразившиеся в том, что педологам передоверили важные функции по руководству школой, по комплектованию классов и направлению всего учебного процесса. В постановлении был дан анализ методологических ошибок педологов, которые привели к порочной практике определения умственного развития школьников и к ошибкам в комплектовании школ, а также к неверным теоретическим выводам об отмирании школы. Резко отрицательную оценку получили и методы обследования детей, применявшиеся педологами. Перед советскими учеными была поставлена задача создания марксистской науки о детях.

Это постановление оказало большое влияние на пути развития советской психологии не только в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, но и в последующие десятилетия. Задача создания марксистской науки о детях выдвинула на первый план детскую и педагогическую психологию, разработка которой теснейшим образом связывается с развитием общей психологии. «Единственно правильный путь, которым должна идти педагогическая психология, — путь развития ее в связи и на базе решения основных проблем общей и детской психологии. Только при этом условии может быть правильно поставлено психологическое исследование вопросов, выдвигаемых педагогической практикой», — так определялись теперь задачи педагогической психологии¹². Конец 30-х и 40-е гг. отмечены все более крепнущей связью педагогической и общей психологии¹³. В это время для психологической науки в целом первоочередными становятся проблемы обучения. Такой поворот диктовался насущной задачей помощи школе, которая преодолевала

¹¹ «Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917—1947 гг.», вып. I. М.—Л., 1947, стр. 190—193.

¹² «Учительская газета», 21 марта 1941 г.

¹³ Сотрудничеству психологии и педагогики был посвящен доклад С. Л. Рубинштейна на Всесоюзной конференции по педагогическим наукам в апреле 1941 г. См. С. Л. Рубинштейн. Психология и педагогика. — «Советская педагогика», 1941, № 7—8.

последствия педологических заблуждений. Главной линией связи психологии с жизнью становится ее связь со школой. Организационно это оформляется включением в созданную в 1943 г. Академию педагогических наук РСФСР Московского института психологии, Института дефектологии и Отделения психологии ленинградского филиала Академии педагогических наук. Большая часть экспериментальных психологических исследований в ближайшее десятилетие разворачивается в рамках педагогической психологии.

Психическое развитие ребенка рассматривается теперь в неразрывном единстве с его воспитанием и обучением. Это развитие понимается не как стихийный, а как направляемый процесс. Таким представлением обуславливается работа самого крупного научного психологического центра страны Института психологии Академии педагогических наук в Москве, кафедр психологии Педагогического института им. Герцена в Ленинграде и Харьковского педагогического института, которые осуществляют многообразную систему исследования развития детей в процессе их обучения и воспитания.

Критика ошибок педологии имела для психологической теории и неблагоприятные последствия. Вместе с педологией было отвергнуто все то, что приобрела детская и педагогическая психология в те годы, когда они считались педологическими дисциплинами и психологические исследования включались в педологические работы. Обстановка сложилась так, что оказались отвергнутыми и те труды психологов, которые были направлены на преодоление педологических догм, в частности биогенетической концепции развития, и ставили своей целью создание марксистской теории развития ребенка. В таком положении оказались труды П. П. Блонского, Л. С. Выготского, М. Я. Басова. Лишь во второй половине 50-х гг. работы Л. С. Выготского и П. П. Блонского получили вновь свое признание и распространение. Незаслуженно забытой до последнего времени оставалась деятельность М. Я. Басова, психологические исследования которого были обобщены в книге «Общие основы педологии». Критический анализ его работ, направленный на выявление их позитивного значения в развитии детской психологии, произведен совсем недавно¹⁴.

В результате критики метода тестов оказались свернутыми исследования по психодиагностике, поскольку они велись только таким способом. Надолго приостановилась разработка научно обоснованных методов исследования умственного развития детей, так же как и изучение важнейшей для школьного обучения проблемы индивидуальных психологических особенностей

¹⁴ См.: В. С. Мерлин. Из истории советской психологической мысли. К вопросу о психологическом наследии профессора М. Я. Басова.— «Вопросы психологии», 1965, № 5; А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, стр. 223, 224 и др.

учащихся. Вопрос о диагностических методах психологического исследования школьников был поднят в нашей психологии всего лишь несколько лет назад¹⁵. Устраненные из психологии тесты только в 60-е годы подверглись методологическому анализу и получили оценку в общей совокупности психологических методов¹⁶.

В отношениях детской и педагогической психологии с педологией и педагогикой, с одной стороны, и с общей психологической теорией — с другой, особое место занимало учение А. С. Макаренко. Система психологических взглядов А. С. Макаренко противостояла педологии и в силу этого воззрениям тех психологов, которые шли в ее русле. А. С. Макаренко, как известно, резко выступал против педологии, против принятых ею методов исследования, против практики тестового отбора и разделения детей по степеням их интеллектуального развития на основании пресловутого коэффициента интеллектуальности. Он резко критиковал биогенетические и социогенетические теории за их односторонность. Не одобрял он также рефлексологический вариант учения об условных рефлексах¹⁷.

После научного и организационного поражения педологии можно было ожидать, что психологические взгляды А. С. Макаренко привлекут внимание психологов. Однако его психологические идеи далеко не сразу получили должную оценку и развитие в психологии, так как проблема личности и в общей, и в педагогической психологии мало занимала психологов вплоть до 50-х гг. Лишь тогда, когда возник интерес к проблеме личности, педагогические и психологические взгляды этого выдающегося советского педагога становятся опорой для психологических исследований.

Взгляды А. С. Макаренко на необходимость целостного изучения личности, взаимоотношение личности и коллектива, формирование характера, потребности и мотивацию поступков, его центральная идея направленного формирования общественно ценных качеств личности в коллективе приобрели значение для психологии, когда были подняты вопросы теории личности. Новая трактовка понятия коллектива, его роли в воспитании лично-

---

¹⁵ См. А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Смирнов. О диагностических методах психологического исследования школьников.— «Советская педагогика», 1968, № 7; Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, стр. 13 и др.

¹⁶ См. например: И. И. Иванова и В. Г. Асеев. Методология и методы психологического исследования.— В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969.

¹⁷ «У нас,— писал А. С. Макаренко,— в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что все от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов» (А. С. Макаренко. Соч., т. II. М., 1950, стр. 398).

сти, в воспитании потребностей человека-коллективиста, открыла пути действенного педагогического воздействия на детей и подростков через изменение их положения в коллективе. Стремление Макаренко к преодолению пассивной созерцательности психологического исследования личности соответствовало целям и задачам, которые поставила перед собою советская психология в конце 30-х — начале 40-х гг., разрабатывая проблему связи сознания и деятельности. Его тезис о том, что *«воспитатель должен смотреть на воспитанника не как на объект изучения, а как на объект воспитания»*¹⁸, в полной мере соответствовал положению о том, что изучать психологию детей надо обучая, а обучать — изучая. Общей с психологией в педагогике Макаренко является и задача активного и направленного вмешательства исследователя в процесс обучения и воспитания для достижения конечной цели — формирования человека нового общества. Педагогика Макаренко шла рядом с марксистской психологией, но, снова заметим, первоначально не включалась в нее, не взаимодействовала с ней.

Таким образом, для рассматриваемого периода в истории советской психологии характерны сложные, порой конфликтные отношения общей психологии с психотехникой, детской и педагогической психологией.

В первой половине 30-х гг. все шире разворачивались в павловских лабораториях исследования условных рефлексов. И. П. Павлов приступает к изучению высшей нервной деятельности человека, вводит в свое учение положения, имеющие первостепенную важность не только для физиологии, но и для психологии. Он развивает идею второй сигнальной системы действительности, присущей только человеку, подчеркивает особенности словесных сигналов, выясняет взаимоотношение двух сигнальных систем. Опираясь на фактический материал физиологии высшей нервной деятельности, на анализ клинической практики, И. П. Павлов по-новому трактует суть патологических состояний психической деятельности. Однако советская психологическая наука того времени, отвергнув рефлексологию, недостаточно учитывала и использовала достижения павловской физиологии, так же как и приобретения физиологической школы Н. Е. Введенского и А. А. Ухтомского, имеющие прямое отношение к психологии. Эта научная школа развивала учение о доминанте, столь важное для психологии и поныне еще недостаточно раскрытое в психологическом плане.

Своеобразное положение складывалось во взаимоотношении зоопсихологии и эволюционной физиологии высшей нервной деятельности. Происходило противопоставление этих двух областей науки. Зародилось оно в ту пору, когда зоопсихология была во власти антропоморфизма и лишь овладевала объективными

---

¹⁸ А. С. Макаренко. Соч., т. V, М., 1951, стр. 92.

методами исследования. Тогда И. П. Павлов, со свойственной ему страстностью, отрицал зоопсихологию как научную дисциплину. Такое отношение к зоопсихологии сохранилось у него до конца жизни, несмотря на существенные методологические сдвиги, происшедшие в советской психологии. Это противопоставление поддерживалось после смерти И. П. Павлова догматическим отношением к его учению со стороны ряда деятелей павловской научной школы, вопреки действительному положению дела в той и другой отрасли знания. А положение это было таково, что действуя разными методами, но следуя диалектико-материалистическим воззрениям на происхождение человека, и павловская физиология, и зоопсихология в своих экспериментальных исследованиях преследовали единую цель — выявить общее и особенное в эволюции от животного мира к человеку. В результате и та, и другая дисциплины обогатили советскую науку новыми данными для обоснования диалектико-материалистической концепции филогенетического развития психики.

Развитие психологической теории, выразившееся в разработке принципа единства сознания и деятельности, привело зоопсихологов к плодотворным экспериментальным исследованиям орудийной деятельности антропоидов и важным теоретическим обобщениям. Изучение антропоидов зоопсихологами — Н. Н. Ладыгиной-Котс, Н. Ю. Войтонисом, Г. З. Рогинским, Н. А. Тих — дало многочисленные факты для решения проблемы антропогенеза, предыстории человека, так же как и данные ряда экспериментов с антропоидами, проведенных по павловским методикам. Материалы этих исследований позволили советским ученым выступить против зарубежных теорий, пользовавшихся известным успехом у нас. В частности, и со стороны советских зоопсихологов, и со стороны И. П. Павлова и его сотрудников критике подверглось учение В. Кёлера об интеллекте антропоидов.

Физиология в середине 30-х гг., так же как и психология, подходит к изучению деятельности и способов ее регуляции. П. К. Анохин, ученик И. П. Павлова, начинает исследования двигательных актов, выясняя роль в них афферентации, идущей в ходе свершения акта от органов движения в мозг. Тогда же Н. А. Бернштейн приходит к выводу о принципе обратной связи в управлении движениями. Проблема деятельности становится звеном, объединяющим психологию с исканиями физиологов. С этого звена начинается ее союз с физиологией.

В 1940 г. вышла новая книга С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии»^{18а}. В предисловии автор писал: между этой работой и вышедшими в 1935 г. «Основами психологии» «лежит

---

^{18а}С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Изд. 1-е. М., 1940; изд. 2-е. М., 1946.

большой путь, пройденный за эти годы советской психологией вообще и мною в частности». В новой книге были развиты и сформулированы теоретические принципы марксистской психологии: принцип развития, принцип историзма применительно к развитию сознания, принцип психофизического единства и принцип единства сознания и деятельности. В книге был обобщен материал экспериментальных исследований советских психологов и сведены воедино результаты теоретических исследований, был обобщен первый опыт исследований, пролагавших новые пути психологической науке.

Кафедра психологии педагогического института им. Герцена в Ленинграде, где работал С. Л. Рубинштейн, превращенная им в одно из крупных научных учреждений, объединяет научные силы для коллективной работы. «В 1938—1939 гг.,— вспоминает Б. Г. Ананьев,— уже велась такая коллективная работа, организованная С. Л. Рубинштейном над частями подготовленного труда «Основы общей психологии». Глава за главой прочитывается и обсуждается эта работа, впитывающая в себя все новое, созданное советскими учеными. Одновременно разворачиваются новые исследования, связанные с теми общими идеями, которые отныне соединили разобщенные ранее психологические силы. Относительное соответствие между новыми идеями и новыми научными данными все более достигается, а потому становится реальным создание «Основ общей психологии»¹⁹. Поэтому автор «Основ общей психологии» подчеркивал, что его новая книга — «коллективный труд в подлинном смысле этого слова... ряд основных его идей выкристаллизовывался как общее достояние передовой психологической мысли, и весь фактический материал, на который опирается эта книга, является уже непосредственно продуктом коллективного труда — труда более узкого коллектива моих ближайших сотрудников и коллектива целого ряда старых и молодых психологов Советского Союза. В этой книге почти каждая глава опирается на материал советских психологических исследований, в том числе и неопубликованных»²⁰.

Выход «Основ общей психологии» стал большим событием для советской психологии. Значительность этого труда признавалась не только психологами, это было достояние всей советской науки. В 1942 г. этот труд был удостоен Государственной премии по философским наукам. В 1943 г. психология впервые в истории отечественной науки получила представительство в Академии наук СССР. Честь представлять психологическую науку была оказана С. Л. Рубинштейну, избранному членом-корреспондентом Академии наук СССР.

---

¹⁹ Б. Г. Ананьев. Творческий путь С. Л. Рубинштейна.— «Вопросы психологии», 1969, № 5, стр. 127.

²⁰ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 4.

Именно потому, что в книге представал замысел новой теории, потому, что она сводила воедино большой фактический материал в свете тех теоретических принципов, которые выдвигал и защищал автор, потому что эти теоретические принципы были положены в основу критического анализа психологических теорий прошлого и настоящего времени, она многократно, горячо обсуждалась. В 1941 г. книга обсуждалась на научной сессии Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. Несколько позже состоялось ее обсуждение на секции психологии Всесоюзной конференции по педагогическим наукам. После выхода второго издания в 1964 г. обсуждение «Основ общей психологии» было организовано в Москве Институтом философии Академии наук СССР и кафедрой логики и психологии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

Из всей совокупности идей, высказанных С. Л. Рубинштейном в «Основах общей психологии», выделяется как методологический принцип первостепенной важности положение о единстве сознания и деятельности. В 1941 г. при выяснении задач педагогической психологии в столкновении разных мнений о путях развития этой отрасли психологической науки положение о единстве сознания и деятельности, сформулированное С. Л. Рубинштейном, принималось всеми психологами. «Одна из важнейших задач советской психологии — действительно реализовать в своих исследованиях принцип единства психики и деятельности, т. е. изучить психические процессы в связи с конкретной деятельностью, в какой они реально протекают», — писала группа психологов, выступая с критикой ряда других положений, высказанных в «Основах общей психологии». «Не отождествляя психику и деятельность и не противопоставляя их, мы рассматриваем психику в единстве с деятельностью. Вместе с тем мы никак не можем рассматривать деятельность, абстрагируя от тех определенных общественно-исторических условий, в каких она протекает... С этой точки зрения надо считать правильной постановку вопроса о психике и деятельности в «Основах общей психологии» профессора С. Л. Рубинштейна»²¹. «Тезис о единстве психики и деятельности открывает путь к подлинному объяснению в психологии, дает возможность вскрывать действительные причины тех фактов и процессов, которые изучает психология»²², — писали Б. М. Теплов и Л. М. Шварц

---

²¹ Научные работники Государственного института психологии проф. К. Н. Корнилов, проф. Б. М. Теплов, проф. А. А. Смирнов, проф. Н. А. Рыбников, проф. П. А. Шеварев, проф. Н. Ф. Добрынин, П. И. Размыслов, Л. М. Шварц, Н. Д. Левитов, А. Н. Богословский, Ф. И. Музылев, И. И. Волков, А. А. Додонова, Ф. Н. Шемякин, Ф. И. Георгиев, Е. В. Гурьянов, Н. А. Менчинская, К. К. Ансон, Л. В. Занков, Н. Е. Акимов. Задачи психологии в создании марксистской науки о детях. — «Учительская газета», 21 марта 1941 г., № 35.

²² «Советская педагогика», 1941, № 7—8, стр. 100.

в своей рецензии после выхода в свет книги С. Л. Рубинштейна. «Единство сознания и деятельности — одно из важнейших положений советской психологии, лежащее в основе изучения психики людей»²³, — так формулируется позиция, общая для советской психологии в целом. В 40-х гг. этот принцип стал ведущим в советской психологии и через него получают свое выражение ее теоретические позиции.

В обзорах истории советской психологии обычно подчеркивается, что характерной чертой развития марксистской психологической науки во второй половине 30-х и в 40-е годы является ее теоретическое единство²⁴. Это единство несомненно, если его понимать как признание общей задачи советской психологии — задачи построения новой, марксистской психологической теории. Но это никак не означает единообразия, вернее, единообразия путей построения этой теории. И по мере того как перед советскими психологами встает все более отчетливо задача создания новой теории, определяются разные подходы к решению этой задачи, возникают разные направления в советской психологии — разные научные школы.

Можно отметить некоторые особенности этого процесса развития науки в новых условиях, условиях осознания единства цели и единства в принятии диалектико-материалистического мировоззрения. Возникновение и развитие научных школ происходит внутри указанного единства и не вступает с ним в противоречие. Во всей своей совокупности эти направления или школы противостоят всей зарубежной немарксистской психологии общностью своих философских исходных позиций.

О каких же направлениях идет речь? Утверждение этих направлений по существу приходится на следующий период истории советской психологии. В то время, о котором сейчас идет речь, эти направления лишь обозначались, и только будущее их развитие заставляет обратить внимание на их истоки. Речь идет о научных школах, намечавшихся в 30—40-х гг. и воз-

---

²³ А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти. М., 1966, стр. 7.

²⁴ В итоговой статье, посвященной 30-летию советской психологии, Б. Г. Ананьев писал: «Начиная с 1937—1938 гг. и до начала Великой Отечественной войны наблюдается все возрастающий подъем советской психологии... Разнообразие проблем и методов исследования, появление ряда творческих направлений в конкретизации марксистско-ленинской теории в психологии свидетельствовали о том, что достигнутое к этому времени *единство советской психологии способствует многогранному расцвету нашей науки*» (Б. Г. Ананьев. 30 лет советской психологии. «Советская педагогика», 1947, № 11, стр. 50). «Важнейшая черта, характеризующая развитие советской психологии во второй половине 30-х годов, — формирование теоретического *единства советской психологии на основе марксистско-ленинского учения*», — пишет А. В. Петровский (А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, стр. 319). Это единство отмечалось и С. Л. Рубинштейном, когда он указывал, что «Основы общей психологии» — коллективный труд в подлинном смысле этого слова (С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 3—4).

главлявшихся Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, Д. Н. Узнадзе, Б. М. Тепловым и Б. Г. Ананьевым. Каждый из них, выделив определенный комплекс проблем, создал теоретическую концепцию, разработал на ее основе методы конкретных психологических исследований и, интерпретировав полученные экспериментальные данные, совершил свой вклад в теорию, а также организовал разработку выделенных проблем коллективами своих сотрудников.

Исследования этими направлениями велись в разных планах, взаимоотношение между ними складывалось также различно. Если для Л. С. Выготского ведущей была идея общественно-исторической обусловленности психики и центральным в его учении является в конечном счете вопрос о природе психики, если для С. Л. Рубинштейна главными были философско-теоретические проблемы, и прежде всего вопрос о детерминации психики, то Б. М. Теплов избирает конкретную проблему способностей и все более углубляется в экспериментальное исследование индивидуальных отличий людей. Б. Г. Ананьев создает экспериментальную школу, занимающуюся проблемами чувственного отражения, а Д. Н. Узнадзе в учении об установке открывает и исследует роль в деятельности человека неосознанных психических состояний.

При соотнесении методологических особенностей указанных школ можно заметить, что поиски детерминант психики сосредотачиваются у Л. С. Выготского и его последователей на внешних социальных условиях жизни человека, у С. Л. Рубинштейна и его сотрудников — на соотношении внешних и внутренних условий, определяющих психическую деятельность. Такая нацеленность поисков ведет в дальнейшем, как мы увидим, к различной интерпретации природы психики и к разному подходу в решении общих психологических проблем и в постановке конкретных исследований.

Великая Отечественная война подчинила себе всю жизнь страны. В психологии главным стала разработка научных проблем, имеющих оборонное значение. Много внимания уделяется военно-госпитальной восстановительной психологии, когда психологические методы исследования были использованы для восстановления чувствительности и других нервно-психических функций, пораженных при ранениях и контузиях, а также для восстановления движений²⁵. В 1944 г. была созвана специальная конференция по этой проблеме с участием психологов, физиологов и неврологов.

В послевоенные годы начинается новый период развития психологической науки.

²⁵ «Ученые записки Московского государственного университета». Вып. 111. М., 1947; А. Н. Леонтьев и А. В. Запорожец. Восстановление движений. М., 1945; А. Р. Лурия. Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948.

Глава III

БИОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В РАЗВИТИИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Советские психологи, определяя после дискуссий 20-х гг. методологические основы новой теории, прежде всего обратились к диалектико-материалистическому принципу развития. Марксистской психологии предстояло осмыслить с помощью этого принципа обширную область явлений, исследованных за рубежом и в дореволюционной России. Дарвиновское учение в середине прошлого века дало мощный толчок к изучению как эволюции психики в мире животных, так и к изучению детской психики. Этнографические исследования одновременно принесли множество сведений о духовной жизни народов разных ступеней общественного развития и возбудили интерес к историческому развитию психики человека.

После того как в советской психологии были отброшены поведенческие концепции и психика была восстановлена в качестве предмета психологической науки, задача применения в психологии исторического подхода выступила на первый план. Ее решению посвятили свои труды П. П. Блонский и Л. С. Выготский. Их объединяла общая цель — внести исторический метод в психологическую науку и разработать проблему развития психики с позиций диалектического материализма. И тот и другой исследовали психику на разных ступенях детского развития, с одной стороны, и прослеживали общественно-историческое развитие психики человека — с другой.

Изучение возрастных психологических особенностей детей, к которому они обратились, должно было служить не только и не столько педагогической психологии, сколько разработке проблемы развития психики, а в конечном счете выяснению природы психического. Проблема развития психики заключала в себе и вопрос о взаимоотношении социального и биологического, который для марксистской психологической теории был важнейшим.

Идея развития привлекла в свое время и Блонского, и Выготского, и Басова и других психологов к педологии: ведь она считалась наукой о законах детского развития. Смысл включения детской и педагогической психологии в педологию они видели в реализации принципа развития. Замысел был таков: обобщить на основе единого принципа все знания о ребенке и организовать комплексное исследование детей, единое в своей методологической основе. «Но чтобы этот синтез был действительно синтезом, а не только эклектизмом или компиляцией,— пояснял Блонский,— надо указать, что именно, какой принцип кладется в основу его». И продолжал: «Педология изучает ребенка в его развитии... Как таковая, педология имеет свой специфический предмет изучения, не изучаемый никакой другой наукой, кроме нее»¹.

П. П. Блонский был давним приверженцем генетического метода, но применял он его в психологии по-разному, в зависимости от своих философских взглядов на природу психического. А взгляды его менялись: от идеалистических воззрений он перешел к материалистическим и от механистической методологии к диалектико-материалистической. В 1921 г., призывая к построению психологии на почве марксизма, Блонский писал: «Общая психология должна явиться результатом тех обобщений, которые получатся в итоге сопоставления психологии взрослого, ребенка, животных, примитивных народов и ненормального человека»². Позже, уже в 1928 г., он утверждал, что основной тезис его психологии: «Поведение понятно лишь как история поведения»³.

Этот тезис полностью разделял Выготский и ссылался на него как на основание своего историко-генетического метода⁴. Он приводил высказывание Блонского и замечал: «Историческая форма объяснения представляется психологу-генетисту высшей из всех возможных форм. Ответить на вопрос, что представляет собой данная форма поведения, для него означает раскрыть ее происхождение, историю ее развития, приведшего к настоящему моменту. В этом смысле, как мы уже говорили выше словами П. П. Блонского, поведение может быть понято только как история поведения»⁵.

В начале 30-х гг. Блонский углубляется в психологические исследования, руководствуясь принципом развития в его диалектико-материалистическом понимании. Однако изучение развития ребенка он продолжает мыслить как проблему педологии. Пола-

¹ П. П. Блонский. Возрастная педология. М.—Л., 1930, стр. 6—7.

² П. П. Блонский. Очерк научной психологии. М., 1921, стр. 27.

³ П. П. Блонский. Избранные педагогические произведения. М., 1961, стр. 44.

⁴ См. Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 229.

⁵ Там же, стр. 182.

гая необходимым исправить ошибки биогенетической концепции в педологии, он так формулирует ее задачу: познать закономерности развития ребенка в их глубокой внутренней связи с законами развития общества. «Связь ребенка с окружающей средой,— продолжает он,— марксистски понимаемой и анализируемой, ход развития ребенка в контексте конкретных исторических общественных отношений, влияние на него окружающей обстановки, но обязательно и его влияние на нее, активность ребенка в самых различных проявлениях в данный исторический момент — вот злободневнейшие вопросы нашей педологии... Не назад — к недооценке влияния среды, но вперед — к марксистскому анализу социально-исторических условий развития детей»⁶.

Принцип развития, понимаемый как исторический подход к исследуемым психическим процессам, Л. С. Выготский принимал в качестве ведущего методологического принципа. «Историческое изучение просто означает применение категории развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо — значит изучать это в движении. Это и есть основное требование диалектического метода»⁷,— писал он, полагая, что историческое исследование поведения не есть нечто дополнительное к изучению теоретическому, но составляет его основу. Такой подход приводит к различению анализа вещи и анализа процесса, а потому «если на место анализа вещи мы поставим анализ процесса, то основной задачей такого рассмотрения, естественно, делается генетическое восстановление всех моментов развития данного процесса»^{7а}.

Позиции советской психологии теперь существенно отличаются от подхода тех лет, когда она готова была следовать за каждым новым течением без достаточных к тому оснований, когда психологи полагали, что можно безоговорочно заимствовать факты из любых теорий. Выготский замечает: «Кто *рассматривает* факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории. Факты неразрывно переплетены с философией... И кто хочет найти ключ к этому богатому собранию новых фактов, должен раньше всего вскрыть *философию факта*, его добывания и осмысливания... Наш путь должен лежать в направлении к *критике теории и методологической системы...*»⁸.

Развертывание позитивных положений происходит на основе конкретного критического анализа немарксистских теорий. «Объект и метод исследования оказываются тесно связанными друг с другом»,— пишет Выготский. Изложению новых взглядов на природу психики он предпосылает свои соображения о роли и

⁶ П. П. Блонский. О некоторых встречающихся у педологов ошибках (в порядке обсуждения).— «На путях к новой школе», 1931, № 6, стр. 44.

⁷ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 89.

^{7а} Там же, стр. 132.

⁸ Л. С. Выготский. Мышление и речь. М., 1934, стр. 19—20.

значении метода. «Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод... является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом исследования... Те факты, с которыми мы будем встречаться в дальнейшем изложении, те обобщения, к которым мы будем приведены нашим фактическим материалом, те законы, которые мы на основании этих обобщений будем пытаться установить,— все это будет определяться в самом основном и существенном тем методом, тем способом, при помощи которого эти факты добыты, при помощи которого они обобщены и подчинены известному закону»⁹.

Феноменологическому или описательному методу, провозглашавшемуся в то время рядом направлений зарубежной психологии, Выготский противопоставляет генетическое рассмотрение, вскрывающее каузально-динамическую основу поведения. Основу психологического анализа составляют три определяющих момента: «анализ процесса, а не вещи; анализ, вскрывающий реальную каузально-динамическую связь и отношение, а не расчленяющий внешние признаки процесса... и, наконец, анализ генетический»¹⁰.

Первоначально Выготский ставит перед собой задачу связать три линии в развитии поведения: эволюционную, историческую и онтогенетическую, определить характер этой связи, вскрыть различие способа их развития, специфические закономерности каждого из трех процессов. Биологическим концепциям он противопоставляет идею историзма человеческой психики. Реализуя исторический подход к развитию психических процессов человека, Выготский разрабатывает культурно-историческую теорию, которая определяет пути конкретных психологических исследований, направленных в конечном счете к решению центральной психологической проблемы — изучению сознания.

П. П. Блонского и Л. С. Выготского интересовали особенности высшего уровня психического развития, достигнутого человечеством, поэтому они обратились к проблемам памяти и мышления и в этих процессах искали черты, рожденные общественными условиями жизни людей. Блонский высоко ценил работы Выготского по исследованию памяти и мышления, хотя и расходился с ним в трактовке генетических корней мышления и речи, в понимании внутренней речи, в отношении к роли знаков в истории памяти и мышления. Они предлагали разные концепции, в которых стремились к одному — применить в психологической теории диалектико-материалистический принцип развития.

---

⁹ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 60—61.

¹⁰ Там же, стр. 132.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПРИМЕНЕНИИ К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТИ И МЫШЛЕНИЯ

В первой половине 30-х гг. П. П. Блонский осуществляет свой замысел — применить генетический метод к разработке проблем психологии. Такое исследование он задумал в то время, когда еще считал себя сторонником психологии поведения, но уже изменил свои взгляды настолько, что включал психические процессы в предмет психологического изучения, рассматривая их в качестве видов поведения. Блонский собирался провести анализ психических процессов со сравнительно-генетической точки зрения. Когда же он принялся за эти исследования, то вовсе отказался от поведенческой схемы. Изменение взгляда на предмет психологии — задачу ее он видит теперь в изучении психических процессов, а не видов поведения — повлекло за собой и иное понимание взаимоотношения биологического и социального в онтогенезе и филогенезе. Преследуя все ту же цель — выяснение качественного своеобразия человеческой психики, Блонский избирает проблему памяти и с помощью генетического метода пытается исследовать роль и значение в ее развитии условий социальной жизни человека.

Такая цель далеко выходила за пределы темы, которую Блонский ограничил связью памяти и мышления. Он стремился ввести в психологическую теорию диалектико-материалистический принцип историзма и принцип отражения. В 1935 г. в книге «Память и мышление» П. П. Блонский писал: «Основная мысль, красной нитью проходящая через всю книгу, та, что проблема «память и мышление» разрешается лишь на почве *диалектического* рассмотрения ее... Проблема может быть разрешена только на почве диалектического *материализма*»¹¹. Автор намеревался вскрыть, как изменяется человеческая память под влиянием определенных производственных отношений и как именно эти отношения приближают память к мышлению. «Диалектико-материалистическое исследование проблемы неизбежно приводит к тому, — писал он, — что память и мышление оказываются не бесплодными, произвольно идеалистически конструируемыми явлениями, как это имеет место у Гегеля, но имеют реальную историю, обусловленную общественными закономерностями и прежде всего производственными отношениями. Пора психологии стать на почву материалистического понимания истории»¹².

Блонский выделял четыре вида памяти — моторную, аффективную, образную и логическую. Эти разные виды рассматривались им как различные стадии ее развития, как ее генетически различные уровни. Деятельность каждого вида связыва-

¹¹ П. П. Блонский. *Память и мышление*. М., 1935, стр. 3.

¹² Там же, стр. 4.

ется с деятельностью генетически различных нервных уровней: висцеральной нервной системой, субкортикальным и кортикальным уровнями. В онтогенезе виды памяти появляются последовательно. Первую ступень составляет моторная память, она сменяется аффективной, а затем образной памятью. Высшая, специфически человеческая ступень памяти — логическая или вербальная — теснейшим образом связана с мышлением, и ее нельзя отделить от сознания. Та же последовательность обнаруживается в филогенезе. «Основные виды памяти являются как бы членами одного и того же последовательного ряда: и в филогенезе, и в онтогенезе они развиваются в определенной последовательности друг за другом»¹³.

Моторная и аффективная память, возникшие в филогенезе на ранних стадиях развития органического мира, свойственны и животным, и человеку. В следующей ступени — образной памяти — можно выделить в свою очередь две стадии: произвольная репродукция образов сенсорных впечатлений и воспоминания, осознаваемые как образы прошлого. Ребенок произвольным припоминанием начинает пользоваться лишь с конца второго года жизни. «Если онтогенез повторяет (на высшей базе) филогенез, то можно предположить, что и человечество не с первого момента своего существования умело пользоваться воспоминаниями прошлого. Это предположение подтверждается историей языка, в котором на первых стадиях его развития время еще выражается очень плохо. С другой стороны, нет никаких оснований предполагать припоминание у животных; вернее всего, у них имеются только узнавание и простая репродукция, да и то не очень развитые»¹⁴. Оставляя открытым вопрос о том, имеется ли образная память у животных, Блонский считал, что сознательное пользование образами прошлого и произвольное припоминание присущи только человеку.

Специфическими чертами аффективной памяти являются: близость репродуцированного чувства к первоначальному, спонтанность его репродукции, преимущественное запоминание приятного. Образная память связана с воображением, которое можно понимать как оперирование образами. Произвольное припоминание, в котором воспоминания соединяются с творческим воображением, составляет начальную стадию господства человека над памятью. Вербальной памятью открылся новый уровень ее развития, связанный с возникновением новых закономерностей ее деятельности, определяемых условиями социальной жизни человека. На этом уровне скрещиваются и взаимодействуют две линии закономерностей — биологические и социальные. Они то и интересуют Блонского.

В подходе Блонского к исследованию качественного отличия

---

¹³ Там же, стр. 26.

¹⁴ Там же, стр. 87—88

высшего уровня памяти, присущего лишь человеку, обнаруживаются те сдвиги, те изменения, которые произошли во взглядах ученого. В «Психологических очерках» (1927 г.) о проблеме памяти Блонский упоминает лишь в примечании, но оно ясно характеризует механистические воззрения и поведенческие установки автора. Он писал тогда: «Проблема памяти сводится, по моему, к проблеме получения зрительных образов..., а больше всего — к проблеме возникновения и закрепления явных и скрытых речевых навыков (здесь я отсылаю к «Психологии» Уотсона...). Значит, память надо различать, как «память образов» и «речевую память»... Проблема же «речевой памяти» сводится, по-видимому, к проблеме скрытых речевых навыков»¹⁵. Отказываясь теперь от поведенчества и преодолевая механистические догмы, Блонский выделяет из поведенческой концепции идею роли и значения в жизни человека его собственной деятельности и удерживает эту идею. Мысль о деятельности людей как основном условии их развития — таков главный теоретический результат прошлых лет.

Коренным и важнейшим изменением методологических установок Блонского явилось признание предметом исследования собственно психики человека и стремление применить в психологии ленинскую теорию отражения. В отношении проблемы памяти он теперь утверждает: «В противоположность ошибочным и бесплодным идеалистическим конструированиям психологических процессов ленинская теория отражения является основой того, как надо исследовать данную проблему»¹⁶. Это принципиально новое требование выводит Блонского из тупика, в который его завела попытка детерминировать психику увеличением «массы материи» растущего ребенка и состоянием обмена веществ в самом организме и между организмом и средой. Блонский принимает в качестве исходного тезис об отражении понятиями предметного мира. Методологическое положение о роли и значении процесса общения, возникающего в трудовой деятельности, высказанное Блонским в связи с генезисом вербальной памяти, приобретает актуальность в наше время, когда проблема общения привлекает все большее внимание.

В становлении диалектико-материалистических принципов психологической теории большое значение имели конкретные психологические исследования. Мы увидим и далее, что разработка методологии советской психологии происходит во взаимодействии теоретической мысли с экспериментом и с конкретными исследованиями, утверждается анализом основных проблем психологической науки. К таким проблемам относилась память и мышление.

Как же действовал Блонский? Он ввел в свое исследова-

---

¹⁵ П. П. Блонский. Психологические очерки. М., 1927, стр. 161—162.

¹⁶ П. П. Блонский. Память и мышление, стр. 3—4.

ние данные двух рядов — исторического развития человека и его онтогенеза. Данные первого ряда он извлекает лингвистическим анализом форм наиболее простых языков, предполагая, что они выражают психологию тех людей, которые создавали эти формы, вырабатывали средства языка и начинали ими пользоваться. В истории языка он ищет материал для истории памяти и мышления. Блонский производит в историческом плане анализ развития рассказа у народностей, грамматические формы языков которых мало развиты, и делает психологические выводы о взаимосвязи речи, действия, памяти и воображения.

В истории рассказа Блонский выделяет четыре стадии: действие, сопровождаемое словами, слова, сопровождаемые соответствующими действиями, рассказ, воспроизводящий действие в словах, и словесный рассказ. По мере развития речи слово выступало на первый план и рассказ отрывался от действия. Речевое общение изменило характер памяти. Человек от произвольной репродукции переходил к произвольному воспоминанию. В результате расширения речевого общения и развития языка вербальная память стала ведущим видом памяти. Общение выступило как социальная движущая сила психического развития человека. Развитие памяти идет от стихийного функционирования ее в качестве естественной силы к господству над ней человека, к сознательному ее использованию. Идею эту, высказанную Выготским, Блонский полностью принимает. Память как природная функция не только необходимая предпосылка развития языка и речи, но и сама под влиянием речи изменяется. Вербальная память качественно отлична от образной своим социальным характером: она опирается на общение человека с другими людьми; память субъекта, приобретая словесную форму, начинает существовать и для других людей.

Блонский ищет ответ на два вопроса: во-первых, как репродуцируется вербальный материал, передаваемый от одного субъекта к другому, и, во-вторых, как изменяется вербальная репродукция под влиянием социальных требований. Главным тут является общий вопрос о происходящей в общении социальной регуляции памяти. Ненадежность устной передачи репродукции, которая так легко обнаруживается в простых экспериментах, подвергается общественной регуляции двумя способами. Точность вербальной репродукции обеспечивается обучением вербального запоминания и краткостью сообщения, в котором должно быть заключено главное и существенное из всего репродуцируемого материала. «Это такая краткость, которая в то же время дает обобщение максимально существенное и вместе с тем стремится обеспечить правильность воспоминания»¹⁷. Подобная репродукция требует работы мышления, и со-

---

¹⁷ П. П. Блонский. Память и мышление, стр. 131.

циальные требования, следовательно, обуславливают взаимодействие памяти с мышлением. Такая память и является наиболее совершенной, типично человеческой.

Социальный характер памяти выступает и в социально определенных интересах индивида и в общественных к нему требованиях. Блонский формулирует два вывода: «1) содержание памяти социально обуславливается как интересами той социальной группы, класса и т. д., к которой психологически принадлежит данный субъект, так и доминирующими общественными требованиями; 2) различные социальные группы и различные исторические эпохи имеют свои особые шаблоны запоминать и вспоминать»¹⁸. Социальная жизнь определяет содержание памяти, способы запоминания и воспроизведения, сближает память и мышление. Он полагает, что с ростом культурного уровня народов обогащается и содержание памяти, хотя низкому уровню памяти присущи яркие индивидуальные образы. Психологической причиной бедности памяти является то обстоятельство, что над ней не возвышается еще следующая ступень развития — крепнущая связь памяти с мышлением. Психологическая причина в свою очередь определяется социальной основой — низким уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений на разных ступенях общественной истории.

Мышление Блонский рассматривал как следующую за памятью ступень психического развития. Диалектика связи памяти и мышления такова, что мышление, возникая на определенном уровне развития памяти, зависит от нее, а потом оно все более подчиняет память себе и обуславливает ее работу. Поворотным моментом истории человеческой памяти Блонский считал появление речи: «С речи начинается своя история вообще память человека как существа, отличного от животного»^{19—20}. И через речь происходит переход от памяти к мышлению. Речь он связывал с действиями человека; генетический ее корень видел в практической деятельности людей. Тот же генетический корень — действие — имеет и мышление человека, отмечал Блонский, и в этом он расходился с Выготским, который отстаивал идею разных генетических корней мышления и речи.

Применяя все тот же генетический метод, Блонский на основании истории языка и развития речи ребенка строит генетическую теорию развития мышления, принимая за основу утверждение об отражении мышлением действительности. В историческом начале мышления он ставил понятия, отражающие предметный мир. Первоначальную функцию языка он усматривал в обозначении словом предметов или явлений, причем это обозначение мало дифференцировано, случайно, связано с обра-

¹⁸ Там же, стр. 138.

^{19—20} Там же, стр. 142.

зами и зависит от восприятия. На следующей стадии понятия отражают сходное, тождественное, неизменное. Позднее развиваются противоположные и относительные понятия. Одним из первых шагов мышления является постановка проблемы и вытекающее отсюда действие, реальное или только мысленное, которое может заменить в течении мысли настоящее действие.

П. П. Блонский классифицировал возрастные ступени развития мышления школьника в соответствии с биологическими закономерностями возрастного созревания, приурочивая формы мышления к определенному возрасту ребенка. Возрастные ступени мышления он рассматривал независимо от познавательного содержания мышления и вне зависимости от тех знаний, которыми ребенок овладевает во время обучения. В этом вопросе Блонский оказался скованным своими прежними взглядами на саморазвитие природных свойств ребенка. Старым взглядам, однако, противоречили данные его экспериментов, которые обнаруживали, что способы решения задачи определяются не только возрастом и развитием испытуемого, но и степенью ее трудности, а также опытом испытуемого в решении подобных задач. Такая зависимость наблюдалась в большинстве опытов. Блонский отмечал ее, но ведущим считал природное развитие мышления, отрывая его от обучения и содержания познаваемого объекта.

Блонский подчеркивал зависимость развития мышления от деятельности школьника. И очень важен был его вывод о том, что деятельность человека составляет первую основу мышления, что мышление учащихся надо рассматривать в связи с их конкретной учебной деятельностью.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Задача применения диалектико-материалистического принципа развития в психологической теории в начале 30-х гг. решалась Л. С. Выготским в его культурно-исторической теории или, иначе говоря, учении о развитии высших психических функций. Набросок этого учения мы находим в «Этюдах по истории поведения», написанных Л. С. Выготским совместно с А. Р. Лурия. Затем он развернул свои идеи в труде «История развития высших психических функций», написанном в 1930--1931 гг. в качестве вступительной теоретической части к задуманной им большой работе. По мере дальнейшей разработки проблемы, включения в нее данных, полученных в экспериментальных исследованиях, проведенных Л. С. Выготским и его сотрудниками, в теорию вносятся ряд изменений. Книга Л. С. Выготского «Мышление и речь», вышедшая в 1934 г., отразила эволюцию взглядов автора. Сдвиг в основных положениях культурно-исторической теории можно заметить, сопоставляя первую

и последнюю главы этой книги с написанными ранее остальными главами. Последний доклад, прочитанный Л. С. Выготским в апреле 1934 г. на конференции Всесоюзного института экспериментальной медицины за полтора месяца до смерти, был посвящен проблеме развития и распада высших психических функций. В нем излагались те теоретические позиции, с которых Л. С. Выготский предполагал вести дальнейшую работу по изучению функций мозга человека²¹.

В те годы, когда Л. С. Выготский разрабатывал учение о высших психических функциях, он часто выступал с докладами, лекциями, в которых излагал, используя тот или иной конкретный материал, свои основные положения, чтобы подвергнуть их обсуждению. Теоретические вопросы обсуждались им в коллективе его сотрудников на так называемых внутренних конференциях. Шла подготовка к открытой дискуссии, которую предполагалось провести в 1933—1934 гг., но она не состоялась из-за болезни и смерти Л. С. Выготского.

Как уже говорилось, в основу психологической теории, созданной Л. С. Выготским, был положен исторический подход к психике человека. Он отверг механистические представления о развитии. «Развитие поведения от животных к человеку,— писал он,—привело к возникновению нового качества: в этом заключается наша главная идея. Развитие это не исчерпывается простым усложнением тех отношений между стимулами и реакциями, которые даны нам уже в психологии животных. Оно не идет также по пути количественного увеличения и разрастания этих связей. В центре его стоит диалектический скачок, приводящий к качественному изменению самого отношения между стимулом и реакцией. Поведение человека — так могли бы мы формулировать наш основной вывод — отличается таким же качественным своеобразием по сравнению с поведением животных, каким отличается весь тип приспособления и исторического развития человека по сравнению с приспособлением и развитием животных, ибо процесс психического развития человека есть часть общего процесса исторического развития человечества»²².

Л. С. Выготский стремился найти диалектическое разрешение противоречия между общей линией биологической эволюции органического мира и особенной линией исторического развития, раскрыть социальную природу психики. Он хотел

²¹ См.: Л. С. Выготский и А. Р. Лурия. Этюды по истории поведения (Обезьяна, примитив, ребенок). М.—Л., 1930; Л. С. Выготский. История развития высших психических функций. Данная работа была опубликована впервые в книге Л. С. Выготского «Развитие высших психических функций». (М., 1960); он же. Мышление и речь. М., 1934; он же. Проблема развития и распада высших психических функций.— В кн. «Развитие высших психических функций». Ряд докладов и статей Л. С. Выготского, развивавших идеи культурно-исторической теории, вошли в указанную книгу, а также в его книгу «Избранные психологические исследования» (М., 1956).

²² Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 82.

«пробиться из биологического пленения психологии в область исторической человеческой психологии»²³. Речь шла о построении психологической теории, т. е. о конкретизации принятых советской психологией марксистских положений об общественной природе сознания человека, о роли его общественно-трудовой деятельности и речевого общения, о социальных условиях его жизни, определяющих его психику.

Отправное теоретическое положение Л. С. Выготский формулирует так. Поведение современного культурного человека является не только продуктом биологической эволюции, не только результатом развития в детском возрасте, но и продуктом развития исторического. Процессы исторического развития поведения и его биологической эволюции не совпадают и один не является продолжением другого, каждый из этих процессов подчинен своим особым законам²⁴. Диалектическим скачком, поворотным моментом в переходе от одного процесса к другому является создание искусственного знака.

Мысль о роли знака в психическом развитии человека направляет разработку Выготским учения о высших психических функциях. Ход его рассуждений таков: если принять вместе с Энгельсом, что специфически человеческую деятельность характеризует применение орудий, что ее качественным отличием является преобразующее воздействие на природу, то нельзя допустить, что труд, изменивший коренным образом способ приспособления человека к природе, не был связан с изменением типа его поведения. В психологии человека надо искать такое отличие, которое отделяет его от животных²⁵. Человека отличает употребление орудий труда, но они не относятся к сфере психического, однако существуют общественно выработанные «орудия духовного производства» — язык, различные формы нумерации и счисления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты и другие условные знаки²⁶. Социальные по своей природе, созданные в ходе общественно-исторического развития искусственные образования, эти знаки, служившие сперва как средства связи, и представляют собой психологические орудия или инструменты, основное условие социальной детерминации поведения человека. «В процессе общественной жизни, — пишет Выготский, — человек создал и развил сложнейшие системы психологической связи, без которых трудовая деятельность и вся социальная жизнь были бы невозможны. Эти средства психологической связи по самой природе и функции своей суть знаки, т. е. искусственно созданные стимулы, назначение которых состоит в воздействии на поведе-

---

²³ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 172.

²⁴ Там же, стр. 71.

²⁵ Там же, стр. 80—81.

²⁶ Там же, стр. 225.

ние, в образовании новых условных связей в мозгу человека»²⁷ Проводя аналогию между психологическими орудиями — знаками и орудиями труда, Выготский отмечал, что и те и другие выступают, или, по его выражению, вдвинуты в качестве среднего члена между деятельностью человека и внешним объектом. Они определяют отношение между ними, выполняют опосредствующую функцию. «Подобно тому как применение того или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конструируется весь остальной процесс»²⁸.

Поведенческую формулу стимул—реакция Выготский принимает за исходную. Он считает ее «универсальным основанием», полагая, что она адекватна природе изучаемого объекта. «Основным законом поведения является закон стимула—реакции»²⁹, — утверждает он. Но формула эта в отношении к человеку недостаточна, потому что ограничена натуральным (природным) подходом к человеку. Для людей решающими в их поведении оказываются те видоизменения, которые происходят при введении нового ряда стимулов-средств, т. е. знаков. Они опосредствуют связь стимулов-объектов с реакцией. Введение знака — самая существенная черта, характеризующая отношение между стимулом и реакцией, возникающее только в поведении человека. В этом состоит новый психологический принцип, действующий у человека. Он заключается в новом и совершенно своеобразном отношении между стимулами и реакциями, невозможном в поведении животного. Это отношение вносится знаками, представляющими социальное образование. Системы знаков, как системы психологической связи, возникли в процессе общественной жизни и стали регулятивным принципом человеческого поведения, подчиняя поведение индивидов общественным требованиям. Таким путем преодолевается, по мнению Выготского, главная методологическая трудность психологической теории в объяснении высших психических функций, которая была обусловлена ограниченностью натуралистического подхода к человеку. Введение исторического подхода в корне меняет дело, и тогда, отмечал Выготский, формула стимул — реакция вновь обретает силу.

Основой аналогии между орудиями труда и знаками была для Выготского их опосредствующая функция. Но он выделял и особо подчеркивал различие между этими двумя родами орудий. Если техническое орудие направлено на то, чтобы вызвать те или иные изменения в самом объекте, то знак «есть средство воздействия на самого себя (или другого) — на психику, на по-

²⁷ Там же, стр. 113.

²⁸ Там же, стр. 160.

²⁹ Там же, стр. 165.

ведение, а не средство воздействия на объект»³⁰. Орудие труда направлено «на изменение чего-либо во внешней ситуации, функция знака заключается раньше всего в том, чтобы изменить нечто в реакции или в поведении самого человека. Знак ничего не изменяет в самом объекте, он только дает иное направление, или перестраивает психическую операцию. Таким образом, орудие, направленное вовне, и знак, направленный внутрь, выполняют технически разные психологические функции»³¹. Выготский ищет те изменения в структуре психических функций, которые вносит употребление знака, и не касается трудовой деятельности человека, а также объектов этой деятельности. Он хочет сблизить три основных понятия: понятие высшей психической функции, понятие культурного развития поведения, связанного со введением знаков, и понятие овладения собственными процессами поведения³². Ключ к овладению поведением, т. е. к сознательному поведению, дает овладение стимулами-средствами. «...*Овладение поведением представляет собой опосредствованный процесс, который всегда осуществляется через известные вспомогательные стимулы*»³³. Стимулы-средства, независимые от стимулов-объектов и искусственно с ними связанные, включают в себе возможность автостимулирования или, иначе говоря, овладения человеком собственными реакциями — его поведение становится произвольным, он регулирует свое мышление, внимание, память. Так объясняется сознательная направленность поведения человека, его активность. Новая методологическая формула соответствует, согласно культурно-исторической теории, качественно новой форме поведения человека, только ему свойственной активности. «Линией, разделяющей обе эти формы, является отношение стимул — реакция. Для одной формы существенным признаком является полная — в принципе — определяемость поведения стимуляцией. Для другой столь же существенная черта есть *автостимуляция*, создание и употребление искусственных стимулов-средств и определение с их помощью собственного поведения»³⁴.

Несколько слов об отношении культурно-исторической теории к учению И. П. Павлова. Тут действует основной принцип этой теории — резкое разделение низших и высших психических функций. Низшие функции связаны с условнорефлекторной деятельностью, одинаковой у высших животных и людей. Основой высших психических функций является сигнификация, т. е. создание и употребление искусственных знаков. Новый принцип деятельности не противостоит принципу сигнализации, дейст-

---

³⁰ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 228.

³¹ Там же, стр. 168.

³² Там же, стр. 24.

³³ Там же, стр. 165.

³⁴ Там же, стр. 109.

вующему при образовании условных связей, но он отличается по существу. Система условных связей «есть копия или отражение природных связей»³⁵, в то время как при сигнификации новые связи создаются при помощи знаков. Принцип сигнификации «состоит в том, что человек извне создает связи в мозгу, управляет мозгом и через него — собственным телом»³⁶. Поэтому новым в высших психических функциях является не только факт замещения одной связи двумя другими, но и направление процесса замыкания связи при помощи знака и структура всего процесса реакции. Условный рефлекс культурно-историческая теория принимает как элемент всякого поведения, но этим элементом не исчерпываются сложные формы поведения. Поведение человека определяется «не наличными стимулами, а новой или измененной, созданной самим человеком психологической ситуацией... Наличие наряду с *данными* стимулами *созданных* является в наших глазах отличительной чертой психологии человека»³⁷.

Следовательно, средства психологической связи человека становятся высшим направляющим и регулирующим принципом образования условных связей в мозгу, внутри одной и той же системы поведения возникают психологические связи нового типа. Социальная детерминация поведения осуществляется с помощью знаков, которые первоначально выполняют функцию внешней социальной связи, а потом становятся внутренним средством воздействия на себя³⁸.

Таким путем культурно-историческая теория находит специфически человеческие формы детерминизма поведения. Достигается это введением нового ряда стимулов, которые переключают детерминацию поведения со стимулов-объектов на автостимуляцию с помощью стимулов-средств. Знак как стимул-средство вводится искусственно и не имеет никакого отношения к стимул-объекту: «...знак ничего не изменяет в объекте психологической операции», субъект проявляет «активность по отношению к себе, а не к объекту»³⁹. Происходит отрыв знака от объекта, который им обозначается. Знаки, которые первоначально выполняли функцию связи, общения, становятся детерминантами поведения, определяют и социализируют его. Извне внесенные стимулы-знаки становятся стимулами-средствами. С их помощью субъект начинает определять собственное поведение, он переходит к автостимуляции.

Выготский отказывается от прежней характеристики сознания в поведенческих понятиях и приходит к заключению, что психику и поведение человека можно объяснить введением

³⁵ Там же, стр. 112.

³⁶ Там же, стр. 113.

³⁷ Там же, стр. 109.

³⁸ Там же, стр. 114.

³⁹ Там же, стр. 125, 228, 168, а также 98—101, 105, 109, 162 и др.

нового конструктивного принципа, заключающегося в том, что «человек сам определяет свое поведение при помощи искусственно созданных стимулов-средств»⁴⁰. Это овладение своим поведением и есть осознание своих действий.

Стимулы-знаки, включаясь в психическую деятельность, опосредствуют психические процессы и меняют их структуру. *«В высшей структуре функциональным определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления»*⁴¹. «В применении к структуре мы могли бы сказать, что именно дифференциация примитивной цельности и ясное выделение двух полюсов (стимула-знака и стимула-объекта) является характерной чертой высшей структуры, но эта дифференциация имеет свою другую сторону, которая заключается в том, что вся операция в целом приобретает новый характер и значение. Мы не могли бы лучше описать это новое значение всей операции, чем сказавши, что она представляет собой *овладение собственным процессом поведения*»⁴².

Изучение процесса освоения и применения стимулов-знаков становится поэтому центром психологических исследований для культурно-исторической теории.

Здесь вступает в силу другая существенная для культурно-исторической теории идея. Согласно этой идее опосредствованная знаками структура психического процесса первоначально формируется в условиях, когда посредствующее звено имеет форму внешнего стимула. При овладении этим опосредствующим звеном оно переходит во внутренний план, происходит интериоризация. Всякая высшая психическая функция необходимо проходит через внешнюю стадию в своем развитии, потому что она является первоначально социальной функцией. Психические функции возникают в межлюдских отношениях в качестве интерпсихических, а потом вращаются, интериоризируются. «Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально является средством воздействия на других или средством воздействия других на личность»⁴³.

«Мы могли бы формулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем

---

⁴⁰ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 101.

⁴¹ Там же, стр. 160.

⁴² Там же, стр. 162.

⁴³ Там же, стр. 197.

внутри ребенка, как категория интрапсихическая»⁴⁴. «Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка»⁴⁵. Развитие идет «к превращению общественных отношений в психические функции»⁴⁶. Через стимул-знак человек овладевает собственным поведением и этот процесс является в то же время процессом осознания.

Отсюда следует и определение качественных особенностей человеческой психики: «Изменяя известное положение Маркса, мы могли бы сказать, что психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. Мы не хотим сказать, что именно таково значение положения Маркса, но мы видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития»⁴⁷.

Две руководящие идеи — роли знака и интериоризации социальных отношений — направляют трактовку высших психических функций, их социального происхождения и опосредствованной структуры. Такая трактовка несет возможность, как то предполагалось культурно-исторической теорией, исследования своеобразия высших специфических форм поведения.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ВЫСШИХ И НИЗШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Сущность трактовки культурно-исторической теорией высших психических функций заключается прежде всего в историческом подходе к ним. Поскольку эти функции обязаны своим происхождением историческому развитию человечества — это означает требование рассматривать их как факты общественно-исторического развития. Такое требование понимается и выполняется как выделение и различение двух видов процессов в психическом развитии человека: природных и культурных или, иначе говоря, естественных и исторических, биологических и социальных. Выготский отмечает: «Психология до сих пор не уяснила достаточно прочно различия между органическими и культурными процессами развития и созревания, между двумя различными по существу и природе генетическими рядами и, следовательно, между двумя принципиально различными рядами закономерностей, которым подчинены эти две линии в развитии поведения ребенка»⁴⁸.

Признание принципиального различия по существу и природе

---

⁴⁴ Там же, стр. 197—198.

⁴⁵ Там же, стр. 198.

⁴⁶ Там же, стр. 199.

⁴⁷ Там же, стр. 198—199.

⁴⁸ Там же, стр. 16.

двух генетических рядов, отличия закономерностей, которым они подчиняются, составляют главный методологический принцип культурно-исторической теории. При этом социальные процессы принимаются как внешние факторы развития, а биологические как внутренние. Такое разделение порождает трудности, возникающие в этой теории, когда ставится задача исследовать взаимодействие генетических рядов и объяснить его «сложным скрещиванием внешних и внутренних факторов»⁴⁹. Решение этой задачи наталкивается на трудности потому, что заранее определена невозможность подчинения указанных факторов единым закономерностям.

Это разведение и противопоставление двух видов процессов имеет методологическое значение для построения всех исследований высших психических функций и определения круга проблем, подвергнутых теоретическому и экспериментальному исследованию Л. С. Выготским и его сотрудниками. «Поведение современного культурного взрослого человека... является результатом двух различных процессов психического развития. С одной стороны, процесс биологической эволюции животных видов, приведший к возникновению вида *homo sapiens*; а с другой — процесс исторического развития, путем которого первобытный примитивный человек превратился в культурного. Оба эти процесса — биологического и культурного развития поведения — представлены в филогенезе раздельно как самостоятельные и независимые линии развития... Обе эти линии в онтогенезе слиты, реально образуя единый, хотя и сложный процесс»⁵⁰.

Линии развития в филогенезе составили предмет отдельных самостоятельных психологических дисциплин — этнической и сравнительной психологии. В онтогенезе слияние двух линий развития природного и культурного образует детское развитие, позволяет экспериментально изучить взаимоотношение этих двух линий в возникновении высших форм поведения.

Свою концепцию Л. С. Выготский развивает на материале экспериментальных исследований развития ребенка, отчасти используя и данные этнической психологии. В последней он ищет подтверждения мысли о том, что высшие психические функции являются продуктом социального развития, что психическое развитие состоит в овладении внешними средствами культурного поведения: языком, счетом, письмом, рисованием и т. п.

О тех возможностях, которые открывает психологической теории исследование развития ребенка, Л. С. Выготский писал: «В развитии ребенка представлены (не повторены) оба типа психического развития, которые мы в изолированном виде находим в филогенезе: биологическое и историческое, или натуральное и культурное развитие поведения. В онтогенезе оба

---

⁴⁹ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 185.

⁵⁰ Там же, стр. 38.

процесса имеют свои ана́логи (не параллели). Это — основной и центральный факт, исходный пункт всего нашего исследования: различие двух линий психического развития ребенка, соответствующих двум линиям филогенетического развития поведения»⁵¹. Существенное отличие онтогенетического развития состоит в том, что биологический и исторический процессы, представленные в раздельном виде в филогенезе, связанные там отношением преемственности и последовательности, в онтогенезе представлены в слитом виде и образуют единый процесс. Все своеобразие заключается в том, что оба ряда процессов развиваются одновременно и совместно, происходит слияние органического и культурного развития в единый процесс. «... В онтогенезе развитие системы активности обнаруживает двойственную обусловленность... система активности ребенка определяется на каждой данной ступени и степенью его органического развития, и степенью его овладения орудиями. Две различные системы развиваются совместно, образуя, в сущности, третью систему, новую систему особого рода»⁵².

Развитие ребенка трактуется культурно-исторической теорией как диалектическое единство двух принципиально различных рядов⁵³. К одному принадлежит развитие элементарных форм поведения, непосредственно связанных с созреванием мозга, к другому — социально-культурное развитие высших форм поведения. Последнее подчиняется закону перенесения социальных форм поведения на самого себя и обнаруживает все те моменты, которые являются характерными для исторического типа эволюции.

Высшие и низшие психические функции предстают, таким образом, как два независимых ряда, вступающих во взаимодействие на определенной ступени онтогенетического развития. Первоначально у ребенка действуют природные низшие функции. Овладение знаком и при его посредстве собственной естественной, т. е. низшей, психической функцией ведет к возникновению высшей функции. Но тут возникает характерное для культурно-исторической теории противоречие. С одной стороны, утверждается, что принцип стимула-знака несет и новую внешнюю социальную детерминацию психического, а с другой — стимул-знак предстает лишь в качестве средства, с помощью которого происходит овладение природными психическими функциями. Это противоречие выражается в столкновении представления о том, что высшая форма может быть разложена на составляющие ее элементы, а ими являются низшие функции⁵⁴,

---

⁵¹ Там же, стр. 46.

⁵² Там же, стр. 50.

⁵³ Там же, стр. 51.

⁵⁴ Высшие, «искусственные акты суть те же естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним... Ис-

с представлением о том, что высшие психические функции — это усвоенные и перенесенные извне внутрь социальные формы поведения. Отношение между двумя рядами зависимостей — внутренними, органическими, биологическими и внешними, социальными — остается неясным. А поскольку оно не выяснено, зависимости эти — природные и социальные — вступают в противоречие, которое ведет к тому, что неразрешенным остается и коренной вопрос о детерминации психики человека, вопрос о том, что является источником человеческой психики — низшие, натуральные психические функции или социальные отношения, перенесенные извне внутрь⁵⁵. При том или другом решении вопроса человеческая психика предстает как осознание объективного мира, непосредственно низших психических функций или как «вращивание» социальных межлюдских отношений.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Идея взаимодействия двух факторов — природного и культурного — в психическом развитии ребенка была положена в основу экспериментальных исследований памяти, внимания, мышления, проведенных Л. С. Выготским и его сотрудниками А. Н. Леонтьевым, Л. С. Сахаровым, Ж. И. Шиф и другими⁵⁶. Наблюдению подвергался процесс образования высших психических функций с помощью стимулов-средств, что достигалось применением специально разработанной методики двойной стимуляции, которая по замыслу должна была создавать в эксперименте модель высших функций. В экспериментах взаимодействовали два ряда стимулов, представляющих натуральный и культурный ряды, на разных стадиях исследуемого процесса прослеживались их соотношения. Ряд методик был разработан для изучения развития научных понятий у школьников.

А. Н. Леонтьев, исследуя память, изучал развитие опосредствованного запоминания и противопоставлял эту форму памяти низшей, элементарной форме. За основу низших биологических форм принималась условнорефлекторная деятельность, а за

кусственной является комбинация (конструкция) и направленность, замещение и использование этих естественных процессов». (Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, стр. 225).

⁵⁵ Указанное противоречие прослежено и проанализировано в книге: А. В. Брушлинский. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968, стр. 12—16 и др.

⁵⁶ Л. С. Выготский. Мышление и речь; он же. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.—Л., 1935; Л. С. Сахаров. О методах исследования понятий.— «Психология», 1930; т. III, вып. I. А. Н. Леонтьев. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.—Л., 1931 (глава 4 этой книги посвящена образованию произвольного внимания); Ж. И. Шиф. Развитие научных понятий у школьника. М.—Л., 1935.

основу высших культурных форм — употребление стимулов-средств. «Механизм образования навыка, условного рефлекса принципиально отличается от механизма высших форм памяти человека; память человека, может быть, вырастает из условных рефлексов, но ее механизм непосредственно несводим к этим элементарным процессам: запоминание и воспитание условных рефлексов вовсе не суть тождественные функции»⁵⁷. В экспериментах была использована методика двойной стимуляции, при этом содержанию элементов, употребляемых в качестве средства запоминания, не придавалось никакого значения.

Вывод из исследования был таков: «запоминание, первоначально механическое, натуральное, по мере своего развития превращается в сложную, опосредствованную деятельность, опирающуюся на инструментальное употребление известных внешних вспомогательных стимулов-средств. Эту свою принципиальную структуру запоминание сохраняет... и на наиболее высоких ступенях своего развития, когда оно превращается в чисто внутреннюю речевую деятельность и когда роль внешних вспомогательных стимулов этой операции начинает выполнять слово, приобретающее тем самым инструментальную функцию»⁵⁸.

В соответствии с принятой гипотезой о роли внешних стимулов-знаков следовало и заключение о том, что развитие высших сигнификативных форм памяти идет через развитие запоминания с помощью стимулов-знаков, через их «вращивание».

Так же решается вопрос и в отношении внимания. «Развитие произвольного внимания только повторяет собой развитие других высших психологических функций, оно становится произвольным, превращаясь из сигнального в сигнификативное»^{58а}.

Экспериментальные исследования мышления шли по двум направлениям — исследование образования искусственных понятий и исследование развития понятий у школьников⁵⁹. Первый цикл⁶⁰ ставил своей целью проследить, как первоначально бессмысленное слово, выступающее в качестве средства образования понятий, приобретает значение. Применявшаяся методика двойной стимуляции (одни стимулы выполняли функцию объекта, другие — функцию знака) исходила из понимания слова как знака; семантика слова не учитывалась, и в качестве слов-по-

---

⁵⁷ А. Н. Леонтьев. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций, стр. 46.

⁵⁸ Там же, стр. 223.

^{58а} Там же, стр. 178.

⁵⁹ Обстоятельный анализ экспериментальных данных и теоретических положений психологии мышления в трудах Л. С. Выготского в соотнесении с историей дальнейшего исследования этой проблемы в советской психологии см. в книге: А. В. Брушинский. Культурно-историческая теория мышления. Мы используем некоторые результаты его исследования.

⁶⁰ Этот цикл исследований был начат Л. С. Сахаровым, а после его смерти продолжен Л. С. Выготским, Ю. В. Котеловой и Е. И. Пашковской.

нятий брались бессмысленные образования. При этом функция объекта, которую выполняла одна группа стимулов, уравнивалась с функцией знака, которую выполняла другая группа стимулов. Методика эксперимента, определяемая теоретической позицией, трактовкой мышления прежде всего как оперированием словом или другим знаком, направляла на исследование стадий функционального употребления слова-знака, и образование понятий понималось как приобретение словом того или иного значения.

Эксперименты обнаруживали изменение психологических операций со знаком, но процессов познания стимулов-объектов они не затрагивали. И фактически связь субъекта с объектом оставалась вне исследования. «Производящей причиной», направляющей процесс, были стимулы-средства, а не стимулы-объекты, и понятие оказывалось функцией знака. При такой трактовке роли объекта в познавательной деятельности эти знаковые средства оставались внешними по отношению к объекту, так же как и к самой деятельности, которую они должны были «направлять»⁶¹.

Задачей другого цикла являлась проверка рабочей гипотезы о своеобразии пути развития научных понятий по сравнению с житейскими⁶². Житейские понятия понимались как неосознанные, произвольные, а научные — как осознанные и произвольные. Первые выступали как натуральный ряд, а вторые — как продукт культурного развития. Эти два рода понятий не только разводились и противопоставлялись, но утверждалось их разное происхождение и разные пути развития. Развитие житейских понятий спонтанно, развитие научных обусловлено сотрудничеством со взрослыми в процессе обучения. Житейские понятия связаны с личным опытом детей, научные — с вербальным определением, первые — наглядны, чувственны, вторые — отвлеченны, абстрактны, осознание их происходит через образование системы понятий. Наоборот, отличием житейских понятий является то, что они не объединены в систему. Противопоставление этих рядов совершается и в отношении их к объекту: отношение житейского понятия к объекту непосредственно, отношение научного — опосредованно.

Применительно к этим противостоящим рядам понятий из учения о развитии высших психических функций следовало, что

---

⁶¹ См. А. В. Брушлинский. Культурно-историческая теория мышления, стр. 35.

⁶² Этот цикл был проведен Ж. И. Шиф под руководством Л. С. Выготского. См. Ж. И. Шиф. Развитие научных понятий у школьника. М.—Л., 1935; Л. С. Выготский. Мышление и речь, М.—Л., 1934, гл. VI. Исследование развития научных понятий в детском возрасте; он же. Развитие житейских и научных понятий в школьном возрасте.— В сб. «Умственное развитие детей в процессе обучения». М.—Л., 1935.

первоначально у ребенка развиваются, созревают житейские понятия, затем, когда они к началу школьного возраста достигают определенного уровня, становится возможным развитие на их основе научных понятий. Экспериментальное исследование показало, что развитие научных понятий у детей, происходящее на основе житейских, опережает их и определяет их последующую перестройку. Под воздействием научных понятий, являющихся носителями социальной детерминации, житейские приобретают новые черты — осознанность и произвольность. Взаимодействие этих двух групп понятий и предстает как процесс умственного развития. Разница в путях их развития следующая: «Развитие научных понятий начинается в сфере осознанности и произвольности и продолжается далее, прорастая вниз, в сферу личного опыта и конкретности. Развитие спонтанных понятий начинается в сфере конкретности и эмпирии и движется в направлении к высшим свойствам понятий: осознанности и произвольности»⁶³⁻⁶⁴.

Принимая разделение детских понятий на спонтанные и неспонтанные, что соответствует общему положению культурно-исторической концепции, противопоставляя их, Л. С. Выготский в то же время ищет их взаимосвязь и взаимодействие, преемственность в их формировании. Но исходное для культурно-исторической теории противопоставление культурного, высшего, социального — биологическому, низшему, индивидуальному препятствует воссоединению этих рядов и рождает противоречивые выводы в теоретическом обобщении экспериментальных данных.

Мысль о преемственности этих двух рядов понятий не удастся согласовать с выводом об отличии их путей развития, вывод о преобразовании спонтанных понятий с помощью неспонтанных — с выводом об их слабости в одних ситуациях и силе в других, вывод о том, что научные понятия возникают на основе спонтанных — с выводом об их вербализме и отрыве от конкретного, представленного житейскими понятиями.

СООТНОШЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ И УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СВЕТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Понимание культурно-исторической теорией умственного развития ребенка вело к новому решению важнейшего для школьного образования вопроса о соотношении обучения и развития, вопроса, который сохранял актуальность во все периоды истории советской психологии. Существовали две противоположные теории. Одни психологи утверждали независимость детского развития от процессов обучения, другие отождествляли эти процес-

---

⁶³⁻⁶⁴ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 232.

сы. В первом случае развитие понималось как процесс спонтанного созревания организма. Обучение же мыслилось как внешний процесс, который должен быть согласован с детским развитием, протекающим по природным законам, но сам не участвует в нем активно и лишь использует достижения спонтанно протекающего развития. Созревание идет впереди обучения, предшествует ему, а обучение надстраивается над ним и не оказывает никакого влияния на развитие. Во втором случае обучению придается первостепенное значение, развитие следует за обучением, вернее, сливается, отождествляется с ним ⁶⁵.

Выготский не соглашался ни с той, ни с другой теорией, так же как и с предложениями их простого совмещения, т. е. признания того, что процесс развития независим от обучения, и вместе с тем признания обучения тождественным с развитием. Выготский предложил новое решение этого вопроса, следующее из принятой им общей концепции умственного развития ребенка. Он высказал мысль о том, что развитие совершается в неразрывной внутренней связи с обучением, в ходе его поступательного движения. Сотрудничество ребенка и взрослого — центральный момент в образовательном процессе, поскольку умственное развитие ребенка совершается путем формирования у него высших психических функций с помощью и при участии взрослого, т. е. путем культурного развития ребенка ⁶⁶.

Обучение входит как обязательный фактор развития высших психических функций человека. В результате взаимодействия природного и культурного рядов, возникающего путем обучения, образуется единство природного развития и воспитания. Поэтому Выготский резко выделял роль и значение школьного возраста в умственном развитии ребенка. Под влиянием обучения и происходит перестройка всех психических функций ребенка. В последние годы Выготский относил начало обучения к более раннему возрасту. «Обучение начинается не только в школьном возрасте, обучение есть и в дошкольном возрасте. Будущее исследование, вероятно, покажет, что спонтанные понятия ребенка являются таким же продуктом дошкольного обучения, как научные понятия представляют собой продукт школьного обучения» ⁶⁷.

Выготский поэтому считал нужным изучать ребенка, «не только развивающегося, но и воспитуемого, видя в этом существенное отличие истории человеческого детеныша». Речь идет о том, чтобы изучать «процесс естественного развития и воспита-

---

⁶⁵ Критику принятых психологией теорий развития и обучения Л. С. Выготский дает в статье «Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте» (1934), где он развивает свои взгляды на соотношение обучения и психического развития.

⁶⁶ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 164, 206.⁴

⁶⁷ Там же, стр. 255—256.

ния как единый сплав»⁶⁸. Метод изучения развития ребенка, предложенный Выготским и названный им инструментальным, поскольку в нем применялись «психологические орудия» (т. е. стимулы-средства), давал принцип и способ психологического изучения ребенка в процессе его обучения.

В решении Выготским проблемы обучения и умственного развития ведущая роль отводится обучению, процессы развития, считает он, не совпадают с процессами обучения, а идут вслед за ними. В связи с таким взглядом он высказывает мысль о создаваемых обучением «зонах ближайшего развития», которые вводятся как показатели уровня развития ребенка. Роль сотрудничества ребенка со взрослым, роль обучения настолько велика, что определять уровень развития только по самостоятельной деятельности ребенка нельзя, полагает Выготский, необходимо учитывать еще и то, что может выполнить ребенок при помощи взрослого. Некоторые учебные задания оказываются для него возможными, но лишь в сотрудничестве со взрослыми, и только вслед за этим он может выполнить их самостоятельно. Вот эти процессы, выполняемые ребенком вместе со взрослым, и входят в «зону ближайшего развития».

Обучение «идет впереди развития», оно пробуждает психические функции, находящиеся в стадии созревания, создает «зону ближайшего развития» и завершает этот процесс уровнем «актуального» развития, когда ребенок овладевает данными функциями. Но опережение развития обучением понимается в том смысле, что процессы обучения пробуждают в ребенке процессы внутреннего развития, «вызывают их к жизни, пускают их в ход...»⁶⁹. В этом соотношении снова происходит характерный для учения о высших психических функциях в целом поиск закономерностей скрещивания внешних и внутренних факторов, и снова встречаются те трудности и противоречия, которые возникали вследствие признания двух процессов — природного и социального, взаимодействующих в развитии.

Положение о взаимодействии обучения и развития становится основой дальнейших исследований, направленных на преодоление разрыва и внешней соотнесенности биологического и социального.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И МЫШЛЕНИЯ В УЧЕНИИ О ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ

В культурно-исторической теории первоначально сознание трактовалось как осознание низших психических функций. Осознание и овладение собственным поведением через стимул-знак

---

⁶⁸ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 229—230.

⁶⁹ Л. С. Выготский. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.—Л., 1935, стр. 132.

представляют собой две стороны одного и того же процесса. «Осознанием является акт сознания, предметом которого является сама же деятельность сознания»⁷⁰. «В основе осознания лежит обобщение собственных психических процессов, приводящее к овладению ими»⁷¹. Соответственно и научные понятия, определяемые как сознательные, являются осознанными спонтанными понятиями.

Таким образом, сознание рассматривается вне его главной связи, главного соотношения, главного качества его — отражательной характеристики в отношении к внешнему предметному миру, выражающей совокупность индивидуальных и общественных форм этого отражения и вне его связи с практической, прежде всего трудовой деятельностью человека. Разрыв между сознанием и объективным миром не был случайным в культурно-исторической теории. Вводимые ею стимул-средства были оторваны от объектов и, об этом уже говорилось, они были направлены на преобразование низших психических функций. Выготский здесь реализует свою точку зрения, которую ранее определял как «онтологическую» и которую отличал от «гносеологической». Он был убежден, что отношение психики к объекту не должно включаться в психологический анализ, поскольку это отношение, как гносеологическое, выходит за пределы психологии. А потому он исходит из онтологического единства психических и физиологических процессов, в котором психическое понимается как субъективное выражение физиологических процессов⁷². «Сознание рассматривается марксистской психологией как свойство высокоорганизованной материи, как внутреннее (субъективное) выражение физиологических процессов мозга»⁷³. Сознание, следовательно, либо осознание мозговых процессов, либо осознание низших психических функций. Связь же с объектом, поскольку она является связью гносеологической, не включается в психологическую характеристику сознания.

По мере разработки учения о высших психических функциях происходят заметные сдвиги в воззрениях автора. В центре оказывается слово и его значение, а не любой знак, никак и ничем не связанный со стимулом-объектом. Переход от ощущения к мышлению Выготский рассматривает теперь уже как переход от отражения действительности в непосредственных ощущениях и восприятиях к словесному мышлению. А мышление характеризуется в его отношении к отражаемой действительности: «основ-

---

⁷⁰ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 193.

⁷¹ Там же, стр. 193 (ср. Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956, стр. 247, где редакция выделяет эти слова курсивом).

⁷² См. Л. С. Выготский. Психика, сознание и бессознательное.— В сб. «Элементы общей психологии (Основные механизмы человеческого поведения)». М., 1930, стр. 52—54.

⁷³ Б. Е. Варшава и Л. С. Выготский. Психологический словарь. М., 1931, стр. 162.

ной функцией мышления является познание и отражение действительности...»⁷⁴. Понимание психики, сознания как отражения, к которому приходит Выготский, вступает в противоречие с первоначальным толкованием сознания учением о высших психических функциях, ограничивавшим ее «онтологическим» аспектом. Внесение связи психики с объектом, иначе говоря, введение в психологический анализ «гносеологического» аспекта, от которого ранее он отказывался, требует нового рассмотрения и проблемы мышления, и проблемы сознания.

Выготский выделяет роль слова в высших психических функциях. Если раньше он не обращал никакого внимания на значение слова и его отношение к объекту, а также не видел разницы между словом и любым другим знаком, то потом он исследует смысловую сторону знаков и тогда выступает на первый план слово. В последних своих работах Выготский рассматривает значение и смысл слов в их соотношении друг с другом и в их отношении к действительности. Именно слово, дающее «обобщенное отражение действительности»⁷⁵, становится предметом его исследования.

Переход к изучению слов и их значений делается поворотным моментом в методологии психологического анализа. Значение принимается в качестве единицы этого анализа, а методом анализа, расчленяющего сложное единое целое на единицы, Выготский предлагает заменить анализ, разлагающий целое на элементы. И здесь он высказывает новые для его учения положения. «Есть все основания,— пишет он,— допустить, что это качественное отличие единицы в основном и главном есть обобщенное отражение действительности»⁷⁶. Слово всегда относится к целой группе или целому классу предметов, и с психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение, которое есть «словесный акт мысли, отражающий действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях»⁷⁷. В значении всегда дана обобщенная действительность, к такому выводу приходит Выготский.

Существенное дополнение вносится в понимание роли знаков в общении людей. Здесь тоже подчеркиваются словесные значения. «Так же, как невозможно общение без знаков, оно невозможно и без значения... оказывается, что общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения»⁷⁸. А отсюда и другой вывод: «...высшие, присущие человеку формы

---

⁷⁴ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 63.

⁷⁵ Там же, стр. 10. (Ср. Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования, стр. 49, где редакция выделяет эти слова курсивом.)

⁷⁶ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 10.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 11.

психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность»⁷⁹.

В проблеме сознания выступает теперь для Выготского отношение сознания к внешнему миру. В методе семантического анализа, т. е. анализа, в котором «единицей» является слово, он видит и метод изучения сознания. «Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания, ибо смысл, строение сознания — отношение к внешнему миру... Семантический анализ есть единственный адекватный метод изучения системного и смыслового строения сознания», — говорит Л. С. Выготский⁸⁰. «Все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова»⁸¹.

Проблема сознания остается для Выготского главной, к ней, по его замыслу, должны были вести и задуманные им новые исследования, которые он предполагал осуществить методом «единицы». Речь идет о детерминистическом анализе мышления, раскрывающем его движущие мотивы, потребности человека и его интересы, побуждения, направляющие движение мысли, об отношении между мышлением и волевой стороной сознания, т. е. между интеллектом и аффектом. Перед ним встает задача изучения динамической смысловой системы, представляющей единство аффективных и интеллектуальных процессов.

Учение о высших психических функциях не было завершено, когда оборвалась жизнь Л. С. Выготского. Изменения, которые произошли в культурно-исторической теории со времени ее изложения в «Истории развития высших психических функций» и до написания первой и последней глав «Мышления и речи», до последних докладов и выступлений Л. С. Выготского, показывают тенденции развития его учения. Это развитие идет от преобразования поведенческой схемы стимул — реакция введением стимулов-средств к установлению связи поведения с общественным бытием через социально обусловленную систему знаков, потом к выделению особой роли слова, заключающейся в его связи с действительностью, и к признанию отражения действительности мышлением и сознанием. Ограничение методологической основы психологической теории «онтологической» точкой зрения снимается распространением психологического анализа на отношение психики к объективному миру.

Новые методологические установки Выготского явились следствием не только теоретической, но и экспериментальной рабо-

---

⁷⁹ Л. С. Выготский. Мышление и речь, стр. 11—12.

⁸⁰ Л. С. Выготский. Проблема сознания.— В сб. «Психология грамматики». М., 1968, стр. 193—195 (Запись А. Н. Леонтьева основных положений доклада Л. С. Выготского по итогам исследования высших психических процессов. 5 декабря 1932 г.)

⁸¹ Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования, стр. 384.

ты. Хотя эксперименты строились на основании концепции стимулов-средств и они в какой-то мере противоречили новым идеям Выготского, поскольку в них стимулы-знаки ни в какой мере не связывались с психическим отражением, эксперименты в то же время побуждали к признанию важности связи знаков с объектами, которая оставалась за пределами исследования.

Развитие идей Л. С. Выготского было продолжено его сотрудниками и последователями А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, Л. В. Занковым, А. В. Запорожцем, Д. Б. Элькониным, П. Я. Гальпериным, Л. И. Божович и другими. Идеи Л. С. Выготского входят в теорию развития психики, создаваемую А. Н. Леонтьевым, в теорию умственных действий, разрабатываемую П. Я. Гальпериным, в труды А. Р. Лурия, развивающего системную концепцию соотношения мозговых структур и психических функций, в труды А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконины по детской психологии и в работы ряда других советских психологов⁸².

Наиболее важным в учении Л. С. Выготского, отмечает А. Н. Леонтьев, «было то, что идею историзма природы человеческой психики, идею преобразования природных механизмов психических процессов в ходе общественно-исторического и онтогенетического развития он ввел в конкретно психологическое исследование»⁸³. Значение теории Л. С. Выготского состоит в том, что это была попытка вскрыть общественно-историческую обусловленность развития психики человека, дать конкретизацию общего положения об историческом подходе к изучению психики человека, подойти к сложным психическим процессам с точки зрения развития человека и человеческого общества⁸⁴. «Внесение в советскую психологическую науку исторического подхода к развитию психических процессов человека, борьба за

---

⁸² Учению Л. С. Выготского и оценке его трудов в свете современной науки посвящен ряд работ. См.: *В. Н. Колбановский*. О психологических взглядах Л. С. Выготского.— «Вопросы психологии», 1956, № 5; *А. Н. Леонтьев* и *А. Р. Лурия*. Психологические воззрения Л. С. Выготского.— В кн.: *Л. С. Выготский*. Избранные психологические исследования; *А. Р. Лурия*. Мозг и психика.— «Коммунист», 1964, № 6; *он же*. Теория развития высших психических функций в советской психологии.— «Вопросы философии», 1966, № 7; *А. В. Петровский*. История советской психологии. М., 1967, гл. VI, § 3; *П. Я. Гальперин*. К учению об интериоризации.— «Вопросы психологии», 1966, № 6; *Д. Б. Эльконин*. Проблема обучения и развития в трудах Л. С. Выготского. Там же; *В. В. Давыдов*. Проблема обобщения в трудах Л. С. Выготского. Там же; *А. Р. Лурия*. Л. С. Выготский и проблема локализации функций. Там же. Философско-психологический анализ концепции Л. С. Выготского см. *А. В. Брушлинский*. Культурно-историческая теория мышления (Философские проблемы психологии). М., 1968.

⁸³ *А. Н. Леонтьев*. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, 1959, стр. 13.

⁸⁴ *О. К. Тихомиров*. Общественно-исторический подход к развитию психической деятельности человека.— «Вопросы философии», 1961, № 12. (Рецензия на кн.: *Л. С. Выготский*. Развитие высших психических функций. М., 1960.)

создание конкретно-психологической теории сознания и в связи с этим углубленное экспериментальное изучение развития понятий у детей, разработка сложного вопроса о соотношении обучения и умственного развития ребенка — таков был вклад Л. С. Выготского в нашу психологию в период ее формирования как науки, сознательно строящей себя на марксистской философской основе»⁸⁵.

---

⁸⁵ А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Психологические воззрения Л. С. Выготского.— В кн.: Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования, стр. 4.

Глава IV

СОЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

АНАЛИЗ КРИЗИСА ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ

Кризис психологии сознания начала XX в. привел к возникновению новых направлений, которые предлагали свой выход из кризиса и находили новый предмет психологической науки, абсолютизируя различные стороны психики, проявляемые в разных системах отношений. Но острота методологического кризиса не уменьшалась¹. Споры продолжались. В начале 30-х гг. они разгорелись с новой силой. О кризисе шла речь на XII конгрессе немецких психологов в 1931 г., на IX Международном психологическом конгрессе в 1932 г. Психология сознания столкнулась с психологией поведения. Предметом теоретических дискуссий стала проблема сознания в ее соотношении с деятельностью. Дискуссии обострялись конфликтом этих двух направлений с психологией духа, которая поднимала и по-своему решала вопросы соотношения индивидуального и общественного сознания.

И если в начале 20-х гг. советские психологи готовы были следовать по пути зарубежной психологии в поисках выхода из методологического кризиса, то в конце 20-х и в 30-х гг. они уже критически оценивали буржуазную психологию, давали свой анализ методологического кризиса мировой психологии².

---

¹ См., например: *K. Bühler. Die Krise der Psychologie* (2. Aufl.). Jena, 1929; «Bericht über den XII. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie, herausgegeben von K. Koffka». Jena, 1932.

² Кризис в зарубежной психологии был предметом теоретических исследований советских психологов. Анализ его посвящена специальная работа Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (1927 г.), оставшаяся ненапечатанной. Итоги своих исследований он изложил в докладе «Современные течения в психологии», прочитанном в 1932 г. в Коммунистической академии. См. в кн.: *Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций*. М., 1960, стр. 458—481; См. также: *С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса*. — «Советская психотехника», 1934, № 1; *он же. Основы психологии*. М., 1935; *он же. Философские корни экспериментальной психологии*. — «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена», т. XXXIV. Л., 1940.

Л. С. Выготский кризис психологии связывает с отсутствием единой общепризнанной системы науки, достоверного научного знания и его хотя бы первичного теоретического обобщения. К такому выводу он приходит, рассматривая состояние западноевропейской и американской науки. «Своеобразие этого расчленения психологической науки на ряд отдельных направлений заключается в том, что каждое из них является, с одной стороны, особым направлением во всей психологической науке, которое исходит из иного понимания методов психологии и которое пытается перестроить всю науку в целом. С другой стороны, эти отдельные психологические направления представляют собой отдельные главы психологии, каждое из них разрабатывает ту или иную фактическую проблему, ту или иную главу психологии»³.

Попытки объединить разные направления и создать единую психологическую теорию кончаются неудачей потому, что они эклектичны. Каждое из направлений вбирает данные других, методологически чужеродных, а это приводит к тому, что ни факты, ни теоретические положения не соотносятся друг с другом, и в результате возникают непреодолимые противоречия.

Внутренняя ограниченность и невозможность выйти за пределы кризиса является, утверждает Выготский, результатом неверных методологических позиций. «Очевидно, круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения»⁴.

Кризису мировой психологии советские психологи противопоставляют тезис единства марксистской психологической науки на основе диалектико-материалистической методологии. Вместо разобщения, выделения и абсолютизации отдельных сторон психики советская психология встает на принципиально другой путь: обогащает предмет психологии рассмотрением психической деятельности человека в разных аспектах, в разных взаимосвязях, но на твердой основе единого диалектико-материалистического философского решения вопроса о природе психики.

Такой подход к предмету психологии означал и определение отношения к разным направлениям зарубежной психологии, выразившееся в стремлении отличать объект психологического изучения от его отражения в той или иной научной теории. Отсюда следовало, что ошибка интроспективной психологии заключалась не в том, что она изучала сознание, а в том, как она понимала сознание и психику человека. Ошибка поведенческой психологии — не в стремлении изучать человека в его деятельности, а в

---

³ Л. С. Выготский. Развитие высших психических функций, М., 1960, стр. 459.

⁴ Там же, стр. 481.

неверном понимании этой деятельности⁵. Ошибка психологии духа — не в признании опосредованности сознания его отношением к культуре, к идеологии, а в том, как понималось это отношение. Нельзя из-за ошибок интроспекционизма вовсе отвергать сознание, нельзя отказываться от изучения деятельности из-за неправильного ее понимания поведенчеством, нельзя не признавать связи сознания с идеологией из-за того, что эта связь неверно толкуется психологией духа.

Философско-психологический анализ, которому были подвергнуты С. Л. Рубинштейном и психология сознания, и поведенческие теории, раскрыл их общие методологические установки в подходе к природе психики, которые вели к неразрешимым при этом подходе противоречиям. Интроспективная концепция сознания принималась всеми направлениями зарубежной психологии. Поведенчество в борьбе против психологии сознания исходило из того же понимания его, которое утверждалось интроспекционизмом, и аргументация против него опиралась на эту интроспекционистскую концепцию. Приняв ее как непреложную, поведенчество вместо ее перестройки вовсе отвергло сознание и пришло к пониманию деятельности как совокупности внешних реакций на стимулы среды. «Поведенческая психология отбросила психику, потому что то понимание психики, которое она нашла в готовом виде у своих противников, она приняла как нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить»⁶.

Анализ психологии сознания был совершен не только в ее отношении к поведенчеству, но и к так называемой психологии духа. Объективно существующая взаимосвязь индивидуального и общественного сознания никак не могла быть совместима с интроспективной психологией, которая, замыкая сознание во внутреннем мире, вырывала его из связей с идеологией, в которых сознание выступало в своей социальной характеристике. Подобно поведенчеству психология духа полагала интроспективную концепцию сознания неизменной, а отброшенные интроспекционизмом связи сознания с идеологией, представляющие одну из областей проявления сознания, противопоставила интроспективной концепции как истинный предмет психологии. «Психология,— писал С. Л. Рубинштейн,— в результате оказалась перед тремя абстрактными конструкциями, своеобразными продуктами распада, получившимися в результате расчленения реального сознания и реальной деятельности живого человека как конкретной исторической личности. Перед психологией встала тогда

---

⁵ «Сознанию, оторванному от человеческой деятельности, поведенческая психология противопоставила деятельность — поведение, оторванное от сознания» (С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 5).

⁶ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии. М., 1935, стр. 24.

задача подняться над этими ограниченными концепциями, на которые распалась психология»^{6а}.

Для советской психологии было неприемлемо предлагавшиеся некоторыми зарубежными психологами в качестве выхода из кризиса эклектическое воссоединение разных направлений, пренебрегающее различием их методологических предпосылок. Опыт реактологии, пытавшейся пойти по этому пути, убедительно показал его порочность «Этот путь заранее обречен был на неудачу,— считал С. Л. Рубинштейн.— Он приводит лишь к объединению субъективной идеалистической концепции сознания с механистической концепцией человеческой деятельности. В результате такого объединения не может получиться ничего, помимо суммирования ошибок, допущенных синтезируемыми направлениями — соединения несостоятельной концепции сознания с ложной концепцией деятельности человека и неправильным пониманием отношения психологии и идеологии... Нужно не соединять концепцию сознания интроспективной психологии с поведенческой концепцией деятельности человека и т. д., а преодолеть эти концепции, преобразовав понимание как сознания, так и человеческой деятельности, установившееся в психологических концепциях, определивших кризис современной психологии»⁷

Теоретический анализ состояния психологической науки за рубежом и исследование концепции деятельности человека в трудах Маркса привели к заключению, что разрешение кризиса может принести только коренная перестройка самого понимания и сознания, и деятельности человека, неразрывно связанная с новым пониманием их взаимоотношений. Марксизм дает основу для такой принципиально новой трактовки, которая преодолевает разрыв сознания и деятельности и создает возможность построения диалектико-материалистической психологической теории.

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Движение теоретической мысли в поиске исходного принципа построения новой психологической теории идет в двух направлениях, и оба обращаются к трудовой деятельности человека как главной особенности его бытия. В одном направлении, выраженном культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, трудовая деятельность человека определяет исходную точку поиска, но выделение знака как аналога орудия труда переводит дальнейшие построения в сферу культурного развития. В другом — центральной становится марксовская концепция челове-

^{6а} С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 6.

⁷ Там же.

ческой деятельности, раскрытая в ее применении к психологии. В анализе марксовского понимания деятельности применительно к психологии выделяются три основные мысли: о роли практической и теоретической деятельности человека в формировании его психики; о том, что порождаемый человеческой деятельностью предметный мир обуславливает все развитие человеческой психологии, и о том, что человеческая психика — продукт истории. За исходное при этом берется связь сознания с реальной деятельностью человека, положение марксизма о том, что сознание человека формируется в процессе труда, преобразующего мир. Теоретическая разработка положения о связи сознания с деятельностью, вошедшего в психологическую науку как принцип единства сознания и деятельности, была осуществлена С. Л. Рубинштейном⁸.

В настоящее время, когда положение о связи сознания с деятельностью прочно вошло в марксистскую психологию, оно не требует доказательств; обсуждению подвергается вопрос о том, как реализуется эта связь, каков ее характер. После методологических дискуссий в условиях кризиса мировой психологии для советских ученых главным было доказательство существования связи сознания с деятельностью и ее материалистическое объяснение. Вместо разрыва и противопоставления сознания и деятельности, отличавшего мировую психологию того времени, надо было обосновать мысль о том, что *«изучение деятельности человека в отрыве от сознания означает не только выпадение сознания из области психологического исследования, но и ложное, механистическое понимание самой деятельности»*⁹.

Задача состояла в том, чтобы связать сознание и деятельность и охарактеризовать по-новому и сознание, и деятельность, раскрыть методологическую сущность принципа единства сознания и деятельности, доказать объективную опосредованность сознания, выяснив его связь с деятельностью человека, преодолеть таким способом интроспективное идеалистическое понимание сознания и обосновать принципиальную возможность объективного изучения психики через деятельность.

Проблема деятельности, как мы видели, поднималась в 20-х гг. многими советскими психологами К. Н. Корниловым, П. П. Блонским, М. Я. Басовым и другими, противопоставлявшими традиционной интроспективной психологии сознания поведенческую психологию. Надо было преодолеть и поведенческую трактовку деятельности.

«... Концепция Маркса о формировании человеческой психи-

---

⁸ См.: С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1; он же. Основы психологии. М., 1935; он же. Основы общей психологии. М., 1940; он же. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии.— «Ученые записки МГУ», 1945, вып. 90, он же. Принципы и пути развития психологии, М., 1959.

⁹ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, стр. 24.

ки в процессе деятельности опосредствованно через продукты этой деятельности, — писал С. Л. Рубинштейн, — разрешает узловую проблему современной психологии и открывает путь к принципиально иному решению вопроса о ее предмете, чем это делают борющиеся между собой течения современной психологии. В противовес основной идее интроспективной психологии о непосредственности психики (непосредственный опыт как предмет психологии), у Маркса со всей возможной отчетливостью сформулировано положение об объективной опосредствованности сознания»¹⁰. В силу опосредствованности сознания объективными связями «открывается подлинная возможность как бы просвечивать сознание человека через анализ его деятельности, в которой сознание формируется и проявляется»¹¹.

Центральным для психологии становилось признание того, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему предметному миру и может быть определено лишь на основе этих отношений. Так преодолевается субстанциализм психического, утверждавшийся интроспективной психологией. Таким путем раскрывалась зависимость психических процессов человека от тех конкретных материальных условий, в которых практически протекает его жизнь и деятельность¹².

Утверждение идеи единства сознания и деятельности преодолеvalo и механицизм поведения. В противопоставлении всей поведенческой психологии, ее представлению об объективном методе изучения поведения, исключающем психику, для марксистской психологической теории следует вывод о том, что психика может быть познана опосредствованно через деятельность человека, потому что она в своем бытии объективно опосредствована ими. Через связь сознания с деятельностью раскрывалась его связь с внешним миром. Тем самым открывался новый подход к решению проблемы социальной обусловленности психики человека, главной проблемы марксистской психологии.

Трудовая деятельность человека обусловлена общественными закономерностями, она общественна по своему содержанию и по способу возникновения. Социальные отношения при этом никак не могут быть противопоставлены отношению человека к природе, они включают в себя последнее, так как они прежде всего — реальные производственные отношения между людьми, складывающиеся в процессе их воздействия на природу. В таком понимании взаимоотношения сознания и трудовой общественно обусловленной деятельности человека заложено марксистское понимание историчности сознания.

---

¹⁰ С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса. — «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 8.

¹¹ Там же, стр. 10.

¹² См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, стр. 86.

Анализ проблемы сознания и деятельности в работах Маркса, выделившего труд как ведущую в генезисе и развитии человеческого сознания форму деятельности, составляющую исключительное достояние человека, показывал, что отсюда начинается преодоление противоречия социального и природного. Как уже говорилось, общественные отношения не противопоставляются их отношениям к природе, они включают эти отношения, поскольку «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой...»¹³, оставаясь основной общественной категорией, а сам «человек является непосредственно *природным существом*»¹⁴. И поэтому «сама история является *действительной частью истории природы*, становления природы человеком»¹⁵.

Маркс выделил и другое существенное обстоятельство: понимание соотношения высших и низших форм в природном и общественном развитии. Возникновение новых, высших форм связано с реальной перестройкой низших форм. Следовательно, развитие человека проявляется в том, «в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*»¹⁶. Здесь надо искать основу для решения противоречия социального и биологического и всего ряда вытекающих отсюда противопоставлений. С. Л. Рубинштейн поэтому замечал: «Применительно к психологическому развитию человека, историческое развитие психики не сводится к надстройке «царства духа» над чувственностью и инстинктами природного существа; оно не исчерпывается тем, что над примитивными животными инстинктами надстраиваются «высшие духовные чувства», над «грубыми чувствами» — мышление человека. Процесс развития проникает глубже; он захватывает все самые примитивные его проявления. Инстинкты становятся потребностями человека, которые в процессе исторического развития становятся человеческими потребностями»^{16а}. Отрицание биологизации никак не означает выключения биологии, органического, природного из личности: психофизическая природа не вытесняется, а опосредствуется общественными отношениями и перестраивается — природа становится человеком.

В качестве методологического принцип единства сознания и деятельности вошел в марксистскую психологическую теорию как общепризнанный, стал ведущим в советской психологии, основой конкретных исследований. Утверждение связи сознания

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 188.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 631.

¹⁵ Там же, стр. 596.

¹⁶ Там же, стр. 587.

^{16а} С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 12.

с деятельностью, сформулированное как единство и направленное против субстанциализации психики и против поведенческого выключения психики из жизнедеятельности, не определяло формы и характера этой связи. Результатом дальнейшего изучения явилось выяснение характера этой связи.

Первоначально идея связи сознания и деятельности была выражена С. Л. Рубинштейном как единство этих двух членов. «Деятельность и сознание не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство»¹⁷. Такое определение обосновывалось признанием единства сознания и бытия, субъекта и объекта, а также единством обусловленности объектом и сознания, и поведения. «Одно и то же отношение к объекту обуславливает и сознание, и поведение, одно — в идеальном, другое — в материальном плане»^{17а}. Вместе с тем отношение психики и деятельности было определено как взаимосвязь и взаимообусловленность. «В силу... взаимосвязи и взаимообусловленности психические свойства личности и ее поведение, сознание и деятельность человека включаются как звенья, как стороны в единый процесс, в котором причина и следствие непрерывно меняются местами. Таков для нас подлинный смысл положения о единстве сознания и деятельности»¹⁸.

Последующее теоретическое исследование связи сознания и деятельности в 50-х гг. было включено в более общую проблему детерминированности деятельности субъекта, в которой сознание играет регулирующую роль. Характеристика этой связи получила новое содержание. Тогда же С. Л. Рубинштейн дал критический анализ прежнего понимания характера этой связи, представляющий несомненный интерес для исторической оценки. Он отметил, что формула единства сознания и деятельности берет «отношение сознания и деятельности как внешнее соотношение двух обособленных членов (к тому же без определения характера их взаимоотношений, без указания на то, что первично, что из чего происходит). В этом сказывалась обусловленность внешней ситуацией, которая в ходе исторического развития науки их обособила, а не существо дела, которое при правильных исходных позициях не должно было приводить к их обособлению сперва и, значит, к необходимости затем внешне их соотносить»¹⁹.

Но тогда же С. Л. Рубинштейн выделил те положения в понимании соотношения сознания и деятельности, которые стали прочным достоянием марксистской психологии и по сегодняшний день сохраняют свою силу. Утверждение единства сознания и деятельности означало, что надо понять сознание, пси-

---

¹⁷ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, стр. 51.

^{17а} С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 85.

¹⁸ С. Л. Рубинштейн. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии. — «Ученые записки МГУ», 1945, вып. 90, стр. 12.

¹⁹ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 251.

хику не как нечто лишь пассивное, созерцательное, рецептивное, а как деятельность субъекта и в самой человеческой деятельности, в поведении человека раскрыть его психологический состав. Предметом психологического исследования стала не только внутренняя, духовная, умственная деятельность, а и сама практическая деятельность, посредством которой люди преобразуют природу и переделывают общество, в ее психологическом аспекте. *«Основное позитивное содержание положения о единстве сознания и деятельности заключается в утверждении их взаимосвязи и взаимообусловленности: деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения»*^{19а}

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Признание связи сознания с деятельностью позволило дать психологическую характеристику деятельности. Отвергая представление о ней как совокупности реакций, непосредственно вызванных внешними раздражителями и независимыми от сознания, новая концепция считала действие человека сложным образованием, которое включает психологические компоненты. В предмет психологического исследования вошла новая проблематика: во-первых, изучение деятельности со стороны ее психологического содержания, во-вторых, изучение видов человеческой деятельности в соотношении с формированием психики.

Психологическая проблематика деятельности включала понятие цели и мотивов человеческих действий, их соотношение, ставила вопрос о смысловом содержании деятельности, мотивы и цели которой в отличие от мотивов и целей отдельных действий носят обобщенный характер, выражая общую направленность личности. Действие выделялось в качестве «единицы» деятельности и рассматривалось в своем психологическом содержании как акт, который происходит по определенным мотивам и направляется на конкретную цель, учитывая условия, в которых эта цель достигается. «Действие как такой сознательный целопологающий акт выражает основное специфическое отношение человека к миру: в нем человек — часть мира выступает как сила, сознательно изменяющая и преобразующая мир. Такое отношение характерно только для человека, и для человека нет ничего более характерного. В аспекте этого отношения должно быть поэтому раскрыто все содержание психики и все специфические для нее отношения»²⁰. Анализ действий ведет психологическое исследование к побуждениям, из которых исходит дей-

^{19а} Там же, стр. 251.

²⁰ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 174.

ствие и которые коренятся в потребностях. А это в свою очередь — к анализу направленности, мотивов действия, характера человека, его способностей, включает изучение аффективно-эмоциональной и волевой стороны психики, иначе говоря, ведет ко всем сторонам психического облика личности. Предметное действие включает предметное восприятие, память, работу мысли.

Структура человеческой деятельности была подвергнута специальному исследованию А. Н. Леонтьевым. Изучение структуры деятельности и форм отражения, включенное им в общее исследование генезиса и развития психики²¹, показало качественное отличие деятельности человека от животных. У животных предмет их деятельности и инстинктивный ее мотив всегда слиты, всегда совпадают между собой. Иное дело у человека. В общественном производстве происходит разделение предмета деятельности и мотива. Мотивом является удовлетворение потребностей человека, но результат его собственной деятельности не удовлетворяет непосредственно его потребности. Его деятельность входит в коллективный труд и определяется системой общественных отношений.

Изучение структуры деятельности человека своим результатом имело разграничение понятий деятельности, действия, операций и установление их взаимосвязи. Определяющим в этом разграничении явилось отношение деятельности к мотивам. Под деятельностью понимается такой процесс, который характеризуется психологически тем, что направленность процесса в целом (его предмет) всегда совпадает с мотивом. В действии — мотив не совпадает с его предметом, а связан с той деятельностью, в которую данное действие включено. Своеобразие отношения между деятельностью и действием состоит в том, что мотив деятельности может переходить на предмет действия, превращая действие в деятельность. Вместе с тем действие получает психологическую характеристику в зависимости от того, в какую деятельность оно включено; сознательное действие формируется внутри той или иной деятельности, которая и определяет собой его психологические особенности. Способы выполнения действия, операции, включенные в него, могут быть различными, что зависит от условий, в которых достигается поставленная цель.

Разделение предмета и мотива индивидуальной деятельности есть результат выделения из единой деятельности отдельных операций. Для человека они превращаются в самостоятельные действия, а по отношению к коллективному трудовому процессу остаются отдельными операциями. Действия человека, направ-

---

²¹ См. А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959. Изменения и дополнения, внесенные А. Н. Леонтьевым в его ранние работы, включенные в данную книгу, в том числе и в «Очерк развития психики», первоначально опубликованный в 1947 г., связывают эти работы с последующими его трудами.

ленные не на предмет непосредственного удовлетворения его потребностей, становятся возможными лишь тогда, когда смысл его действий осознается им, т. е. когда «сознание смысла действия и совершается в форме отражения его предмета, как сознательной цели»²². Так рождается действие как «единица» деятельности человека и «единица» человеческой психики, разумный смысл для человека того, на что направлена его деятельность.

Труд, следовательно, определяет строение деятельности человека, во-первых, тем, что порождает целенаправленные действия, и, во-вторых, тем, что меняет содержание операций деятельности в связи с развитием орудий труда, как средств деятельности, употребление которых общественно выработано. Овладевая употреблением орудий труда, человек подчиняет свои действия общественно выработанной и фиксированной в орудии системе операций.

Рассматривая зависимость сознания от структуры деятельности, А. Н. Леонтьев характеризует специфику сознания отношением смысла и значения. Смысл и значение составляют главные «образующие» внутреннего строения человеческого сознания. «Значение — это ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человеком и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения, как обобщенного «образа действия», технической нормы и т. п.»²³. Собственно психологическим фактором является тот смысл, который приобретает значение для данного человека, а смысл выражает отношение мотива и цели²⁴. Категории значения и смысла, которым Л. С. Выготский уделял много внимания в своих последних работах, получают теперь свою характеристику в их отношении к деятельности. Введение этих категорий было существенно и необходимо для раскрытия общественного характера человеческой деятельности, но самое понимание их было неоднозначно и требовало уточнения и развития этих понятий в системе марксистской психологической теории²⁵.

Таким образом, особенности психики связываются со структурой деятельности человека, а единство сознания и деятельности получает в трудах А. Н. Леонтьева трактовку единства строения деятельности и структуры сознания. Развитие этих взглядов определяет направление, по которому идет формирование концепции об общественной обусловленности психики. Разработка этой концепции А. Н. Леонтьевым приходится на конец

²² А. Н. Леонтьев. Очерк развития психики, М., 1947, стр. 69.

²³ Там же, стр. 81.

²⁴ Там же, стр. 82.

²⁵ О категориях смысла и значения шла речь при обсуждении книги А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» после ее выхода в свет в 1947 г.

50-х гг., когда положение о единстве строения деятельности и сознания воссоединяется с идеей интериоризации, развитой в учении Л. С. Выготского.

Психологическая характеристика видов человеческой деятельности — труда как основного вида, игры и учения, связанных с ним и производных от него — включается в психологическое исследование как результат признания единства сознания и деятельности²⁶. Психологическому анализу подвергаются труд, игра, учение. Такое деление было продиктовано специфически психологическим пониманием деятельности, и потому в качестве видов деятельности не были и не могли быть выделены, например, производство, распределение, обмен и т. п., разбираемые Марксом в системе экономических отношений. Деление человеческой деятельности на труд, игру, учение было традиционным для психологии, но эти виды получили теперь новую трактовку. Анализ их позволял проследить взаимосвязь указанных видов деятельности и психического развития человека, выделить в их сравнении общие черты, специфику каждой деятельности и связанные с ней психологические особенности.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И ПРИНЦИП СВЯЗИ СОЗНАНИЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Исторический подход к психике остается основным в психологической теории, но реализуется он в свете методологического принципа единства сознания и деятельности. Теперь речь идет не о том, что в соотношении высших ступеней развития с низшими происходит надстройка новых форм над старыми, а о том, что во взаимосвязи и взаимодействии с высшими формами низшие подчиняются новому уровню развития²⁷. То, что психическое развитие обуславливается общественно-историческими закономерностями, не упраздняет действия природных закономерностей, но преобразует их. Закон биологического развития организма, определяющий развитие психики у животных, заключается в единстве строения и функции. На основе изменяющегося в ходе эволюции образа жизни организм развивается, функционируя; психика формируется в процессе его жизнедеятельности.

Психика человека подчиняется историческому закону развития, который заключается в том, что человек развивается, трудясь. Изменяя природу, он изменяется сам. Порождая в своей деятельности — практической и теоретической — предметное бытие очеловеченной культуры, человек развивает и собственную природу. Применительно к историческому развитию психики единство строения и функции получает свое выражение в одном из

²⁶ См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 562—616.

²⁷ Там же, стр. 109.

основных положений марксизма — труд создал человека. Становление человеческого сознания и всех особенностей человеческой практики было длительным процессом, органически связанным с развитием трудовой деятельности. Трудовая деятельность коренным образом изменила отношение человека к природе. Разделение труда в обществе приводит к тому, что деятельность человека направляется на удовлетворение общественных потребностей и только таким образом становится возможным удовлетворение его собственных.

С позиций связи психики с деятельностью пересматривается принятая в психологии генетическая трехступенчатая схема форм психики и поведения: инстинкта, навыков и интеллекта. Представление о том, что эти ступени противопоставлены друг другу, заменяется другим. На ранних ступенях развития интеллект или элементы его выступают внутри инстинкта или навыка, а на высших — инстинкт и навык функционируют внутри или на основе интеллекта, который регулирует их. Переход от одной формы психического отражения к другой совершается в результате возникновения и снятия противоречия между материальными формами существования и формами отражения²⁸.

Представление о психическом развитии ребенка строится в соответствии с общими установками концепции развития, которая исходит из связи психики с деятельностью. Развитие психики в историческом развитии человечества и в индивидуальном развитии человека рассматривается как две взаимосвязанные и взаимообусловленные линии единого процесса. Природные наследственные данные ребенка, будучи уже человеческими, открывают ему пути исторического развития. Эти данные развиваются, изменяются по мере того, как он осваивает в ходе обучения и воспитания продукты материальной и духовной культуры человечества. Ключ к разрешению вопроса о взаимоотношении органического созревания и обучения дает положение о том, что «психические функции формируются в самом процессе их функционирования и существенно зависят от того объективного содержания, на котором они формируются»²⁹. Ребенок созревает, воспитываясь и обучаясь, т. е. «самое созревание и развитие ребенка в ходе обучения и воспитания не только *проявляется*, но и *совершается*»³⁰.

С. Л. Рубинштейн полностью разделяет, говоря его словами, «фундаментальное и правильное установочное положение» Л. С. Выготского о единстве обучения и развития, в котором первое играет ведущую роль, способствуя развитию. Но он дополняет это положение, высказывая мысль о том, что существует единый процесс развития, который включает не только созревание и обучение, но и деятельность самого ребенка, создаю-

²⁸ Там же, стр. 118.

²⁹ Там же, стр. 154.

³⁰ Там же, стр. 155.

щую условия взаимопроникновения созревания и обучения. Обучение — это совместная деятельность ребенка и взрослого. Ребенок выступает в обучении в качестве не только объекта, но и субъекта, он активно осваивает достояния материальной и духовной культуры. Процесс развития включает и процесс созревания природных сил ребенка, и процесс социальный, реализуемый в совместной со взрослыми деятельности. В свою очередь и само обучение рассматривается как совместная деятельность учителя и ученика. Психическое, таким образом, является неимманентным свойством, обнаруживающим себя в процессе развития, но системой, становящейся в общении, совместной деятельности с другим человеком.

Взаимосвязанные и взаимопроникающие процессы созревания и обучения включаются как звенья в единый процесс развития. Развитие не только обуславливает обучение и воспитание, но и само обусловлено ими. Обучение не только надстраивается над развитием, но по мере того, как созревание создает готовность для него, оно и само обуславливает ход созревания и развития. В развитии ребенка нет внешних факторов, включение внутренних и внешних условий в самый образ жизни ребенка, в формы его существования обеспечивает их единство.

Положение о том, что обучение ребенка должно «забегать вперед» развития, чтобы извне «пускать его в ход», по мнению С. Л. Рубинштейна, обладает тем недостатком, что за счет обучения относится только внешняя сторона приобретений ребенка — знания ему сообщаются, но понятия у него созревают. Фактически же понятия не сообщаются только, передаваясь извне, и не созревают, а осваиваются в процессе активной умственной деятельности ребенка, утверждает С. Л. Рубинштейн. «Таким образом, один уровень развития переходит в следующий через совершающуюся в ходе обучения реализацию возможностей предыдущего. Такова подлинная диалектика развития, существенно отличная от той механики, согласно которой обучение, «забегая вперед» развития, «пускает его в ход». За кажущейся переоценкой обучения... вскрывается фактическая недооценка обучения, поскольку обучению приписывается лишь внешняя сторона тех приобретений, которые в процессе своего развития делает ребенок. Обучение, в котором приобретает лишь внешняя сторона знаний и умений, перестает быть доподлинно образовательным, т. е. формирующим процессом. Оно не формирует изнутри и само не развивается, а лишь извне «пускает в ход» процесс развития»³¹.

В новых теоретических положениях была заложена программа конкретных исследований, преодолевающих биологизаторское учение о развитии. Они, так же как и учение Л. С. Выготского, были направлены против биогенетической и против социогенетической концепций, которые не могли выйти за преде-

³¹ См. С. И. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, стр. 156.

лы механицизма в силу того, что упускали ведущее звено — сознательную деятельность ребенка в обучении. Введение взаимосвязи психического с деятельностью открывало возможность преодолеть противоречие двух рядов зависимостей — биологических и социальных в психическом развитии человека.

В свою очередь проблема развития, выраженная в культурно-исторической теории, получила новый поворот, когда в нее включилась система отношений психики и деятельности. А. Н. Леонтьев, продолжая теоретическое и экспериментальное исследование онтогенетического развития психики, начатое под руководством Л. С. Выготского, вводит в них идею развития деятельности ребенка как условие формирования его сознания. Эта идея разрабатывается им и его сотрудниками в исследованиях игровой и учебной деятельности ребенка³². Вопрос о движущих силах развития психики ребенка решается в анализе обстоятельств его жизни, его деятельности и места в системе человеческих отношений, на разных стадиях его развития: дошкольного детства, младшего и старшего школьного возраста.

«В изучении психики ребенка,— пишет А. Н. Леонтьев,— следует исходить из анализа развития его деятельности так, как она складывается в данных конкретных условиях его жизни»³³. Существенным для этого является изучение структуры ведущей деятельности и связанных с нею других видов деятельности, поскольку эта зависимость является основной и для каждого этапа развития ребенка имеется определенный ведущий вид деятельности. Под ведущей понимается «такая деятельность, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на данной стадии его развития»³⁴.

На каждой стадии развития ребенка осмысливание им явлений действительности ограничено кругом его деятельности, зависящим в свою очередь от ведущего отношения, от ведущей деятельности, которая именно поэтому и характеризует данную стадию в целом³⁵.

Экспериментально-генетическим исследованием возникновения ощущений как простейшей формы психики была открыта

---

³² А. Н. Леонтьев. Психологические основы дошкольной игры.— «Советская педагогика», 1944, № 8—9; он же. К теории развития психики ребенка.— «Советская педагогика», 1945, № 4; он же. Психологические вопросы формирования личности ребенка в дошкольном возрасте.— «Дошкольное воспитание», 1947, № 9. См. также: А. В. Запорожец. Роль элементов практики и речи в развитии мышления ребенка.— «Ученые записки Харьковского ГПИ», т. I, 1939; В. И. Аснин. Своеобразии двигательных навыков в зависимости от условий их образования. Там же. А. В. Запорожец и Г. Д. Луков. О развитии мышления у ребенка младшего возраста.— «Ученые записки Харьковского ГПИ», т. VI, 1941; Г. Д. Луков. Об осознании ребенком речи в процессе игры (канд. дисс.). Л., 1937.

³³ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 501.

³⁴ Там же, стр. 503.

³⁵ Там же, стр. 513.

многолетняя разработка А. Н. Леонтьевым проблемы развития, включающая вопросы филогенетического развития психики и исторического развития сознания³⁶. Принцип связи психики с деятельностью стал в этих исследованиях руководящим. «Всякое психическое отражение животных находится в *единстве* с их деятельностью. Это значит, что хотя существует различие между ними, они вместе с тем неотделимы друг от друга. Это значит, далее, что существуют взаимопереходы между ними. Эти взаимопереходы заключаются в том, что, с одной стороны, всякое отражение формируется в процессе деятельности животного... С другой стороны, всякая деятельность животного, побуждаемая ощущаемыми им воздействиями, совершается в соответствии с тем, как отражается данное воздействие в ощущениях животного»³⁷.

Что же является ведущим в этой связи? «*Основным* в этом сложном единстве отражения и деятельности является деятельность животного, практически соединяющая, практически связывающая его с объективной действительностью; вторичным, производным — психическое отражение воздействующих свойств этой действительности»³⁸. Выделение ведущей роли деятельности принципиально важно для дальнейших выводов А. Н. Леонтьева при соотнесении деятельности и форм отражения.

С изменением строения деятельности животных происходит соответствующее изменение форм отражения ими действительности. Изменение формы отражения «определяется объективным строением деятельности животных, практически связывающей животное с окружающим его миром... Каково объективное строение деятельности животного, такова и форма отражения им действительности»³⁹. При этом деятельность идет впереди отражения. «Развитие форм психического отражения является по отношению к развитию строения деятельности животных как бы сдвинутым на одну ступень вниз, так что между ними никогда не бывает прямого соответствия»⁴⁰.

Эволюция органов и их функций присуща каждой из стадий и подготавливает возможность перехода к новому, более высокому строению деятельности. Условием, порождающим высшую форму психики — человеческое сознание, является трудовая деятельность человека, которая коренным образом изменяет строение самой деятельности, она подчиняется связям и отношениям изначально общественным. С этими особенностями связана, данная позднее А. Н. Леонтьевым, формулировка связи сознания и деятельности у человека как процесса присвоения.

³⁶ Работы А. Н. Леонтьева, посвященные проблеме развития психики, вошли в книгу избранных трудов автора. См.: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959. 2-е изд. М., 1965.

³⁷ А. Н. Леонтьев. Очерк развития психики, стр. 25.

³⁸ Там же, стр. 26.

³⁹ Там же, стр. 54.

⁴⁰ Там же.

ВВЕДЕНИЕ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Введение в психологическую теорию новой характеристики психики в ее отношении к деятельности требовало нового рассмотрения всей проблематики общей психологии. В «Основах психологии» (1935) С. Л. Рубинштейн сделал попытку внести идею единства сознания и деятельности в круг основных психологических проблем. Тогда же стало ясным, что включение в психологическую теорию новой области отношений требует, во-первых, введения новой характеристики в систему уже имеющихся психологических понятий и, во-вторых, проведения специальных исследований, прежде всего экспериментальных, позволяющих изучить психику в ее новых связях. Выполнение первого условия столкнулось с большими трудностями, поскольку понятия, которыми располагала психология, либо вовсе не учитывали эту особенность психики, либо шли по пути механистического ее толкования, отвергая психологический анализ деятельности человека. Выполнение второго условия требовало времени и по ходу своей реализации приносило новые знания, но они в свою очередь выявляли недостаточность в определении характера связи сознания с деятельностью как единства и, следовательно, вносили изменения и в принятый методологический принцип.

В 1940 г. в «Основах общей психологии» С. Л. Рубинштейн, располагая уже данными многих исследований советских психологов, реализующих новый методологический принцип, пишет о том, какие изменения надо внести в исконные проблемы общей психологии: ощущение, восприятие, память, внимание, воля, мышление, эмоции и другие, так же как и в методы их экспериментального исследования. Как предмет изучения выделяются психические процессы, однако дифференциация функций и процессов, намеченная в новой системе отношений, еще не проводится с должной последовательностью. Этому противодействует другая тенденция — сбора фактов и обобщения всех знаний, закрепленных в понятиях, введенных иными психологическими теориями, в частности в понятиях функциональной психологии. Поэтому новая постановка проблемы соотношения функций и процессов далеко не всегда проявляется при изложении конкретного материала, особенно это касается исследований, проведенных в русле функциональной психологии. Мысль о процессах как о способе существования психики получит свое методологическое обоснование позднее. Пока же ставится задача аналитического изучения психических процессов — восприятия, памяти, мышления как компонентов практической деятельности и как форм деятельности теоретической.

Конкретные психологические исследования строятся как исследования психических процессов, протекающих в ходе какой-

нибудь деятельности; например, изучение мышлений в учебной деятельности школьника и в практической деятельности полководца, изучение памяти и навыков школьников, изучение восприятия в играх детей и т. д. Начатые на рубеже 30—40-х гг. большие циклы исследований проблем общей психологии, опирающиеся на методологический принцип единства сознания и деятельности, внесли много новых фактов, показали многообразие и многосторонность связей психики с деятельностью⁴¹. Эти исследования открыли зависимость течения психических процессов и их результатов от способов и условий выполнения деятельности.

Изучение психических процессов (памяти, мышления и др.) в зависимости от деятельности человека явилось основным методологическим ходом, направленным на выяснение характера связи психики с деятельностью. Изучение психики, идущее от выяснения ее роли в деятельности человека, меняло самую классификацию психических процессов, не говоря уже о новом их понимании. Второй методологический ход был совершен значительно позже на основе обобщения результатов тех экспериментальных исследований, которые проводились в конце 30-х и в 40-х гг. и опирались на принцип единства сознания и деятельности. Психические процессы стали рассматриваться в качестве особой деятельности, в которой происходит взаимодействие человека — субъекта познания и деятельности — с объектом и получает свое выражение активность отражения человеком внешнего мира. Следующий шаг в развитии психологической теории, связанный с личностным подходом к изучению психических процессов, намечается еще позже и во многом остается лишь требованием, поставленной задачей.

Когда писались «Основы общей психологии», автор их располагал по проблемам ощущений обширным материалом физиологии органов чувств. Эти материалы, полученные в результате исследования лишь периферических воспринимающих аппаратов, давали характеристику органов чувств и ощущениям в соотноше-

---

⁴¹ В избранных трудах ведущих советских психологов, изданных в последнее десятилетие, содержатся главные итоги этих исследований. См.: *Б. Г. Ананьев*. Психология чувственного познания. М., 1960; *А. Н. Леонтьев*. Проблемы развития психики. М., 1965; *А. А. Смирнов*. Проблема психологии памяти. М., 1966; *Б. М. Теплов*. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. Эти книги включают труды авторов по их ведущей проблематике с конца 30-х гг., обобщающие и другие советские исследования, проведенные в указанном направлении. Изменения и дополнения ранних работ, произведенные при их переиздании, а также их сопоставление с более поздними исследованиями тех же авторов позволяют увидеть путь, по которому шло развитие этих проблем. См. также тематические сборники по проблемам психологии восприятия, мышления, речи, интеллектуальных навыков и умений: «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1948, вып. 13; 1954, вып. 53; 1957, вып. 80; *Л. И. Анцыферова*. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии. — В кн.: «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969.

нии с отдельными раздражителями. Психофизиологические исследования С. В. Кравкова и его сотрудников, К. Х. Кекчеева, Б. М. Теплова, А. И. Бронштейна и других советских психологов 20—30-х гг. следовали в большей своей части традиционной проблематике западноевропейской физиологии органов чувств и сосредоточивались на выяснении изменений порогов чувствительности, явлениях адаптации, контраста, последствия раздражителей, цветовом зрении, взаимосвязи ощущений различных модальностей. Некоторые факты о роли деятельности были получены тогда в отношении осязания⁴². Излагая и обобщая все имеющиеся данные в области ощущений, можно было лишь указать на необходимость иной их трактовки, связывающей их с деятельностью человека, отметить, что «психологическое исследование имеет... дело не только с *«раздражителем»*, но и с *предметом*, и не только с *органом*, но и с *человеком»*⁴³. В «Основах общей психологии» был представлен общий замысел исследований ощущений и восприятий через практическую деятельность человека, в которой они проявлялись и от которой они зависели. Требование изучения взаимодействия субъекта и объекта пока было лишь обозначено.

В конце 30-х гг. Б. Г. Ананьев и его сотрудники начали проводить экспериментальные исследования чувственного познания сперва (с 1937 по 1942 г.) в отделе психологии Института мозга имени Бехтерева, а затем на кафедре психологии Ленинградского университета. Теоретической основой их была идея связи чувственного познания как отражения действительности с деятельностью человека. Место и роль этого комплекса исследований в полную меру можно уяснить и оценить лишь в соотношении со всем дальнейшим ходом развития марксистской психологической теории. В этих исследованиях марксистско-ленинская теория отражения воплощалась в психологическую теорию через психологический эксперимент, обнаруживая сложную зависимость возникновения чувственной картины мира от человека как субъекта деятельности⁴⁴.

Большое место в исследованиях ощущений уделялось влиянию трудовой профессиональной деятельности на развитие и формирование дифференцировки цветов, слуховых, вкусовых ощущений⁴⁵. Особое место в экспериментах заняло изучение

⁴² Л. А. Шифман. К проблеме осязательного восприятия формы.— «Труды Государственного института мозга им. В. М. Бехтерева», т. XIII. Л., 1940; он же. К вопросу о тактильном восприятии формы. Там же.

⁴³ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 191.

⁴⁴ Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960 (Избранные труды); он же. Теория ощущений. М., 1961; он же. Вклад советской психологической науки в теорию ощущений.— В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959.

⁴⁵ См. Исследования по проблеме чувствительности. «Труды Государственного института мозга им. Бехтерева», т. XIII. Л., 1940; Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности. «Труды Государственного института мозга

осознания в процессах познания и труда, начатое в конце 30-х гг. и длившееся более двух десятилетий. Несколько позднее раз-
вернулись исследования восприятия пространства ⁴⁶.

Проблема связи памяти с деятельностью, зависимости запоминания от характера деятельности, в ходе которой оно совершается, составила содержание многих работ ⁴⁷. Они открыли большой цикл трудов, посвященных влиянию деятельности на память, осуществлявшихся в последующие десятилетия. Эти работы отчетливо выявили особенности нового подхода к старой проблеме, которая одна из первых в психологической науке подверглась экспериментальному изучению, и дали ей новую трактовку в новой системе отношений.

Исследовалась и зависимость запоминания от конкретной деятельности субъекта. Были выяснены зависимости запоминания от направленности деятельности, в которой оно протекает, от ее активности, от действий, непосредственно осуществляющих достижение цели, и от подготовительных действий, а также сравнительная роль каждой из этих зависимостей в общей зависимости запоминания от деятельности, в которой оно осуществляется. Но на первый план выступали процессы памяти как особого рода деятельности человека. Ярко выявилась зависимость заучивания от того, как человек работает над материалом, как он его группирует, обобщает. Успешность запоминания как особого рода деятельности сочеталась с активностью мыслительной деятельности ⁴⁸.

Обстоятельно изучался вопрос о произвольном запоминании. П. И. Зинченко на основании многих экспериментальных данных утвердил новый взгляд на произвольную память, которая считалась случайной и механической. Большой фактический материал, собранный им, свидетельствовал о смысловом характере произвольной памяти и ее зависимости от содер-

---

им. Бехтерева», т. XV. Л., 1947. См. также: Б. Г. Ананьев. Труд как важнейшее условие развития чувствительности.— «Вопросы психологии», 1955, № 1.

⁴⁶ См.: Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов и А. В. Ярмоленко. Осознание в процессах познания и труда. М., 1959; Б. Г. Ананьев. Пространственное различение. Л., 1955.

⁴⁷ П. Блонский. Память и мышление. М., 1935; П. П. Блонский. Психологический анализ припоминания.— «Ученые записки Института психологии», т. I, 1940; П. И. Зинченко. Проблема произвольного запоминания.— «Научные записки Харьковского государственного института иностранных языков», т. I, 1939; А. А. Смирнов. Влияние направленности и характера деятельности на запоминание.— «Труды Института психологии АН Грузинской ССР». Тбилиси, 1945; А. Г. Комм. Реконструкция в воспроизведении; Д. И. Красильщикова. Реминисценция в воспроизведении.— «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. XXXIV. Л., 1940; М. Н. Шардаков. Усвоение и сохранение в обучении.— «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. XXXIV. Л., 1940.

⁴⁸ См. А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти, М., 1966. В книге имеется библиография.

жания и характера деятельности человека⁴⁹. Выяснилось, что материал запоминается не только тогда, когда он становится объектом специальной мнемической деятельности запоминающего, т. е. направленной произвольной деятельности. Запоминание может быть произвольным при условии активной направленности субъекта на достижение цели действия. Сохраняется в памяти прежде всего то, что составляет цель действия, основной является зависимость от того, включен или нет запоминаемый материал в целевое содержание действия, в ходе которого совершается произвольное запоминание.

Обобщая исследования памяти, А. А. Смирнов, возглавлявший разработку этой проблемы, приходит к следующим выводам⁵⁰. Память, как и все психические процессы, обусловлена конкретной деятельностью человека, зависит от ее целей и задач, мотивов и содержания и вместе с тем сама может выступать как особого рода — мнемическая — деятельность. Память зависит от направленности и характера деятельности, а также от ее активности и осмысленности. Запоминание у ребенка строится на базе его основной деятельности — у дошкольников на базе игры, у школьников на основе учебной деятельности. В соответствии с изменением основного вида деятельности ребенка преобразуется характер запечатления. У школьника запоминание приобретает сознательно направленный, волевой характер, заучивание перестраивается на основе обучения. Много нового открылось в соотношении двух видов запоминания — произвольного и произвольного. Все эти вопросы не затрагивались ранее существовавшими теориями памяти, так как они не соответствовали тем взглядам на природу психики, которые определяли круг исследуемых вопросов. У ассоцианистов круг этот ограничивался изучением условий образования ассоциаций, основанных на смежности во времени; у гештальтистов — законами возникновения структур, действующих вне активной деятельности субъекта; у бихевиористов — условиями образования связей между стимулами и реакцией, вне характеристики психической деятельности; у фрейдистов — динамикой и борьбой влечений, действующих в подсознательной сфере, и т. д. Советская психология заново разработала этот раздел, опираясь на новые исследования закономерностей памяти, в которых последняя связывалась с деятельностью человека.

---

⁴⁹ См. П. И. Зинченко. Произвольное запоминание. М., 1961.

⁵⁰ Общий обзор исследований проблемы памяти, проведенных советскими психологами, см.: А. А. Смирнов. Развитие памяти (Там же обширная библиография). — В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959. См. также: А. А. Смирнов. Психология запоминания. М., 1948. С дополнениями, характеризующими современное состояние проблемы, и заново написанной вводной частью эта монография включена в книгу избранных трудов автора (А. А. Смирнов. Проблемы психологии памяти. М., 1966).

Если память была первым объектом экспериментального исследования с новых позиций и составила их главную тему на рубеже 30—40-х гг., то мышление стало предметом многочисленных конкретных исследований в советской психологии в 50—60-х гг. В 40-х гг. намечается лишь общий план нового подхода к мышлению в связи с характеристикой психики в ее отношении к деятельности⁵¹. Как исходное принимается положение о том, что мышление отражает бытие в его существенных связях и отношениях, в его многообразных опосредованиях. Общие методологические положения позволяют определить ближайшую задачу психологии мышления как исследование строения и протекания мыслительного процесса, направленного на разрешение определенной задачи, заключающей в себе цель мыслительной деятельности, соотнесенную с условиями. Следующей задачей было исследование соотношения мышления и практической деятельности. Ранее это соотношение трактовалось так: либо действие принималось как внешнее выражение теоретического мышления, либо действие полностью отрывалось от мышления и представало как навык и инстинктивная реакция. В первом случае зависимость мышления от деятельности никак не учитывалась. Во втором — деятельность лишалась своей психологической характеристики.

После исследований В. Кёлера, проведенных над человекообразными обезьянами, и его опытов с детьми, когда выяснилось, что существует мышление, непосредственно включенное в практические действия, в психологию вошло понятие практического мышления или практического интеллекта. Но это понятие в том содержании, которое в нем подразумевалось, заключало противопоставление интеллекта и практики, признание их разрыва, хотя казалось, что оно преодолевает этот разрыв и объединяет в одном понятии практику и интеллект. Признание фундаментальной связи психики с деятельностью никак не позволяло согласиться с существованием двух интеллектов — теоретического и практического, вызывало возражения против деления мышления на практическое и теоретическое на том основании, что одно связано с практикой, а другое нет.

С. Л. Рубинштейн развивает новый взгляд, утверждающий, что человеческое мышление едино, что с практикой человека связано всякое мышление, но имеются разные виды и уровни мышления, которые по-разному связаны с практической деятельностью. На этом основании можно различать практическое и теоретическое мышление.

Первое совершается в ходе практической деятельности, непосредственно направлено на решение практических задач и пользуется зависимостями между вещами в пределах непосредственно данной ситуации. В этом его отличие от мышления,

---

⁵¹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 283—339.

выделенного в качестве особой теоретической деятельности и лишь опосредованно связанной с практикой. Практическое мышление использует результаты теоретического мышления, но часто совершается в форме наглядно-действенного мышления⁵².

Блестящим исследованием, развившим новую точку зрения на так называемое практическое мышление, явилась работа Б. М. Теплова «К вопросу о практическом мышлении»⁵³. На основе анализа деятельности полководца и требований, которые она предъявляет к мышлению, Б. М. Теплов сделал общие выводы об особенностях мышления, непосредственно вpleтленного в ту или иную практическую деятельность. Конкретные задачи, встающие перед человеком, доказывал Б. М. Теплов, вызывают различные формы мыслительной деятельности. Различие между теоретическим и практическим мышлением заключается в том, что они по-разному связаны с практикой, осуществляются в разных видах деятельности, а потому поиск психологических закономерностей мышления должен совершаться в тех условиях конкретной деятельности человека, в которых они реально выступают. Например, в сложнейшей боевой обстановке мысль полководца непосредственно связана с практикой и подвергается ею непрерывному испытанию, характерным в его мышлении является то, что синтез не только следует за анализом, но и предшествует ему. Зерно анализа — выделение существенного, поэтому можно говорить о синтезирующем анализе полководца.

Выяснилось также, что вынужденная скорость протекания мышления в боевой обстановке обуславливает и такое качественное своеобразие мышления, каким является интуитивное умозаключение, когда отдельные звенья проносятся более или менее бессознательно. Психологическая природа интуиции полководца теснейшим образом связана с высоким развитием в его деятельности пространственных представлений и пространственного мышления, а также чувства времени.

Включение методологического принципа связи сознания с деятельностью изменяло трактовку внимания, эмоций, воли и других проблем, составляющих содержание общей психологии. Новый подход к проблеме внимания, например, был сформулирован так. «Внимание существенно обусловлено взаимоотношением между направленностью деятельности, в которую включен человек, и направленностью его психических процессов... Отсутствие внимания означает их расхождение или разведение. Можно сказать, что *внимание выражает специфическую особен-*

---

⁵² См. С. Л. Рубинштейн. Основы психологии. М., 1935, стр. 175; он же. Основы общей психологии., М., 1940, стр. 325.

⁵³ См. Б. М. Теплов. К вопросу о практическом мышлении (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам). — «Ученые записки МГУ», вып. 90. М., 1945.

ность процессов, направление которых регулируется деятельностью, в которую они включены»⁵⁴.

Соотношение между деятельностью человека и его потребностями определяет природу и функцию эмоций. Связь эмоций с деятельностью получает двустороннюю характеристику: эмоции формируются в ходе человеческой деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека, и в то же время они являются вместе с тем побуждениями к деятельности⁵⁵. Направление общественно-трудовой деятельности порождает и формирует различные направления и стороны эмоциональности.

Волевые процессы еще более тесно связаны с деятельностью. Введение в психологическое исследование действия изменяло обычную в психологии трактовку воли, отрывавшую ее от действия, психологическому анализу подлежало теперь и само волевое действие, его исполнение и его сознательная регуляция в соответствии с планом действия.

Был еще один раздел психологии, в котором реализация принципа единства сознания и деятельности имела важнейшее методологическое значение. Это — проблема личности. Поскольку основным для марксовской концепции является тезис о том, что сознание человека есть общественный продукт и вся его психика социально обусловлена, а определяющее влияние общественных отношений в развитии психического осуществляется опосредованно через личность, через ее деятельность, постольку вне связи с личностью невозможно понимание психического развития человека. Ни психология сознания, ни психология поведения принципиально не могли правильно поставить проблему личности. «Каждая из этих психологических концепций рассекла личность, оторвав, во-первых, друг от друга ее сознание и ее деятельность с тем, чтобы затем: одна — разложить сознание на безличные функции и процессы, другая — расчленив поведение на отдельные навыки или реакции»⁵⁶. Преодоление идеалистического понимания сознания через раскрытие его связи с деятельностью человека явилось первым шагом в реализации марксистского понятия личности как совокупности общественных отношений применительно к психологии.

Характеристика психики в ее связи с деятельностью вела к новому подходу и к психологии личности; по-новому решалась проблема формирования личности и ее способностей, которые не только проявляются, но и формируются в конкретной деятельности. Включение психических свойств человека в

---

⁵⁴ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, стр. 446.

⁵⁵ Там же, стр. 460.

⁵⁶ С. Л. Рубинштейн. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 14.

объективные взаимосвязи открыли возможность проследить общественную обусловленность психического и подойти к направленному развитию психических свойств человека. Изменение в понимании всей проблематики, связанной с личностью, заключалось в раскрытии реальных путей, механизмов их общественного развития у индивидов, что выразилось в определении способностей как продукта не врожденных задатков самих по себе, а всего хода развития личности, в котором способности вырабатываются в процессе специально организованной деятельности.

В приложении к способностям особую силу приобретает положение о том, что, проявляясь в деятельности, психические свойства и формируются в ней. Способности и представляют собой особенности личности, определяющие ее пригодность к определенной деятельности. При этом способности нельзя рассматривать как неизменную предпосылку; их можно оценивать лишь как изменяющийся результат развития.

Теоретической предпосылкой обстоятельного экспериментального исследования музыкальных способностей, предпринятого Б. М. Тепловым⁵⁷, было такое понимание способностей, в котором они соотносились с той или иной деятельностью человека и понимались как условия успешности выполнения этой деятельности или многих деятельностей. Поэтому он изучает музыкальную деятельность детей. Способности «отыскиваются» лишь в психологическом анализе той или другой деятельности, отмечал Б. М. Теплов. *«Способность не может возникнуть вне соответствующей конкретной деятельности»*⁵⁸. Они всегда являются результатом развития, которое происходит лишь в процессе той или иной, практической или теоретической деятельности. Врожденными являются только анатомо-физиологические особенности, составляющие индивидуально-природные предпосылки развития, полагал Б. М. Теплов. В связи способностей с деятельностью определяющим является не то, что способности проявляются в деятельности, а то, что они *«создаются в этой деятельности»*⁵⁹.

Поскольку способности возникают, формируются и проявляются в деятельности, выполнение которой определяется своеобразным их сочетанием, отличающим данную личность, то в характеристику способностей вводится личностный аспект. Этим

---

⁵⁷ Результаты исследования Б. М. Теплова обобщены в работе «Психология музыкальных способностей». Написанная в 1940 г., она была опубликована в 1947 г. Теоретическим введением к этой работе является статья «Способности и одаренность», опубликованная в 1941 г. в «Ученых записках Государственного научно-исследовательского института психологии», т. II. Обе эти работы в несколько сокращенном виде вошли в книгу избранных трудов автора. См. Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

⁵⁸ Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий, стр. 14.

⁵⁹ Там же, стр. 15.

соображением руководствуется Б. М. Теплов в толковании понятия одаренность. «...Мы не можем непосредственно переходить от отдельных способностей к вопросу о возможности успешного выполнения данным человеком той или другой деятельности. Этот переход может быть осуществлен только через другое, более синтетическое понятие. Таким понятием и является «одаренность», понимаемая как то качественно своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности. Своеобразие понятий «одаренность» и «способности» заключается в том, что свойства человека рассматриваются в них с точки зрения тех требований, которые ему предъявляет та или другая практическая деятельность,— пишет Б. М. Теплов, и добавляет —... эта сторона понятия «одаренность» весьма выпукло и совершенно правильно подчеркнута С. Л. Рубинштейном»⁶⁰. Понятие одаренность приобретает смысл только в соотнесении его с конкретными, исторически развившимися формами общественно-трудовой практики. И в этой соотнесенности заключается исторический характер этого понятия.

Полемизируя с зарубежными исследователями, Б. М. Теплов доказывал: «Музыкальность человека *зависит* от его *врожденных* индивидуальных *задатков*, но она *есть результат развития*, результат воспитания и обучения»⁶¹. Между тем одни исследователи зачеркивают вовсе вторую половину этого положения, а в первой половине слова «зависит от врожденных задатков» заменяют словами «есть врожденное свойство», другие же утверждают только вторую половину, вовсе зачеркивая первую.

Проблема способностей в марксистской психологической теории, заняв место в ряду актуальных проблем психологии, становится предметом дискуссии при дальнейшем исследовании форм связи психики с деятельностью и проблемы детерминации психики.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ИХ СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И СОЗНАНИЕМ (ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ)

В 30-е гг. в советской психологии складывается научное направление, которое начинает исследование неосознаваемых психических явлений в их связи с деятельностью. Теоретической концепцией этого направления явилось учение Д. Н. Узнадзе об установке. В нем раскрывалась роль в действиях человека неосознаваемых психических состояний, выражающих го-

---

⁶⁰ Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий, стр. 17.

⁶¹ Там же, стр. 61.

товность личности к определенной деятельности в сложившейся объективной ситуации ⁶².

Исходным моментом исследований установки было открытие в экспериментах по изучению иллюзий веса, давления, объема, особых неосознаваемых психических состояний, оказывающих влияние на содержание и течение сознательных процессов. Вызываемое у испытуемых состояние, которое ни в какой степени нельзя было назвать сознательным, оказывалось действенным, реальным фактором, направляющим и определяющим содержание сознания, а также деятельность человека. Эти состояния Д. Н. Узнадзе назвал установкой и квалифицировал как неосознанные психические процессы.

Новая область психики была тщательно и многосторонне экспериментально исследована. Установка была выявлена в самых разнообразных модификациях не только у человека, но и у животных. Исследованию подверглись разные виды установки у человека — фиксированной, диффузной; ее возникновение и затухание, прочность и пластичность, константность и вариативность. Были выяснены общепсихологические характеристики установки в связи с особенностями разных психических процессов, а также ее изменения в онтогенетическом развитии, при проявлении дифференциально-психологических особенностей, при психозах и неврозах. Многие разнообразные факты объединялись признанием состояния установки и ее постоянного проявления в деятельности человека. «Мы видим, — писал Узнадзе, — что у человека имеется целая сфера активности, которая предшествует его обычной сознательной психической деятельности, и изучение этой сферы представляет, несомненно, большой научный интерес, так как без специального ее анализа было бы безнадежно пытаться адекватно понять психологию человека» ⁶³.

⁶² Труды Д. Н. Узнадзе, его сотрудников и последователей опубликованы в основном на грузинском языке. Посмертно на русском языке издана книга Д. Н. Узнадзе «Экспериментальные основы психологии установки» (Тбилиси, 1961). Она включает монографию «Экспериментальные основы психологии установки», выпущенную на грузинском языке в 1949 г., а также публикуемую впервые статью «Основные положения теории установки». См. также: Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966. Труды сотрудников Д. Н. Узнадзе и его последователей опубликованы в сборниках: «Экспериментальные исследования по психологии установки», т. I, II, III, IV (Тбилиси, 1958—1970). Обзор итогов теоретической и экспериментальной разработки проблемы установки см. А. С. Прангшвили. Общепсихологическая теория установки; Р. Г. Натадзе. Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе. — В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. II. М., 1960. При статье дана библиография трудов по проблеме установки, опубликованных на русском языке; см. также: Н. Л. Элиава. Мыслительная деятельность и установка. — В кн.: «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966. О современном состоянии теории установки см.: А. С. Прангшвили. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967. О теории установки в связи с проблемой бессознательного см. Ф. В. Бассин. Проблема «бессознательного». М., 1968.

⁶³ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, стр. 83.

Изучение феномена установки определило проблематику научной школы Д. Н. Узнадзе в советской психологической науке, и в этом ее своеобразие. Однако в разработке теории установки получают применение те же методологические принципы, которые в советской психологии выделяются как ведущие,— принцип развития и принцип связи психики с деятельностью. В то же время проблематика обуславливает особенность трактовки этих принципов в психологии установки.

Принцип развития включается в исходную методологическую позицию изучения установки в деятельности человека. Установка понимается как ступень развития психики, предваряющая и подготавливающая возникновение сознательных психических переживаний, но качественно отличная от сознательных психических процессов. Такую постановку вопроса Д. Н. Узнадзе прежде всего выделяет и противопоставляет идеалистической психологии. «Дело в том,— пишет он,— что этого вопроса никогда и не существовало для традиционной психологии, поскольку в ней с самого же начала догматически предполагалось, что сознательная психическая жизнь так же первична, так же самобытна и невыводима, как физическая, материальная действительность. Догматически допускалось, что душа, проявляющаяся в акте познания, чувства и воли, является первичной данностью, и поэтому сводить ее к более ранним ступеням развития вряд ли могло кому-либо прийти в голову. Во всяком случае можно утверждать, что предыстория души, как таковой, никогда не являлась предметом серьезных научных исканий буржуазной психологии»⁶⁴.

Когда к психике относятся лишь сознательные явления, получается разобщение психического и физического, из которого следует вывод о психофизическом параллелизме. Надо отказаться, считал Д. Н. Узнадзе, от отождествления психики с сознанием и допустить наличие какой-то формы существования психики, которая предшествует сознанию. Если рассматривать психику в процессе ее развития, то есть основание полагать, что она существует не только в формах сознательных процессов. «Скорее, наоборот, придется принять, что ступени сознательных психических процессов по необходимости предшествует активность психики, протекающая без всякого участия сознания, что существует, так сказать, досознательная ступень развития психики»⁶⁵.

В то же время Узнадзе противопоставляет свой взгляд фрейдизму, выделявшему в психике два компонента — сознательное и бессознательное. Бессознательные психические состояния фрейдизм характеризует так же, как и сознательные, они лишают-

---

⁶⁴ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 7—8.

⁶⁵ Там же, стр. 8.

ся только признака сознательности, разницы в их содержании нет, и потому они свободно переходят из одной сферы в другую. Узнадзе считает установку носителем специфических особенностей психического, проявляющихся только в неосознаваемых явлениях.

На это обстоятельство обратил внимание Ф. В. Бассин в своем докладе на совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии в 1962 г., указав, что Фрейд не смог определить качественное своеобразие сложных форм неосознаваемого психического отражения. Он подчеркнул: «Д. Н. Узнадзе был, по-видимому, одним из первых, кто отметил и понял принципиальное значение следующей характернейшей черты фрейдизма. Теория психоанализа представляет опосредующий механизм «бессознательного» так, как его и можно только представлять, не разработав предварительно никакой психологической теории этого механизма. «Бессознательное» представляется как наши обычные мысли, эмоции, аффекты, стремления, только лишенные качества осознаваемости»⁶⁶.

Д. Н. Узнадзе ставит задачу исследования качественного отличия состояний установки от сознательных процессов и их связи с деятельностью человека, а также взаимодействия неосознаваемых и сознательных психических процессов. Положение о связи сознания и деятельности он распространил на всю область психического, включая и сферу неосознаваемых психических состояний. Речь идет, следовательно, об особой области психического, которая имеет отличную от области сознательного характеристику, но также теснейшим образом связана с деятельностью. Более того, выясняя связь установки с деятельностью, Д. Н. Узнадзе приходит к заключению, что «установка является самым важным моментом в деятельности человека, самым основным, на котором она — эта деятельность — вырастает»⁶⁷.

Таким образом, теория установки вводит в связь сознания с деятельностью новый фактор. Своеобразие его заключается в том, что он сосредоточивает в себе первичную связь потребностей с объективной ситуацией ее удовлетворения, которая входит в условия возникновения и сознательных явлений и будущей деятельности.

Для возникновения установки необходимо и достаточно двух элементарных условий: актуальной потребности у субъекта и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. В этих условиях у субъекта возникает установка к оп-

⁶⁶ Ф. В. Бассин. Сознательное «бессознательное». — В кн.: «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, стр. 462.

⁶⁷ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 119.

ределенной активности и на ее основе вырастает состояние сознания в том или ином определенном содержании. В самой установке нет ничего из содержания сознания, и потому она не может быть охарактеризована в терминах явлений сознания, но вместе с тем она при достаточной ее фиксированности прочно связывается с каким-либо определенным содержанием, возникающим на базе этой установки. При актуализации этой установки возникает и определенное содержание сознания.

В условиях совместного и согласованного взаимодействия ситуации и потребности у субъекта образуется установка как готовность его к действию. Поскольку для возникновения установки необходимо наличие соответствующей ситуации, в условиях которой она принимает определенный и конкретный характер, объективным фактором, определяющим установку, надо считать такого рода ситуацию, которая включает в себя условия для удовлетворения имеющейся потребности. Выделив эти два условия — потребность и ситуацию, в которой она может быть удовлетворена, — Д. Н. Узнадзе писал: «...Мы хотели бы обратить внимание и на то обстоятельство, что необходимым и действительным условием возникновения установки следует считать как бы некоторое единство обоих этих условий»⁶⁸.

В тщательно поставленных экспериментах установка была исследована как селективная и регулярная система организации поведения индивида. Результаты этих исследований позволили охарактеризовать установку как некоторое целостное состояние субъекта, его целостную направленность, на определенную активность, как целостную структуру с постоянным набором характеристик. Установка трактуется как высоко обобщенное состояние готовности к определенной форме действия, как фактор, конституирующий внутреннюю связность, последовательность поведения и структурную устойчивость деятельности индивида. «Словом, это скорее *установка субъекта, как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, — его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи*»⁶⁹.

Можно полагать, что действительность, воздействуя на субъект деятельности в целом, и порождает в нем соответствующий целостный эффект, который представляет собой «некоторое целостное субъектное (не субъективное) отражение действительности как ситуации удовлетворения данной потребности, — отражение, которое должно быть трактуемо как предпосылка и руководство ко всей разворачивающейся в дальнейшем деятельности субъекта, как установка, направляющая данное поведение в русло отражения окружающей действительности»⁷⁰. Из

⁶⁸ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 32.

⁶⁹ Там же, стр. 18.

⁷⁰ Там же, стр. 32.

установления связи между объективными воздействиями и состоянием потребностей субъекта, а также его сознанием и его деятельностью следует то объяснение, которое теория установки дает избирательности психического отражения: в каждый данный момент действующий в определенных условиях субъект отражает и переживает с достаточной ясностью лишь то, что находится в русле его актуальной установки. Поэтому установка является «модусом субъекта в каждый момент его деятельности, целостным состоянием, принципиально отличающимся от всех его дифференцированных психических сил и способностей»⁷¹.

Установка, считают представители школы Д. Н. Узнадзе, является необходимой предпосылкой формирования сознательного отражения и его включения в деятельность. «Для того, чтобы живое существо сделало хотя бы один-единственный шаг, оно как целое должно к этому соответствующим образом подготовиться, если оно хочет сделать этот именно шаг, оно должно настроиться как целое для осуществления как раз этого шага»⁷². Поскольку установка является целостным состоянием, она антиципирует общий характер поведения, предвосхищает его. «Понятие установки позволяет понять, — пишет Узнадзе, — почему поведение целесообразно и имеет смысл, т. е. учитывает в одно и то же время и субъект и предметную действительность, соответствует и тому и другому»⁷³.

Принцип развития был применен Д. Н. Узнадзе и в исследовании социальной обусловленности психики человека. В связи с этим специальной задачей стало выяснение особенностей установки человека. Расхождение между психикой животного и человека, утверждал он, «опирается на ту кардинальную разницу, которая существует между животным и человеком — на факт социальности человека. Дело в том, что человек живет и действует, т. е. существует не только для себя, но и для другого. Он — социальное существо, бытие которого переходит за границы собственного существования и становится фактической действительностью и для другого... Нет сомнения, что в жизни социального существа — человека, по мере оформления социальности, должно было формироваться и сознание объективного бытия»⁷⁴. У человека, считал Узнадзе, возникает новый психологический механизм, особая форма психической активности. Сталкиваясь с каким-либо затруднением в своей деятельности, человек останавливается, осознает, что ему мешает, совершает вербализацию объекта, ситуации и действия. Этот

⁷¹ Там же, стр. 171.

⁷² Д. Н. Узнадзе. Формы поведения человека. — В сб. «Экспериментальные исследования по психологии установки», т. II, Тбилиси, 1963, стр. 11.

⁷³ Там же, стр. 11.

⁷⁴ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 117.

процесс он назвал объективацией и охарактеризовал как «специфический акт, обращающий включенный в цепь деятельности человека предмет или явление в специальный объект наблюдения»⁷⁵ с тем, чтобы при помощи специальных познавательных функций выяснить, что он собой представляет. Объективированная данность становится предметом мысли человека. Возникающая на базе объективации потребность является теоретической познавательной; удовлетворение ее связано с решением той или иной задачи, вслед за которым на основе новой установки человек возобновляет прерванную актом объективации деятельность.

Уровень объективации — это новый уровень психического, свойственный человеку как социальному существу и составляющий специфику человека. «Возникающая у общественного человека специфическая способность, которую мы охарактеризовали как способность объективации, резко меняет состав и характер круга его установок»⁷⁶, — пишет Д. Н. Узнадзе. В объективации теория установки находит психологический механизм, акт, дающий человеку возможность выбора социально направленных целей, отвлечения от собственных актуальных потребностей и учета потребностей других людей. А последующее за объективацией включение ее результатов в установку человека приводит к развитию социально детерминированных форм его деятельности. Таково решение вопроса о конкретных механизмах социальной обусловленности психики человека на уровне установок.

Вывод Д. Н. Узнадзе сводился к следующему: «Мы должны различать два уровня психической активности — уровень установки, где мы кроме аффективных находим и ряд малодифференцированных перцептивных и репродуктивных элементов, и уровень объективации, где имеем дело с определенно активными формами психической деятельности — с мышлением и волей... Нам приходится подниматься на ее ступень лишь в тех случаях когда перед нами вырастает какая-нибудь новая, более или менее сложная задача, требующая соответственно нового разрешения»⁷⁷. Взаимоотношение между этими двумя уровнями таково, что, возникая лишь в случае необходимости при реализации установки, акт объективации разрешает свою задачу и стимулирует установку, соответствующую решенной задаче. При повторном возникновении той же или подобной задачи она разрешается теперь уже на уровне установки: уже найденная установка активизируется теперь непосредственно. Постепенно у человека растет объем установочных состояний: в него включаются непосредственно возникающие установки и установки,

⁷⁵ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 102.

⁷⁶ Там же, стр. 204.

⁷⁷ Там же, стр. 118.

опосредованные в прошлом актами объективации, а также установки, которые были построены в актах объективации других людей и затем стали достоянием данного человека в виде готовых формул. Опыт и образование являются источниками такого рода установок.

Особенность развития теории установки в советской психологии состояла в том, что она долгое время была обособлена от общей психологической теории. Теоретический труд Д. Н. Узнадзе был издан полностью на русском языке лишь в 1961 г.

ПРИНЦИП ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Признание единства сознания и деятельности привело и к новому рассмотрению вопроса об отношении психики к мозгу. Это отношение трактуется как психофизическое единство⁷⁸. Такая трактовка была обусловлена уже свершившейся победой советских психологов над идеалистическими взглядами на психику и над широко распространенным принципом психофизического параллелизма. Она открыла возможность взаимосвязи психологии с физиологией, но оказалась слишком общей для того, чтобы реализовать этот союз. Для этого нужно было выяснение формы этого единства.

Принцип психофизического единства вступал в противоречие с физиологическими теориями, опирающимися на воззрения психофизического параллелизма. Лишь в сеченовской теории и в павловском учении отношение психических и физиологических явлений трактовалось исходя из материалистического монизма. Эти явления включались в единый рефлекторный процесс деятельности мозга. Но психология проходила мимо этого коренного отличия в их понимании детерминации психических и физиологических процессов.

История советской психологии, как мы видели, складывалась так, что марксистская психологическая теория в первые десятилетия своего развития не усмотрела отличий сеченовского и павловского учений в их решении философских проблем от западноевропейской физиологии, от рефлексологии, от бихевиоризма. Критика механистических воззрений поведенчества, борьба с рефлексологией завершилась тем, что психология оградила себя от попыток рефлексологии заменить собой психологию тем, что ограничила область рефлекторной деятельности в системе актов человеческой деятельности. К инстинктивной деятельности относились врожденные безусловные рефлексы, к механизму первично автоматических навыков — условные рефлексы, а сознательные формы поведения рассматривались уже вне рефлекторной деятельности.

С. Л. Рубинштейн так характеризовал две формы поведе-

⁷⁸ См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 12—15, 122—123 и др.

ния: биологические формы с их механизмом рефлекторных связей и сознательные формы, для которых характерны смысловые и структурные связи. Сознательные связи как существенные противопоставлялись случайным совпадениям, условным временным связям. Это противопоставление условнорефлекторным связям смысловых, определяющих сознательные произвольные действия, проводится при характеристике мышления, речи, внимания, воли и других психических процессов. Такой взгляд был характерен для психологической теории того времени и получил свое выражение во многих работах советских психологов и отразился в учебниках психологии⁷⁹.

Признавалось, например, что первичная связь слова с ситуацией, к которой оно относится, и с реакцией имеет ассоциативный или условнорефлекторный характер, но это еще не речь. «Речь возникает тогда, когда связь слова и его значение перестает быть только условнорефлекторной, или ассоциативной, а становится смысловой...»⁸⁰ Иначе говоря, когда над безусловнорефлекторной и условнорефлекторной деятельностью надстраивается новая сознательная деятельность, ее психологическая характеристика дается как смысловая, но физиологический механизм ее остается неизвестным. С рефлекторной деятельностью связывалось произвольное внимание, независимое от сознательного намерения человека. В высших специфически человеческих проявлениях внимания соотношение его с физиологическими процессами опускалось⁸¹. В том же плане идет речь и о волевых действиях. «Волевые действия не менее детерминированы и закономерны, чем произвольные — импульсивные, инстинктивные, рефлекторные — движения, но только закономерность и детерминированность их иная. Из непосредственной она становится опосредованной. Волевое действие опосредуется через сознание личности»⁸².

Следовательно, механизм произвольных действий — рефлекторная деятельность мозга. Произвольные — направляются и регулируются через сознание установлением смысловых связей. Здесь действовало старое деление на деятельность рефлекторную и сознательную, произвольную и произвольную. Вопрос о физиологическом механизме произвольных действий оставался открытым. Своеобразие положения заключалось в том, что советская психология исходила из диалектико-материалистического решения вопроса об отношении психики и материального мира и вместе с тем в учении о рефлексах приняла то направление, которое восходило к декартовскому дуализму

⁷⁹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 98—119 и др.; «Психология». М., 1948 (под ред. К. Н. Корнилова, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова); «Психология». Киев, 1939 (под ред. Г. С. Костюка).

⁸⁰ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 422.

⁸¹ Там же, стр. 445.

⁸² Там же, стр. 509.

с его противопоставлением души телу, не выделив среди физиологических теорий особенности методологических позиций сеченовского учения о рефлексах и павловского учения о высшей нервной деятельности. Сделано это было, еще раз повторяем, в условиях борьбы с поведенчеством. Поведенчество критиковалось как механистическая концепция и в этой связи определялось отношение к рефлекторной теории. «Сведение высших форм человеческой деятельности к механической сумме или агрегату элементарных реакций — рефлексов ведет к утрате их качественного своеобразия». «Механистическая теория, сводящая все формы деятельности к рефлекторно устанавливающимся навыкам, оказывается неправомерной»⁸³, — писал С. Л. Рубинштейн.

В такой оценке проявлялось и влияние западноевропейской физиологии, расхвалившейся в этом вопросе с сеченовской школой, и непреодоленная механистическая оценка учения о рефлексах, господствовавшая в советской психологии в 20—30-х гг. Но именно С. Л. Рубинштейн, который дал формулу психофизического единства, начинает в 40-х гг. искать конкретные формы связи психического и физиологического. Вновь в психологии встает вопрос об отношении к павловскому учению.

Общность интересов психологии, разрабатывающей проблему сознания и деятельности, и физиологии, занимавшейся движениями, открывало пути для сотрудничества, которое стало осуществляться в эти годы. Изучение физиологических механизмов движений и действий — биологического регулирования и управления деятельностью организма — было начато в 30-х гг. П. К. Анохиным и Н. А. Бернштейном. Исследования П. К. Анохина опирались на рефлекторную теорию. Учение же о построении движений, разработанное Н. А. Бернштейном, следовало той трактовке рефлекторных актов, которая ограничивала их низшими уровнями действий. Результаты этих исследований имели для психологии большое значение в связи со включением деятельности человека в круг психологических исследований. Н. А. Бернштейн экспериментально доказал постоянную связь сенсорной сигнализации с эффекторными импульсами, а также постоянное корректирование в зависимости от двигательной задачи эффекторных импульсов афферентными сигналами, поступающими с периферии во время двигательных актов от различных точек тела и от различных органов чувств. Выяснилась зависимость разных уровней построения движений от разных уровней афферентации, начиная от простейших сенсорных коррекций до сознательно поставленных целей и соответствующих им преднамеренных действий, выраженных в последовательном ряде двигательных задач. Было доказано, что моторные акты являются функциональной системой, в которой

---

⁸³ Там же, стр. 63, 127 и др.

центр и периферия взаимодействует так, что действия зависят от афферентации, которая их корригирует.

Поднятые этим учением вопросы о принципах управления движением и анализ различных по своему содержанию типов двигательных задач, выделение различных неврологических уровней для них — от уровней, управляющих положением собственного тела, до уровней предметных действий, трудовых процессов — не только непосредственно связывались с психологией, но и требовали для своего развития обязательной разработки психологического аспекта деятельности.

П. К. Анохин и Н. А. Бернштейн дали описание и анализ способа управления действиями живого организма, который впоследствии в кибернетике был определен как принцип обратной связи. Этому принципу управления движениями С. Л. Рубинштейн придал тогда же общепсихологическое значение. Он поместил работу Н. А. Бернштейна о регуляции движения в вышедший под его редакцией сборник трудов кафедры психологии Московского университета. В своей вводной статье к сборнику С. Л. Рубинштейн указал, что новый подход к двигательным актам важен для понимания их структуры. «Таким образом, преодолеваются ходячие традиционные вульгарно-дуалистические представления, согласно которым психологические моменты в человеческой деятельности являются внешними силами, извне управляющими движениями, а движение рассматривается как чисто физическое образование, для физиологической характеристики которого будто бы безразличен тот психологический контекст, в который оно включено»⁸⁴.

Исторические условия сложились так, что особо важная для психологии проблема высших уровней предметных действий — сознательной деятельности — не получила дальнейшей разработки в физиологии движений. В 50-х гг. Н. А. Бернштейн не имел возможности для их экспериментального развития. В последующие годы новые идеи стали объединяться вокруг проблемы биологической активности, не касаясь сознательной деятельности человека. В психологии в те годы, как известно, также происходили значительные изменения, связанные с освоением ею идей павловской физиологии. Результатом такого хода развития и психологии и физиологии явилось новое соотношение психологии, павловского учения и того направления современной физиологии, которое называют физиологией активности или теорией биологического регулирования. Но об этих отношениях, острых и противоречивых, будет речь дальше, поскольку они составляют содержание уже современных дискуссий. Для нас важно отметить то общее направление развития идей в пси-

---

⁸⁴ «Ученые записки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова», вып. 90. «Психология. Движение и деятельность». М., 1945, стр. 3.

хологии и физиологии, которое возникло в результате разработки проблемы деятельности.

Конкретные психологические исследования конца 30-х—начала 40-х гг. на основе методологического положения о единстве связи сознания и деятельности приносят свои плоды. По основным теоретическим проблемам марксистская психология получает возможность опереться на новые исследования. Новые данные об ощущениях, восприятиях, памяти, мышлении, способностях, неосознаваемых психологических явлениях, психологическая характеристика деятельности и т. д. открывают новые стороны старых проблем, приводят к постановке новых проблем. Советская психология противопоставляет общую линию марксистской психологической теории идеалистическим направлениям и теориям механистического материализма.

Положение о связи сознания и деятельности объединяет всех советских психологов. С этой общей позиции, достигнутой в борьбе идей предшествующих лет, начинаются теперь новые поиски, выяснение характера и форм связи сознания и деятельности. Теперь уже речь пойдет не о том, существует или нет эта связь, а о том, какова она. И здесь намечаются два взгляда, определяемые трактовкой детерминации психики. Развитие этих двух взглядов составляет содержание философско-теоретических исследований следующих десятилетий советской психологии.

Разработка теоретических принципов советской психологической науки на новых рубежах

Введение

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В 1945—1971 гг.

Новый период в истории советской психологии открывается после окончания Великой Отечественной войны, когда все силы страны направляются на быстрое восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, на повышение материального благосостояния и культурного уровня советского народа. Задачи, которые решает советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза, направляют развитие психологической науки. Этим задачам всецело подчиняется ее создание и развитие марксистской психологической теории, обслуживание ею нужд народного хозяйства, народного образования и просвещения, культурного строительства, здравоохранения, военного дела. Этими задачами обуславливается направленность советской психологии на решение центральной проблемы — умственного и нравственного воспитания строителей коммунистического общества. Разработка всей совокупности личностных проблем определяется высокой целью формирования нового человека коммунистического общества.

В результате участия психологической науки в коммунистическом строительстве возникают ее новые отрасли — инженерная психология, космическая психология, происходит перестройка и такой ведущей отрасли, как педагогическая психология, разворачивается работа в области судебной, военной психологии, а также в психологии спорта, возобновляются исследования в тех отраслях психологии, разработка которых прекратилась в 30-х гг., — в социальной психологии, в психологии труда.

Первые послевоенные годы отмечены улучшением материальных, технических и организационных условий для развития психологической науки. Создается Институт психологии Академии наук Грузинской ССР в Тбилиси, Институт психологии Министерства просвещения Украинской ССР в Киеве, сектор психологии в Институте философии Академии наук СССР и кафедра психологии в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) в Москве. Во всех этих новых научных учреждениях открывает-

ся аспирантура. Еще в годы войны для подготовки кадров специалистов-психологов была начата организация отделений психологии на философских факультетах. Вскоре после освобождения Ленинграда от вражеской блокады в 1944 г. было создано отделение психологии в Ленинградском университете, а затем в Московском, Киевском и Тбилисском. В дальнейшем в Московском, Ленинградском и Киевском университетах отделения психологии преобразуются в факультеты психологии. Отделения логики и психологии были открыты во многих педагогических институтах. В послевоенные годы вводится преподавание психологии в средних школах, в военных учебных заведениях.

Организация подготовки психологических кадров была делом большой важности. В начале 30-х годов было закрыто психологическое отделение при философском факультете Московского государственного университета, а также психотехническое при Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. В программе педагогических институтов на психологию отводилось лишь несколько десятков часов¹. Таким образом, произошел почти десятилетний перерыв в подготовке психологов. Между тем психология очень нуждалась в новых работниках, сказывались потери, нанесенные войной, в то время как развитие науки требовало новых хорошо подготовленных специалистов.

В начале 50-х гг. психология получает первое подкрепление как из окончивших психологические отделения вузов, так и из аспирантуры научно-исследовательских учреждений, а дальнейшая подготовка молодых психологов создает возможность значительного расширения исследовательской работы.

Развитие советской психологической науки в конце 40-х — начале 50-х гг. происходит в обстановке усиления идеологической работы. Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам оказали значительное влияние на развитие советской науки. Укрепление идеологического фронта получило выражение в организации ряда специальных обсуждений актуальных проблем по различным областям знания, которые вошли в историю как дискуссии по проблемам философии, биологии, физиологии, языкознания, политической экономии.

В 1947 г. Институт философии Академии наук СССР, где уже работал сектор психологии, и кафедра логики и психологии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) органи-

---

¹ См. В. Колбановский. О психологическом образовании в СССР.— «Фронт науки и техники», 1936, № 8. Автор статьи поднял вопрос о необходимости радикально пересмотреть вопрос о месте и роли психологии в системе образования, предлагал организовать специальное психологическое отделение, включить курс психологии в учебный план вузов,готавливающих философов, врачей, юристов, историков, литературоведов, артистов; расширить объем преподавания психологии в педагогических институтах, ввести преподавание психологии в педагогических техникумах и средней школе.

зовали совместное обсуждение психологами и философами вышедшего в 1946 г. второго издания «Основ общей психологии» С. Л. Рубинштейна. Для участия в нем были приглашены психологи не только Москвы, но и других городов. Тот факт, что С. Л. Рубинштейн попытался разработать новую теоретическую систему психологии, превратил обсуждение книги в дискуссию по актуальным проблемам психологической теории².

Развитый в «Основах общей психологии» принцип единства сознания и деятельности, воплощавший в психологии марксистскую концепцию роли и значения деятельности человека для его психического развития, получил признание, еще будучи высказанным в «Основах психологии» в 1935 г. Внесение этого методологического принципа в конкретные психологические исследования открыло новые факты и позволило в «Основах общей психологии» дать трактовку этой связи в применении к разным разделам общей психологии. Методологический принцип единства сознания и деятельности не вызывал возражений у участников обсуждения. В центре дискуссии оказался другой тезис — положение о психофизическом единстве. Здесь и произошло столкновение разных точек зрения, во-первых, на взаимоотношение психических и физиологических процессов и, во-вторых, на соотнесение двух связей психики: с материальным субстратом — мозгом и с отражаемым ею внешним миром.

Обсуждение показало, что решение вопроса о взаимоотношении психических и физиологических процессов, предложенное в «Основах общей психологии», оставляет неясным характер этого взаимоотношения. Выяснилось различное понимание не только принципа психофизического единства, но и детерминации психики материальным миром. Необходимость конкретизации положения о психофизическом единстве побуждала обратиться к рефлексорной теории психики. Участники дискуссии видели ближайшую задачу психологии в пересмотре отношения к павловскому учению.

Споры вызвал и вопрос о психологии личности, в частности о психологии советского человека. Признавая актуальность этого вопроса, психологи отмечали отставание на этом участке психологической теории и недостаток конкретных исследований. Мысли, высказанные в «Основах общей психологии», не имели достаточного фактического обоснования и пока еще не были приближены к жизненной практике. Автора книги упрекали в абстрактности. Разногласия между участниками дискуссии возникли по поводу того, как подходить к разработке психологии советского человека, как понимать социальную обусловленность психики, как рассматривать психологические закономерности,

---

² См. Стенограмму обсуждения книги С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», 26, 29 марта, 1 и 4 апреля 1947 г. Архив С. Л. Рубинштейна. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), п. 642.

действующие у людей разных общественных формаций. Согласно одной точке зрения, задача состояла в том, чтобы строить психологическую теорию, разделяя и противопоставляя закономерности психического развития и психической деятельности людей советского общества закономерностям психической деятельности людей капиталистического общества. Отсюда следовал вывод о том, что предметом психологической науки в СССР является психология советского человека с присущими ей особыми закономерностями.

Согласно другому взгляду, разработке подлежала общая проблема социальной обусловленности психики человека, а психология советского человека подчинялась действию общих закономерностей общественно-исторической детерминации психического развития человека. Специфические свойства психологии советского человека, рожденные особенностями нового общественного строя, рассматривались как частное проявление общих закономерностей. И тот и другой подход выдвигал на первый план проблему социальной обусловленности психики человека.

Таково было содержание проблем, нуждавшихся в разработке для развития психологической теории. Это были вопросы о характере тех связей, в которых выступает психическое в своем отношении к явлениям материального мира, о детерминации психики, о взаимоотношении физиологических и психических закономерностей и вместе с тем о соотношении наук, изучающих эти закономерности. И наконец, это был вопрос о социальной обусловленности психики, который выделялся особо, так как составлял ядро центральной проблемы психологической теории — проблемы личности. Обсуждение же принципа, важность которого в методологическом плане признавалась всеми, принципа связи сознания и деятельности, ясно обнаружило различие в его понимании, необходимость его дальнейшей теоретической разработки.

Первоочередным стал вопрос о взаимоотношении психологии с павловским учением о высшей нервной деятельности. Он оказался чрезвычайно острым в связи с дискуссией, которая состоялась в 1950 г. на научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова. Обсуждение теоретических проблем павловского учения с неизбежностью столкнулось философскими проблемами учения о высшей нервной деятельности, с вопросом о взаимоотношении материального и психического, имеющим непосредственное отношение и к психологии.

Сложность и противоречивость создавшейся обстановки заключалась в том, что давая правильную оценку отношения психологии к павловскому учению, правильно утверждая, что психология не использует его достижения, и настаивая на необходимости теснейшей связи психологии с физиологией высшей нервной деятельности, докладчики и многие участники сессии

отрицали возможность объективного изучения психических процессов и считали нужным заменить психологические исследования физиологическими, покушаясь на самостоятельность психологии как науки, обладающей своим предметом и методом³. Складывалось ложное представление о том, что позиции павловского учения требуют ликвидации психологии, а утверждать существование психологии как самостоятельной науки — значит защищать в конечном итоге антипавловскую линию⁴.

В то же время поворот к павловскому учению, которого требовали от психологов физиологи, был подготовлен в психологической науке ее собственным развитием. Проблема связи психологии с учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности являлась во второй половине 40-х гг. самой актуальной проблемой психологической теории, которая вновь подступала к сеченовскому и павловскому учению. Об этом свидетельствовала прежде всего дискуссия по книге С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии».

В выступлении на павловской сессии Б. М. Теплов сказал: «Система нашей психологии еще такова, что она органически не опирается на учение Павлова»⁵. О необходимости поворота психологической теории к павловскому учению говорил и С. Л. Рубинштейн: «Идеи Павлова не реализуются, или во всяком случае до последнего времени ничтожно мало реализовались в практике психологического исследования... Совершенно очевидно, что в интересах нашей советской психологической науки такому положению должен быть положен конец и чем скорее — тем лучше. Здесь требуется не сползание с неправильных позиций, а решительный перелом»⁶.

На сессии был поднят важный вопрос о преимуществах в науке. К. М. Быков дал характеристику учения И. П. Павлова в противопоставлении его всей предшествующей истории физиологии, а призыв использовать достижения павловского учения в психологии сочетал с отрицанием какой-либо научной ценности всей допавловской психологии. Историю психологии, подобно истории физиологии, он разделил на два этапа: допавловский и павловский. «Психология допавловская, — указывал он, — построена на идеалистическом мировоззрении, психология павловская — по существу своему материалистическая»⁷.

---

³ См. «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. 28 июня — 4 июля 1950 г. Стенографический отчет». М., 1950, стр. 17, 22, 42, 45, 49—53, 69—77 и др.

⁴ См. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, стр. 358.

⁵ «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова», стр. 155.

⁶ Там же, стр. 310.

⁷ Там же, стр. 14.

Таким образом, в истории психологии снималась материалистическая линия ее развития. И, как ни странно, была забыта сеченовская материалистическая психология. Такое отношение к истории психологии, и в первую очередь к истории отечественной психологии, вступало в противоречие с действительным ходом развития психологической науки. Те данные, которыми владела к тому времени советская психология, позволяли восстановить богатство материалистической мысли в психологической науке нашей страны. За пределами материализма, таким образом, оказывалась и советская психология. Деление это было неверно и по отношению к психологической науке в целом.

Общий вывод сессии о необходимости использовать достижения павловского учения для прогресса всех наук был для психологии очень важен. Но, присоединяясь к нему, психологи критически отнеслись к ошибочным положениям о взаимоотношении психологии и физиологии высшей нервной деятельности, которые были высказаны в докладах на павловской сессии, в выступлениях ряда ее участников и в последующей полемике в печати. Психологи выступили против попыток заменить их науку физиологией высшей нервной деятельности, они решительно отстаивали ее самостоятельность, обосновывали ее предмет и доказывали объективность психологических методов.

Начало 50-х гг. было отмечено перестройкой психологической науки, введением в нее рефлекторной концепции психики. Вопрос о предмете и методе психологии и о значении для нее физиологического учения И. П. Павлова обсуждался на Совещании по психологии в 1952 г. В докладах А. А. Смирнова «Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И. П. Павлова» и Б. М. Теплова «Об объективном методе в психологии», в спорах участников совещания выяснялись пути дальнейшего развития психологической науки, обсуждалась рефлекторная концепция психики, ее значение для психологической теории и практики экспериментального исследования. Было отвергнуто нигилистическое отношение к историческому пути психологической науки. А. Н. Леонтьев в своем выступлении сказал: «В корне неправильно думать, будто... на прошлом, допавловском, этапе психология ничего не дала... что нужно все начинать делать заново. Нет, не о таком «взрыве» идет речь, а о переориентации исследования, но переориентации решительной, создающей крутой поворот в психологии. Перестройка психологии на основе учения И. П. Павлова отнюдь не ликвидирует преимущества в ее развитии как науки»⁸.

Установление связи психологии с павловским учением о высшей нервной деятельности сыграло большую роль в подъеме

---

⁸ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 165.

экспериментальных психологических исследований. В 50-е гг. начинаются большие циклы новых по своим методам и проблематике экспериментальных работ, опирающихся на рефлексивную концепцию психики. Столь же большую роль сыграла новая оценка сеченовского и павловского учения для разработки теоретических проблем психологической науки.

Развертывание научной работы в психологических научно-исследовательских институтах и на отделениях психологии в вузах укрепило фронт советской психологической науки. Проблемы детской и педагогической психологии разрабатывает руководимый А. А. Смирновым большой, давно сложившийся коллектив Московского института психологии, перешедшего в Академию педагогических наук РСФСР, сектор психологии Института дефектологии, а позднее и Институт дошкольного воспитания, возглавляемый А. В. Запорожцем. Со временем проблематика Института психологии значительно расширилась и вышла за пределы детской и педагогической психологии. Здесь складывается научная школа Б. М. Теплова, организуется работа по инженерной психологии. А во второй половине 60-х гг., после создания Академии педагогических наук СССР, Институт психологии снова включает в свою работу проблемы общей психологии. Он становится Институтом общей и педагогической психологии.

Проблемы детской и педагогической психологии являются ведущими и для руководимого Г. С. Костюком Украинского института психологии при Министерстве народного просвещения, где собирается большой коллектив украинских психологов. Специальному изучению подвергается там проблема мышления и вопросы школьного обучения. Значительное место занимают проблемы истории отечественной психологии. В Институте психологии Академии наук Грузинской ССР, после смерти Д. Н. Уznaдзе (1950 г.) возглавляемом А. С. Прангишвили, и на отделении психологии Тбилисского университета, под руководством Р. Г. Натадзе, продолжается всестороннее развитие учения об установке. Созданный в 1945 г. в Институте философии Академии наук СССР сектор психологии во главе с С. Л. Рубинштейном впервые представил психологическую науку в системе Академии наук СССР. После организации Академии педагогических наук, после того как Московский институт психологии был включен в нее и его деятельность была направлена на проблемы детской и педагогической психологии, так же как и во вновь созданном Украинском институте психологии, а Институт психологии Грузии сосредоточил свои силы на разработке теории установки, на сектор психологии Института философии АН СССР была возложена задача развития общих теоретических проблем психологии. Центральное место в его исследованиях заняли философские, методологические проблемы психологической науки, вопросы психологии познания, эволюции

форм отражения и проблемы сознания. Исследование теоретических проблем связывалось с историческим подходом к ним, с изучением истории отечественной и мировой психологии, с критическим анализом данных современной зарубежной психологии.

Крупными научно-исследовательскими центрами становятся отделения, а затем факультеты психологии Московского и Ленинградского университетов. В последнем организуется широкое экспериментальное исследование чувственного отражения — ощущений, восприятий, представлений, а затем под руководством Б. Г. Ананьева разворачиваются психологические и физиологические исследования, включенные в общую комплексную проблему человека. Несколько позже, во второй половине 50-х гг., здесь начинаются исследования в новой для советской психологии отрасли — инженерной психологии, создается во главе с Б. Ф. Ломовым первая лаборатория индустриальной психологии, открывается лаборатория по социальной психологии, где начинаются конкретные социально-психологические исследования. Ленинградские психологи В. Н. Мясищев, А. Г. Ковалев и другие исследуют проблему личности.

Психологическое отделение Московского университета, созданное и в первые годы его работы руководимое С. Л. Рубинштейном, а затем возглавляемое А. Н. Леонтьевым, также объединило большой коллектив психологов. Научно-исследовательская работа этого коллектива получила размах после организации психологического факультета. А. Н. Леонтьев развивает учение об исторической обусловленности психики человека и учение о функциональных системах, реализующих высшие психические функции, а П. Я. Гальперин и его сотрудники развивают учение о формировании умственных действий. А. Р. Лурия разрабатывает новую отрасль психологической науки — нейропсихологию, возникшую в пограничной области с невропатологией. В значительной мере направление научно-исследовательской работы коллектива психологов Московского университета в последнее десятилетие определяется задачей развития инженерной психологии, а также задачей применения идей кибернетики к проблемам психологии.

Вокруг проблемы личности сосредоточивается научно-исследовательская работа кафедры психологии Педагогического института им. Ленина в Москве, которую до своей смерти в 1957 г. возглавлял К. Н. Корнилов, а затем Н. Ф. Добрынин и А. В. Петровский. Проблема воли разрабатывается в Рязанском педагогическом институте под руководством В. И. Селиванова. Изучение типологических особенностей нервной системы в связи с личностными особенностями стало предметом исследований коллектива пермских психологов во главе с В. С. Мерлиным. По мере укрепления психологии новыми кадрами усиливается работа психологов в союзных республиках — Армении,

Азербайджане, Узбекистане и других, а также в ряде городов РСФСР — Курске, Свердловске и других.

✓ С 1955 г. начал выходить журнал «Вопросы психологии». После более чем двадцатилетнего перерыва психология вновь получила свой печатный орган, в котором она так нуждалась.

Учрежденное в 1957 г. Всесоюзное общество психологов при АПН РСФСР активизировало научную жизнь, способствовало установлению контактов между психологами, укрепило научно-исследовательскую работу психологов во многих республиках и областях. В научную жизнь прочно вошли такие формы коллективной работы, как республиканские, краевые, зональные съезды и конференции психологов. Многие из них посвящаются тем или иным специальным проблемам. Целый ряд конференций, например, был организован Уральским отделением общества психологов. Периодически собираются конференции психологов Закавказских республик. Организуемые обществом Всесоюзные съезды представляют смотры состояния советской психологической науки. В 1959 г. происходил I съезд общества в Москве, в 1963 г. — II съезд в Ленинграде, в 1968 г. — III съезд в Киеве, в 1971 г. — IV съезд в Тбилиси. Советские психологи с середины 50-х гг. активно участвуют в международных психологических конгрессах, а XVIII Международный психологический конгресс созывается в 1966 г. в Москве.

Философским проблемам психологии на новом этапе ее развития были посвящены книги С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» (1957 г.) и «Принципы и пути развития психологии» (1959 г.). В обстановке того времени обе книги выполняли очень важную задачу — они отстаивали самостоятельность психологии и определяли ее место в системе наук. В 1959 г. вышла книга А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики», объединившая его многолетние труды в этой области. В 1963 г. труд А. Н. Леонтьева удостоился Ленинской премии. Сообщения о конкретных психологических исследованиях непрерывным потоком публикуются в специальной периодической печати — «Известия Академии педагогических наук РСФСР», «Вопросы психологии», «Доклады Академии педагогических наук РСФСР» — в отдельных тематических сборниках и монографиях. Итоги полувекowego развития советской психологии были подведены в коллективном труде «Психологическая наука в СССР» (т. I — 1959 г., т. II — 1960 г.).

В 1962 г. состоялось Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Организация совещания была поручена сектору психологии Института философии Академии наук СССР. Подготовка его была начата С. Л. Рубинштейном незадолго до его смерти в 1960 г. и продолжена коллективом сектора под руководством Е. В. Шороховой. Совещание созывалось с тем, чтобы в свете новых данных физиологической и психологической наук обсу-

дить философские проблемы, связывающие эти науки, рассмотреть методологический вопрос о взаимосвязи этих наук, оценить новые представления о физиологических и психологических процессах, соотнести методы психологии, павловской физиологии и методы новых направлений в физиологии, а вместе с тем и рассмотреть методологические позиции этих новых направлений. В характеристике развития физиологии высшей нервной деятельности и психологии, данной в постановлении совещания, была подчеркнута все большая актуальность, которую приобретает философское обобщение огромного фактического материала, имеющегося в распоряжении современной науки.

Организация совместных совещаний смежных наук для обсуждения их общих философских проблем явилась новой и плодотворной формой научной работы. В 1966 г. состоялся симпозиум, посвященный проблеме сознания в разных ее аспектах, разрабатываемых философией, психологией, физиологией высшей нервной деятельности и психиатрией⁹. В 1970 г. был созван симпозиум, посвященный проблемам личности, в котором приняли участие представители психологии, философии, социологии, психиатрии, физиологии, права и других научных дисциплин¹⁰.

В советской психологии происходят большие изменения, вызванные укреплением ее связей с практикой. Эти связи приобретают все более существенное значение в развитии психологической науки. Их возрастающая роль определяет процесс дифференциации психологии, изменение ее проблематики, а также изменение соотношения прикладных отраслей психологии между собой и с общей теорией психологии.

С конца 50-х гг. быстро развивается инженерная психология. Крушение психотехники в свое время вызвало прекращение психологических исследований в промышленности. В то время, когда за рубежом происходило быстрое развитие инженерной психологии, в советской психологии этот круг проблем оставался непочатым и надо было приложить много сил для того, чтобы нагнать упущенное и сделать возможной реальную помощь со стороны психологической науки народному хозяйству.

Инженерная психология, разрабатывая проблему согласования техники с возможностями человека, с его психологическими характеристиками, выявляет психологические факторы повышения производительности труда, содействуя росту социалистического производства. Само содержание труда человека выдвигает психологические проблемы, поскольку психологические

---

⁹ См. «Проблемы сознания. Материалы симпозиума». М., 1966; «Сознание. Материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1—3 июня 1966 г. в Москве». М., 1967.

¹⁰ См. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», т. I, т. II. М., 1969, 1970; «Личность. Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10—12 марта 1970 г. в Москве». М., 1971.

особенности человека, особенности его процессов восприятия и переработки сигналов, внимания и утомления, эмоциональные свойства стали играть особую роль в условиях современного производства. Надежность работы человека становится важным звеном надежности автоматизированных систем в целом. В условиях применения новой техники и в условиях социалистического производства наполняется новым содержанием работа в области психологии труда. Важнейшей ее задачей является определение оптимальных режимов труда, изучение роли психологических факторов в динамике работоспособности. Психология труда в условиях социалистического производства изучает не только организацию и способы повышения производительности труда, профессиональный отбор и обучение, но и развитие личности, взаимоотношение членов трудовых коллективов, вплотную соприкасаясь с проблемами социальной психологии, такими, как роль и значение мотивации в трудовой деятельности. Психология труда совместно с инженерной психологией подходит к решению задачи проектирования деятельности человека.

В общей психологии особое значение приобретает проблема личности, имеющая выход к социальной психологии, быстро развертывающейся в современных условиях отрасли знания, все более прочно устанавливающей связи с разными сферами общественной жизни¹¹. Эти проблемы сближают психологию с социологией. И здесь, подобно психологии труда, происходит восстановление разработки проблематики, которая привлекала внимание еще в 20-е гг., но была оставлена после мало удачных попыток ее теоретического осмысления. Новые требования жизни, изменившееся состояние психологической теории, освоенные методологические принципы обусловили возможность вновь поставить проблемы социальной психологии, начать конкретные исследования и подойти со своей меркой к тому, чем располагает в этой области мировая психология. Речь идет об изучении тех явлений, которые возникают в процессе общения людей в коллективе, о человеке в коллективе и о человеческих взаимоотношениях, об изучении психологических механизмов эффективности идейно-воспитательной работы в различных социальных группах, об исследовании психологического аспекта использования средств массовой информации и пропаганды — кино, радио и телевидения.

Вместе с приобретающими все большее значение исследованиями психологии личности вся совокупность перечисленных

---

¹¹ В последние годы опубликованы работы по социальной психологии, в которых дано методологическое исследование предмета социальной психологии, теоретическая разработка и изложение ее основ. См. *Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука*. Л., 1965; *Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история*. М., 1966; *Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии*. Л., 1967.

проблем на первый план выдвигает в наши дни вопросы социальной обусловленности психики, общественной ее природы, соотношения индивидуального и общественного сознания. На какое-то время разработка проблемы общественно-исторической природы психики оказалась отодвинутой на второй план обсуждением вопросов взаимоотношения психологических и физиологических процессов и соотношения психологической науки и физиологии высшей нервной деятельности. Тем более важным было восстановление роли и значения этой проблемы. Это подчеркивал А. Н. Леонтьев, когда писал, что система социальных отношений составляет важнейший предмет для психологического исследования человека¹². И наряду с этим успехи современной генетики требуют от психологов возвращения к вопросу о генезисе личности в связи с наследственностью, к новому рассмотрению того, как в настоящее время представляется соотношение социального и природного.

Одна из главных задач коммунистического строительства — формирование нового человека — объединяет исследователей, работающих в разных областях психологической науки, и требует решения целого комплекса вопросов на основе разработки методологических и теоретических проблем общей психологии, опирающихся на коренное философское положение о социальной детерминации психики.

В конце 50-х — начале 60-х годов советская психология вместе с рядом других наук была вовлечена в орбиту кибернетических идей. В психологию проникали, а затем быстро развивались идеи и методы кибернетики, которые несли новый способ подхода к явлениям действительности, открывали возможность рассмотрения их в новых связях, а следовательно, открывали и новую область исследований. Кибернетические идеи входят в основные проблемы психологической теории, не говоря о прикладных отраслях психологии и в первую очередь о такой специальной отрасли, как инженерная психология.

Традиционные проблемы общей психологии в свете новых идей представляли в новом качестве. Так, по-новому раскрывались общие вопросы изучения деятельности, мышления, восприятия. Возникают и новые проблемы, рожденные стыком двух наук. Новые задачи были поставлены моделированием некоторых психических функций. Воспроизведение на машине тех или иных психических функций имело двоякое значение. Во-первых, психические функции, например память, мышление, подверглись специальному описанию для того, чтобы использовать принципы психической деятельности человека в усовершенствовании программ для вычислительных машин, и, во-вторых, воспроизведение некоторых мыслительных операций человека машинами

---

¹² А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе в изучении психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 15—16.

было использовано для собственно психологического изучения их.

Современная техника добавила к методам научного исследования средства действенного воспроизведения процессов, которые подлежат изучению. Однако использование моделирования рождало принципиальный вопрос о пределах и возможностях воспроизведения психических функций человека и пригодности современных математических методов для описания этих функций.

Возможности нового подхода к старым проблемам, новые для психологии вопросы увлекли психологов настолько, что они готовы были пойти на замену установившихся понятий психологии новыми, заимствованными у новой науки. Делались попытки перевода ряда понятий психологии в систему кибернетических понятий. В свою очередь представители кибернетики, воодушевленные успехами новой науки, готовы были отторгнуть истонные владения психологии.

Рассматриваемый период развития советской психологии в его первом десятилетии был отмечен остро поставленным вопросом о взаимоотношении психологии с физиологией высшей нервной деятельности, а во втором — столь же острым вопросом о взаимоотношении психологической науки с кибернетикой. В первые годы увлечения кибернетикой под ударом оказались также собственно психологические закономерности и методы их изучения. Постепенно во взаимоотношении психологии с кибернетикой происходит значительное изменение. Вопрос уже ставится так: «Не является ли попытка анализировать поведение исключительно в системе понятий, описывающих работу счетно-решающих устройств, столь же ограниченной, как и предшествующая попытка объяснить поведение по аналогии с работой автоматов, которые имел возможность наблюдать Декарт, создатель «классической» рефлекторной концепции?»¹³. Экспериментальные факты и теоретический анализ позволяют утверждать общее положение о невозможности замены понятия «отражения» понятием «моделирования»¹⁴.

Такова одна сторона взаимоотношения психологии с кибернетикой. Но столь же отчетливо просматривается и другая — несомненное воздействие кибернетики на развитие психологии в последнее десятилетие. Еще большее внимание стало уделяться исследованию своеобразия человеческой психики, в частности своеобразию человеческого мышления. В психологических экспериментах заняло свое и при том важное место исследование обратных связей, что сказалось на трактовке ряда проблем.

¹³ О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека (Опыт теоретического и экспериментального исследования). М., 1969, стр. 25—26.

¹⁴ См. А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. — «Вопросы философии», 1966, № 12.

В 50—60-е гг. рост и укрепление новых и старых отраслей психологической науки изменило соотношение между ними. Если раньше экспериментальные конкретные исследования проводились преимущественно в педагогической психологии, то теперь они стали широко применяться в инженерной, социальной психологии и других прикладных отраслях. Изменилось также соотношение между отраслями психологии и общей психологической теорией в целом. Здесь можно отметить три обстоятельства.

Во-первых, возрастающую самостоятельность отдельных отраслей, таких, например, как инженерная психология, социальная психология, при которой взаимодействие с общей психологической теорией осуществляется по линии методологических проблем, связанных с решением принципиальных вопросов марксистской психологической теории. Вместе с тем расширяется взаимосвязь между разными отраслями при решении актуальных проблем народного хозяйства.

Во-вторых, пополнение психологической науки экспериментальными данными и результатами конкретных исследований происходит в первую очередь через широкую сеть отраслевой психологии, через области, пограничные со смежными науками или с кибернетикой, которая благодаря своему особому предмету изучения находит связи со всей системой наук. В пределах каждой зоны происходит известная специализация, накладывающая отпечаток на добываемые ею знания и на характер его использования, определяемый предметом исследований каждой отрасли. Несомненно, что весь этот поток фактов несет знания для всей психологической науки. Однако и это характерно для современного положения общей психологической теории, освоение и обобщение фактов, их переработка и подведение к общему знаменателю совершается и медленно и затруднительно, так как все эти знания не только лежат на разных уровнях, но и выражены в пределах такой специализации и терминологической специфики наук, взаимодействующих с психологией, которая требует их перевода в общую систему психологических понятий.

В-третьих, возросшая самостоятельность прикладных отраслей психологии и большое расширение их поля деятельности оборачивается их большей связью с проблемами общей психологии, так как расширяется проблематика прикладных отраслей и увеличивается значимость для них тех проблем общей психологии, которые ранее имели, казалось бы, узкие границы своего применения на практике. Например, исследование восприятия приобретает значение не только для задач сенсорного воспитания и компенсации различного рода дефектов анализаторов, но и для конструирования оптимальных информационных устройств, для автоматизированных систем, для создания воспринимающих и опознающих автоматов. Такое положение

складывается и в отношении других традиционных разделов общей психологии.

Построение системы является важнейшей задачей советской психологии, поскольку слияние теоретических концепций и накопленного фактического материала осуществляется в системе науки. Выдвигая эту задачу, Б. М. Теплов говорил: «Подлинная система науки органически вырастает из хода развития науки и является теоретическим осмысливанием всей совокупности достигнутых знаний в данной области», а пока «мы не имеем еще сколько-нибудь удовлетворяющей нас системы психологии»¹⁵.

В докладе о состоянии и перспективах развития психологии в СССР на IV съезде психологов в 1971 г. Б. Ф. Ломов отметил как характернейшую черту современной психологической науки экстенсивность ее развития. Все возрастающий поток исследований, главным образом в области частных вопросов, накапливает обширные экспериментальные данные. Систематизация современного психологического знания, разработка категориального аппарата науки, ее методов является необходимым условием составления перспективной программы развития психологии, так же как и создание частных теорий, обобщающих современные научные данные и обслуживающих сферы ее практического применения: теории трудовой деятельности, в которой нуждаются в равной мере и инженерная психология и психология труда, теории психического развития ребенка, столь нужной педагогической психологии, теории социальной психологии.

Важнейшим условием решения практических задач, стоящих перед психологией, и разработки частных теорий, подчеркнул в своем докладе Б. Ф. Ломов, является дальнейшее развитие общей теории психологии. Темпы развития психологической науки, которые повышаются год от году, требуют непрерывного углубления и разработки ее основных теоретических проблем. Психология в структуре современного научного знания начинает играть все большую роль как связующее звено между общественными, естественными и техническими науками. Общий прогресс научного знания открывает психологической науке новые возможности в разработке ее фундаментальных теоретических проблем¹⁶.

---

¹⁵ Б. М. Теплов. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии.— В сб. «Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов». Ереван, 1960, стр. 6; См. также: А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, гл. VIII, § 6.

¹⁶ Б. Ф. Ломов. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС.— «Вопросы психологии», 1971, № 5.

Глава V

ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МОЗГ

КРИТИКА ПРИНЦИПА ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И НОВЫЙ ПОДСТУП К РЕФЛЕКТОРНОЙ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОГО

Общая формулировка связи психики с деятельностью, обозначенная как единство сознания и деятельности, послужила, как мы видели, фундаментом для разработки конкретных вопросов психологической теории. Вместе с тем такое понимание связи было перенесено на так называемую психофизическую проблему. «Принцип психофизического единства, включающий единство психического как с органическим субстратом, функцией которого является психика, так и с объектом, который в ней отражается»¹, стал выражением объединения двух характеристик психического — его отношения к мозгу и его отражательной функции. Развивая этот принцип в «Основах общей психологии», С. Л. Рубинштейн пояснял, что «оба выделенные анализом соотношения, детерминирующие психику, включаются в единый контекст, которым они в целом и определяются»², что это — две неразрывные стороны единого по существу отношения психики к ее материальному субстрату. Первая зависимость составляла, по сути дела, содержание так называемой психофизиологической проблемы, а вторая заключала проблему отражения психикой внешнего мира. В том объединении указанных зависимостей, которое подразумевалось в формулировке принципа психофизического единства, не было, однако, совершено их соотнесение, хотя автор и указывал, что «для разрешения психофизической проблемы особенно существенно правильно их соотнести»³.

Такое понимание психофизического единства коренным образом отличалось от концепций зарубежной психологии, решающих вопрос об отношении психической деятельности к мозгу

---

¹ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 84.

² Там же, стр. 20.

³ Там же.

как отношения параллельности психических и физиологических процессов или их взаимодействия и не включавших в это отношение отражательную функцию психического. Новая формулировка отношения психики и мозга была достаточной для того, чтобы определить позиции материалистического монизма в отношении вульгарно-материалистического сведения психического к физиологическому. Конкретная же форма этого единства не была определена, был обозначен лишь путь разработки проблемы, а не ее решение в пределах тех данных, которыми располагала как психология, так и физиология. Теоретическое содержание этого принципа и его методологическое значение оставались неразработанными.

При обсуждении в 1947 г. второго издания «Основ общей психологии» С. Л. Рубинштейна принцип психофизического единства принял на себя главные удары критики⁴. Возникли разногласия в том, как понимать зависимость психики, во-первых, от мозга и, во-вторых, от объекта, который в ней отражается, и как надо соотнести эти две зависимости. Утверждение зависимости психики от мозга, органического субстрата, и от отражаемого объекта было обозначено как двойная детерминированность психики, внутренним и внешним, что и вызывало возражения. Об этом говорили в своих выступлениях А. Н. Леонтьев и Е. Чернаков. К тому же формулировка «психофизическое единство» оставляла открытым вопрос о том, что первично: психическое или физическое, не давала ответа на вопрос, где искать причины явлений: то ли в нервных процессах, то ли во внешнем объективном мире.

Критики принципа психофизического единства, не находя в нем решения вопроса о соотношении зависимости психики от мозга с зависимостью ее от внешнего мира, предлагали отбросить одну из них во имя единства детерминации. Одни, как, например, И. Г. Ерошкин, признавая зависимость психики от мозга, отказывались вводить вторую зависимость — зависимость от объекта. Другие, наоборот, признавали только зависимость психики от отражаемого ею объективного мира, полагая, что сознание определяется тем, отражением чего оно является, т. е. общественным бытием человека. Эту точку зрения отстаивал Е. Чернаков.

Сторонники единой внешней детерминации психики с внешними условиями связывали содержание психических процессов, а всякую попытку говорить о внутренних условиях детерминации психики рассматривали как уступку вульгарному материализму. Соответственно со взглядом, отбрасывающим внутренние условия возникновения психического, критиковались и

---

⁴ См. Стенограмму обсуждения книги С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», 26, 29 марта, 1 и 4 апреля 1947 г. Архив С. Л. Рубинштейна. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), п. 642.

мысли о роли субъекта в психическом отражении, высказанные в «Основах общей психологии». В частности, отвергалось значение интероцептивной и проприоцептивной чувствительности в возникновении психических явлений на том основании, что они дают показания о состоянии субъекта, а также и потому, что они большей частью составляют сферу подсознательного, существование же неосознаваемых психических явлений с этих позиций полностью отвергалось. Несмотря на противоположность двух указанных взглядов, они имели общую основу — признание обусловленности психики какой-либо одной зависимостью, и в этом их защитники видели единство детерминации. С этими взглядами сталкивались соображения Б. М. Теплова, М. А. Леонова, М. А. Каммари, В. М. Каганова о необходимости рассматривать детерминацию психики во всей ее сложности и противоречивости, и учитывать обусловленность отражения природой отражаемого и отражающего. Высказывалось недоумение, почему можно сомневаться в том, что истинны одновременно два положения: психика — функция мозга и психика есть отражение материального мира.

В дискуссии отмечалось качественное отличие отношения психики к мозгу от ее отношения к внешнему миру: первое является отношением функции и органа, а второе включает отражательную характеристику психики. Такая постановка вопроса побуждала обратиться к рефлекторной теории, которая связывала эти зависимости в рефлекторной деятельности мозга. Участники дискуссии видели задачу психологии в пересмотре отношения к павловскому учению. Они подчеркивали, что психофизиологическая проблема должна творчески разрабатываться не только психологами, но и физиологами. Область, пограничную между физиологией высшей нервной деятельности и психологией, надо сделать предметом специальных экспериментальных исследований, указывал Б. Г. Ананьев, надо изучить условия превращения нервного процесса в нервно-психический.

Выступление С. Л. Рубинштейна на обсуждении его книги свидетельствовало о том, что для него принцип психофизического единства уже не исчерпывал решения психофизической проблемы. Вступая в спор со своими критиками, он высказывал мысль, что необходимо соотнести обе зависимости и выделить ведущую детерминанту психики, детерминацию ее внешним миром, опосредованную зависимостью психики от внутренних условий.

Развивая эту мысль, С. Л. Рубинштейн впоследствии соотнес внешнее и внутреннее, внешние воздействия и внутреннюю природу того явления, на которое они влияют, и пришел к утверждению, что действие двух зависимостей входит в единую детерминацию и никак не может быть признано двойной детерминацией в том случае, если учитывать, что внешние причины действуют через внутренние условия, если учитывать диа-

лектику внешнего и внутреннего⁵. Пока же, отвечая на упрек в том, что в «Основах общей психологии» допускается действие двух зависимостей, определяющих психическую деятельность, С. Л. Рубинштейн указывал, что вторая зависимость включается в исходную детерминацию производным компонентом, но в качестве такого звена, которое никак нельзя опустить. И эта мысль заставляет вновь обратиться к рефлекторной теории психической деятельности, к творческой реализации сеченовских идей и павловского наследия. В свое время, говорил он, многие психологи, отражая претензии физиологии быть полновластной хозяйкой в той области, которую занимала психология, заняли позицию самообороны, вместо того, чтобы использовать учение о высшей нервной деятельности. Такое положение получило отражение и в «Основах общей психологии». Теперь их автор был согласен с теми критиками принципа психофизического единства, которые видели задачу психологии в изменении позиций в отношении к павловскому учению и в определении новых задач совместного исследования психофизиологических проблем.

Новое отношение к рефлекторной теории было выражено С. Л. Рубинштейном в его выступлении на конференции физиологов, состоявшейся в 1945 г. и посвященной учению о рефлексах. Сопоставив сеченовское понятие рефлекса с декартовским, С. Л. Рубинштейн выделил значение и роль для психологии содержания понятия рефлексов головного мозга. «И. М. Сеченов,— говорил он,—... вводя понятие рефлекса головного мозга, ... открывает для него новую важнейшую сферу приложения. При этом, однако, своеобразный исторический парадокс заключается в том, что это понятие рефлекса, извлеченное из картезианского научного арсенала, Сеченов в своих психологических работах использует для того, чтобы преодолеть самые основы картезианского философского мирозерцания или, точнее, идеалистической составной части его»⁶.

После того как в советскую психологию прочно вошло положение о связи сознания с деятельностью, сеченовская концепция обращает на себя внимание прежде всего именно своей трактовкой психического как процесса или «деятельностей», которые завершаются поступками человека. С. Л. Рубинштейн подчеркнул то обстоятельство, что Сеченов «трактует психическое как интегральную часть целостного психофизического акта, от начала и до конца включенного в контекст материальной действительности и реального воздействия окружающей действительности на человека и человека на нее... Иными слова-

⁵ См. С. Л. Рубинштейн. Вопросы психологической теории.— «Вопросы психологии», 1955, № 1.

⁶ С. Л. Рубинштейн. Физиология и психология в научной деятельности И. М. Сеченова.— «Физиологический журнал им. Сеченова», 1946, вып. I, стр. 149.

ми, в трактовке психологии у Сеченова мы находим прямую антиципацию одного из центральных положений современной советской психологии»⁷. Сеченовское понятие рефлекса он противопоставил декартовскому понятию рефлекторной дуги. «Основная задача советской психологии — позитивное преодоление на основе материалистической диалектики, картезианского дуализма, идеалистической составной части картезианского наследия. И в этом основном, философском, методологически решающем вопросе Сеченов не с Descartes, а с советской психологией. Грубо говоря, советская психология занимается разрешением основной задачи, поставленной перед нашей наукой Сеченовым в его борьбе против «обособителей психического»⁸.

К числу первоочередных задач психологической теории С. Л. Рубинштейн отнес правильное решение вопроса о взаимоотношении психологии и физиологии и воплощение его в самом построении исследований психологов. Анализируя взаимоотношение между психологией и физиологией, С. Л. Рубинштейн отметил, что Сеченов задачи самих физиологических своих исследований определял, исходя из двусторонней зависимости: физиология, в частности физиология головного мозга, вскрывает механизмы психических явлений и таким образом анализирует и обосновывает их, но при этом сначала психология определяет задачи этого физиологического анализа. «Таково же, — я склонен утверждать, и истинное их отношение в системе научного знания», — говорил С. Л. Рубинштейн⁹. Он ставит задачу сомкнуть психологию и физиологию с тем, чтобы реализовать подлинно единое психофизиологическое исследование, которое не сводилось бы к простому суммированию обособленно взятых данных физиологии, с одной стороны, и психологии — с другой. «Это по существу та же самая проблема, которую так остро ставил И. П. Павлов, когда он говорил о необходимости «наложить» данные психологии на физиологические данные и видел в этом одну из самых сложных и важных задач науки. Речь для нас идет при этом, конечно, не о том, чтобы, наложив, механически свести психическое к физиологическому, а о том, чтобы надлежащим образом соотнести их внутри пусть многопланного, но все же единого контекста»¹⁰.

По-новому о павловском учении и психологии говорил С. Л. Рубинштейн в своей речи в 1946 г. на научной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти И. П. Павлова. Он сказал: «Правильное понимание истинного взаимоотношения учения И. П. Павлова и психологии приобретает сейчас существенное значение как для судеб подлинной научной психологии, так и для осуществления конечного замысла И. П. Пав-

⁷ Там же, стр. 150.

⁸ Там же, стр. 151.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 154.

лова. С этим вопросом связана реализация материалистического монизма и конкретная программа действия как психологии... так и физиологии высшей нервной деятельности, по крайней мере поскольку она переносит свои исследования на человека»¹¹.

С. Л. Рубинштейн в трудах И. П. Павлова выделил две, казалось бы противоречивые, тенденции: с одной стороны, стремление отрешиться от «неопределенных представлений психологии» и перенести все исследование в область физиологии и, с другой — признание первостепенной реальности и значимости для человека его переживаний, его сознания. Первая тенденция, отмечал С. Л. Рубинштейн в своей речи, дает повод некоторым представителям физиологии высшей нервной деятельности считать, что И. П. Павлов стремился упразднить психологию, заменить ее чистой физиологией и свести психические явления к физиологическим процессам (такое толкование павловских идей, как показали дальнейшие события, ярко проявилось на павловской сессии 1950 г. и в последующие за ней годы). Но этот взгляд ошибочен, доказывал С. Л. Рубинштейн так же, как и представление о двух противоречивых тенденциях в отношении к психологии в научном творчестве И. П. Павлова. Это кажущееся противоречие снимается, если отделить вопрос о цели павловских исследований — уяснить механизм и жизненный смысл сознания человека — от вопроса о путях исследований.

В понимании путей исследования у Павлова можно проследить на разных этапах развития его учения ряд изменений, которые сказались и в его подходе к психологии. Но учение о высшей нервной деятельности по своему замыслу никак не является физиологией, обособленной от психологии, — к такому заключению приходит С. Л. Рубинштейн. И. П. Павлов, указывает он, в последние годы своей жизни формулирует свой наиболее острый и вместе с тем самый принципиальный тезис, согласно которому основная задача заключается в том, чтобы «наложить» психические явления на физиологические нервные отношения и «слить» те и другие. Именно эта формула в неверной ее трактовке вызывает попытки свести психическое к физиологическому. Весь вопрос в том, как это слияние понять. В решении этого вопроса и видел С. Л. Рубинштейн ближайшую задачу и психологии и физиологии высшей нервной деятельности: «Задача сегодня меньше всего заключается в том, чтобы только размежевывать психологию и физиологию, чем часто как будто особенно озабочены ревнивые к сохранению и расширению сферы своего господства и влияния как физиологи, так и психологи. Первоочередная задача сейчас заключается в том, чтобы сомкнуть их, проследить и использовать линию

---

¹¹ «Труды объединенной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти И. П. Павлова». М., 1948, стр. 275.

их стыка и выявить переходы, ведущие от одной к другой»¹². И в психологии и в физиологии высшей нервной деятельности складывалась такая ситуация, когда обе науки оказывались заинтересованными в пересечении их плоскостей. Потребность психологии в физиологическом обосновании того, что она обозначила как смысловые связи, и необходимость учета физиологией высшей нервной деятельности своеобразия этих связей для разработки учения о второй сигнальной системе были равновелики. Все большее внимание советской психологии к методологическим проблемам приводит ее к отказу от прежней оценки павловской физиологии и определяет стремление использовать учение И. П. Павлова. Психология вновь подступала к учению о рефлексах, как к учению о природе психического в его связи с деятельностью мозга.

В этом повороте психологической теории к трудам И. М. Сеченова и И. П. Павлова надо отвести должное место тем историко-теоретическим исследованиям, которые были проведены в 40-х гг. Усилившийся в конце 30 — начале 40-х гг. интерес к истории отечественной материалистической философии выразился в исследовании не только трудов русских революционных демократов — А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и других, но и блестящей плеяды русских естествоиспытателей, воспринявших их философские взгляды и деятельно вносивших эти взгляды в естествознание. К таким ученым относился и И. М. Сеченов. Обстоятельное исследование философских взглядов И. М. Сеченова и сопоставление их с учением Н. Г. Чернышевского, стало ключом для нового открытия его психологического учения во всей его близости к марксистской психологии. Философский анализ рефлкторной концепции в историческом плане помог психологии, во-первых, выделить ее психологический аспект и оценить значение сеченовского психологического учения, во-вторых, выделить философское ядро и сеченовского и павловского учения, в-третьих, оценить роль павловского учения для психологии как физиологической теории, требующей материалистического монизма, направленной против психофизического параллелизма и против механистических, вульгарно-материалистических построений¹³.

Таково было положение в советской психологии, подгото-

¹² Там же, стр. 280.

¹³ Б. Г. Ананьев. Русская научная психология и ее роль в мировой психологической науке. — «Советская педагогика», 1945, № 3; он же. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947; С. Е. Дранкина. Н. Г. Чернышевский и И. М. Сеченов. — «Физиологический журнал им. И. М. Сеченова», 1940, вып. 2—3; В. М. Каганов. Мироззрение И. М. Сеченова. М., 1948; Б. М. Теплов. Психологические взгляды В. Г. Белинского. — «Советская педагогика», 1948, № 5; он же. Философские и психологические взгляды И. М. Сеченова. — «Большевик», 1948, № 7; он же. Психологические взгляды А. И. Герцена. — «Философские записки», 1950, т. V.

вившее поворот к сеченовскому и павловскому учению, которым отмечены в психологической науке 50-е гг. Но совершился этот поворот в условиях, когда вопрос о перестройке психологии на основе павловского учения был поднят на объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвященной физиологическому учению И. П. Павлова в 1950 г.

ДИСКУССИИ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХИЧЕСКОГО

Мы видели, какой трудный путь прошла советская психология со времени ее первых шагов в построении марксистской психологической теории. Павловская физиология высшей нервной деятельности не испытала таких трудностей, как психология. В условиях нового общественного строя ей не пришлось изменять свой путь, подобно психологии, которая должна была прежде всего сломать старые устои и искать новые пути. Более того, И. П. Павлов получил всемерную поддержку в развитии своих идей. Трудности в павловской физиологии возникли как следствие ее развития. Переход от изучения поведения животных к исследованию высшей нервной деятельности человека остро поставил методологические вопросы. Введение И. П. Павловым в учение о высшей нервной деятельности понятия второй сигнальной системы имело программное значение. Тем самым ставилась задача физиологического объяснения сознания человека как продукта общественной жизни в его специфических особенностях. Работа в этом направлении И. П. Павловым была лишь начата. После его смерти на этом решающем участке развития павловского учения наблюдалось отставание. Одной из главных проблем, обсуждавшейся на сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова, была проблема изучения высшей нервной деятельности человека, а в связи с этим встал и вопрос о взаимоотношении физиологии и психологии.

А. Г. Иванов-Смоленский в своем докладе на сессии в специальном разделе рассмотрел взаимоотношение субъективного и объективного, психического и физиологического. Это взаимоотношение он характеризовал как «единство субъективного и объективного». Обосновывая этот тезис, докладчик сперва привел высказывания В. И. Ленина об отношении психического как субъективного образа к объективному миру, а затем рассмотрел единство субъективного и объективного как «слитие» психологического с физиологическим, как «наложение явлений психической деятельности на физиологические факты»¹⁴. Иванов-Смо-

¹⁴ А. Г. Иванов-Смоленский. Пути развития идей И. П. Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности.— В кн. «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова». М., 1950, стр. 70.

левский утверждал, что именно так надо понимать павловский тезис о «слитии» психологического и физиологического. При этом он толковал субъективное как переживание человеком физиологических процессов, протекающих в мозгу, а объективное как сами физиологические процессы. Проблема субъективного и объективного представляла как отношение психических и физиологических процессов. Таким образом, раскрывая тезис единства субъективного и объективного, докладчик переносил гносеологическое отношение человека как субъекта деятельности к объективной действительности на отношение психического и физиологического. Он неверно трактовал отношение психического к нервным процессам как отношение субъективного к объективному и давал характеристику субъективного как переживания субъектом внутренней работы мозга. При этой трактовке под объективным понимались физиологические процессы, а психическое понималось как их переживание. В результате такого толкования павловского тезиса о слиянии психического с физиологическим утрачивалось то, что психические явления регулируют действия человека именно путем отражения внешнего мира. Тем самым отрицалась и регулирующая функция психики по отношению к действиям, отрицалась роль психического опосредования в жизни и деятельности человека. Воскресали идеи, которые высказывались А. Г. Ивановым-Смоленским и рядом других физиологов в дискуссиях 20-х гг. и еще тогда подверглись критике.

Несмотря на то, что сессия ставила своей задачей развитие павловских идей, критику попыток ревизии взглядов И. П. Павлова и их вульгаризации, опровержение мнения о «механистичности» павловского учения¹⁵, в центральной теоретической и методологической проблеме совершалось отступление от павловской трактовки материалистического монизма к такому пониманию взаимоотношения психического и физиологического, которое было присуще рефлексологии и поведенчеству. Понимание места и роли психического во взаимосвязях материального мира в ведущем докладе А. Г. Иванова-Смоленского несло на себе печать механистических взглядов 20-х гг. Некоторые участники сессии поддерживали положение о том, что субъективный мир человека — форма проявления физиологических процессов. М. М. Кольцова, выступая по ряду других вопросов против Иванова-Смоленского, в этом была согласна с ним. Такая же трак-

---

¹⁵ На сессии Н. И. Гращенков подверг разбору свою методологическую оценку рефлексологического направления в 30-х гг., когда он «неправильно оценивал общее методологическое направление в работе академика И. П. Павлова как механистическое и с этих позиций подвергал критике отдельные положения, высказывавшиеся академиком И. П. Павловым», строил свои предположения «о якобы ведущем механистическом направлении в мировоззрении академика И. П. Павлова» («Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова». М., 1950, стр. 131—132).

товка павловскому тезису о «слитии» давалась и Ф. П. Майоровым¹⁶.

Методологическая ошибка запутывала не только вопрос об отношении психических и физиологических процессов, но и весь комплекс с ним связанных вопросов: о методах психологического и физиологического исследования, о предмете физиологии высшей нервной деятельности и психологии, о взаимоотношении физиологии и психологии и другие. Критикуя субъективный метод исследования психических явлений, А. Г. Иванов-Смоленский и ряд других физиологов совершали ошибку, утверждая, что его надо заменить объективным исследованием физиологических процессов, поскольку объективное исследование психических явлений невозможно. Более того, применение каких-либо психологических понятий рассматривалось ими как переход со «строго объективного физиологического изучения фактов на путь субъективно-психологической их интерпретации»¹⁷, столь же порочным объявлялось и обращение к данным психологических исследований. Более того, предполагалось, что современный уровень физиологических знаний позволяет заменить психологические исследования физиологическими.

Из представления о невозможности объективного изучения психического следовал далеко идущий вывод о замене психологии физиологией высшей нервной деятельности. Взгляд этот, высказанный Ивановым-Смоленским¹⁸, разделяли и некоторые физиологи. М. М. Кольцова говорила о том, что область исследования психологии «совпадает с областью физиологии высшей нервной деятельности человека»¹⁹, что можно свести закономерности психических процессов к физиологическим закономерностям, а признание специфичности психических явлений расценивала как дуалистическое понимание природы человека. Эта ошибочная тенденция, вылившаяся в отрицательное отношение к психологии, наносила вред не только психологической науке, но и самой физиологии высшей нервной деятельности человека. Человека, обладающего сознанием, нельзя успешно изучать, обособляя физиологическое исследование от психологического.

Развитие концепции И. П. Павлова относительно двух сигнальных систем отражения действительности было по существу

---

¹⁶ М. М. Кольцова утверждала: «Мы вместе с И. П. Павловым рассматриваем субъективный мир человека как форму проявления материальных процессов, протекающих в головном мозгу, подчиняющихся тем же закономерностям. Для нас психика — это субъективные проявления высших форм нервной деятельности...» («Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова». М., 1950, стр. 343). «О «слиянии объективного и субъективного», т. е. физиологического и психического», — говорил и Ф. П. Майоров (там же, стр. 351).

¹⁷ «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова», стр. 65; см. стр. 52, 66, 342, 343 и др.

¹⁸ Там же, стр. 52.

¹⁹ Там же, стр. 342.

одним из важнейших вопросов, поставленных на сессии. Но обсуждение его показало, что теоретической и практической важности задач, встававших в связи с понятием второй сигнальной системы, никак не соответствовало их экспериментальное изучение и обоснование в годы после смерти создателя учения о высшей нервной деятельности.

Изучение взаимодействия двух сигнальных систем отражения действительности не могло быть правильно поставлено при забвении того, что психика является отражением внешнего мира, при неверной постановке вопроса об отношении физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Без союза с марксистской психологией не могло быть плодотворного теоретического и экспериментального исследования этой проблемы. Выяснение соотношения психических и физиологических исследований было существенно для дальнейшего развития как психологической, так и физиологической теории и установления такой взаимосвязи между ними, которая обеспечивала бы в научных исследованиях воплощение материалистического монизма и в то же время исключала отождествление качественно разных явлений. Было необходимо разобраться в соотношении содержания этих двух наук, в многообразии переходов между сферами их действия и в тех возможностях, которые открывались исследованием пограничных областей их действия. Для психологии в обстановке того времени вставала задача отстоять свой предмет и методы для того, чтобы отстоять свою самостоятельность в системе других наук.

В дискуссии о природе психического, которая после павловской сессии развернулась в печати, философами, психологами, физиологами, психиатрами высказывались разные взгляды²⁰. Их можно сгруппировать следующим образом: 1. Отождествление психического с физиологическим. 2. Признание психического особой формой движения материи. 3. Сопоставление психического и физиологического как двух сторон единого процесса. 4. Признание рефлекторной деятельности только физиологическим процессом, над которым надстраивается особая психическая деятельность. 5. Утверждение рефлекторного характера психики и вместе с тем ее качественного своеобразия. Однако понимание рефлекторного характера психического обнаруживает столь большие различия, что фактически за этим утверждением скрываются разные концепции.

Сторонники материальности психического отрицали качественное своеобразие психических процессов и отождествляли их с физиологическими процессами²¹. При таком отождествле-

---

²⁰ Философский анализ дискуссии см. *Е. В. Шорохова*. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961, стр. 143—160.

²¹ Наиболее прямолинейно это высказал В. М. Архипов в своей статье «О материальности психики и предмете психологии». «Положение о нематериальности психики,— писал он,— противоречит самой сущности материализ-

нии физиология заявляла свои права на то, чтобы ее система понятий заменила отжившие и якобы утратившие свое значение психологические категории²². Защита положения о материальности психики шла и другим путем: психические процессы не отождествляются с физиологическими, а противопоставляются им как особая психическая форма движения материи. Высказывалось мнение, что у высших животных и у человека, кроме форм отражения, общих с мертвой природой — механических, физических, химических — имеются три высшие формы отражения: физиологическая, психическая и познавательная или гносеологическая. Каждая из этих форм представляет особую форму движения материи, развивается по своим законам и изучается особой наукой. Следовательно, психическое расчленяется, то есть, помимо психической формы движения материи, существует еще особая познавательная или гносеологическая форма движения материи. Несмотря на кажущееся противопоставление последнего взгляда сведению психического к физиологическому, здесь также происходит их объединение. И в данном случае утверждается материальный характер психических и познавательных процессов с той лишь разницей, что нервная деятельность разделяется на три отдельных рода движения материи. При этом вводится такое разграничение: сигнальное отражение — психическое, а образное отражение — познавательное²³. Взгляд на психику как форму движения материи обосновывался тем, что иначе нельзя объяснить собственной активности сознания, его относительной самостоятельности и его регулирующей роли в поведении, практических действиях людей. Аргументация сторонников этого взгляда была такова: если психическое не движение материи, то оно неизбежно бессильный эпифеномен, который не может ни обладать относительной самостоятельностью, ни активностью, ни регуляторной ролью в отношении поведения людей²⁴.

ма» («Советская педагогика», 1954, № 7, стр. 68). См. также: А. М. Авраменко. О рефлексном понимании психической деятельности.— «Советская педагогика», 1954, № 2; Н. М. Вяземский. По поводу некоторых актуальных вопросов психиатрии.— «Журнал невропатологии и психиатрии», 1952, № 2.

²² «Физиология высшей нервной деятельности значительно точнее приближает нас к пониманию природы сознания как высшей формы отражательной деятельности мозга...» (Л. Я. Балонов, Д. А. Кауфман, А. Е. Личко и Н. Н. Трауготт. По поводу статьи проф. И. Ф. Случевского «О некоторых актуальных вопросах психиатрии».— «Журнал невропатологии и психиатрии», 1952, № 12, стр. 42).

²³ См. Ф. Ф. Кальсин. Основные вопросы теории познания. Горький, 1957; он же. О материалистическом понимании психики и сознания.— «Ученые записки Горьковского государственного педагогического института», 1958, т. 24.

²⁴ См.: Н. В. Медведев. Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. М., 1954; он же. К вопро-

Некоторые участники дискуссии определяли отношение психического и физиологического как отношение двух сторон единого процесса, а в материальном и идеальном видели две формы единой и неделимой природы²⁵. В связи с этим перед физиологией ставилась задача исследования высшей нервной деятельности со стороны физиологических механизмов, а перед психологией — исследование ее содержания.

Опасность сведения психического к физиологическому, которая вновь возникла на павловской сессии, заставила вспомнить о борьбе с механицизмом в естествознании в 20-х гг. и вызвала у некоторых философов стремление обособить психическую деятельность от нервной. Так одной крайности противопоставляется другая. Физиологическая деятельность считается рефлексорной, а над ней надстраивается особая, самостоятельная психическая деятельность²⁶. Сторонники этого взгляда считали, что сохранить представление о качественном своеобразии психического и устоять против вульгарно-материалистического и механистического сведения психики к физиологическим процессам можно лишь путем противопоставления условнорефлексорной деятельности, как только физиологической, особой психической деятельности, имеющей свои законы. Однако, поскольку сторонники этого направления хотят оставаться материалистами, возникает необходимость связать психику с ее материальным субстратом — мозгом, поэтому противопоставление психической и физиологической деятельности подкрепляется умозрительной (так как естественнонаучных данных для этого нет) схемой двух уровней мозговой деятельности — физиологического и психического. Рефлексорный акт понимается как материальный и физиологический, а психический акт как нематериаль-

---

су об отражательной работе мозга.— «Вопросы философии», 1960, № 6; *он же*. О природе и сущности психического.— В кн. «Диалектический материализм и современное естествознание». М., 1964.

²⁵ См.: С. А. Петрушевский. Борьба И. П. Павлова за материализм в физиологии и психологии.— В кн. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии». М., 1952; «Диалектический материализм». М., 1954, стр. 331; Н. А. Хромов. К вопросу о физическом и психическом.— В кн. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии». М., 1952; К. М. Дедов. К вопросу об отношениях между психологией и физиологией высшей нервной деятельности.— «Вопросы философии», 1954, № 1.

²⁶ Этот взгляд развивался в статьях, а затем и в философских монографиях. См.: Б. В. Беляев. Об основном законе психологии.— «Советская педагогика», 1953, № 9; И. Ф. Случевский. О некоторых актуальных вопросах психиатрии.— «Журнал невропатологии и психиатрии», 1952, № 8; Н. П. Антонов. Диалектический материализм — теоретическая основа психологии.— «Вопросы философии», 1953, № 1; *он же*. Происхождение и сущность сознания.— «Ученые записки Ивановского государственного педагогического института», 1959, т. XX; В. В. Орлов. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. Пермь, 1960; *он же*. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь, 1966.

ный как деятельность мозга, но уже не нервная деятельность ²⁷.

Рассуждение сторонников этих двух как будто противоположных направлений — сведения психического к физиологическому и обособления психического от физиологического — неожиданно сближаются в одном пункте. Они в равной мере отходят от сеченовского и павловского понимания рефлекторного акта, толкуют его сообразно допавловской физиологии. Позиция обособителей психического возникла в качестве противовеса стремлениям физиологизировать психическое, которые обнаружились после павловской сессии. Опасность физиологизирования была вскоре преодолена и защищать психологию от физиологии уже не было нужды, но возникла и существует другая опасность, опасность перегиба в другую сторону, опасность отрыва психического от физиологического ²⁸.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕФЛЕКТОРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПСИХИКИ И ВВЕДЕНИЕ ЕЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ

В такой обстановке, когда вопрос о природе психического стал предметом широкой дискуссии, вышедшей за рамки психологии, произошла новая встреча психологии с павловским учением. Совершая поворот к павловской физиологии, психология отстаивала свою самостоятельность, свой предмет и свои методы. В условиях происходившей дискуссии ей пришлось восстанавливать преемственность в науке в отношении павловского и сеченовского учения в их связи с психологией. Психологическая теория ищет путь заключения союза с физиологией, выделяет и исследует общие для них методологические проблемы и прежде всего вопрос о месте и роли психического во взаимосвязях материального мира. Диалектико-материалистическому исследованию подвергается проблема детерминации психики, ее связи с мозгом, а также вопрос об объективном методе в психологии.

Только неверное понимание философского смысла рефлекторной теории и закономерностей физиологической и психической деятельности могло привести к пагубному выводу о том, что

---

²⁷ «Утверждать, что рефлекторный процесс исчерпывает психический процесс, значит встать на путь вулгарного материализма» (Н. П. Антонов. Диалектический материализм — теоретическая основа психологии. — «Вопросы философии», 1953, № 1, стр. 197). «Необходимо отказаться и от представления о рефлексе как единстве психического и физиологического. Это представление является несостоятельным ни с конкретно физиологической и психологической, ни с философской, ни, далее, с эволюционно-биологической точки зрения» (В. В. Орлов. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. Пермь, 1960, стр. 163, 173, 190 и др.).

²⁸ См. Е. В. Шорохова. Принцип детерминизма в психологии. — «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 27—28.

психология не имеет своего предмета исследования, не может обладать объективным методом и, следовательно, не может считаться наукой, а должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности. Об этом шла речь на Совещании, созванном в 1952 г. и посвященном перестройке психологии. Докладчики А. А. Смирнов и Б. М. Теплов и большинство участников этого совещания утверждали самостоятельность психологической науки, подчеркивали отличный от физиологии ее предмет и возможность объективных психологических методов²⁹. «Я думаю,— говорил Г. С. Костюк в своем выступлении,— что основные положения докладчиков и ряд мыслей, высказанных в прениях, содействуют выяснению исходных позиций в правильном решении этих вопросов. Прежде всего мне кажется совершенно ясным, что речь здесь идет не о поисках предмета науки, которая якобы его потеряла, а об уточнении, конкретизации, развитии существующего в советской психологии понимания, определения ее предмета. Такая работа, как известно, проводится в каждой науке в связи со сдвигами в ее развитии, в связи с новыми данными и их обобщениями»³⁰. Несколько позже он писал: «Ложными... являются попытки ставить вопрос о замене системы психологических понятий системой физиологических понятий. Одна система не заменяет другую, а лишь дополняет ее. Павловская идея «брака» между физиологией высшей нервной деятельности и психологией человека требует совместной работы психологов и физиологов по изучению отражательной деятельности мозга, но она предполагает самостоятельное существование этих областей знания, каждая из которых имеет свои специфические задачи»³¹.

Марксистская психология отстаивала и свое право на собственный метод. Существо вопроса было в том, что психология вместе с тем отказывалась от субъективного метода интроспекции, рожденного идеалистической концепцией сознания, и отвергала исходный методологический принцип поведенческой психологии, полагающий, что признание объективного метода исключает изучение психических явлений как таковых. Советские психологи доказывали возможность и необходимость объективного изучения психических явлений. Вопрос был поставлен так: возможно ли объективное изучение субъективных по своей природе психических явлений? Отрицательный ответ оз-

---

²⁹ См.: А. А. Смирнов. Состояние психологии и ее перестройка на основе учения И. П. Павлова; Б. М. Теплов. Об объективном методе в психологии. См. также выступления участников совещания.— «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 9—45, 49—74, 87—88, 97—98, 141—143, 154—159, 159—166 и др.

³⁰ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 155.

³¹ Г. С. Костюк. К вопросу о психологических закономерностях.— «Вопросы психологии», 1955, № 1, стр. 23.

начал бы отказ от признания научной достоверности психологических исследований, а значит, ставил под сомнение существование психологической науки и вел к утверждению необходимости ее замены наукой, владеющей объективным методом. При этом происходила и замена предмета исследования — психические явления подменялись физиологическими процессами. Положительный ответ утверждал психологию как самостоятельную науку. Советская психология располагала уже опытом экспериментальных исследований, в которых психические явления изучались объективным методом в их опосредовании деятельностью человека. Надо было на основе марксистской методологии утвердить право и обязанность психологии изучать субъективное объективными методами.

Б. М. Теплов доказывал возможность объективного метода в психологии на основании того, что предметом психологии является психика человека в ее обусловленности объективными условиями существования и той объективной деятельностью, которая составляет содержание жизни человека. «Субъективное есть вторичное, производное. Оно не может быть понято само из себя. Оно не может изучаться, взятое само по себе. Субъективное является предметом психологии лишь в единстве с объективным... — отмечал Б. М. Теплов. — *Объективный метод в психологии требует, чтобы объяснение субъективного как вторичного, производного шло из того объективного, что является по отношению к психике первичным*»³². Такими объективными условиями он считал высшую нервную деятельность, поскольку психические процессы неотделимы от мозговых, объективную реальность, отражаемую психикой, и деятельность человека, связанную с общественными условиями его существования. Следовательно, объяснение в психологии, которое требует объективный метод, должно включать: 1) соотнесение субъективного образа с той объективной реальностью, которая является объектом отражения, 2) установление нервных механизмов процесса отражения, 3) выяснение зависимости явлений, сознания от тех общественных условий, которыми они определяются, и от той объективной деятельности, в которой выражается бытие человека»³³. Сложность заключается в том, чтобы не допустить такого сдвига в изучении психических явлений, при котором предметом изучения оказались бы одни лишь объективные условия, а не сама психика.

С. Л. Рубинштейн выводил возможность объективного изучения психических процессов из доказательства того, что психические явления включены во всеобщую взаимосвязь материального мира. Поскольку психическое есть звено в цепи свойств

---

³² Б. М. Теплов. Об объективном методе в психологии. — «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 53—54.

³³ Там же, стр. 56.

материального мира, оно может быть объективно изучено через его опосредования³⁴.

В дискуссиях с теми физиологами, которые отрицали возможность объективного познания психических явлений, предлагали свести психологические исследования к физиологическим, психологи утверждали тезис о том, что *«объективный метод в психологии есть метод опосредствованного познания психики»*, настаивали на том, что *«положение об объективной познаваемости психики есть важнейшая методологическая предпосылка материалистической психологии»*³⁵.

Перестройка психологии на павловской основе (так в 50-х гг. обозначался этот этап развития советской психологии) явилась по существу новым шагом в реализации требования материалистического монизма в марксистской психологической теории, которую не могли удовлетворить физиологические учения, восходящие к дуалистическим воззрениям психофизического параллелизма во всех его формах. Философская оценка учения И. П. Павлова как механистического господствовала в психологии 20-х — 30-х гг. Теперь было необходимо вернуться к философскому анализу методологических принципов рефлексорной теории и освободиться от прежней неверной оценки, обратиться к решению всего комплекса вопросов, связанных с отношением как психики к мозгу, так и психологии к физиологии высшей нервной деятельности.

Разработка философских проблем психологической теории в начале 50-х гг. в связи с дискуссиями о природе психического приобретает новый смысл и значение — направляется на определение и выяснение формы отношений психики с мозгом. Эта система отношений и проявлений свойств психического становится предметом специального рассмотрения. Одновременно в философском анализе проблемы психического и физиологического определяется методологический подход к изучению психических явлений путем выяснения их проявлений в разных системах отношений к материальному миру. Определение такого подхода дает начало новому этапу в развитии философских проблем психологии — фундаментальному исследованию вопроса о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира и о его детерминации, результаты которого составят философско-психологический труд С. Л. Рубинштейна *«Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира»* (1957 г.). Содержание его раскрывает две системы отношений психического к материальному миру — к внешнему миру и к мозгу в их соотносительности между собой, которая выясняется в исследовании де-

³⁴ См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 3—15, 317—321.

³⁵ Б. М. Теплов. Об объективном методе в психологии. — *Известия Академии педагогических наук РСФСР*, 1953, вып. 45, стр. 61.

терминации психического, представляющей как действие внешних причин через внутренние условия.

Исследование связи психики с мозгом предусматривало как единственную возможность преодоления различных точек зрения, имеющих опору в разных проявлениях психики, выяснение особенностей ее, выступающих в различных, но существенных связях и соотнесение этих характеристик в соответствии с объективной логикой тех связей и отношений, в которых каждая из них выступает. Вопрос о связи психики с мозгом, согласно такому взгляду, может быть решен только в том случае, если раскрыто отношение психических явлений к внешнему миру, если принята мысль о том, что связь психических явлений с мозгом — это и отношение их к внешнему миру, отношение, которое заключается в отражении психикой этого мира, и учтено положение о психических процессах как регуляторах действий. Такое соотношение позволяло связать гносеологическую характеристику психики с ее регуляторной ролью в деятельности субъекта. В обобщенной идее регуляции действия психическим в полной мере раскрывается и психологическое содержание рефлексорной теории. В этом и состоит ход психологической теории к рефлексорной концепции, поскольку «сказать, что психическая деятельность есть деятельность мозга, взаимодействующего с внешним миром, отвечающего на его воздействия, — значит в конечном счете сказать, что это деятельность — рефлексорная»³⁶. Именно это обстоятельство и направляет психологическую мысль к рефлексорной теории, когда психология приходит к выводу о недостаточности признания принципа психофизического единства — к необходимости определения конкретной формы связи психического и физиологического в деятельности мозга. «Рефлексорное понимание психической деятельности — необходимое связующее звено между признанием психической деятельности деятельностью *мозга*, неотделимой от него, и пониманием ее как отражения *мира*. Рефлексорным пониманием деятельности мозга эти два фундаментальных положения объединяются в одно неразрывное целое»³⁷.

Если психофизическую проблему сводить к отношению психического к физиологическому и отбрасывать отношение психики к внешнему миру, ее познавательное отношение к объективной реальности, проблема или становится неразрешимой, или вовсе упраздняется, в том случае, когда, не усматривая качественной специфики психических явлений, на их место подставляют физиологические процессы.

Признание рефлексорного характера деятельности мозга сводит в единое целое связь психических явлений с мозгом, с его материальной нервной деятельностью и их главную детерми-

---

³⁶ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 5.

³⁷ Там же, стр. 174.

нанту — зависимость от условий жизни людей. Так соединяются две системы связей психического. Отражательная деятельность мозга и законы нейродинамики корковых процессов предстают как внутренние условия реализации детерминации психики обстоятельствами жизни людей, зависимостью ее от внешних условий. «Психические явления возникают именно тогда, когда в ходе рефлекторной деятельности мозга (в процессе дифференцировки раздражителей) появляются ощущения и отраженный в них раздражитель выступает в качестве объекта. Именно с этим связан «скачок», переход к психическим явлениям. И именно поэтому *гносеологическое* отношение к объекту определяет основную *«онтологическую»* характеристику психического»³⁸. Выраженная в рефлекторной теории зависимость связи психических явлений с мозгом от их познавательного отношения к бытию означает связь и взаимозависимость понимания природного происхождения психических явлений с их гносеологической сущностью.

Несмотря на давность учения о рефлексах, можно говорить о создании Сеченовым и Павловым новой концепции, о ее принципиальном отличии от теорий, принимавших учение о рефлексах, но остававшихся в пределах механистического детерминизма. Преобразование Сеченовым учения о рефлексах в рефлекторную теорию психической деятельности означало установление нового уровня детерминизма. Психическое, по Сеченову, рассматривалось как необходимое звено в своем, только ему присущем, качестве — психического отражения условий жизни организма, возникающего в результате взаимодействия организма со средой, и регулирования действий. Эта концепция никак, ни в какой мере не сводит психическое к физиологическому. И ее отличие в понимании психического и физиологического состоит в том, что психическое входит в качестве отражательного и регуляторного компонента в единую рефлекторную деятельность мозга.

В идее психической регуляции деятельности состоял смысл рефлекторной теории Сеченова. Единый рефлекторный принцип был положен в основу произвольных и непроизвольных, сознательных действий. Он открывал способ функционирования психического в деятельности организма и включал психическое как природное явление в связь явлений материального мира. Тем самым преодолевался взгляд на психическое как на некое совершенно самостоятельное и независимое от всей деятельности организма образование.

Рефлекторное понимание психической деятельности означает, что психические явления возникают в процессе взаимодействия индивида с окружающим миром и они неотделимы от материальной нервной деятельности мозга, благодаря которой

---

³⁸ Там же, стр. 6.

осуществляется это взаимодействие. «В этих двух положениях,— пишет С. Л. Рубинштейн,— рефлекторная теория психического непосредственно смыкается с положениями диалектического материализма»³⁹. По своему объективному смыслу теоретические принципы рефлекторной концепции психики соотносятся с диалектико-материалистической теорией отражения. «Именно в силу этого рефлекторная теория, реализующая эти общие принципы в конкретном естественнонаучном содержании учения о деятельности мозга, приобрела такое фундаментальное значение для советской психологии»⁴⁰.

Проблема детерминации психики, которую разрабатывает С. Л. Рубинштейн, позволяет ему на основе философского анализа теории И. М. Сеченова и учения И. П. Павлова не только по-новому их оценить, но, выделив философско-теоретическое ядро рефлекторной концепции, развить его применительно к психологической теории.

Рефлекторная концепция психики в ее новом развитии на основе диалектико-материалистического принципа детерминизма становится основой данного С. Л. Рубинштейном в его книге «Бытие и сознание» решения проблемы отношения психики к мозгу, а также новой постановки общих проблем психологической теории, таких, как познавательные процессы — восприятие, мышление, регуляторная роль психики — побудительная, мотивационная и исполнительская. Проблема деятельности раскрывается в своем отношении к разным уровням регуляции, поскольку действия разного уровня предполагают и разные психические процессы для своей регуляции. Для психологической теории принципиально важным является положение о том, что изучение различных форм отражения мира человеком и изучение его действий, различных по их регуляции, неразрывно связано друг с другом. «Изучение того, как человек отражает мир, должно быть продолжено в изучении того, как он действует, и лишь через изучение того, как он действует, может быть объективно раскрыто и то, как он отражает мир. Это положение распространяется на всю психическую деятельность»⁴¹.

С. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что рефлекторная концепция психики требует исследования внутренних закономерностей деятельности мозга, к ним относятся и физиологические и психологические закономерности. Их нельзя противопоставлять друг другу, но и нельзя отождествлять. Исследованные И. П. Павловым физиологические закономерности выражают динамику нервных процессов, внутреннее взаимоотношение процессов возбуждения и торможения. Исследование психических явлений, возникающих в ходе рефлекторной деятельности,— дело психологии. На рефлекторную деятельность, взятую как

³⁹ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 182.

⁴⁰ Там же, стр. 193.

⁴¹ Там же, стр. 267.

единое целое, распространяется общее для всех наук положение о соотношении общих и специфических закономерностей. «Распространение более общих закономерностей «ниже» лежащих областей на области более специальные не исключает необходимости раскрытия специфических законов этих последних. «Выше» лежащие области в системе наук ставят задачи перед «ниже» лежащими, а последние доставляют средства для их разрешения: первые очерчивают подлежащие объяснению явления, вторые служат для их объяснения»⁴².

Если психика есть рефлекторная деятельность мозга, то на нее распространяются все законы высшей нервной деятельности. В силу этого психологическое исследование правомерно использует результаты физиологического исследования нейродинамики. «Отрицание правомерности распространения более общих законов материальных (физиологических) явлений на явления психические означало бы не что иное, как обособление психических явлений от материального мира, отказ от материалистического монизма»⁴³. «Вместе с тем в психологическом исследовании *те же* процессы, которые изучает физиологическое учение о высшей нервной деятельности, выявляются в *новом специфическом качестве*. Взятые в этом новом качестве, они детерминируются отношениями, от которых абстрагируется физиология»⁴⁴.

Психические явления, представляя специфическую форму проявления рефлекторной деятельности мозга, требуют выяснения их особых закономерных зависимостей, законов психологии. Такая постановка проблемы вводит новый методологический принцип соотношения закономерностей «выше» и «ниже» лежащих областей действительности.

Опираясь на такое понимание соотношения физиологических и психологических закономерностей деятельности мозга, С. Л. Рубинштейн отмечал несостоятельность утверждавшегося в ходе дискуссии о природе психического представления о психическом и физиологическом как двух сторонах одного процесса, поскольку оно не соотносит эти две стороны между собой и стирает отношение первичного и производного, основы и формы ее проявления, что существенно для определения физиологической и психологической характеристики рефлекторной деятельности. Ошибочно и другое представление, согласно которому физиология ограничивается частичной физиологической характеристикой психических явлений, а психология дает общую их характеристику, включая в нее и физиологическую и психологическую. При этом происходит противопоставление и обособление психологических и физиологических закономерностей, что является

---

⁴² Там же, стр. 223.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 221.

выражением их исходного рядоположного сочетания. С. Л. Рубинштейн не соглашался и с теми, кто относил физиологические законы только к материальной основе психики, а психологические законы — к психическим явлениям. Он считал эту формулу особенно вредной, поскольку за ней скрывается дуализм, так как она разрывает связь между физиологическими и психологическими закономерностями — законы высшей нервной деятельности относятся лишь к физиологическим явлениям.

Особенность рефлекторной концепции психической деятельности заключалась в том, что она объединила психологию и физиологию высшей нервной деятельности. Перед психологами вставала большой важности задача — реализовать рефлекторную концепцию психики в экспериментальных исследованиях.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рефлекторная концепция психики внесла существенные изменения в экспериментальные психологические исследования. Циклы экспериментальных работ, реализующих рефлекторную концепцию психики, включили широкий круг исследований. В данной главе речь пойдет о тех направлениях, которые своими фактическими данными и теоретическими обобщениями служат разработке проблемы психической деятельности в ее отношении к мозгу.

Исследования, примыкающие к физиологии высшей нервной деятельности, развивали пограничную область психологии и физиологии с позиций павловского учения. Но, как мы увидим дальше, постановка исследований высшей нервной деятельности человека в конечном итоге вливалась в психологическую проблематику и выводила их за пределы экспериментальных работ павловской физиологической школы, открывала новые направления, которые в своей совокупности составляют успешно развивающуюся современную советскую психофизиологию.

Обширный цикл экспериментальных исследований процессов восприятия в условнорефлекторной деятельности мозга⁴⁵ дал обоснование рефлекторной концепции ощущения и восприятия на современном научном уровне, расширил и преобразовал ее в соответствии с новыми научными знаниями.

---

⁴⁵ См.: Е. Н. Соколов. Восприятие и условный рефлекс. М., 1958; он же. Ориентировочный рефлекс как информационный регулятор. — В сб. «Ориентировочный рефлекс и проблемы рецепции в норме и патологии». М., 1964. Здесь и далее указаны книги и некоторые статьи, обобщающие многочисленные конкретные экспериментальные исследования. В них дана библиография этих исследований, опубликованных в периодической печати, в материалах I, II и III всесоюзных психологических съездов и международных психологических конгрессов.

Экспериментальное изучение чувственного познания и регулирующей роли психики дало множество новых фактов и открыло огромную сложность взаимодействующих рефлекторных актов, объединяемых в совместно действующие системы. Новые знания о рефлекторной деятельности анализаторов, знания о восприятии, анализе и синтезе внешних раздражений позволили развернуть учение об анализаторах как афферентно-эфферентной системе, действующей по рефлекторному принципу. Экспериментальные факты показали, что рефлекторная регуляция рецептора со стороны центральных отделов нервной системы происходит как функция непрерывно действующей обратной связи, и анализаторы должно рассматривать как саморегулирующиеся системы.

Для истории психологической науки особый интерес представляет новое отношение к сеченовскому учению. В экспериментальных данных современных психологических исследований получили доказательство многие сеченовские идеи. Оказавшись включенными в совокупность современных знаний, они подвергаются разработке на новом научном уровне. Сеченовские «ряды последовательных рефлексов» раскрылись как сложный процесс взаимодействующих друг с другом рефлекторных актов, реализующих взаимодействие разных видов чувствительности и в том числе «мышечного чувства». Идеи Сеченова о роли этого чувства нашли блестящее подтверждение в современных представлениях об обратных связях, действующих в анализаторных системах. Мысли ученого о «касаниях» рефлексов получили выражение в понятиях о саморегуляции анализаторов в их рефлекторной работе.

Развитый Сеченовым взгляд на то, что в построение образа входит мышечное чувство, отражающее конечное звено рефлекторного процесса — действие человека с предметом, о том, что своеобразии мышечных ощущений состоит в отражении свойств предметов (их пространственных и временных связей) и действий самого человека, о том, что мышечные ощущения связывают познающего человека с объектом и позволяют ему воспроизвести в чувственном образе результаты его действий с объектом, т. е. вносят в него способ действия человека с этим объектом, — все эти мысли были доказаны рядом экспериментальных исследований советских психологов. Получили свое развитие и сеченовские идеи о мышлении как детерминированном объектом, развивающемся аналитико-синтетическом процессе. Такое подтверждение сеченовской рефлекторной теории экспериментальной практикой современной науки является лучшим доказательством ее верности.

В 50-х гг. возникают и в последующее десятилетие развиваются в прямой связи с павловскими идеями о второй сигнальной системе действительности циклы экспериментальных исследований, посвященных нейрофизиологическим механизмам

действия слова в высшей нервной деятельности человека ⁴⁶. Эти исследования руководствовались гипотезой о том, что регулирующая функция второй сигнальной системы имеет своей основой второсигнальные управляющие импульсы, которые возникают в словесных отделах коры, распространяются по мозговым структурам и изменяют возбудимость нейронных ансамблей, входящих в структуру первой сигнальной системы. Полученные данные свидетельствуют о возбуждающем или тормозящем действии второсигнальных импульсов почти на все процессы высшей нервной деятельности человека.

Анализ и обобщение экспериментальных данных изучения речедвигательного анализатора ⁴⁷ позволили высказать идею о том, что функция речевых структур мозга заключается в интегрировании деятельности других анализаторов, а сами эти структуры представляют нейрофизиологический аппарат синтеза и обобщения первичной информации сенсорных систем. Выяснилась связь мышления с речевыми кинестезиями. Результатом специального исследования явилось определение структуры речедвигательного аппарата и установление способов мозгового управления механизмами произнесения слов как синтеза произвольных и непроизвольных эффекторных импульсаций ⁴⁸.

В середине 50-х гг. разворачивается под руководством Б. М. Теплова комплекс экспериментальных исследований по изучению свойств нервной системы человека как основы его индивидуальных психологических различий. Эти исследования развивали одни из наиболее важных для психологии разделов павловского учения и были задуманы как его продолжение, соединяющее физиологическое учение с психологией. Вместе с тем они явились продолжением прежних работ Б. М. Теплова, посвященных индивидуальным различиям в способностях.

Отправным пунктом исследований Б. М. Теплова и его сотрудников стал сделанный на основании теоретического анализа истории этого раздела павловского учения вывод о том, что центральным вопросом является проблема типологических свойств нервной системы ⁴⁹. Своеобразие положения заключалось в том, что Б. М. Теплов отверг методику речевого подкрепления, использованную А. Г. Ивановым-Смоленским для определения типологических различий, так как она, представляя

---

⁴⁶ Е. И. Бойко. *Время реакций человека*. М., 1964; *он же*. Основные положения высшей нейродинамики. Узловые проблемы высшей нейродинамики.— В сб. «Пограничные проблемы психологии и физиологии». М., 1961; Н. И. Чурикова. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., 1967.

⁴⁷ А. Н. Соколов. *Внутренняя речь и мышление*. М., 1968.

⁴⁸ Н. И. Жинкин. *Механизмы речи*. М., 1958.

⁴⁹ См. Б. М. Теплов. Исследование свойств нервной системы как путь к изучению индивидуально-психологических различий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. II. М., 1960.

собой, по сути дела, психологическую методику, не позволяла раскрыть нейрофизиологическую природу человеческой индивидуальности, в то время как павловское типологическое учение опиралось на физиологические методики. Вместе со своими сотрудниками Теплов создает адекватные методики изучения свойств нервной системы у человека, позволившие поставить эксперименты, выясняющие физиологическую сущность этих свойств. Это своеобразие выступает особенно разительно, если вспомнить, что именно А. Г. Иванов-Смоленский был в 20-х гг. защитником рефлексологического варианта учения о высшей нервной деятельности, а на павловской сессии отвергал психологические методы как субъективные во имя объективных физиологических.

Б. М. Теплов, преследуя цель создания единой по своей методологии психофизиологической теории, составляя программу типологических исследований, подвергает теоретическому анализу проблему метода изучения основных свойств нервной системы, чтобы найти путь к исследованию индивидуально-психологических различий человека⁵⁰. Складывается положение, когда психология, занимаясь исследованием физиологических механизмов индивидуальных различий, восстанавливает понимание типа нервной системы как комплекса врожденных ее особенностей, отделяя понятие типа от характера⁵¹. Физиология же сталкивается с трудностями, вызванными отождествлением физиологического понятия с психологическим, отождествлением, вызванным установкой на замену психологии физиологией высшей нервной деятельности.

Павловская школа создала методики для изучения свойств нервной системы животных и получила экспериментальные факты для суждения о них. Для изучения свойств нервной системы человека эти факты могли быть использованы лишь при условии проведения специальных исследований на человеке. Тогда открывалась возможность выяснить свойства, общие человеку и животным, и специфические человеческие свойства. «Детальный, убеждающий анализ методологических и конкретно-методических проблем теории типологических свойств и сделан-

---

⁵⁰ Б. М. Теплов. Некоторые вопросы изучения общих типов высшей нервной деятельности человека и животных.— В сб. «Типологические особенности высшей нервной деятельности человека», т. I. М., 1956; *он же*. Исследование свойств нервной системы как путь к изучению индивидуально-психологических различий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. II. М., 1960; *он же*. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961; *он же*. Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии.— В кн. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963; В. Д. Небылицын. Б. М. Теплов как теоретик дифференциальной психофизиологии.— «Вопросы психологии», 1966, № 5.

⁵¹ См. Б. М. Теплов. Некоторые вопросы изучения общих типов высшей нервной деятельности человека и животных.— В сб. «Типологические особенности высшей нервной деятельности человека», т. I. М., 1956, стр. 5.

ные Б. М. Тепловым на основе этого анализа контруктивные заключения явились... в этой области той платформой, на основе которой были разработаны многочисленные экспериментальные приемы, пригодные для работы с человеком, и в результате — обеспечено существенное продвижение вперед в познании физиологических механизмов индивидуальных различий»⁵².

Для выяснения философских вопросов психологии особенно существенны теоретические выводы Б. М. Теплова о соотношении физиологических и психических явлений. Он опроверг отождествление типа нервной системы и характера, которое ведет к подмене психологических явлений физиологическими, а значит, к уничтожению самой специфики психического. Сам И. П. Павлов в последние годы жизни не был склонен к такому отождествлению. У его последователей эти понятия оказались равнозначными, что вызвало методологические трудности в постановке исследований. Б. М. Теплов видел ценность идеи типов нервной системы в понимании их как компонентов и своеобразных сочетаний основных свойств нервной системы. «В таком именно понимании заключается научное значение и огромная перспективность павловского учения о типах»⁵³. Задача изучения индивидуально-психологических различий предваряется экспериментальным исследованием свойств нервной системы, как исходных первичных параметров, формирующих структуру динамических проявлений индивидуальности, что выражается в особенностях соотношения этих исходных свойств, исходных элементов типов. «От «свойств» к «типам», а не от «типов» к «свойствам»⁵⁴, — так кратко определяется новый подход. Сочетания свойств, предусмотренные павловской классификацией, являются лишь некоторыми особенностями в ряду многих других возможных сочетаний и никак не исчерпываются ими. Так, например, Б. М. Теплов выделил как обычное, часто встречающееся сочетание инертности со слабостью и неуравновешенностью. Поэтому и вызывает принципиальные возражения классификация четырех типов высшей нервной деятельности, соответствующих четырем темпераментам, принятым античной наукой, поскольку «было бы совершенно противоестественно выводить число типов нервной системы из числа темпераментов; темперамент есть психологическое проявление типа нервной системы, а не наоборот»⁵⁵.

---

⁵² В. Д. Небылицын. Б. М. Теплов как теоретик дифференциальной психофизиологии. — «Вопросы психологии», 1966, № 5, стр. 22. В дальнейшем изложении используется эта обобщающая статья.

⁵³ Б. М. Теплов. Исследование свойств нервной системы как путь к изучению индивидуально-психологических различий. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. II. М., 1960, стр. 6.

⁵⁴ Там же, стр. 11.

⁵⁵ Там же, стр. 10.

Б. М. Теплов высказывает два положения, по-новому раскрывающие особенности свойств нервной системы, заключающиеся в поляризации каждого свойства. И. П. Павлов, выявив такие свойства нервной системы, как сила и слабость, подвижность и инертность, уравновешенность и неуравновешенность, рассматривал один ряд качеств — сила, подвижность, уравновешенность — как положительные, а другой — слабость, инертность, неуравновешенность — как отрицательные. Новым и важным для психологии явилось экспериментальное доказательство высокой жизненной ценности таких характеристик нервной системы, которые ранее расценивались как ее дефекты. Как достоинство слабой системы по сравнению с сильной выявляется ее более высокая чувствительность. Устанавливается корреляция обратного порядка между чувствительностью и силой. Эта закономерность позволяет сделать вывод, что слабая нервная система менее вынослива, но обладает более высокими реактивными возможностями, обуславливающими ряд ее преимуществ по сравнению с сильной системой, с точки зрения «жизненной ценности». Таким образом, речь идет не о существовании нервных систем разных уровней совершенства, не о предопределении биологической и даже психологической неполноценности людей, обладающих особенностями слабой нервной системы, а о существовании систем, которым свойственны разные типы взаимодействия со средой.

Второе положение Б. М. Теплова в характеристике свойств нервной системы — о связях между инертностью нервной системы и прочностью образуемых временных связей⁵⁶ менее разработано и подтверждено экспериментально, однако столь же существенно в своей теоретической значимости. Малая подвижность, инертность расценивалась ранее лишь как отрицательное качество. Но следствие этой инертности — лучшая сохранность нервных следов и большая прочность образуемых мозгом связей является положительным свойством. С полным правом можно сделать заключение о том, что «каждое свойство нервной системы есть диалектическое единство противоположных с точки зрения жизненной ценности проявлений»⁵⁷.

Углубленное исследование психофизиологии индивидуальных различий расширило физиологические представления о свойствах нервной системы, показало их связь и взаимодействие, под-

---

⁵⁶ Б. М. Теплов. О понятиях слабости и инертности нервной системы. — «Вопросы психологии», 1955, № 6; *он же*. Некоторые вопросы изучения общих типов высшей нервной деятельности человека и животных. В сб. «Типологические особенности высшей нервной деятельности человека», т. I. М., 1956.

⁵⁷ Б. М. Теплов. Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии. — В кн. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, стр. 488.

вело непосредственно к психологии индивидуальных различий и наметило новый путь к их изучению. Более того, эти исследования осуществили структурный подход к свойствам нервной системы и продемонстрировали его значение для исходных позиций дифференциальной психофизиологии, поскольку открытие связей и взаимодействия разных свойств определило их новую качественную характеристику. Итогом исследований был пересмотр представлений о структуре этих свойств, выдвижение новой структурной схемы, выделение таких параметров, как динамичность и лабильность нервной системы. Значение указанных исследований заключалось в том, что физиологические их данные были подчинены психологическим целям. В то же время их результат внес существенные изменения в физиологическое учение о типах высшей нервной деятельности человека, привел к развитию павловской теории.

Не менее важно и то, что в трудах школы Б. М. Теплова на природных свойствах нервной системы было показано индивидуальное различие, которое проявляется в психологических особенностях людей в сфере темперамента, характера, способностей. Это подводит к важнейшей проблеме природных оснований человеческой личности. От конкретных и точно направленных экспериментальных исследований протянулись цепи новых мыслей и идей к одной из важных философских проблем современной психологии.

С павловским учением о типах высшей нервной деятельности связано и другое направление в советской психологии, исследующее психологические корреляты основных свойств нервной системы и роль их в индивидуально-личностных особенностях поведения человека в условиях эксперимента и в жизненной практике⁵⁸. Исследованию подвергаются проблема мотивации, вопросы индивидуальных особенностей разных видов деятельности, проявления таких личностных черт, как общительность, импульсивность и др. Факты свидетельствуют о зависимости мотивации от свойств нервной системы, о роли этих свойств в индивидуальном стиле учебной деятельности, труда. Различная действенность одинаковых мотивов при одних и тех же обстоятельствах находит свое объяснение в уровне силы нервной системы разных индивидов. Характерно, что эта линия работ снова подводит к большой проблеме природных качеств личности и к проблеме детерминации психики внешними причинами через внутренние условия. Свойства нервной системы проявляются в деятельности человека. Остается спорной сте-

---

⁵⁸ См. В. С. Мерлин. Очерк теории темперамента. М., 1964; *он же*. Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермь, 1968; Типологические исследования по психологии личности.— «Ученые записки Пермского Госпединститута», т. 48, вып. 4. Пермь, 1967; сб. «Проблемы экспериментальной психологии личности.— «Ученые записки Пермского госпединститута», т. 77, вып. 6. Пермь, 1970.

пень этого проявления. Могут ли свойства нервной системы влиять только на индивидуальный стиль трудовой деятельности⁵⁹, или же для некоторых профессий ограничивают результативность данной деятельности⁶⁰. Последний взгляд опирается, в частности, на изучение некоторых новых профессий, порожденных современной техникой и связанных с реакциями индивида на экстремальные воздействия.

Под руководством А. Н. Леонтьева был начат поиск тех новообразований в физиологии высшей нервной деятельности человека, которые отличают его от животных. Эти работы имели своей целью показать, что сенсорные способности, которые отвечают миру явлений, созданных обществом, у человека не врожденные, а формируются прижизненно⁶¹. Опыт анализа системного строения слуха привел к заключению о том, что «психические свойства человека, как общие, так и специальные, представляют собой не выявление неких биологически заложенных в нем особых свойств, наличие или отсутствие которых может быть только констатировано, но что эти свойства формируются в процессе развития и воспитания»⁶². А. Н. Леонтьев сделал из этого вывод о том, что «специфически человеческие способности и функции складываются в процессе овладения индивидом миром человеческих предметов и явлений и что материальный субстрат их составляют прижизненно формирующиеся устойчивые системы рефлексов. Я считаю самым важным результатом очеловечивания мозга...— заключал он,— *превращение коры в орган, способный формировать органы*»⁶³.

Соответственно представлению о функциональных системах изменяется и представление о локализации психических функций. Психические функции связываются не с группами обособленных корковых клеток, как думали ранее сторонники психоморфологических теорий, а со сложными рефлекторными системами, элементы которых располагаются в различных мозговых зонах: Соотношение физиологической динамики мозга и развития психических процессов определяется деятельностью субъекта. Вывод делается такой: «Психика человека является функцией тех высших мозговых структур, которые формируются у него онтогенетически в процессе овладения им исторически

---

⁵⁹ Е. А. Климов. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969.

⁶⁰ «Вопросы профессиональной пригодности оперативного персонала энергосистем». М., 1966.

⁶¹ См. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. Н. Леонтьев, О. В. Овчинникова, В. В. Репкин и Г. В. Репкина. Анализ системного строения восприятия. Сообщения I—X.— «Доклады Академии педагогических наук РСФСР». М., 1957—1960.

⁶² А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959, стр. 41.

⁶³ А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека.— «Вопросы психологии», 1960, № 6, стр. 35—36.

сложившимися формами деятельности по отношению к окружающему его *человеческому* миру; та сторона развития людей, которая физиологически выражается в воспроизведении, изменении и усложнении этих структур у сменяющих друг друга поколений, и представляет собой процесс исторического развития психики»⁶⁴.

Таким образом, новые исследования столкнули два ряда фактов. Их соотнесение составляет задачу современной психологической теории и связано с проблемой социальной детерминации психического, центральной проблемой марксистской психологии.

Среди новых направлений экспериментальных исследований в последнее десятилетие оформилась как самостоятельная научная дисциплина *нейропсихология*, изучающая соотношение между мозговыми структурами и психическими функциями⁶⁵. В методологическом отношении *нейропсихология* разрабатывает структурно-системную концепцию, согласно которой каждая психическая функция является результатом совместной и согласованной работы целого комплекса зон и отделов головного мозга. *Нейропсихология* исследует все основные отделы коры головного мозга, в том числе и мало изученные по своей функции лобные доли, которые, как считают представители данного направления, играют ведущую роль в процессах саморегуляции и контроля выполняемых организмом действий.

Конкретные экспериментальные исследования психологов были направлены на раскрытие рефлекторных механизмов восприятия и построения образов, закономерностей обнаруживания и познания сигналов, разных видов памяти, внимания. Они показывали, как в рефлекторной деятельности в ответ на внешние воздействия возникают психические явления, как они включаются в процесс жизнедеятельности, регулируя поведение. Обильные результаты этих исследований опубликованы в материалах психологических съездов, симпозиумов, конгрессов, в периодической печати.

---

⁶⁴ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 41.

⁶⁵ А. Р. Лурия. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962; он же. Мозг человека и психические процессы. М., 1963; сб. «Лобные доли и регуляция психических процессов». М., 1966.

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ФИЗИОЛОГИИ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ

В 1962 г. на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии были рассмотрены методологические вопросы этих наук, обсуждены общие физиологические и психологические представления о высшей нервной деятельности, явившиеся результатом новых знаний о деятельности мозга, приобретенных новыми методами, и новых, связанных с кибернетикой подходов к деятельности нервной системы, подведены некоторые итоги разработки психологического аспекта рефлексорной теории мозга, а также дискуссии о природе психики, развернувшейся после павловской сессии⁶⁶. Все доклады и выступления участников совещания связывал имеющий принципиальное философское значение вопрос о том, как на новом уровне знания решается проблема взаимоотношения физиологического и психического, можно ли на основе современной рефлексорной теории обобщить новые научные факты, какие положения ее требуют изменений и дополнений и, наконец, самое главное — остаются ли неизменными ее методологические принципы.

Обсуждение рефлексорной концепции происходило при изменившихся после павловской сессии условиях развития физиологической науки и психологии. Перед физиологией высшей нервной деятельности возникла необходимость решить ряд методологических вопросов, чтобы определить пути своего дальнейшего развития, свое отношение к новому кругу проблем физиологии и к новым направлениям, их разрабатывающим, выяснить возможность обобщения в единую теорию новых фактов, полученных новыми методами, на основе новых научных идей. Эти вопросы составили содержание докладов представителей павловской научной школы — П. С. Купалова, П. К. Анохина, Э. А. Асратяна, Д. А. Бирюкова.

Использование психологической наукой учения И. П. Павлова внесло существенные изменения в теоретические и экспериментальные психологические исследования и сдвинуло старые границы между физиологией и психологией. В докладах Е. В. Шороховой и В. М. Каганова «Философские проблемы психологии», А. Р. Лурия «Мозг человека и психические процессы», А. Н. Леонтьева и Д. Ю. Панова «Психология человека и технический прогресс», Б. М. Теплова «Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии» были обобщены данные многих теоретических и экспериментальных исследований, осуществленных с позиций рефлексорной концеп-

---

⁶⁶ См. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963.

ции психического, и продвинувших развитие психологической теории. Исследования показали необходимость и возможность изучать рефлекторную деятельность мозга не только как физиологическую, но и как психическую. В связи с успехами и перспективами развития рефлекторной теории психики на совещании была поставлена для обсуждения проблема детерминации психики и проблема сознания, поднят вопрос о применении общих закономерностей к качественно различным, своеобразным явлениям, который имеет методологическое значение при переходе от сферы действия физиологических закономерностей к психологическим.

В годы, когда психология, подвергнув философскому анализу рефлекторную концепцию, выделила для себя ее методологические принципы и стала развивать их в своей теории, ввела их в свои исследования, физиология высшей нервной деятельности столкнулась с тем, что новые линии научного развития оформились в противопоставлении новых идей павловскому учению, как это произошло с «физиологией активности»⁶⁷. Особенность положения, которое сложилось к началу 60-х гг., заключалось в том, что психология в результате большой теоретической и экспериментальной работы имела основание считать плодотворной рефлекторную концепцию психического и в этом присоединялась к представителям павловской физиологии. А в «физиологии активности», которая была представлена на совещании докладом Н. А. Бернштейна, вновь прозвучала философская оценка павловского учения как механистического, атомистического и в конечном счете устарелого, должного уступить место новым физиологическим теориям. Развивался и взгляд, согласно которому современные физиологические знания и новые идеи нейрофизиологии дают основание для создания новых представлений о структуре и работе мозга. Такой вывод содержался в докладе Н. И. Гращенкова, Л. П. Латаша и И. М. Фейгенберга.

Большинство участников совещания считали, что новые идеи, возникшие за последние годы в физиологии и психологии на основе фактов, полученных с помощью новых электроэнцефалографических и других методов, а также идеи, связанные с кибернетикой, не противоречат теоретическим основам учения И. П. Павлова. Более того, многие из них выросли и развились из идей и достижений его учения. Открытия, сделанные с помощью новых методов, не колеблют, а лишь укрепляют методологическое значение рефлекторной теории, так как уточняют имеющиеся представления, углубляют знание законов ра-

---

⁶⁷ См. Н. А. Бернштейн. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой.— В кн.: «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии»; он же. Пути и задачи физиологии активности.— «Вопросы философии», 1961, № 6; он же. На путях к биологии активности.— «Вопросы философии», 1965, № 10.

боты мозга, но не меняют понятия о принципах его деятельности⁶⁸.

Несомненным для всех участников совещания было то, что значительно расширились и во многом уточнились знания о структуре рефлекторного акта, о саморегуляции организма, о роли обратных связей в рецепторных и в эффекторных процессах. Многие отмечали важность применения новых методов в физиологии и в этом отношении поддерживали научные искания Н. А. Бернштейна, его стремление показать пути приложения кибернетики к развитию физиологии, но они подчеркивали, что нужно очень ясно отличать рефлекторный принцип в его общем, философском понимании от конкретных представлений о физиологической структуре и физиологических механизмах рефлекторной деятельности.

Приверженность к рефлекторному принципу в его философском понимании, т. е. к идее принципиальной зависимости биологических процессов от факторов среды,— это то основное, то самое глубокое, что отличает эту теорию от идеалистической биологии с ее подчеркиванием имманентности, спонтанности и, следовательно, принципиальной арефлекторности жизненных процессов. Вряд ли можно сомневаться в том, что идея опережающего возбуждения вырастает из понятия условности, идея обратной связи — из понятия подкрепления, а идея активности — из понятия уравнивания. И это внутреннее родство понятий убедительнее всего говорит о логической и исторической преемственности физиологических представлений. Вместе с тем должно учитывать, что современные представления о структуре рефлекса вносят изменения в понятие рефлекса, делают какой-то шаг вперед по сравнению со старыми представлениями.

Другие участники совещания поддерживали взгляд, что новые идеи в физиологии не укладываются в пределы рефлекторной концепции, а требуют разработки новой физиологической теории^{68а}.

В аргументации тех, кто считал павловскую теорию недостаточной, происходило отождествление павловской теории с механистической схемой рефлекторной деятельности по типу стимул — реакция. На это обращали внимание многие выступавшие. Они отмечали, что неверно представлять рефлекторную теорию как механистическую и атомистическую и сводить сложнейшие мозговые процессы к «школьной схеме» условного рефлекса, утверждать «жесткую фиксированность рефлекса». Такое утверждение никак не соответствует современной рефлекторной теории. Нельзя отождествлять понятия о рефлексе нейрофизио-

⁶⁸ См. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии», стр. 63—105, 156—214, 323—357, 393—424, 215—275, 425—498, 509—515, 597—602, 629—632, 525—531, 582—587 и др.

^{68а} Там же, стр. 35—62, 299—322, 671—673, 646—650 и др.

логической школы Шеррингтона и павловского учения о высшей нервной деятельности. Нельзя согласиться и с тем, что рефлексы относятся лишь к элементарным действиям животных или человека.

Мысль об активном характере физиологических процессов стала основой нового направления в физиологии, с ней соглашались и представители павловской физиологической школы⁵⁹. А экспериментальные психологические исследования открывали активное формирование психического отражения на всех его уровнях. Разработанное советской психологией положение о взаимосвязи сознания и деятельности в ряду этих фактов и идей приобретало все более широкое значение.

Вопрос о предмете психологии и физиологии высшей нервной деятельности на совещании обсуждался в другом плане, чем на павловской сессии. Речь шла не о вытеснении психологии физиологией, а о том, как понимать объект и предмет изучения той и другой науки. В докладе Е. В. Шороховой и В. М. Каганова обосновывалось положение о том, что психология и физиология высшей нервной деятельности имеют дело с одним и тем же объектом — высшей нервной деятельностью как функцией мозга. Различные свойства этой деятельности могут стать предметом изучения физиологии или психологии в зависимости от того, в каком качестве она изучается: в качестве физиологической или психической⁷⁰.

То различие между предметом и объектом науки, которое вводилось этим положением, принималось не всеми. А. Т. Бочоришвили утверждал, что предмет и объект познания с точки зрения гносеологии — одно понятие. Он исходил из того, что вопрос о соотношении наук может решаться только как гносеологическая проблема и полагал, «что мы логически обязаны мыслить соотношение психики и нервной системы так, как мы мыслим соотношение идеального и материального». «В таком случае психология представится нам самостоятельной наукой в полном смысле этого слова. Если мы говорим о специфике психики, нам нужно подумать о методе изучения этой специфике, о специфическом методе психологии»⁷¹.

Противники обособления психического от высшей нервной деятельности указывали: нельзя думать, что материалист, психолог или физиолог, может придерживаться точки зрения, разделяющей деятельность мозга на физиологическую — высшую

---

⁵⁹ В своих докладах Д. А. Бирюков и Э. А. Асратян приводили факты эволюционной физиологии высшей нервной деятельности, доказывающие активный характер отражательной деятельности органической материи.

⁷⁰ См. Е. В. Шорохова и В. М. Каганов. *Философские проблемы психологии*. — В кн. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963.

⁷¹ «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии», стр. 550 (выступление А. Т. Бочоришвили).

первную деятельность — и на особую психическую деятельность, противостоящие друг другу ⁷².

Представление об общем объекте требует четкой формулировки различия предметов психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Недостаточно ограничиваться указанием на различные аспекты учения о высшей нервной деятельности, включая в него и физиологию высшей нервной деятельности, и психологию. Необходимо четко сформулировать положение о различии предметов физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Для развития материалистической психологии решающее значение имеют достижения физиологии, но сама психология последнюю не изучает, ибо имеет свой специфический предмет исследования ⁷³.

Совещание по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии подвело итоги дискуссий о взаимоотношении физиологического учения И. П. Павлова и психологии, так же как и работы психологов, развивавших в психологическом плане рефлексорную теорию. Новый уровень развития психологической науки со всей очевидностью показал значение для нее того поворота к павловскому учению, который был сделан ею в 50-е гг., и вместе с тем ошибочность тех взглядов, которые требовали замены психологии физиологией высшей нервной деятельности.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПСИХОЛОГИИ И ФИЗИОЛОГИИ

В историческом развитии советской психологии, как мы видели, ее союз с павловской физиологией осуществлялся далеко не просто и прямолинейно, а был обусловлен рядом обстоятельств, среди которых решающее значение имело развитие самой психологической теории и решение философских проблем психологической науки. Поэтому первый подступ психологии к павловскому учению в 20-е гг. не вызвал существенных изменений ни в теории, ни в практике экспериментальных психологических исследований.

Второй подступ начинается во второй половине 40-х гг. Такое смещение во времени привело к тому, что поворот психологии к павловскому учению сближается с воздействием на нее и других направлений в физиологии, новых по отношению к павловскому учению и вступающих в противоборство с ним. Поэтому психология в реализации своего союза с физиологией оказывается в положении, которое делает особо важными методологические проблемы. Она осваивает павловские идеи тогда, когда в пределах физиологии встает вопрос о соотношении

---

⁷² Там же, стр. 509—515 (выступление Л. Г. Воронина).

⁷³ Там же, стр. 664—667 (выступление А. В. Запорожца).

павловского учения с другими направлениями в физиологии и с данными других наук, изучающих мозг, когда возникает необходимость соотнесения различных физиологических методов изучения работы мозга, поскольку они дают характеристику его деятельности в разных данных, которые остаются не объединенными между собой и не связанными с психологическими характеристиками.

Идея об активности организма в физиологической науке и положение психологии о роли субъекта и его деятельности в детерминации психического образует общую направленность в развитии современной физиологической и психологической мысли. Однако эта общая направленность находит свое выражение в физиологии в противопоставлении физиологии активности как новой линии ее развития физиологии высшей нервной деятельности. В то же время в психологии это противопоставление новых научных идей оказывается снятым развитием рефлекторной концепции на современном уровне знаний, в условиях разработки ее психологического аспекта.

В психологии исследование вопросов организации человеческих действий, соотношения их уровней, их внутренней структуры, начатое в конце 30-х—40-х гг., опиралось на работы Н. А. Бернштейна. Сформулированные им законы протекания человеческих действий и элементов их внутренней структуры, его представления о движениях и действиях как сложнейших саморегулирующихся системах, способных функционировать при неперменной информации, поступающей по каналам обратной связи, включались в психологическую теорию в то время, когда она еще не ставила перед собой задачу освоения рефлекторной концепции психической деятельности. Когда же началось это освоение, рефлекторная концепция, которую приняла и развила психология, коренным образом отличалась от представлений о рефлекторных актах, ограниченных «жесткой» рефлекторной дугой и ни в какой мере не связанных с психическими явлениями. Поэтому в психологии не возникло противоречия между разрабатываемой ею проблемой регуляторной функции психики и сложившимися ранее представлениями о саморегуляции двигательных актов на разных уровнях их организации.

Между тем Н. А. Бернштейн, сформулировавший свою идею сенсорных коррекций как аппарата внутренней саморегуляции еще в 1928 г. и предвосхитивший идею обратных связей, развиваемую современной наукой, принимал элементарные представления о рефлекторной дуге и, конечно, они никак не могли его удовлетворить. Несколько позже вместо понятия о незамкнутой на периферии рефлекторной дуге он вводит понятие «рефлекторного кольца», чтобы включить в регуляцию деятельности организма афферентную сигнализацию от исполнительных органов, обуславливающую контроль и коррекцию действия. И все

же это не изменяет его позиции по отношению к месту и роли рефлекторных актов в жизнедеятельности организма. Они для него остаются самыми элементарными действиями, за которыми следует весь длинный ряд все более сложных и уже не рефлекторных действий.

Складывается дело так, что и современная рефлекторная теория и физиология движений в равной мере ушли от элементарного представления о рефлексе. В учение о высшей нервной деятельности включен экспериментально обоснованный раздел не только о двигательном анализаторе и проприоцептивной рецепции, но и раздел о специальном аппарате реализации корригирующих влияний на результаты поведенческого акта по итогам осуществляемого по его свершении афферентного синтеза. Идея о значении саморегулирования в осуществлении рефлекторной деятельности для свершения организмом требуемого действия была высказана П. К. Анохиным одновременно с идеями Н. А. Бернштейна о сенсорных коррекциях на рубеже 20-х — 30-х гг. Развернутая в русле павловского учения о высшей нервной деятельности его концепция также опередила идеи физиологической кибернетики. Понятие об акцепторе действия как одном из главнейших функциональных элементов целостной интегративной деятельности мозга, как о механизме системного возбуждения центральных активирующих и эффекторных аппаратов, согласованная деятельность которых приводит к формированию программы действий, ведущих к нужной для организма цели, дополнило и расширило представление о внутренней нервной обусловленности поведенческих актов⁷⁴.

Обе эти концепции — одна из которых разрабатывалась в противопоставлении рефлекторной теории, а другая как развитие павловского учения об условных рефлексах — обнаруживают близость друг к другу, так как рассматривают живой организм как сложнейшую систему, поведение которого определяется совокупностью афферентных синтезов, формирующих программу действия на основе кольцевой их регуляции. Важнейшим условием деятельности этой системы является непрерывный анализ эффектов совершаемых действий и коррекция ошибок, приводящая к целенаправленному и целесообразному поведению.

Понятие афферентного синтеза приобретает свою психологическую характеристику благодаря разработке психологического аспекта рефлекторной теории. Психологические исследования ощущений различных модальностей, чувственного познания и его регулирующей роли в деятельности, с одной стороны, и роль предметной деятельности для формирования чувственных образов — с другой, на новом уровне раскрывают интегративную дея-

---

⁷⁴ См. П. К. Анохин. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968.

тельность мозга, давая ей психологическую характеристику. Начиная с элементарных форм отражения действительности и кончая его высшими формами, марксистская психология руководствуется рефлексорным принципом в его современном понимании, включающем принцип связи сознания с деятельностью. Последний получает свое выражение в признании активности человека как субъекта преобразующей трудовой деятельности. И в этом психология подхватывает линию «физиологии активности».

Взаимодействие происходит не только между психологией и физиологической наукой, но и между самими физиологическими теориями. Идея Н. А. Бернштейна об активности живых организмов⁷⁵ повлияла и на расширение понятия «приспособительного поведения» в физиологии высшей нервной деятельности. В это понятие включается активность живых существ, направленная на достижение требуемых для его жизнедеятельности целей. Приспособление осуществляется активно действующим организмом.

Однако методологические позиции Н. А. Бернштейна расходятся с современной психологической теорией, а ее противостояние детерминизму рефлексорной концепции вызывает критику⁷⁶. Возражения направлены прежде всего против отождествления детерминизма рефлексорной теории И. М. Сеченова и учения И. П. Павлова с декартовским представлением о толчке, вызывающем ответную реакцию по механизму рефлексорной дуги. Такое представление не учитывает, что в павловском учении отношение организма и среды рассматривается как взаимодействие, в котором предполагается обязательная активность организма.

Н. А. Бернштейн не согласен с тем, что поведенческие реакции организма являются рефлексорными ответами, вызываемыми внешними обстоятельствами. Эти реакции, утверждает он, детерминированы внутренней активностью организма, который действует по закодированной программе. Развитие организма, по этой теории, обусловлено внутренней направленностью и регулируется закодированной моделью будущего. Но физиологический механизм, который образует ее, остается нераскрытым⁷⁷. Нет физиологического объяснения и природы активности, ведущего понятия данной концепции. «Активность организма детерминирует поведение, но как возникает сама эта

---

⁷⁵ См. Н. А. Бернштейн. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

⁷⁶ См. Е. В. Шорохова. Принцип детерминизма в психологии.— В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969.

⁷⁷ «Сам по себе комплекс нервных процессов, образующий собою модель будущего, еще настолько неясен и загадочен, что сказать о нем можно немногое»,— писал Н. А. Бернштейн. См. Н. А. Бернштейн. Пути и задачи физиологии активности.— «Вопросы философии», 1961, № 6, стр. 86.

активность — эта проблема оказывается нерешенной», — отмечает Е. В. Шорохова. «... Когда с позиций физиологии активности утверждается, что для осуществления двигательных актов необходимо иметь воспринятой обстановку действия и ее оценку в соотношении с включенным в нее самим индивидом, необходимо чувственное отражение соотношения действия человека с предметом, то эта новая линия в физиологии по существу совпадает с детерминистической направленностью рефлексорной теории, которая в конечном счете ставит задачу раскрыть механизм разных форм отражения действительности и дать характеристику того, как эти формы отражения выполняют свою регуляторную функцию. В концепции Н. А. Бернштейна этот детерминистический подход как бы начинается с середины: в физиологии активности выясняется, как образ регулирует разные формы деятельности, но вопрос, откуда возникает образ потребного будущего, остается нерешенным или решенным негативно»⁷⁸.

Физиология активности направлена против павловского учения. И в своем противопоставлении она не видит развития рефлексорного принципа. Этот внеисторический подход обусловил неверные методологические заключения Н. А. Бернштейна. Он неправоммерно отождествил два исторических пути развития рефлексорной теории. Эти пути определились в середине прошлого века, когда И. М. Сеченов, развив мысль об отражательной и регулирующей функции психического в рефлексорных актах, подчинил рефлексорному принципу деятельность высших отделов нервной системы и преобразовал понятие рефлексорной деятельности, отказавшись от схемы жесткой дуги в отношении корковых рефлексов. Сеченовский путь, по которому пошел И. П. Павлов, привел к современной диалектико-материалистической рефлексорной теории, включающей в нее психическое отражение. Эта теория развивается в настоящее время в ее физиологическом и психологическом аспектах в физиологии высшей нервной деятельности и в марксистской психологии.

По другому пути следовали западноевропейская и американская нейрофизиология и психология. Нейрофизиология разрабатывала понятие рефлекса, опираясь на концепцию психофизического параллелизма. Зарубежные ученые постепенно отходили от идеи однозначной непосредственной жесткой связи между стимулом и реакцией в рефлексорных актах, представление о механизмах этой связи все более усложнялось, но рефлексорная деятельность продолжает оставаться обособленной от психической. Бихевиористская психология связала рефлексорный принцип с механистической схемой стимул — реакция.

---

⁷⁸ Е. В. Шорохова. Принцип детерминизма в психологии. — В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 25.

Введение бихевиористскими теориями промежуточных переменных, вклинивающих между стимулом и реакцией, не вывело их за пределы механицизма.

В современных научных дискуссиях по поводу рефлекторной теории не всегда принимается во внимание это историческое развитие понятия рефлекса, что ведет к подмене сеченовского понятия рефлексов головного мозга и павловского понятия условного рефлекса понятием «жесткой дуги». В результате объектом критики становится концепция, преодоленная уже Сеченовым, но оставшаяся в зарубежной науке и укрепленная американским бихевиоризмом. Эта концепция вызывает в наши дни справедливую критику.

Надо заметить, что в философской оценке рефлекторной теории «физиология активности» оказалась связанной со старыми взглядами, распространенными в советской психологии в 20-х гг. и отождествлявшими рефлекторную теорию с рефлексологией и с бихевиористскими учениями. Вместе с тем одно из основных положений рефлекторной теории Сеченова о том, что «чувствование повсюду имеет значение регулятора движения, другими словами, первое вызывает последнее и видоизменяет его по силе и направлению»⁷⁹, доказано многими современными экспериментами и в первую очередь исследованиями Н. А. Бернштейна. Ведь он раскрыл физиологические механизмы регулирования, говоря словами Сеченова, движений чувствованиями; роль в этом регулировании мышечных чувств, возникающих в двигательном акте, и значение сформированного «образа действия» для его выполнения, или, по современной терминологии, сенсорной коррекции двигательных актов, роль двигательной задачи и обратной афферентации в их построении.

В исторической перспективе также видно, что по своей сути экспериментальное обоснование и теоретическое содержание физиологии активности не противоречит смыслу рефлекторной концепции и в ее первооснове, когда она определилась в своем становлении в русской физиологии середины прошлого века. Поэтому при обсуждении вопросов, поднятых физиологией активности⁸⁰, имеют полное основание взгляды, что современные представления в физиологии и психологии являются продолжением и дальнейшим развитием рефлекторной теории. И в той области, с которой физиология активности связана наиболее тесно, поскольку ей она обязана своим рождением,— в физиологии движений, происходит воссоединение учения о регуляции движений, созданного Н. А. Бернштейном, с рефлекторной тео-

---

⁷⁹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, стр. 236—237.

⁸⁰ Подробный обзор обсуждения проблем «физиологии активности» см. Ф. В. Бассин. О подлинном значении нейрофизиологических концепций Н. А. Бернштейна.— «Вопросы философии», 1967, № 11.

рий на общей основе системно-структурного подхода к работе мозга^{80а}.

Но возвратимся к главному положению, которое должно определить отношение к современной рефлекторной теории в физиологии и психологии, к положению о том, что, оставаясь верной своим методологическим принципам, она смогла внести в свое содержание новые знания о деятельности мозга и произвести их обобщение, внести новые научные идеи и подчинить их единству общей концепции.

И все же снова и снова обсуждается вопрос о рефлекторной теории в ее отношении к наиболее сложным формам психической деятельности. Показательны те соображения, которые в настоящее время высказаны Ф. В. Бассиным по поводу мысли И. П. Павлова о каузальном рефлексе и ее истолковании Э. А. Асратяном⁸¹. Ф. В. Бассин ставит вопрос о том, остается ли принцип условнорефлекторной деятельности мозга ведущим в организации связей на уровнях мозговой деятельности, близких к второсигнальным. Подчеркивая, что изучение работы мозга в современных условиях неизбежно связано и с физиологией и с психологией, Ф. В. Бассин утверждает, что надо говорить об ином, нерелекторном, принципе организации сложных форм нейродинамики, который остается пока еще очень неясным в своих физиологических механизмах, но улавливается в какой-то степени в его психологическом и логическом выражении.

Предлагая пересмотреть павловское учение и отбросить то, что не соответствует современному пониманию особенностей функциональной организации мозговой деятельности, Ф. В. Бассин считает нужным устранить представление о том, что рефлекторный принцип является ведущим на высших уровнях организации поведения, и искать более сложные формы активности.

Приведенные соображения свидетельствуют о современных тенденциях движения научной мысли еще более ярко, если их сопоставить с теми взглядами, которые были высказаны именно Ф. В. Бассиным в 1962 г. на Всесоюзном совещании по философским проблемам высшей нервной деятельности и психологии. Тогда, отстаивая методологическое значение рефлекторного принципа, Ф. В. Бассин указывал, что «нужно ясно видеть разницу между рефлекторным принципом в его общем, философском понимании и конкретным представлением о физиологической структуре и физиологических механизмах рефлекторной деятельности. Отказ от первого — это при любых

---

^{80а} См. Д. Д. Донской. Законы движений в спорте. Очерки по теории структурности движений. М., 1968, стр. 60—66, 75, 158 и др.

⁸¹ См.: Э. А. Асратян. Каузальный условный рефлекс. — «Вопросы философии», 1970, № 10; Ф. В. Бассин. Открытое письмо Э. А. Асратяну. — «Вопросы философии», 1971, № 4.

условиях, сдача наших коренных методологических позиций»⁸². Несколько позже он же отмечал, что новые представления о работе мозга следует рассматривать как новый уровень развития рефлекторной теории⁸³.

Стремительное развитие наук о мозге в последние десятилетия не заполняет еще разрыва между представлениями об элементарных и сложных формах материальных мозговых механизмов, между разными уровнями психического. До сих пор не использованы достижения тонкой нейрофизиологии для изучения психических явлений, с одной стороны, и достижения психофизиологии, нейропсихологии — с другой. На это обращал внимание в своем докладе о состоянии и перспективах развития психологии в СССР на IV съезде психологов в 1971 г. президент общества психологов Б. Ф. Ломов. Дальнейшее развитие связей психологии и физиологии настоятельно требует заполнения этого разрыва, и тогда будущее покажет, на каком уровне произойдет объединение новых знаний.

Два десятилетия назад в дискуссии на павловской сессии утверждался взгляд, согласно которому решение вопроса о взаимоотношении физиологического и психологического должно заключаться в сведении психических закономерностей к физиологическим законам высшей нервной деятельности. Этот взгляд был несостоятелен и не мог получить подтверждения научными фактами: физиология никак не могла подменить психологию. В борьбе с ним возник и получил распространение другой столь же ошибочный взгляд. Его защитники отрицают роль физиологических процессов в происхождении и характере психических актов и состояний и считают психику функцией только предметно-человеческих и межчеловеческих отношений. Справедливо протестуя против вывода о том, что исследование психической деятельности надо заменить изучением физиологических процессов, и столь же справедливо протестуя против всяких попыток сведения психического к физиологическому, сторонники такого взгляда настаивают на разрыве психических и физиологических процессов. Они неверно ограничиваются рассмотрением лишь отношения психики и внешнего мира, снимая отношение психики к мозгу, подобно тому, как сторонники сведения психического к физиологическому ограничиваются лишь рассмотрением отношения психического к физиологическим процессам⁸⁴.

Используя знания о раннем онтогенезе, о роли общения ребенка со взрослыми и его человеческого окружения, человеческого предметного мира и человеческой деятельности в нем,

⁸² «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии», стр. 720.

⁸³ См. Ф. В. Бассин. О подлинном значении нейрофизиологических концепций Н. А. Бернштейна. — «Вопросы философии», 1967, № 11.

⁸⁴ См., например: Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я. М., 1964.

о передаче общественного опыта, обучения, эта концепция приходит к тому, что отбрасывает в содержательной характеристике психического природную составляющую человеческой организации. Чтобы не было представления о дематериализации психического, мозг рассматривается как некая постоянная величина, как «субстрат», над которым надстраивается собственно психическая отражательная деятельность. Такие факторы, как наследственность, условия преднатального и постнатального развития, особенности свойств нервной системы в детерминации психического снимаются, и таким путем получается единая социальная детерминация психики. В противоположность первой концепции отрицается значение для психологии физиологических закономерностей, а следовательно, отрицается необходимость методологического единства психологической теории и физиологического учения о деятельности мозга.

И если ранее в психологии была опасность биологизаторства, то в настоящее время существует опасность антибиологизма. На это обратил внимание Б. М. Теплов еще в 1964 г. Комментируя тогда книгу американского психолога А. Анастаси «Дифференциальная психология», Б. М. Теплов писал о тенденциях антибиологизма в советской психологии⁸⁵. Борьба с этими ошибочными тенденциями разворачивается в наши дни в дискуссиях по поводу социальной детерминации психики.

Действительно, современные психологические исследования приносят все новые и новые доказательства социальной детерминированности психического развития человека. Но одновременно углубилось и знание природных условий этого развития. За последние десятилетия значительно расширились знания о свойствах нервной системы как природной основы индивидуально-психологических различий. Поэтому признание либо того, либо другого ряда новых фактов одинаково ведет к одностороннему решению вопроса. Очевидно, речь может идти только о таком диалектическом решении, в котором новые факты найдут свое место в единой теории и будут рассмотрены в своей взаимосвязи.

---

⁸⁵ См. Б. М. Теплов. Конспекты и комментарии к книге А. Анастаси «Дифференциальная психология». — В кн. «Проблемы дифференциальной психофизиологии», т. VI. М., 1969.

Глава VI

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПСИХИЧЕСКОГО И ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Вопрос о природе психического на протяжении истории советской психологии выступал в разных аспектах. На первый план выдвигались то одни, то другие аспекты: связь психического с мозгом, социальная обусловленность психики человека в ее историческом развитии, связь сознания с деятельностью человека, характеристика психического как отражательного процесса. Будучи объектом психологического исследования, включаясь во все новые связи, психическое обнаруживало новые свойства, новые качества.

В укреплении марксистской психологической теории решающим этапом стало выдвинутое всем ходом развития мировой психологической науки выяснение отношения психики с деятельностью человека. Рассмотрение психики в ее связи с мозгом, философский анализ рефлексорной концепции психической деятельности привели к дальнейшему развитию этой концепции в соответствии с диалектико-материалистическими взглядами.

Первоначально эти отношения, в которых психическое проявлялось в разных системах своих связей с окружающим миром, или рассматривались вне зависимости их друг от друга, причем зачастую происходила абсолютизация и универсализация той или иной характеристики психического, или же, наоборот, отдельные системы связи не вычленялись, а характеристики проявлений психического в его разных аспектах смешивались воедино и происходило неправомерное отнесение характеристики психического, связанной с одной сферой его проявления, в другую. Подмена одной из характеристик психического всех остальных и распространение с одной системы отношений на другие вело к ошибочным представлениям о природе психического и порождало многие споры. Исторический

опыт психологической науки учил, что исследование одной системы отношений психики и материального мира вне ее соотношенности с другими не дает правильного ответа на вопрос о природе психики и ее детерминации. Достаточно вспомнить дискуссии 20-х гг. и уже более близкую дискуссию об отношении психологии и физиологии высшей нервной деятельности в 50-х гг. Они предостерегали от возможного смешения двух систем отношений психического с материальным — с мозгом и с отражаемым внешним материальным миром, от переноса противоположности субъективного и объективного, характеризующей психическое в его гносеологическом отношении (психическое как познание и материя как объективная реальность), на соотношение психического и физиологического и в то же время обязывали учитывать обе системы отношений в исследовании психических явлений.

По мере разработки разных сторон природы психического, выделения существенных связей, в которых выступают психические явления, необходимо стало их соотнесение между собой, так же как и установление их взаимосвязей. В этом заключался и путь к преодолению односторонности, произвольности. В конечном счете психика должна выступить во всей своей конкретности и сложности, во взаимосвязи всех своих характеристик, всех своих отношений, всех своих уровней, во взаимосвязи процессуальных моментов и результативных выражений.

Проблема взаимосвязи основных характеристик психического становится актуальной философской проблемой психологической науки, исходной для разработки методологических принципов построения психологической теории на новом этапе ее развития. Этот вопрос был поднят на совещании по психологии в 1952 г. в докладах А. А. Смирнова и Б. М. Теплова¹. А. А. Смирнов, возражая против односторонности в понимании психического, как важнейшую отметил отражательную характеристику психики, подчеркнул связь психики с деятельностью людей и зависимость ее от мозга. Важной задачей психологии, полагал Б. М. Теплов, является всестороннее исследование связей и опосредований психического. Он считал, что на основе принципа единства сознания и деятельности в советской психологии было проведено много полезных исследований. «Однако, — утверждал Б. М. Теплов, — рассмотрение перечисленных конкретных исследований и теоретических работ показывает, что *одностороннее* сведение вопроса об объективной обусловленности психики только к зависимости психики от деятельности, во-первых, не дает возможности последовательно осуществить объективное изучение психики, а во-вторых, ведет к отходу от

---

¹ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 9—45, 49—74.

материализма, поскольку оно игнорирует теорию отражения и понимание психики как функции мозга. Показателем той же односторонности является не изжитое и сейчас еще мнение, что в психологии возможны двоякого рода объяснения: объяснения общественными условиями существования *или* объяснения физиологическими механизмами, законами высшей нервной деятельности»²⁻³.

Отражательная характеристика психики, ее зависимость от мозга и ее связь с деятельностью людей не вызвала сомнений. Но признание этих общих положений о психике, говорил А. Н. Леонтьев, еще не давало ответа на вопрос: «как, в каком же отношении, взаимодействии, в каких специфических взаимодействиях изучает психология процессы отражения объективной реальности в сознании человека?»⁴.

Формулируя этот вопрос, А. Н. Леонтьев видел необходимость в исследовании особенностей этой взаимосвязи, отмечал недостаточность признания ее существования. «Возьмем для примера такой момент, как деятельность. Как же соотносятся между собой роль деятельности и роль внешних условий в формировании отражения? А. А. Смирнов пишет, что психология изучает психику, как формирующуюся в деятельности. Значит, деятельность человека определяет его психику? Тут же А. А. Смирнов говорит: психика определяется особенностью самих предметов и вместе с тем зависит от деятельности. То же говорится о зависимости отражения, с одной стороны, от того, что воздействует, а с другой стороны, от особенностей того, кто подвергается воздействию и какому воздействию. Эти моменты просто связываются союзом «и». Мне кажется, что не этого требует всесторонний анализ. По-моему, в этом выражается то, что анализ не доведен до конца. Ведь как раз момент выяснения роли деятельности, выяснения роли, места, процесса, связывающего человека с миром, в отражении этого мира является очень важным вопросом, без которого нельзя подойти к пониманию специфики психологии»⁵.

Вопрос о выяснении взаимосвязи разных аспектов психики состоял не в том, чтобы к одной характеристике присоединить вторую, третью, а в том, чтобы ввести выделенные зависимости в такое взаимодействие, которое показало бы детерминацию психического во всей совокупности этих зависимостей.

Поэтому предложение добавить к психологическому исследованию анализ физиологических механизмов, вносившееся некоторыми психологами при обсуждении вопроса о перестройке психологии на основе физиологического учения И. П. Павлова, не было решением вопроса и вызвало критику. «Перестройка на-

---

²⁻³ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 45, 56—57.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же.

шей работы, как и перестройка всей советской психологии, — это не простое дополнение существующих психологических понятий новыми данными и выводами, взятыми из павловского учения о высшей нервной деятельности, — говорил на совещании Г. С. Костюк. — Это не просто... подстраивание физиологических механизмов под существующее, исторически сложившееся здание психологической науки. Это критический, серьезный, глубокий и основательный пересмотр сложившихся понятий, определений, психологических характеристик. Это — перестройка самой системы психологических понятий, решительное искоренение всего того, что является остатками дуализма, субъективно-идеалистического понимания природы психического»⁶. По мнению С. Л. Рубинштейна, «ошибочным и вредным является готовность некоторых психологов свести перестройку психологии на павловской основе только к тому, чтобы присоединить к психологическим работам старого образца, ничего не меняя в них по существу, раскрытие физиологических механизмов психических явлений, описанных в этих работах»⁷.

Только учитывая всю совокупность связей, можно прийти к верному представлению о природе психического во всем ее многообразии и в то же время единстве. Взятые отдельно, эти зависимости со всей очевидностью демонстрируют свою недостаточность для построения психологической теории.

Односторонние взгляды проявились в дискуссии о природе психики на павловской сессии и после нее, когда вопрос об отражательной деятельности мозга решался ошибочно в пределах одного отношения — зависимости психики от мозга, вне ее связи с внешним миром, в то время как отражательная характеристика психики определяется в системе ее отношений с внешним миром. Вместе с тем понимание психики как отражения внешнего мира требует определенного соотношения с тем, как понимается ее зависимость от деятельности мозга. Это означает: выделение и рассмотрение одного аспекта психики ведет к необходимости последующего соотношения его с другими аспектами и включения в него результатов этой соотношенности, ведет к необходимости рассмотрения совокупности взаимосвязанных аспектов психического.

Определение путей развития психологии вновь приводило к постановке и решению ее философских проблем, при этом на первый план выступала и приобретала особое значение проблема взаимосвязи основных характеристик психики, а вместе с этим и вопрос о ее детерминации. В начале 50-х гг. выделились, а потом развились и получили развернутое обоснование две линии в решении этих вопросов, два подхода, которые и поныне разрабатываются в советской психологической теории.

---

⁶ Там же, стр. 154.

⁷ Там же, стр. 203.

Исходные позиции одного из них были сформулированы на совещании 1952 г. А. Н. Леонтьевым и П. Я. Гальпериным, а затем развиты ими и другими психологами. Это направление было потом обозначено его сторонниками как линия Л. С. Выготского. Другой подход получил свое философское обоснование в трудах С. Л. Рубинштейна, в конкретных исследованиях, проведенных под его руководством, в работах его учеников, последователей и поддержан рядом психологов.

Общим для того и другого подхода было признание необходимости рассматривать психику в совокупности ее ведущих отношений: отношения к внешнему миру, к мозгу, отношения к деятельности человека. В отношении к деятельности подчеркивалось важнейшее положение о роли практической деятельности в формировании психики. Особо выделялся социальный аспект психики, ее социальная обусловленность. Отношение психики к внешнему миру характеризовалось как отражение объективной реальности, отношение к мозгу определялось рефлекторной концепцией, а отношение к деятельности человека — положением о связи сознания с деятельностью. Трактовка рефлекторной концепции была далеко не одинакова, но не в этом была суть дела. Расхождения в теоретических вопросах коренились, во-первых, в стержневом вопросе о форме связи деятельности со всеми другими характеристиками психического, во-вторых, в понимании детерминации психики, и в первую очередь ее социальной обусловленности.

При обсуждении «Основ общей психологии» С. Л. Рубинштейна в 1947 г. большинство выступавших признавали ценность и методологическое значение положения о связи сознания и деятельности. Но тогда же выявились расхождения в трактовке этой связи. Взгляд, высказанный в «Основах общей психологии», о том, что психология рассматривает только психические компоненты деятельности, а не вообще деятельность, разделяли многие, однако находил своих сторонников и другой взгляд, который вводил в предмет психологии деятельность в целом. Защитники первого взгляда возражали против него на том основании, что это означает замену психологии «праксеологией»⁸. Очевидным было, что понимания связи сознания с деятельностью как единства было уже недостаточно, поскольку не был выяснен характер этой связи⁹. Отличие под-

---

⁸ См. Стенограмму обсуждения книги С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» 26, 29 марта, 1 и 4 апреля 1947 г. Архив С. Л. Рубинштейна. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), п. 642.

⁹ В кратком обзоре, предшествующем изложению исследований по формированию умственных действий, П. Я. Гальперин писал: «...термин «единство», которым С. Л. Рубинштейн обозначал искомую связь внешней деятельности и сознания, лишь указывал на ее желаемый характер, но не раскрывал ее содержания» (П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию

ходов к трактовке связи сознания с деятельностью выразилось в представлении о взаимосвязи ведущих характеристик психики в разных системах ее отношений, что в свою очередь обусловило и самую трактовку основных отношений. Отсюда следовал целый ряд теоретических выводов, которые, как мы увидим, определяли подход к основным теоретическим вопросам и направляли постановку конкретных исследований частных проблем.

Соотнесение познавательной характеристики с деятельностью могло быть произведено лишь с учетом отношения психического к мозгу. Принимая рефлекторную концепцию психического, психологи должны были найти ее выражение в психологической теории. Однако эта задача была подчинена другой — решению вопроса о детерминации психики человека. Этот вопрос становится главной философско-теоретической проблемой, и его решение обуславливает методологию конкретных исследований проблем общей психологии и ряда ее отраслей.

ПРОЦЕСС ИНТЕРИОРИЗАЦИИ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Направление, получившее название линии Выготского, вряд ли можно отождествлять с культурно-исторической теорией. По существу это новая концепция, в которой получил новое существование ряд идей Л. С. Выготского, включенных им в культурно-историческую теорию¹⁰. Концепция эта развивается в трех планах: философско-теоретическом — трудами А. Н. Леонтьева об общественно-историческом развитии психики, онтогенетическом — исследованиями А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина и их сотрудников и в плане психологии обучения — учением о поэтапном формировании умственных действий, разрабатываемым П. Я. Гальпериным. В свете этой концепции в последние десятилетия проведены многочисленные экспериментальные исследования.

В учении А. Н. Леонтьева об общественно-историческом развитии психики взаимосвязь характеристик психического в его отношении к материальному миру представляется как осуществление детерминации психического продуктами общественно-исторической деятельности людей через процесс их присвоения.

умственных действий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959, стр. 444).

¹⁰ Об отношении этой концепции к культурно-исторической теории см.: А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Психологические воззрения Л. С. Выготского.— В кн. Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956; П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I; П. Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В кн. «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966.

Психическое трактуется как результат процесса присвоения продуктов общественно-исторического производства. Этот процесс заключается в осуществлении по отношению к присваиваемым продуктам деятельности, адекватной той, которая в них воплощена и вместе с которой в них огредмечена человеческая психика. Процесс присвоения в данной концепции «имеет принципиальное, ключевое значение для понимания формирования человеческой психики»¹¹. В этом процессе «совершается переход... объективного в субъективное, материального — в идеальное»¹², — говорил А. Н. Леонтьев, выступая на совещании по психологии в 1952 г.

Генетический, исторический подход к проблеме психической деятельности, как полагает А. Н. Леонтьев, «нашел свое выражение во взгляде на психическую деятельность как на особую форму деятельности — продукт и дериват развития материальной жизни, внешней материальной деятельности, которая преобразуется в ходе общественно-исторического развития во внутреннюю деятельность, в деятельность сознания»¹³. Этому вопросу А. Н. Леонтьев посвящает ряд своих статей, развивая концепцию, в которой видит продолжение линии Л. С. Выготского. Преимуществом эта заключается в развитии прежде всего идеи о происхождении внутренних психических процессов из деятельности первоначально внешней. Механизм формирования психической деятельности является механизмом интериоризации внешних действий. Место и роль интериоризации в данной концепции определяются пониманием психического как результата процесса присвоения продуктов общественно-исторического производства.

Основой интериоризации является формирование действий в онтогенезе. «Интериоризация действия, т. е. постепенное преобразование внешних действий в действия внутренние, умственные, есть процесс, который необходимо совершается в онтогенетическом развитии человека»¹⁴. Необходимость интериоризации определяется тем, что развитие рассматривается А. Н. Леонтьевым как присвоение ребенком достижений исторического развития человечества. Эти достижения выступают в форме продуктов общественного производства и в форме понятий, являющихся результатом человеческого познания. Чтобы овладеть достижениями человечества, ребенок «должен осуществить по отношению к ним деятельность, адекватную той человеческой деятельности, которая в них «опредмечена», воплощена»¹⁵.

¹¹ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе в изучении психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 34.

¹² «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 164.

¹³ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе в изучении психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 15.

¹⁴ Там же, стр. 32.

¹⁵ Там же.

Таким образом, утверждается зависимость психического развития человека от овладения им предметными способами действия в процессе присвоения продуктов человеческой культуры.

Соответственно взгляду на детерминацию психического продуктами общественно-исторической деятельности людей через их присвоение А. Н. Леонтьев трактует и процесс отражения¹⁶. Под ним подразумевается процесс, который возникает в том случае, когда человек присваивает продукты общественного производства, осуществляя по отношению к ним деятельность, адекватную той, которая была в них воплощена при их производстве и вместе с которой в них была опредмечена человеческая психика. Согласно идее присвоения при этом происходит следующее.

Поскольку трудовая деятельность людей воплощается в производимых ими продуктах, в этих продуктах запечатлевается также и регулирующий деятельность субъекта внутренний образ. Таким путем психическое получает экстериоризованную форму существования. «Теперь в этой воплощенной вовне, экстериоризованной своей форме он сам (т. е. образ. — Б.) становится объектом отражения. Происходящее в голове человека соотносение воплощаемого образа и отражения объекта, воплотившего его в себе, и порождает осознание последнего»¹⁷. Процесс этот может реализоваться, указывает А. Н. Леонтьев, «лишь в том случае, если объект выступит перед человеком именно как запечатлевший отражение, т. е. своей идеальной стороной»¹⁸. Идеальное, таким образом, выступает как принадлежность объекта, что последовательно выражает единую теоретическую линию, согласно которой психическое имеет экстериоризованную форму существования в объекте и идеальное является стороной объекта. Результатом присвоения и является презентированность, по выражению А. Н. Леонтьева, объектов человеку, которая возникает во взаимосвязи отражающей системы с некоторой внешней по отношению к ней действительностью. В факте презентированности и состоит сознательное психическое отражение¹⁹.

Из понимаемой так взаимосвязи деятельности человека, материального продукта этой деятельности и процесса отражения делается вывод о природе сознания. «Таким образом, сознание действительно является как бы «удвоенным» отражением, но только природа этой «удвоенности» лежит не во внутренних имманентных свойствах отражающей системы, а в особенном

---

¹⁶ См. А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. — В кн. «XVIII Международный психологический конгресс». М., 1969, стр. 7—20.

¹⁷ Там же, стр. 18.

¹⁸ Там же, стр. 18—19.

¹⁹ Там же, стр. 17; А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959, стр. 285.

характере порождающих эту удвоенность внешних отношений»²⁰.

В последние годы А. Н. Леонтьев особо подчеркивает мысль об экстериоризации внутренней деятельности, присоединяет эту идею к идее интериоризации внешних действий. В понимании идеальной мыслительной деятельности как деривата внешней, практической деятельности важной является, как он отмечает, проблема их взаимных переходов. «Не только интериоризация внешних действий и операций, но, что мне представляется принципиально особенно важным, и экстериоризация внутренней деятельности»²¹. А. Н. Леонтьев видит фундаментальную проблему психологии в исследовании «процесса перехода или «перевода» отражаемого содержания в содержание отражения»²².

Вместе с тем он продолжает поддерживать ранее выдвинутую гипотезу, которую в самом общем виде формулирует так: «Какова общая структура деятельности, осуществляющей жизнь организма, его взаимодействие с окружающим миром, такова и общая структура психического отражения»²³. Следовательно, процесс отражения детерминирован через деятельность объектом, в котором психическое находится в экстериоризованной форме, поскольку объект является продуктом человеческого труда, при этом общая структура деятельности определяет структуру отражения. Таковы условия, определяющие, согласно данной концепции, детерминацию психического отражения.

Что касается соотношения с деятельностью мозга, то психика понимается как результат прижизненно складывающихся систем условнорефлекторных мозговых связей, формируемых в онтогенезе функциональных систем²⁴.

Теория поэтапного формирования умственных действий, разрабатываемая П. Я. Гальпериным, его сотрудниками и последователями, была призвана решить задачу исследования строения деятельности и ее интериоризации. Впервые она была изложена в качестве гипотезы, направляющей экспериментальные исследования, на Всесоюзном совещании по психологии в 1952 г. «Мы исходим из того, — говорил П. Я. Гальперин, — что все психические функции представляют собой конечные продукты (условнорефлекторные по механизму) усвоения определенного рода действий при решении определенного рода задач. В своей исходной и основной форме эти действия суть практические,

---

²⁰ А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. В кн.: «XVIII Международный психологический конгресс». М., 1969, стр. 19.

²¹ Там же, стр. 20.

²² Там же, стр. 10.

²³ Там же, стр. 17.

²⁴ «Все психические свойства и процессы человека представляют собой продукт динамических, прижизненно складывающихся систем мозговых связей — условных рефлексов» (А. Н. Леонтьев. Природа и формирование психических свойств и процессов человека. — «Вопросы психологии», 1955, № 1, стр. 29).

предметные действия, которые и должны быть освоены, как таковые. Конечно, при накоплении достаточного опыта дальнейшее развитие операций может начаться от уже достигнутого уровня. Следовательно, развитие психических функций всегда начинается с формирования соответствующих внешних действий, и если впоследствии окажется, что какая-нибудь функция не сформировалась достаточным образом или сформировалась неправильно, то выправление ее должно начинаться с возвращения к ее исходной внешней предметной форме и далее методически проходить все надлежащие этапы»²⁵.

Поскольку психическая деятельность требует специального воспитания, «пересадки» извне внутрь, по выражению П. Я. Гальперина, она оказывается неотделимой от педагогической практики. «Педагогический процесс есть подлинная действительность формирования и развития психики: вне этого процесса она не может быть понята ни по своему происхождению, ни по своему действительному содержанию, ни по своей природе»²⁶. Таким образом, в психологии, в ее теоретической работе практика «всегда по существу является педагогической практикой, практикой формирования и развития (а также и восстановления) психических функций и сознания человека в целом»²⁷.

Теория поэтапного формирования умственных действий создавалась первоначально в границах психологии обучения и располагала главным образом результатами экспериментального исследования учебной деятельности младших школьников. Но по мере накопления экспериментального материала эта теория развертывает свои положения и предлагает свое решение общего вопроса о генезисе психики из внешней материальной деятельности²⁸. Определяя общий ход развития учения о поэтапном

---

²⁵ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 97—98. Об исследованиях по формированию умственных действий сообщал А. Н. Леонтьев в своем докладе на XIV Международном конгрессе по психологии в 1954 г. См. А. Н. Леонтьев. Природа и формирование психических свойств и процессов человека.— «Вопросы психологии», 1955, № 1.

²⁶ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 99.

²⁷ Там же, стр. 99.

²⁸ См. П. Я. Гальперин. Умственное действие как основа формирования мысли и образа.— «Вопросы психологии», 1957, № 6; он же. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959 (там же приведена обширная библиография экспериментальных исследований); он же. Основные результаты исследований по проблеме «формирование умственных действий и понятий». М., 1965 (там же список работ П. Я. Гальперина и работ, проведенных его сотрудниками); П. Я. Гальперин. Метод, факты и теория в психологии формирования умственных действий и понятий.— В кн. «XVIII-Международный психологический конгресс». Симпозиум 24. Психология формирования понятий и умственных действий. М., 1966, стр. 38—47; он же. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В кн. «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966; П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина. Формирование знаний и умений на основе теории поэтапного усвоения умственных действий. М., 1968; В. В. Давыдов. Образование начального по-

формировании умственных действий, П. Я. Гальперин указывает, что из стремления изучать психическую жизнь в связи с конкретной, внешней, предметной деятельностью со временем выросло стремление *«рассматривать и самые психические функции как формы конкретной предметной деятельности субъекта»*²⁹. Вместе с тем происходит самоопределение учения о поэтапном формировании умственных действий в советской психологической науке, выбор им своего места и установление преемственности в ряду советских психологических исследований.

П. Я. Гальперин считает предпосылкой исследований по формированию умственных действий теорию Л. С. Выготского. Он видит преемственность в развитии идей Л. С. Выготского о зарождении высших психических функций во внешней деятельности и последующем их перенесении во внутренний план, об образовании высших, специфически человеческих форм психической деятельности путем вrastания «извне — внутрь», а также идеи превращения межиндивидуальных форм речевого общения в речевое мышление индивида. Однако, полагает он, «переход «извне — внутрь» был только намечен, но не прослежен, а способ преобразования форм общения в формы психической деятельности представлял нерешенную задачу — теория оставалась незаконченной»³⁰.

П. Я. Гальперин подверг критике принципиальное положение культурно-исторической теории — признание знаков «орудиями» психической деятельности. «Психологически главным оказалось значение знака в слове — его понятие (которое отождествлялось с значением слова). Поэтому в дальнейшем значение слова, понятие, стало для Выготского ключом к строению сознания, а развитие понятий — ведущим звеном в развитии психики. Интеллектуализм, с которым Выготский постоянно боролся, стал в утонченной форме чертой его собственных взглядов»³¹, — писал П. Я. Гальперин и отмечал связанную с этим опасность вывода о том, что движущей силой развития психики становилось взаимодействие сознания ребенка с сознанием обучающего его взрослого. Вот против этого, по сути дела, в противопоставлении интеллектуализму Л. С. Выготского, и было выдвинуто положение о том, что «не сознание и взаимодействие сознаний,

---

нения о количестве у детей. — «Вопросы психологии», 1957, № 2; Н. С. Пантина. Формирование двигательного навыка письма в зависимости от типа ориентировки в задании. — «Вопросы психологии», 1957, № 4; Н. Ф. Галызина. К вопросу об усвоении начальных геометрических понятий. Материалы совещания по психологии. М., 1957; Д. Б. Эльконин. Некоторые вопросы психологии усвоения грамоты. — «Вопросы психологии», 1956, № 5.

²⁹ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 446.

³⁰ П. Я. Гальперин. Основные результаты исследований по проблеме «формирование умственных действий и понятий». М., 1965, стр. 3—4.

³¹ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 442.

а только реальная деятельность ребенка, которая всегда является осмысленной деятельностью, определяет и его психическое развитие в целом, и течение отдельных психических процессов. Не понятие, а осмысленная деятельность является ключом к пониманию психики»³².

Из теории Л. С. Выготского, таким образом, удерживается комплекс идей о соотношении внешней и внутренней деятельности, но эти идеи развиваются в иной связи. «Осмысленная предметная деятельность становилась непосредственным предметом психологии. Центр тяжести психического развития ребенка был перенесен с понятий на деятельность, с явления отраженного на причину этого отражения»³³, — отмечает П. Я. Гальперин. На этой основе возникает гипотеза поэтапного формирования умственных действий, происходит разработка методик разнообразных экспериментов в рамках педагогической психологии.

Процесс формирования умственного действия представляется следующим образом. Первый этап — образование ориентировочной основы действия, что определяет ход и результат обучения. Происходит анализ задания, который выделяет в виде представления или схемы условия правильного его выполнения. Второй этап — выполнение действия с материальными объектами или в их так называемой материализованной форме. Речь идет о материальном изображении мыслимых свойств и отношений вещей в виде схем, диаграмм, чертежей, макетов, моделей или записей. Эта форма действия делает возможным «сохранять естественный психологический порядок формирования нового умственного действия, вести его от психологически исходной, внешней материальной формы»³⁴. На третьем этапе происходит сокращение тех операций, из которых состояло действие, и отрыв действия от внешних материальных опор. Действие переносится в план громкой речи, которая рассматривается как особая форма предметного действия. Переход к речевой форме понимается как введение посредством языка «объективной действительности общественного сознания», как обучение пользоваться новыми «орудиями». На четвертом этапе громкоречевое действие переносится во внутренний план, происходит проговаривание действия целиком про себя, а на пятом — последнем — этапе сокращается сама речевая формула и внешняя речь превращается во внутреннюю. Предметное действие становится актом внутренней речи. Объект выступает в сознании как предметное значение речи. Когда умственных действий достаточно для усвоения новых знаний, они могут усваиваться сразу — «в уме»; но это не снимает исходного положения о том, что только материальная (или материализованная) форма действия может быть источником полноценного умственного действия.

³² Там же, стр. 443.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 450.

Существенно то, что действия с материальными объектами или их материализованными формами заранее точно предусматриваются и подготавливаются учителем в условиях школьного обучения или экспериментатором. Подготовка состоит в том, что действие делится на операции и вместе с тем обобщается: из многообразных свойств объекта выделяются те, которые нужны для выполнения действия. Учащимся или испытуемым в эксперименте остается только выполнение указанных операций. Например, в опытах по усвоению понятий экспериментатор сам подбирает входящие в понятие признаки и дает учащемуся карточку с их перечислением для материализованного действия и последующего речевого воспроизведения этих признаков сперва вслух, а затем про себя.

Поэтапное формирование умственных действий предстает как процесс усвоения операций, связанных с объектом действия и подготовленных для усвоения путем специальной обработки. Переход «извне — внутрь» — важнейшее условие превращения предметных процессов в психологические, но им, отмечает П. Я. Гальперин, не исчерпывается преобразование. Указанные пять этапов составляют первый параметр — обозначают уровень, на котором выполняется действие. К этому добавляются еще три параметра, или направления, по которым идет изменение действия. Второй параметр — полнота операций (развертывание или сокращение действий). Третий — обобщение действия, четвертый — его освоение. Все эти изменения в своей совокупности необходимо ведут к преобразованию предметного действия в мысль о нем³⁵.

Дальнейшая поляризация умственного действия состоит в его раздвоении на объект мысли и мысль об этом объекте. Мысль понимается как идеальное действие субъекта, направленное на мыслимое содержание, на объект мысли. Поэтому идеальная психическая деятельность и является собственно мыслью, а мыслимое содержание составляет только ее объект.

Следствием того, что умственные действия рассматриваются как интериоризованные внешние практические действия, является сведение познавательного акта к умственному воспроизведению практического действия. Гносеологическая характеристика в генезисе психического как его познавательное отношение к внешнему миру утрачивается.

Формирование умственных действий делает возможным его «примеривание в плане образов» (по выражению П. Я. Гальперина), а отсюда происходит ориентировка поведения. Так выполняется основное назначение психики. «Только процесс формирования умственного действия, прослеженный хотя бы в общих чертах, но от начала и до завершения, позволяет понять этот

---

³⁵ П. Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В кн. «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966, стр. 251—252.

психологический процесс (т. е. настоящее содержание умственного действия. — Б.) в его основных особенностях и, в частности, понять, как образуется мысль, что она такое на самом деле, почему она представляется в таком виде»³⁶.

Как же теория поэтапного формирования умственных действий производит соотнесение двух характеристик психического: его отношения к деятельности человека и его отношения к объективному миру? Как совершается соотнесение умственных действий с чувственными и отвлеченными образами с мыслью? Это соотнесение тем более важно, что психическое выводится этой теорией из действия, при этом содержанием психического оказывается отражение внешней деятельности.

В первых своих сообщениях об исследованиях формирования умственных действий П. Я. Гальперин говорил об умственных действиях как части познавательных явлений³⁷, но затем умственное действие стало трактоваться как основа формирования мысли и образа, а задача исследования состояла в том, чтобы «проследить, как в результате формирования умственного действия происходит формирование образа — образа тех вещей, с которыми это действие производится»³⁸.

Позднее, подчеркивая сложность задачи, П. Я. Гальперин писал: «Переход от умственных действий к образам на основе единой линии исследования представляет собой нелегкую задачу, так как образы в известном смысле прямо противоположны действиям: действие — процесс, образ — нечто одномоментное, статическое; в образе навстречу действию выступает объект, который противостоит этому действию. Но, с другой стороны, в образах отражаются предметы, с которыми производятся действия, и самое это отражение формируется на основе действия с предметами»³⁹.

Экспериментальный материал образования школьных понятий и обобщенного образа восприятия трактуется так: «Понятие как целостный образ получается тогда, когда действие, на основе которого оно формируется, пройдя поэтапную отработку, становится обобщенным, сокращенным, автоматическим и подсознательным умственным процессом. Умственное действие в такой форме и есть психологический механизм отвлеченного образа»⁴⁰. Материализованным действием было действие ученика с карточкой, на которой выписаны отличительные признаки понятий.

³⁶ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 463.

³⁷ П. Я. Гальперин. Опыт изучения формирования умственных действий. — «Доклады на совещании по вопросам психологии» (3—8 июля 1953 г.). М., 1954.

³⁸ П. Я. Гальперин. Умственное действие как основа формирования мысли и образа. — «Вопросы психологии», 1957, № 6, стр. 67.

³⁹ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 463.

⁴⁰ Там же, стр. 465.

Таким же путем на основе действий строятся образы восприятия. Они могут не проходить речевой отработки и оставаться в поле восприятия, не переходя в умственный план.

Обобщение исследований, выявивших ход усвоения знаний в школьном обучении, устанавливает функциональную связь между разными формами одного и того же действия, а понимание этой связи как генетической приводит к выводу, который принимается как вывод, определяющий природу психического, а именно утверждающий, что психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план отражения. Отсюда следует: «Психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план отражения,— в план восприятия, представлений и понятий. Процесс такого переноса совершается через ряд этапов, на каждом из которых происходит новое отражение и воспроизведение действия и его систематические преобразования»⁴¹. Так на место умственной деятельности подставляется вообще психическая деятельность, происходит отождествление умственной деятельности с психической, а также отождествление психических процессов с «идеальными действиями»⁴². А следующим ходом является определение психического как отражения материальной деятельности.

Формирование умственных действий, согласно теории П. Я. Гальперина, представляет общий механизм возникновения психических явлений. «В нем раскрывается конкретное содержание психической деятельности: она оказывается не чем иным, как совокупностью внешних предметных действий, ставших идеальными и, в частности, умственными действиями»⁴³.

Так теория формирования умственных действий понимает процесс преобразования материального в идеальное. Впервые излагая в 1952 г. свою теорию, П. Я. Гальперин подчеркнул ее значение для трактовки известной философской формулы Маркса — «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁴⁴. «В настоящее время,— говорил Гальперин,— мы можем с достаточной, в общих чертах, ясностью сказать, что пересаживается, как это происходит и в чем состоит эта переработка»⁴⁵. Несколько позже, подводя итоги разработки своей теории, он писал: «Формирование умственного, обобщенно говоря, идеального,

---

⁴¹ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 446.

⁴² П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин. Проблемы формирования знаний и умений у школьников и новые методы обучения в школе.— «Вопросы психологии», 1963, № 5.

⁴³ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 465.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 21.

⁴⁵ «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45, стр. 98.

действия составляет основу для формирования других психических явлений. А так как эти идеальные действия суть не что иное, как материальные действия, перенесенные в план отражения и многократно измененные, то генетически и функционально единая система всех этих отраженных форм предметного действия и составляет конкретное содержание психической деятельности, скрытой за разными психическими явлениями»⁴⁶.

Соотношение учения об интериоризации с философским положением марксизма о вторичности мышления по отношению к бытию приводит В. В. Давыдова к заключению: «Материалистическая теория познания, решая основной вопрос философии, обосновывает *вторичность* мышления по отношению к действительности. Для этой теории мыслительная деятельность — суть *идеализация* деятельности предметно-практической»⁴⁷.

Взгляды на природу психического, развиваемые А. Н. Леонтьевым, и теория умственных действий следуют единой линии в понимании детерминации психического, в понимании того, что материальная внешняя деятельность переносится в план идеальный, внутренний, в признании механизмом формирования психической деятельности интериоризации внешних действий. Утверждая свою связь с учением Л. С. Выготского, это направление развивает его идею интериоризации, но вносит в нее изменение. Сравнение содержания понятия интериоризации в трудах Л. С. Выготского и в современных концепциях, продолжающих его линию, показывает, что изменение это заключается в следующем. Представление об интериоризации относилось Выготским к понятию знака. В его теории высшие психические функции отличались тем, что человек овладевал ими посредством знаков. И для него основным был вопрос об интериоризации или, как чаще писал он, вращивании знака. В современных концепциях интериоризация представляется механизмом, посредством которого из внешней, материальной деятельности образуется внутренняя, психическая.

Можно проследить и различие между разработанной А. Н. Леонтьевым концепцией природы психического и теорией умственных действий. Последняя содержание психической деятельности видит в совокупности внешних предметных действий, ставших идеальными, а процесс преобразования материального в идеальное — в перенесении материальных внешних действий во внутренний план. При этом отражательная характеристика психического сдвигается с объекта на действие, поскольку психические процессы считаются отражением материальных действий. В концепции А. Н. Леонтьева развивается идея перехода, по его

⁴⁶ П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 466.

⁴⁷ В. В. Давыдов. О возможности применения диалектической логики при решении психолого-дидактических проблем. — В сб. «Оптимизация процесса обучения в высшей и средней школе». Душанбе, 1970, стр. 29.

выражению, присвоения, экстериоризованной формы психического, заключенной в объекте, в интериоризованную.

Такова, следовательно, одна линия в трактовке взаимосвязи основных характеристик психического и его детерминации, разрабатываемая в современной советской психологии и направленная на раскрытие закономерностей возникновения и развития психической деятельности. У этой линии есть сторонники и противники, выступающие против нее в дискуссиях на съездах психологов, в периодической печати, в ряде теоретических исследований.

Главным предметом обсуждения является вопрос о том, как понимать детерминацию психики внешними условиями жизни человека. В том, что психическое детерминируется этими условиями и прежде всего условиями его общественной жизни и деятельности, психологи-марксисты едины. Но как происходит эта детерминация? Этот вопрос коренной в дискуссиях. Его решение определяет трактовка методологического принципа детерминизма применительно к психологической теории. Рассмотренные выше концепции утверждают непосредственную внешнюю детерминацию психического развития человека. Другая трактовка принципа детерминации исходит из того общего положения, что внешние воздействия преломляются через посредство внутренних свойств того тела, на которое они направлены. Согласно этой точке зрения, внешняя детерминация психического опосредована внутренними условиями. Она требует учитывать природу самого человека и диалектику взаимосвязи и взаимообусловленности внешних и внутренних условий. На основании так понимаемой детерминации С. Л. Рубинштейн считал, что теория интериоризации «односторонне подчеркивает детерминацию внутреннего внешним, не выявляя внутренней обусловленности этой внешней детерминации»⁴⁸.

С. Л. Рубинштейн признавал положение о первичности практической деятельности и ее роли в формировании внутренней теоретической деятельности верным и важным. Он соглашался понимать интериоризацию как переход от деятельности практической к теоретической. Но он возражал против того, что психика возникает в результате интериоризации внешней материальной деятельности. «Всякая *внешняя* материальная деятельность человека,— писал он,— уже содержит *внутри* себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительной его части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести «внутренние» психические процессы за пределы «внешней» человеческой деятельности — как это сознательно

---

⁴⁸ С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории.— «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 4.

или бессознательно, эксплицитно или имплицитно делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности. На самом деле, интериоризация ведет не от материальной внешней деятельности, лишенной внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия»⁴⁹. При таком понимании интериоризации «речь идет не о возникновении психических процессов, психической деятельности из (только) внешней, (только) материальной, а о переходе от одной формы деятельности к другой и от одной формы существования психических процессов (как компонентов внешней, практической деятельности) к другой (как деятельности теоретической, умственной), психических процессов одного уровня к психическим процессам другого, высшего уровня и — в связи с этим — от одной формы их существования к другой. При этом «интериоризация» — это не «механизм», посредством которого осуществляется переход, а лишь его результативное выражение, характеристика направления, в котором идет этот процесс»⁵⁰.

Считая неверным противопоставление внешнего, материального процесса процессу психическому, Н. А. Менчинская видит ошибку в представлении о том, что умственное действие начинается только тогда, когда внешнее, материальное действие перенесено в план отражения, т. е. когда оно, как таковое, прекратило свое существование. Эта «мысль неверна в трех отношениях: во-первых, материальные, внешние действия, осуществляемые ребенком, также сопровождаются психическими процессами; во-вторых... мышление (умственное действие), даже в своей самой развитой форме, продолжает зависеть и сохранять свою связь с практической деятельностью, но в новых, более сложных ее формах; в-третьих, умственное действие и на завершающем этапе своего формирования не представляет собой «чистую» мысль»⁵¹.

Неправомерна и абсолютизация теорией интериоризации разделения деятельности на практическую и духовную. «Она не учитывает положения Маркса о том, что всякая материальная, практическая деятельность человека носит практически-духовный характер, то есть всегда включает в себя духовную, психическую составляющую»⁵².

---

⁴⁹ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 253—254.

⁵⁰ Там же, стр. 254.

⁵¹ Н. А. Менчинская. О концепции формирования умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 161.

⁵² К. А. Славская. Мысль в действии. М., 1968, стр. 177.

Протест вызывает трактовка представителями теории умственных действий известной формулы К. Маркса об идеальном. «Утверждая, что умственное действие есть интериоризованное материальное действие, сторонники этой концепции постоянно приводят цитату из Маркса о том, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Контекстом, в котором она приводится, создается впечатление, будто и Маркс говорит, что «идеальное» действие «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». На самом же деле Маркс говорит вообще о соотношении идеального и материального, т. е. он формулирует положение об идеальном как отражении материального, но о том, строится ли умственное действие на отражении и преобразовании материального действия с соответствующим предметом или оно основывается на всестороннем отражении самого предмета и объективных условий, в которых совершается материальное действие,— об этом у Маркса ничего не сказано, а предметом обсуждения является именно это»⁵³.

Принципиально важны возражения против принимаемой теорией умственных действий характеристики психического как отражательного процесса, в которой психические процессы считаются отражением материальных действий и тем самым из содержания психической деятельности исключаются объекты деятельности, исключается сама предметная действительность⁵⁴. «Неправильно считать,— как это утверждает П. Я. Гальперин,— что деятельность человека является причиной отражения. Причиной отражения является внешний мир, воздействующий на наши органы чувств»⁵⁵.

Предложенный в концепции А. Н. Леонтьева и в теории П. Я. Гальперина подход к вопросу о детерминации психики продолжает развиваться, составляя основу разработки этой научной школой проблем общей психологии и психологии обучения.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНИМИ ПРИЧИНАМИ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ

Другая линия в трактовке взаимосвязи основных характеристик психического и его детерминации была определена С. Л. Рубинштейном. В своих последних трудах, посвященных философии

⁵³ С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории.— «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 7.

⁵⁴ См. Л. И. Анцыферова. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии.— В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 103.

⁵⁵ Н. А. Менчинская. О концепции формирования умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 159.

ским проблемам психологии⁵⁶, он взял на себя задачу выяснить место психических явлений во взаимосвязях материального мира и раскрыть взаимосвязь различных аспектов психического на основании всестороннего анализа психических явлений в разных системах отношений, в которых они приобретают разную характеристику.

Методологической основой соотнесенности разных аспектов психического является диалектико-материалистическое понимание единства бытия, единства мира, основывающееся на его материальности. Говорить о включении психического во всеобщую связь явлений материального мира, не разрывая их детерминированности, можно только потому, что психика детерминирована материальными условиями жизни человека. Из положения о всеобщей взаимосвязи явлений материального мира вытекает принцип всестороннего рассмотрения психического в разных связях и отношениях к материальному миру, а также принцип детерминизма, раскрытый в применении к психологии как действие внешних причин через посредство внутренних условий. Такое понимание детерминизма опирается на диалектико-материалистическое положение, согласно которому все явления в мире находятся во взаимодействии. Каждое из них подвергается воздействию других, но внешнее воздействие реализуется через посредство внутренних, собственных свойств того явления или тела, на которое оно оказывается, преломляется через его свойства. Поэтому вызываемый им эффект представляет собой продукт взаимодействия. Внутренняя природа явлений — это та «призма», через которую одни из них отражаются в других⁵⁷. Подвергаясь внешним воздействиям, каждое тело несет следы этих воздействий и в этом смысле одни явления отражают другие — отражение как общее свойство материи лежит в основе развития всего материального мира. *«Эффект воздействия одного явления на другое зависит не только от характера самого воздействия, но и от природы того явления, на которое это воздействие оказано; иначе говоря: эффект воздействия одного явления на другое опосредствуется природой последнего»*⁵⁸.

Результат воздействия на любое тело обусловлен внутренней природой последнего, но взаимодействие с внешними влияниями приводит к изменению внутренних свойств внутренней природы тела, обусловленному откладывающимися в нем и сохраняющимися, но уже преобразованными внешними воздействиями.

Соотношение между внешними воздействиями и внутренними условиями, через которые они отражаются, изменяется вместе с развитием органической жизни от простейших животных

⁵⁶ См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957; он же. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

⁵⁷ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 11, 129 и др.

⁵⁸ С. Л. Рубинштейн. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 315.

к высшим и от них к человеку. Происходит все большее усложнение внутренней природы явлений, увеличивается самостоятельность реагирования на внешние воздействия, растет активность животных организмов, переходящая в качественно новые отношения человека, когда он в условиях общественной жизни выступает как субъект деятельности, как личность. Психологическое ядро личности и представляет собой совокупность внутренних условий. Таким образом, «всякое психическое явление обусловлено в конечном счете внешним воздействием, но любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредствованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается»^{58а}.

Принцип детерминизма, выражающий характер взаимосвязи явлений объективной действительности и сформулированный применительно к психологии как преломление внешнего через внутреннее, становится специальным методологическим принципом для исследования взаимосвязи основных характеристик психического. Он позволяет преодолеть ошибки, вызванные односторонностью этих характеристик, взятых вне их совокупности, так как позволяет изучать психическое в разных связях, качествах и отношениях, в соответствии с основным законом марксистской диалектики рассматривать вещи и явления во всей совокупности их многообразных отношений к другим вещам и явлениям.

С помощью диалектико-материалистического принципа детерминизма и производится единый по своим методологическим установкам качественный анализ психического, соотнесение систем связей, в которых проявляется психическое в своем отношении к материальному миру. Таким путем воссоединяются и стержневое положение психологической теории о связи сознания с действием, и марксистско-ленинская теория отражения в ее применении к психологии, и рефлекторная теория в ее психологическом аспекте.

Анализ на основе принципа детерминизма отношений психического с материальным миром позволяет вскрыть, в каком качестве оно выступает в каждой из систем связей, показать, какую специфическую понятийную характеристику приобретает психическое, выступая в особом качестве в каждой существенной для него системе связей и отношений, а затем соотнести между собой перекрещивающиеся зависимости, ввести в анализ каждой из них результаты этого соотнесения, выяснить таким путем новые качества психического, пополняющие каждую из имевшихся ранее характеристик, взятых в отдельности, и восстановить на основе анализа целое в соотношении его многообразных сторон.

---

^{58а} С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 14.

Из понимания детерминизма как действия внешних причин через внутренние условия выводится центральная задача психологии. *«Раскрытие внутренних психологических условий, опосредствующих психологический эффект внешних воздействий на субъекта и внутренних закономерностей внешне обусловленной психической деятельности, составляет основную задачу психологической науки. Разрешение именно этой задачи определяет основную линию психологического исследования»*⁵⁹.

С. Л. Рубинштейн утверждает в качестве исходного для развиваемой им концепции положение о том, что *«основным способом существования психического является его существование в качестве процесса или деятельности»*⁶⁰. *«Мы продолжаем в этом линию И. М. Сеченова»*⁶¹, — отмечает он. «Это положение, — поясняет С. Л. Рубинштейн, — непосредственно связано с рефлекторным пониманием психической деятельности, с утверждением, что психические явления возникают и существуют лишь в процессе непрерывного взаимодействия индивида с окружающим его миром, непрерывающегося потока воздействий внешнего мира на индивида и его ответных действий, причем каждое действие обусловлено внутренними условиями, сложившимися у данного индивида в зависимости от внешних воздействий, определивших его историю»⁶².

Понимание психического как процесса раскрывается как все время изменяющееся соотношение внешних воздействий и внутренних условий. Особенность взаимодействия человека с внешним миром — объектом, природой, обществом, другими людьми — заключается в том, что детерминация не исчерпывается исходным толчком, который запускает действующую затем по своим внутренним законам систему, а непрерывно воспроизводит детерминацию, что и определяет развитие процесса. Самый процесс представляет, таким образом, постоянно действующую связь психики с внешним миром, постоянное его отражение, которое совершается путем преобразования внешних воздействий, согласно закономерностям — физиологическим и психологическим — рефлекторной деятельности мозга.

Отражая действительность, психические процессы имеют своим результатом то или иное психическое образование (в процессе восприятия возникает образ, в мышлении — понятие), которое включается в дальнейший ход психического процесса, поскольку он никак не ограничивается своей отражательной характеристикой. Далее психический процесс вступает в новые отношения. Результаты познавательной деятельности, ее идеальные продукты выполняют регуляторную функцию по отношению

⁵⁹ Там же, стр. 229—230.

⁶⁰ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., 1958, стр. 25.

⁶¹ Там же.

⁶² С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 255.

к действиям человека. Прежде чем перейти к этой функции психического, важно выяснить его главное качество в гносеологической связи с внешним миром, его идеальность.*

В качестве идеального психическое противостоит материальному. Эта характеристика относится к результату психической деятельности, ее продукту — образу или идее в их отношении к предметам, вещам, явлениям объективного мира. Как результативное выражение психической деятельности образы или идеи, объективируясь в слове, приобретают относительную самостоятельность. Такая самостоятельность идеального содержания знания от субъекта обусловлена его зависимостью от бытия, отражением которого оно является. Объективируясь в слове, продукты познавательной деятельности человека — чувственные образы, понятия — становятся сами идеальными объектами мыслительной деятельности. В этом качестве они могут быть обособлены от познавательной деятельности субъекта и перейти в систему общественно-выработанных знаний. Взятые вне психического процесса идеальные объекты становятся предметом изучения других наук. Так совершается переход идеального из сферы психического как предмета психологического изучения в систему научного знания, отражающего определенные стороны бытия.

Согласно принципу детерминизма, психические явления определяются условиями жизни и деятельности человека и вместе с тем определяют его деятельность, поведение. «Регуляция деятельности — это та работа, которую практически выполняет образ, психическое отражение», — писал С. Л. Рубинштейн⁶³. Реальная роль психического во взаимоотношении человека с миром заключается в том, что «всякое психическое явление — это и отражение действительности, и звено в регуляции деятельности»⁶⁴. «Сознание или сознательные процессы, как и все психические процессы, выполняют функции регуляции человеческой деятельности и в качестве ее регуляторов включены в процесс жизни и деятельности человека, его взаимодействия с миром»⁶⁵. Детерминируемые объективными условиями жизни и возникающие во взаимодействии человека с миром, психические явления в свою очередь обуславливают деятельность людей, посредством которой они преобразуют мир, изменяют условия своей жизни. Психическое на всех его уровнях выступает в регуляторной роли по отношению к действию. Это качество психического, проявляемое в его связи с деятельностью человека, обусловлено познавательным характером психического.

С. Л. Рубинштейн отстаивает обязательность соотнесения действия с познанием. «Деятельность людей, их поведение выступают в своей закономерности, лишь когда их исполнительская и афферентирующая, познавательная, составная часть бе-

⁶³ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 265.

⁶⁴ Там же, стр. 264.

⁶⁵ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 254.

рутся в единстве»⁶⁶. В этом обязательном соотношении действия с познанием психические явления обнаруживают свою действительную роль, обусловленную их познавательным характером. «Всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения... Предметы и явления внешнего мира выступают не только как *объекты познания*, но и как *двигатели поведения*, как его *побудители*, порождающие в человеке определенные побуждения к действию — *мотивы*. Таким образом, психическое играет реальную, действительную роль в детерминации деятельности людей, их поведения, и вместе с тем оно не является фактором, действующим обособленно от бытия»⁶⁷.

Учение о регуляторной роли психики и о разных формах регуляции решает вопрос о действительном характере отражения и на новом уровне определяет форму связи сознания с деятельностью. Сознание объединяется с действием в понимании человека как субъекта познания и деятельности, материалистически объясняется его активность и дается двусторонняя трактовка деятельности — как обуславливающей психику и как обусловленной психикой в ее роли познания и преобразования мира. При этом сознание выступает не только в своем чисто гносеологическом содержании как знание, но и собственно психологическом, как отношение человека к бытию. «Благодаря психической деятельности как познанию действительности практическая деятельность людей приводится в соответствие со сложными требованиями, предъявляемыми к ней объективными условиями. Вместе с тем психической деятельностью как деятельностью эмоциональной, волевой, выступающей в форме стремлений, желаний, чувств, определяется значение явлений для данного человека, его отношение к ним, то, как данный человек в данных условиях на них ответит. Психическая деятельность в целом необходимо включается в обуславливание поведения людей. Нельзя детерминистически понять поведение, не отбросив эпифеноменалистические тенденции по отношению к психическому. Не признание, а отрицание реальной, действенной, жизненной роли психического влечет за собой отказ от детерминизма в понимании поведения... Обусловленная объективными обстоятельствами жизни человека и в свою очередь обуславливающая его поведение, психическая деятельность двусторонне — в качестве и обусловленного и обуславливающего — включается во всеобщую взаимосвязь явлений»⁶⁸.

Ранее в «Основах общей психологии» С. Л. Рубинштейна сторона сознания, охарактеризованная как отношение человека к окружающему миру, не связывалась с его деятельностью. Положение о регуляторной роли психики включает в связь с дея-

⁶⁶ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 252—254 и др.

⁶⁷ Там же, стр. 244.

⁶⁸ Там же, стр. 253.

тельностью обе стороны сознания — знание и отношение, — объединяет их. Отражение выступает в формах побудительной, или мотивационной, и исполнительской регуляции действия.

Первая определяет, какое действие совершится. Отражение объекта, являющегося предметом потребности, порождает в индивиде идеальные стремления (так Ф. Энгельс в свое время обозначил побудительную функцию отражения), которые побуждают к действию в том или ином направлении. В побудительной регуляции участвуют желания, чувства, волевые стремления, словом, аффективные процессы. Воля выступает в качестве специфической для человека как общественного существа закономерности сознательной регуляции его деятельности. Вторая — исполнительская регуляция приводит действие в соответствие с условиями, в которых оно совершается. В ней главную роль играют познавательные процессы — учет условий, в которых протекает деятельность.

Выяснение регуляторной функции психики позволило по-новому подойти и к некоторым традиционным проблемам общей психологии. Так, характер был определен как закрепленный в результате генерализации и стереотипизации побудительный аспект регуляторной функции психического, а способности были связаны с исполнительской формой регуляции.

Принцип детерминизма расширил те представления, которые были обобщены в утвердившемся в советской психологии положении о единстве сознания и деятельности. Связь сознания с деятельностью включается в более общую проблему детерминированности деятельности субъекта, в которой сознанию отведена регулирующая роль⁶⁹. Это позволяет раскрыть социальную обусловленность психического, которая осуществляется через внутренние условия человека — закономерности психических явлений, установки личности, ее потребности, мотивы. Личностный принцип психологии связывается с отношением сознания к деятельности. «Объективные общественные отношения находят свое отражение во внутренних, субъективных отношениях человека к предметному миру, к другим людям, к самому себе, а это составляет центральное ядро личности и образует как раз те внутренние условия, которые опосредствуют воздействия извне», — такие следствия, вытекающие из принципа детерминизма, разработанного применительно к психологической теории С. Л. Рубинштейном, отмечал А. А. Смирнов в своей лекции на XVIII Международном психологическом конгрессе⁷⁰.

В 30-е и 40-е гг. принцип единства сознания и деятельности был направлен на преодоление интроспективного, идеалистического понимания сознания и поведенческого толкования дея-

⁶⁹ См. С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 249—255.

⁷⁰ А. А. Смирнов. Пути развития советской психологии. — В кн. «XVIII Международный психологический конгресс». М., 1966, стр. 117.

тельности, на доказательство объективности сознания посредством раскрытия его связи с деятельностью. В 50-е гг. происходит исследование качественных особенностей и форм проявления связи психики с деятельностью, во-первых, в ее соотнесенности с отражательной характеристикой психического — как процесса взаимодействия субъекта и объекта и как результата продукта этого взаимодействия, идеального образа объективной действительности, и, во-вторых, в ее соотнесенности с рефлекторной работой мозга, где на первый план выступает понимание психического как рефлекторного процесса. Установление взаимосвязи основных характеристик психического и определение его места в объективном процессе жизни делает возможным перейти от доказательства объективности психического путем выяснения его связи с деятельностью человека к исследованию внутренних механизмов этой связи.

Анализ места психических явлений в мире логически приводит к вопросу о месте человека в мире, о роли человека как субъекта познания и деятельности, как существа, призванного изменять мир — природу и общество. Человека необходимо рассматривать не только в качестве субъекта познания, но и действия. Это находит свое выражение и в активности его отражения, и в том, что в результате его действий, направленных этим активным отражением, включающим определенное отношение субъекта к отражаемому, вносятся в мир объективные изменения.

Исходя из определения человека как субъекта познания и действия С. Л. Рубинштейн намечает методологическое решение проблемы субъективного в психологии. Субъективное понимается им не как замкнутый в самом себе, противостоящий объективному, материальному миру, мир психических явлений, данный только субъекту, а как свойство человека, который в качестве субъекта познания и действия является частью бытия. Понятие субъекта в психологической теории, опираясь на марксистское понятие субъекта познания и практики, субъекта общественных отношений, приобретает свое специфическое содержание, раскрывающееся через взаимосвязь сознания и деятельности.

Проблема субъекта, выявленная С. Л. Рубинштейном в психологическом плане в его книге «Бытие и сознание», решается им далее в более общем, философском плане в его последнем труде «Человек и мир»⁷¹, где он, следуя марксистскому анализу человеческого бытия, доказывал его объективность, закономерность, необходимость, детерминированность и одновременно

---

⁷¹ Труд С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», над которым он работал в последние годы своей жизни, еще не издан полностью. Отдельные разделы этого труда опубликованы посмертно. См. «Вопросы философии», 1966, № 7, 1969, № 8; 1970, № 6, а также кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 348—374.

выявлял специфику человека как общественного субъекта, преобразующего природу и жизнь по специальным человеческим законам, способного изменить существующее положение вещей. С. Л. Рубинштейн рассматривает человека как субъекта познания и действия, вносящего объективные изменения в процесс жизни, изменяющего в ней объективное соотношение сил. Будучи субъектом, человек объективно изменяет бытие.

Объективные отношения человека с миром раскрываются, преломляясь через внутренние закономерности субъекта, через систему его субъективных отношений, через позицию субъекта. А потому сознание регулирует действия не только в соответствии с ходом познания, но выступает как отношение субъекта к бытию и в этом своем качестве, столь же важном, опосредствует действие внешних условий, определяет конечный эффект их воздействия.

Понятие человека как субъекта становится в современной психологии предметом все большего внимания⁷².

Из двух разобранных нами концепций природы психики следует разное понимание предмета и задач психологического исследования. Для одной — главной задачей является изучение процесса интериоризации внешней деятельности, присвоения психического из продуктов общественно-исторического развития человека. Для другой — основную задачу составляет изучение внутренних психологических условий и внутренних закономерностей внешне обусловленной психической деятельности, а также психологическое изучение теоретической и практической деятельности. Такая задача определяется местом психического во взаимодействии человека с миром, его двоякой ролью — отражательной в отношении к объективной действительности и регулирующей в отношении к деятельности, и одновременно двоякой ролью деятельности, — будучи условием отражения, деятельность в то же время регулируется этим отражением. Так за различным решением философских проблем психологии соотношения внешнего и внутреннего в детерминации психического следуют различные выводы для общей психологической теории.

ТЕОРИЯ УСТАНОВКИ И ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ

Проблема установки, разрабатываемая в советской психологии грузинской школой, оставалась, как уже говорилось, долгое время обособленной от общей психологической теории. С середины 50-х гг. вопрос о положении теории установки в общей си-

---

⁷² См.: Б. Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л., 1968; К. А. Абульханова-Славская. Методологический аспект проблемы субъективного. — В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии», стр. 317—347.

стеме марксистской психологии подвергается многократному обсуждению. Речь идет о введении понятия установки в общую психологическую теорию.

На совещании по психологии в 1955 г. в докладах грузинских психологов был поднят вопрос о месте теории установки в системе советской психологии, о соотношении теории установки как теории, освещающей одну из форм объективной обусловленности психического, с другими формами связи психического с материальным миром. Представители школы Д. Н. Узнадзе предлагали рассмотреть, «является ли законной в системе советской психологической науки та проблема, к которой относится понятие установки; ...какую сторону этой проблемы освещает то понятие установки, которое представлено как обобщение результатов экспериментальных исследований»⁷³.

Вопросы, поднятые на этом совещании, стали предметом обсуждения в последующие годы в связи с методологическими проблемами советской психологии. Исследования грузинской психологической школы, широко развернувшиеся после организации Института психологии Академии наук Грузинской ССР, позволили накопить обширный фактический материал. Стал неоспоримым не только факт существования установки, но и влияние ее на осознаваемые психические процессы. В связи с дискуссией о природе психического вопрос о неосознаваемых психических состояниях, представленных установкой, и их роли в психической деятельности, а также о детерминации установки и ее связи с сознанием стал одним из актуальных в психологической теории.

Споры шли о месте установки в детерминации психических явлений, о том, всегда ли установка остается неосознаваемой, каковы ее физиологические механизмы.

Разногласия обнаружились при обсуждении теории установки в ее отношении к учению И. П. Павлова. Психологическая концепция Д. Н. Узнадзе была построена вне связи с физиологическими теориями. И учение об установке и учение И. П. Павлова имели твердую экспериментальную основу. Поэтому поиск точек их пересечения представлял большой интерес. Вопрос заключался в том, лежала ли эта точка пересечения в тех пределах, которые уже были исследованы в психологии и в физиологии и можно уже было определить, где сходятся их данные, или же эта точка находилась еще за пределами найденного, и для того, чтобы обнаружились связи психологических фактов с физиологическими, требовалось дальнейшее развитие и той и другой теории, а может быть новая физиологическая теория. Здесь мнения расходились.

Полемика вокруг теории установки продолжалась в печати и после дискуссии на совещании психологов в 1955 г. Вопрос

---

⁷³ «Вопросы психологии», 1955, № 6, стр. 72.

о физиологических механизмах установки поднимается снова и снова. Высказывается мнение, что образованию установки предшествует развернутая ориентировочно-исследовательская деятельность и лишь при последующем ее свертывании возникает готовность к действию в определенном направлении⁷⁴. Этому мнению противопоставляются соображения о том, что сама ориентировочная деятельность возникает на основе установки⁷⁵.

Споры об установке в ее отношении к павловскому учению захватывали проблему предвидения, предвосхищения действий. Эта проблема выступила на первый план в связи с возрастающим влиянием идей кибернетики. Вместе с тем возник и вопрос о соотношении теории установки с новейшими течениями в физиологии. Развитие в современной физиологии концепции опережающего отражения и теории биологического регулирования, обозначаемой как физиология активности, показало близость учения об установке к этим новым взглядам.

Эта близость примечательна потому, что Д. Н. Узнадзе в те годы, когда закладывались основы концепции установки, настойчиво подчеркивал, что его теория является психологической, и не связывал ее с физиологией. Между тем его выводы шли в том же направлении, что и выводы советских физиологов, занимавшихся проблемой деятельности,—П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна, которые в 30—40-е гг. высказывали идеи, впоследствии развитые и обоснованные ими как положения об «опережающем отражении», «программировании действий», «вероятностном прогнозировании», «задачах действий, как формул потребного будущего». И, вероятно, разрешение дискуссионных проблем в физиологии поставит по-новому и вопрос о физиологических механизмах установки.

Понятие установки находит место в той проблеме внутренних условий, которая выдвигается принципом детерминизма, понимаемым как действие внешних причин через внутренние условия. Развивая мысль о внутренних условиях психической деятельности в детерминации психических явлений, С. Л. Рубинштейн в этой связи писал о проблеме установки. «Вокруг понятия установки Узнадзе и его продолжателей развернулась в последнее время острая дискуссия. Разработка проблемы установки нужна и принципиально важна как попытка вскрыть внутренние условия психической деятельности субъекта. Но все дело в том, чтобы понять установку как звено, образующееся в системе взаимодействия индивида с внешним миром, взаимодействия, начинающегося с воздействия внешнего мира на индивида, на субъекта»⁷⁶.

⁷⁴ См. А. В. Запорожец. Развитие произвольных движений. М., 1960, стр. 373.

⁷⁵ См. А. С. Прангшвили. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967, стр. 69.

⁷⁶ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 227.

Это замечание было высказано до того, как на русском языке вышли основные теоретические труды Д. Н. Узнадзе. В книге о психологии установки Д. Н. Узнадзе, опубликованной посмертно на русском языке в 1961 г., содержались соображения по этому поводу. Идеи его приобрели новое значение в связи с разработкой проблемы детерминации в общей психологической теории.

Д. Н. Узнадзе, рассматривая образование направленной установки к действию как результат взаимодействия потребностей и внешних объективных условий их удовлетворения, считал, что детерминантой деятельности являются внешние условия. Они определяют в конечном счете действие. Этот тезис теорией установки признается бесспорным, полностью обоснованным экспериментально. «Если судить об установке по характеру условий, необходимых для ее возникновения,— писал Д. Н. Узнадзе,— то не подлежит сомнению, что она не может относиться к категории врожденных, раз и навсегда данных сущностей, потому что как понятие потребности, так и среды относятся к группе явлений, зависящих от постоянно меняющихся условий существования организма. Следовательно, уже одного анализа условий возникновения установки достаточно для того, чтобы видеть, что раз навсегда разграниченных, фаталистически предопределенных установок не существует»⁷⁷

Действуя как целостно-личностное образование, установка на уровне неосознаваемых психических процессов осуществляет взаимосвязь внешних и внутренних условий. Ш. Н. Чхартишвили отмечает, что Д. Н. Узнадзе видел исключительную ценность установки в том, что она возникает на почве потребности и соответствующих ей объективных обстоятельств — ситуации. «Установка в первую очередь есть отражение объективного положения вещей, того объективного положения, которое в отношении с субъектом потребности принимает *форму ситуации и структурируется избирательно в соответствии с потребностью*. Вследствие этого установка отражает все актуальные для данного момента отношения субъекта потребности и *всю его активность основывает на этом отражении* и направляет соответственно ему»⁷⁸.

А. С. Прангишвили указывает, что постулату «непосредственности», отрицающему положительное значение тех внутренних динамических отношений живой системы целостного индивида, в которых преломляются стимулы, воздействующие на него, «в концепции Д. Н. Узнадзе противопоставляется постулат «опосредованности», исходным для которого является положение, что внешние причины действуют через внутренние условия,

⁷⁷ Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, стр. 126.

⁷⁸ Ш. Н. Чхартишвили. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971, стр. 75.

и тем самым всякое воздействие есть взаимодействие»⁷⁹⁻⁸⁰ Поэтому, определяя роль понятия установки в психологической теории, А. С. Прангишвили полагает, что исследование установки как «опосредствующего механизма бессознательного», Д. Н. Узнадзе и его школой, начало «принимать конкретные очертания благодаря раскрытию закономерностей психической жизни... на основе того принципа детерминизма, согласно которому вообще внешние воздействия определяют психический эффект, преломляясь через внутренние динамические отношения»⁸¹.

Оценка личности как необходимого звена в детерминации психических процессов позволяет раскрыть те сложные связи и отношения, которые и лежат в основе осмысления понятия неосознаваемых форм психического отражения, вводимого психологией установки. Экспериментальные исследования привели к выводу, что «существует специфическая сфера психического, сфера установки субъекта деятельности, модуса его целостного состояния в каждый конкретный момент его деятельности — модуса, который... собирает в фокусе те внутренние динамические отношения, которые опосредуют эффект внешних воздействий»⁸². Установка выполняет функцию внутренней связности, последовательности и структурной устойчивости деятельности индивида, выполняет регулятивную функцию как избирательная регулирующая система, и это является характеристикой личностного аспекта установки. Следовательно, и социальные условия жизни человека действуют не только через сознательные, но и через неосознаваемые формы психического отражения и преломляются через внутренние условия субъекта деятельности, выражаясь в его установке.

Конкретные материалы грузинской психологической школы доказывают, что установка как неосознаваемая тенденция деятельности влияет и на направление сознательной деятельности, а следовательно, и на общую направленность личности. Поэтому одни видят достоинство понятия установки в том, что оно помогает преодолеть односторонний интеллектуализм в понимании личности⁸³, а другие усматривают угрозу подчинения сознания бессознательным явлениям⁸⁴.

---

⁷⁹⁻⁸⁰ А. С. Прангишвили. Исследования по психологии установки, стр. 59.

⁸¹ Там же, стр. 94.

⁸² Там же, стр. 95.

⁸³ Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии. — «Вопросы психологии», 1955, № 6, стр. 74 (выступление В. С. Мерлина).

⁸⁴ Об этом говорил Ф. В. Бассин в своем докладе «Сознание и «бессознательное»» на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии в 1962 г. («Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, стр. 463). Позднее на это он указывал в своей книге «Проблема «бессознательного»» (М., 1968, стр. 231).

В ответ на эти возражения А. С. Прангишвили указывает, что в том случае, когда установка не соответствует изменившимся объективным условиям, на первый план выступает сознательная активность, осуществляемая через акты объективации. Акты объективации ведут к сознательному рассмотрению условий деятельности и преодолению возникающих затруднений, к смене одной установки другой. Взаимодействие установки с сознанием совершается в актах объективации. «В свете взаимозависимости между объективацией и надстраиваемой над ней психической активностью, с одной стороны, и действием установки, с другой, всякий психический процесс выступает в одно и то же время как отражение бытия и как звено в регуляции поведения»⁸⁵. Таким образом, происходит взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых форм психического отражения, детерминируемых объективными условиями деятельности. «Высшая форма приспособленности, внутренней упорядоченности поведения достигается синергией неосознаваемых форм психического отражения и форм сознательных. Установка является закономерным компонентом поведения именно как неосознаваемое состояние»⁸⁶. Синергия установки и процессов сознания представляется следующим образом: осознание включается и выключается в зависимости от уровня отношений, которые складываются между индивидом и средой и, сообразно этому, на сцену выступают силы, направляющие активность человека. «При такой трактовке понятия установки мы, нам представляется, занимаем позицию предельно далекую от фрейдизма с его стремлением к гегемонии областей, в которые сознание не проникает»,⁸⁷ — пишет А. С. Прангишвили.

Концепция установки продолжает вызывать споры⁸⁸, но вместе с тем экспериментальные и теоретические исследования состояний установки доказали обязательность включения явлений установки в сложную взаимосвязь внешних условий с внутренними условиями, через которые осуществляется детерминация психического внешними причинами — обстоятельствами жизни человека.

---

⁸⁵ А. С. Прангишвили. Исследования по психологии установки, стр. 75.

⁸⁶ Там же, стр. 95—96.

⁸⁷ Там же, стр. 97.

⁸⁸ См. Ш. Н. Чхартишвили. Некоторые спорные проблемы психологии установки.

Глава VII

ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПСИХИЧЕСКОЕ КАК ПРОЦЕСС ОТРАЖЕНИЯ ВНЕШНЕГО МИРА

В марксистской психологической теории коренное философское положение о том, что психика является функцией мозга и отражением внешнего мира, получает свое утверждение, во-первых, в теоретической и экспериментальной разработке рефлексорной концепции психического, направленной на изучение связи психической деятельности с мозгом (см. гл. V), во-вторых, в философско-психологическом анализе познавательных процессов и, в-третьих, в разносторонних экспериментальных исследованиях как чувственного познания, так и мышления. Отмечая роль и значение проблемы отражения для психологии, А. Н. Леонтьев в президентской речи на открытии XVIII Международного психологического конгресса в Москве говорил: «На нашем конгрессе представлено значительное число докладов советских авторов, и перед его участниками откроется картина различных психологических направлений и школ, развивающихся в Советском Союзе. Однако при всем их многообразии они объединены некоторыми общими теоретическими положениями, причем главным из них является диалектико-материалистическое положение о психике как особой форме отражения реальности»¹.

Стремление связать воедино разные аспекты психического и представить его целостную структуру, а затем исследовать каждый аспект в его зависимости не только от других аспектов, но и от всей совокупности их получило свое выражение в современных психологических исследованиях познавательных процессов. На передний план при этом выступила активность отражения. Во-первых, его регуляторная роль в управлении действиями человека — «проблема неэпифеноменальности субъективных, идеальных явлений»², во-вторых, активность само-

¹ А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. — В кн. «XVIII Международный психологический конгресс 4—11 августа 1966 г.» М., 1969, стр. 8.

² Там же, стр. 11.

го процесса отражения, выражающаяся в том, что его формирование происходит не только как воздействие отражаемого объекта на субъект отражения, но и как деятельность субъекта по отношению к отражаемой реальности. Проблема отражения приобрела новое значение в соотношении с кибернетическим моделированием восприятия и мышления.

Отношение психической деятельности к объективной реальности в 50-е гг. исследуется С. Л. Рубинштейном в его труде «Бытие и сознание». На основе принципа детерминизма он развивает принятую советской психологией основополагающую идею марксизма — сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием. В 30-х гг. эта идея, соединенная с марксовской концепцией человеческой деятельности, положила начало успешному изучению ощущений, восприятия и мышления. В экспериментальных исследованиях психологи, используя методологический принцип единства сознания и деятельности, изучали детерминацию психики предметным миром и ее зависимость от практической деятельности. Конкретные материалы свидетельствовали об активности процесса отражения. Эксперименты показали не только возможность изучать психику через ее проявление в деятельности, не только зависимость ее от деятельности, но и то, что сами психические явления выступают как особого рода деятельность.

По мере построения марксистской психологической теории и обогащения ее научными фактами стали возможными дальнейшее изучение вопроса об отношении психики к объективной реальности и более полная характеристика познавательных процессов.

Реальной материальной основой познавательного отношения субъекта к объективному миру является его взаимодействие с ним, происходящее в общественной практике человека. Поскольку процесс этот начинается с внешнего воздействия, постольку материальный внешний мир «изначально участвует в детерминации психических явлений»³. «Связь психических явлений с объективной реальностью заложена в самом их возникновении, она — основа их существования»⁴, — пишет С. Л. Рубинштейн.

Идеалистическое мировоззрение исходит из замкнутого в себе внутреннего мира субъективных психологических явлений. Диалектический материализм сразу же исходит из внешнего объективного мира. Отправляясь от него, теория отражения идет к психическим явлениям. Коренная отличительная ее черта в том, что она снимает обособление и дуалистическое противопоставление образа предмету. Нельзя обособить образ от предмета, гносеологическое содержание образа неотрывно от него и, следовательно, отпадает традиционный вопрос старой идеали-

³ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 37.

стической психологии о том, как восприятие переходит от образов к вещам. Но образ в то же время неотделим от психического процесса, в котором он возникает. Так же, как нельзя обособить образ от предмета, его нельзя отделить от процесса, от той психической деятельности, в которой он возникает. «Отрыв образа от процесса отражения означает порочную субстанциализацию образа, ведет к уничтожению самого предмета психологического исследования и дает простор для всяческих превратных представлений как об одном, так и о другом»⁵. В таком случае на одной стороне оказывается материальный физиологический процесс, а на другой — идеальный образ, который противопоставляется материальному процессу. В действительности образ не существует помимо отражательной деятельности субъекта. Поэтому вторая черта, определяющая отражение психикой объективной реальности, состоит в том, что отражение представляется динамическим процессом, непрерывно детерминируемым объективным миром в результате взаимодействия с ним человека.

Современная марксистская психологическая теория отвергает представление об отражении как пассивной рецепции внешнего воздействия мозгом, как результате механического воздействия вещи и развивает положение о том, что отражение объективной реальности есть процесс деятельности субъекта, в ходе которой результаты познания — образы, понятия — становятся все более адекватными своему объекту.

Возникновение образа не является единым актом его сотворения и последующего обособления от физиологических процессов. Связывая возникновение образа с рефлекторной работой мозга, С. Л. Рубинштейн его формирование определяет как «координированный ряд чувственных деятельностей — чувственного анализа и дифференцировки различных свойств предмета и чувственного синтеза, связывающего отдельные чувственные качества в цельный образ предмета»^{5а}. Мышление определяется своим объектом также опосредованно, через внутренние законы мыслительной деятельности — анализа, синтеза, абстракции и обобщения. «Мышление в принципе, так же как и ощущение и восприятие, — это рефлекторная деятельность мозга, хотя и специфичная. ...Мозговые, корковые процессы органически включаются в детерминацию мышления как компонент целостной совокупности связанных внутренних условий мыслительной деятельности... Внутренние условия, через посредство которых детерминируется мышление, имеют и физиологический и психологический аспект»⁶, — пишет С. Л. Рубинштейн.

Отношение к объекту является исходным и для гносеологии

---

⁵ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 38.

^{5а} Там же, стр. 39.

⁶ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., 1958, стр. 13—14.

и для психологии, считал С. Л. Рубинштейн: «Различие между гносеологическим и психологическим углом зрения заключается в том, что гносеология делает предметом своего изучения само это отношение к объекту, а психология рассматривает психический процесс в этом отношении к объекту»⁷ Предметом психологического исследования должна быть собственно познавательная деятельность, раскрывающаяся в диалектике взаимодействия субъекта и объективного мира, в которой происходит преобразование исходных чувственных данных, что ведет к воссозданию объекта и непрерывному приближению чувственного и мысленного образа к предмету. Процесс такого приближения бесконечен, хотя бы потому, что познание следует за предметом, находящимся в постоянном развитии, изменении.

В трактовке восприятия и мышления, опирающейся на представление о детерминации психического, развитое теорией интeриоризации (см. гл. VI), различение психических актов как идеальных действий и объектов этих действий — чувственных образов, или мыслимых объектов, «презентирующих» действительность, имеет принципиальное значение. Психологическое исследование сосредоточивается на изучении преобразования внешних действий во внутренние, идеальные. Учение о формировании умственных действий разрабатывается в качестве теории, которая, по замыслу, должна раскрыть собственно психологическую специфику мыслительного акта.

Марксистское решение вопроса о природе ощущений, восприятий и мышления имело важнейшее значение для психологической теории, так как на протяжении истории психологии эта проблема являлась предметом дискуссий и борьбы разных направлений, поскольку то или иное понимание ощущений как простейшего психического явления составляло основу психологической теории, а каждая трактовка ощущений восприятия и мышления всегда определялась философским решением этой проблемы⁸.

ЧУВСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Положение о чувственном познании как особого рода деятельности выражает признание активности субъекта в его отражении объективного мира и утверждает существование психического в качестве рефлекторной деятельности мозга. Задача исследования закономерностей познавательной деятельности субъекта, приводящей к чувственному отражению действительности, приобретает новый смысл в свете материалов исследования развития восприятия в процессе активной деятельности

⁷ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 28.

⁸ Например, трактовка ощущений ассоциативной психологией. См. кн. «Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах» (М., 1966, стр. 34—58).

познающего субъекта, выяснения роли активных движений в формировании образа.

Принципиальные изменения в теорию восприятия вносит рефлексорная концепция. Философско-психологический анализ психофизиологии органов чувств и сопоставление рецепторной и рефлексорной концепций ощущения и восприятия, определение методологических позиций, следующих из теории отражения, позволили доказательно противопоставить учение о восприятии в марксистской психологии всем разновидностям идеалистической трактовки проблемы, так же как и теориям механистического материализма⁹.

Рефлексорная концепция, обращенная современной психологической теорией в методологический принцип исследования, связала нейродинамическую характеристику работы анализатора с формированием чувственного образа в его зависимости от предмета и от практической деятельности субъекта, в которую этот образ включается в своем регуляторном качестве. Данные многих психологических исследований свидетельствуют о рефлексорной природе восприятия¹⁰. Сложная рефлексорная динамика построения чувственных образов наиболее полно выяснена в отношении зрительных и осязательных образов, формирование которых подверглось многообразному исследованию.

Как главная характеристика восприятия выявилась его предметность. Предметность — первое и важнейшее свойство чувственного образа, определяющее его цельность, обуславливающее целостно-связный характер регулируемых им двигательных актов. Отражение свойств объектов происходит на уровне ощущений. В восприятии совершается переход от анализа раздражителей к анализу и синтезу отраженных в ощущениях чувственных свойств объекта. Такое различие вводит С. Л. Рубинштейн, когда пишет: «Переход от ощущения к восприятию совершается по мере того, как чувственные впечатления или ощущения начинают не только функционировать в качестве сигналов, но и в виде *образа* предмета. Под *образом* в собственном, гносеологическом смысле надо разуметь отнюдь не всякое чувственное впечатление, а лишь такое, в котором явления, их свойства (форма, величина) и отношения предметов выступают перед нами как предметы или *объекты* познания. Это и составляет основную характеристику *восприятия* в собственном смысле слова»¹¹.

⁹ См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 4—14, 31—40, 70—105 и др.; он же. Принципы и пути развития психологии, стр. 43—50.

¹⁰ См.: Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960; Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов, А. В. Ярмоленко. Осязание в процессах познания и труда. М., 1959; А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. Восприятие и действие. М., 1967, см. также тезисы докладов на I, II, III, IV всесоюзных съездах психологов. М., 1959, М., 1963, М., 1968, Тбилиси, 1971.

¹¹ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 74.

Изучение восприятия приводит к выяснению многих вопросов теории: генетической роли предметной деятельности в формировании восприятия как целостного образа предмета; взаимосвязи образа и действия; динамики восприятия в его отношении к предмету деятельности, средств деятельности, самого процесса деятельности; взаимозависимости и взаимовлияния зрения, осязания и слуха в предметном действии; роли действий субъекта и движения объекта в построении образов предметов.

Множество интересных данных, характеризующих особенности формирования восприятия в связи с предметной деятельностью, принесли генетические исследования. Изучение становления восприятия у ребенка и формирования первоначальных предметных действий обнаружило связь между формированием восприятия пространства и развитием двигательного-координационных функций в первый год жизни ребенка и выяснило связь формирования сенсорных функций с прогрессом предметных действий. Особенность развития восприятия ребенка обнаружилась во взаимозависимости моторной активности ребенка и его дистантно-сенсорной дифференцировки, в возникновении предметного образа в ходе формирующегося предметного действия ребенка. К имевшимся фактам о значении движений субъекта в восприятии предметов добавились данные о формирующей роли движения объекта в сенсорном развитии и первоначальном образовании восприятия ребенка. Было установлено, что пространственные отношения вещей вычленяются ребенком в процессе движения самих вещей. Выделение контуров вещей посредством прерывного движения самих вещей обуславливает как развитие поля зрения, так и структурирование качеств вещи в единый образ ¹².

Многие современные исследования восприятия посвящены изучению генезиса различного рода перцептивных действий и их структуры, роли предметных действий в формировании образов восприятия, изучению моторных компонентов в процессах восприятия, роли движения рецепторных аппаратов (движения глаз, руки) в возникновении образа, адекватного предмету, а также той регулирующей функции, которую выполняет образ в практических действиях человека ¹³.

Только на основе психического отражения объекта происходит его включение в систему человеческой активности. Физиологическая схема активности не может включить объект с его

---

¹² Сводку этих исследований и их теоретический анализ см. *Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960.*

¹³ Обобщение исследований восприятия в советской психологии и подробная библиография по этому вопросу содержится в книге: *А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. Восприятие и действие. М., 1967.* Специально осязанию посвящена книга: *Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов и А. В. Ярмоленко. Осязание в процессах познания и труда. М., 1959.*

специфическими предметными свойствами. Для этого необходимо выйти за пределы физиологического описания человеческой активности и рассмотреть ее психологически как деятельность субъекта, направленную на приспособление к действительности или на ее изменение. Психологические исследования позволяют отвергнуть мнение о знаковой природе сенсорных процессов, которое получило распространение при использовании вероятностно-статистического моделирования в кибернетической теории распознавания образов.

В конкретизации общего тезиса о восприятии как деятельности сложились два методологических подхода, являющиеся следствием различия в понимании детерминации психических явлений. Один — обобщает экспериментальные факты, толкует их и раскрывает процесс восприятия как интериоризацию внешней деятельности, как переход материальных действий в идеальные, осуществляемый в поле восприятия. «Перцептивное действие генетически связано с внешними практическими действиями и подобно им осуществляет преобразования предметной ситуации, однако уже не в материальном, а в идеальном плане»¹⁴. При этом процесс восприятия рассматривается как своеобразное ориентировочно-исследовательское действие, выполняющее функцию обследования объекта и создания его образа, при посредстве которого субъект управляет своим поведением. Другой подход усматривает действие общих закономерностей познавательной деятельности, заключающихся в переработке чувственных воздействий путем их анализа, синтеза и обобщения, протекающих во взаимодействии человека с внешним миром¹⁵⁻¹⁶. Оба подхода отвергают мысль о том, что восприятие — пассивная рецепция данного. Расхождения возникают при определении самой деятельности восприятия, роли субъекта и объекта в чувственном отражении, при соотнесении чувственного отражения с мышлением и при выяснении связи восприятия, понимаемого как активное чувственное отражение действительности, с действием. Эта связь определяется по-разному в зависимости от решения вопроса о детерминации психических явлений.

Одно направление подчеркивает причинную зависимость восприятия от предметной, практической деятельности человека, источником структуры образа, как и всего сознания в целом, считает структуру деятельности самого субъекта, отводя тем самым определяющую роль в детерминации образа деятельности субъекта. Образ восприятия, полагают сторонники этого направ-

---

¹⁴ См. А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. Восприятие и действие, стр. 42.

¹⁵⁻¹⁶ «Восприятие действительно выступает как чувственное познание, отражение вещей и их свойств в их многообразных и сложных взаимоотношениях именно благодаря тому, что само восприятие как форма чувственности заключает в себе анализ и синтез, дифференцировку и генерализацию явлений действительности» (С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 96).

ления, возникает при переходе внешней деятельности во внутренние перцептивные действия, когда происходит уподобление эффекторных компонентов воспринимающих аппаратов воспринимаемому объекту. К таким эффекторным компонентам относятся движения руки, ощупывающей предмет, движения глаза, прослеживающего видимый контур, движения гортани, воспроизводящей слышимые звуки. Так создается копия, сопоставляемая с оригиналом, и сигналы рассогласования, поступая в нервную систему, выполняют корректирующую функцию по отношению к образу, подстраивая его к особенностям исследуемого объекта¹⁷. Психологическая ориентировка поведения на основе образа происходит в ориентировочной деятельности, которая возникает вслед за ориентировочным рефлексом и включается в практическую деятельность субъекта. Появление ориентировочного рефлекса — сигнал рассогласования открывающейся обстановки с обычными реакциями. «По этому сигналу разворачивается ориентировочно-исследовательская деятельность, устанавливаются действительное положение и значение отдельных составляющих поля и производится коррекция действий по ходу исполнения, позволяющая приспособить их к индивидуальным особенностям ситуации»¹⁸.

Это направление применяет к проблеме восприятия теорию интериоризации в ее современном содержании. И вот что примечательно. Интериоризация, которую Л. С. Выготский считал специфическим способом образования высших, опосредствованных знаками психических функций, переносится на формирование перцептивных процессов, которые относились культурно-исторической теорией к низшим непосредственным функциям. Положение Л. С. Выготского об интериоризации распространяется, таким образом, на более широкую область психических явлений и изменяется в своем содержании¹⁹.

Другое направление определяющую роль в восприятии отводит природе самого объекта, раскрывающейся в его взаимодействии с субъектом. Согласно этому взгляду, «лишь единство природы самого объекта и структуры субъекта в их взаимодействии может объяснить действительные источники генезиса восприятия как целостного предметного образа»²⁰. Вывод этот распространяется и на природу представлений. «Формируясь в деятельности, представления имеют своим основным содержанием не только и не столько отражение самой деятельности, но отра-

---

¹⁷ См. А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. Восприятие и действие, стр. 34.

¹⁸ П. Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В сб. «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966, стр. 247.

¹⁹ См. А. В. Запорожец. Роль Л. С. Выготского в разработке проблем восприятия.— «Вопросы психологии», 1966, № 6, стр. 13—23.

²⁰ Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. М., 1960, стр. 232.

жение объективной действительности, жизненных условий деятельности — прежде всего ее предмета и продукта»²¹. В наглядной структуре образов, возникающих в процессе предметной деятельности, отражаются прежде всего объекты. Приемы и операции деятельности, состояние субъекта в процессе деятельности запечатлеваются лишь в отношении к предмету и продукту деятельности. И следовательно, «поскольку восприятие отражает объективную действительность, оно становится необходимой предпосылкой действия, отвечающего объективным условиям... Восприятие ситуации входит в действие как его необходимая составная часть»²².

Разобранные два подхода к проблеме восприятия последовательно реализуют принятые ими положения о способах детерминации психического материальным миром. С этими двумя подходами мы встречаемся и при решении проблемы мышления.

Восприятие в последнее десятилетие широко исследовалось с помощью новых методов не только в традиционной проблематике познавательных процессов и предметной деятельности в общей и детской психологии. Изучение восприятия происходит в связи с проблемой управления техникой и в этой области накапливается все больше данных, имеющих общее значение. Но они, как правило, оказываются вне обобщения применительно к общей психологической теории и потому остаются не использованными. Значительно расширившееся изучение процессов восприятия ставит задачу построения общей теории восприятия, которая включит новые знания и свяжет их со старыми.

ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ

В последние десятилетия общетеоретическая разработка проблемы мышления в советской психологии идет в двух направлениях. Одно из них развивает идеи П. Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий на основе теории интериоризации²³, а другое следует концепции С. Л. Рубинштейна²⁴. Сравнение постановки, хода и результатов этих исследований показывает сущность их теоретических расхождений.

²¹ Там же, стр. 283.

²² С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 96.

²³ См. П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. — В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959. Там же библиография экспериментальных исследований; он же. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В кн.: «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966.

²⁴ См. С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., 1958. Экспериментальные исследования, проведенные под руководством С. Л. Рубинштейна, составили сборник «Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения». М., 1960. Анализ двух подходов к психологии мышления см.: С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории. — «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 11—14; К. А. Славская. Мысль в действии. М., 1968; А. В. Брушлинский. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.

Экспериментальному исследованию с позиций учения о поэтапном формировании умственных действий подверглось усвоение учащимися арифметических, геометрических, алгебраических, грамматических действий. Теоретическим результатом экспериментальных исследований был вывод о том, что «отдельная мысль — как явление психологическое — представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, умственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь»²⁵. Умственная деятельность формируется, согласно общему положению теории интериоризации, как последовательное, поэтапное отражение все в более сокращенном виде материальной деятельности человека. Эта внутренняя умственная деятельность имеет то же строение, что и внешняя материальная деятельность.

П. Я. Гальперин указывает, что, создавая учение о формировании умственных действий, он стремился найти собственно психологическое содержание мышления. Полагая, что характеристика мысли по предметному содержанию никак не является психологической, он писал: «...в мышлении дело идет об ориентировке в вещах на основе образа этих вещей, а не о самих вещах или самом их образе»²⁶. Он приходит к выводу: «Отдельное предметное действие, выполняемое и прослеживаемое, «чтобы узнать», составляет естественную единицу мышления»²⁷. «Предметное действие в уме превращается в мысль об этом действии, «чистую мысль» о решении задачи, которое это действие составляет»²⁸. Такая трактовка мышления предполагает и определенное понимание психологического аспекта рефлекторной теории, который исчерпывается пределами ориентировочно-исследовательской деятельности: в акте мышления усматривается ориентировочное выполнение предметного действия.

Для того чтобы использовать предметное действие в целях мышления, нужно научиться выполнять его, причем выполнять определенным образом с определенными показателями. Следовательно, стоит задача формирования умственных действий с заранее намеченными свойствами и в определенных условиях. Описание этих условий и последовательных форм и разновидностей действия и составляет учение о поэтапном формировании умственных действий, которое предлагается как психологическая теория мышления. Следовательно, под мышлением разумеется система интериоризованных операций, а учение о формировании умственных действий разрабатывает методы об-

---

²⁵ П. Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий— В кн. «Исследования мышления в советской психологии», стр. 236.

²⁶ Там же, стр. 244.

²⁷ Там же, стр. 247.

²⁸ П. Я. Гальперин. К учению об интериоризации.— «Вопросы психологии», 1966, № 6, стр. 29.

учения таким операциям. Учение о поэтапном формировании умственных действий привлекательно тем, что оно стремится найти способы внешнего управления мыслительными процессами, позволяющие создать систему условий, которые обеспечат формирование мыслительной деятельности с заданными свойствами. Умственное действие предстает как «объективно заданный процесс, предполагающий внешний план и определенные условия»²⁹.

Из учения о формировании умственных действий делается общий вывод о сущности психологических явлений: ее «составляют многочисленные формы предметного действия (вместе с ориентировочным планом каждой из них), последовательно вырабатываемые, дифференцируемые, изменяемые, все менее связанные с непосредственным присутствием своих материальных объектов и их преобразованием, все более понятийные, умственные, «чисто мысленные»³⁰.

Экспериментальные исследования мышления, проведенные под руководством С. Л. Рубинштейна и продолженные его учениками, служили доказательством основных принципиальных установок общей психологической теории мышления, которая в свою очередь реализовала развитые и защищаемые им методологические принципы построения психологической теории. Это прежде всего положение о том, что психические процессы не могут быть объяснены, если исходить из одних лишь внутренних условий, так же как они не могут быть непосредственно выведены из внешних воздействий. Общей закономерностью является действие внешних причин через внутренние условия. Принцип детерминизма, который соотносит внешние условия (причины) и внутренние условия (основания), объединяя их, выражает эту общую закономерность^{30а}.

В мышлении, так же как и в процессе восприятия, исходным является взаимодействие субъекта и объекта. В этом взаимодействии и происходит детерминация мышления объектом. Но объект определяет мышление опосредованно, через внутренние закономерности мыслительной деятельности, согласно которым преобразуются чувственные данные, не выявляющие в чистом виде существенных свойств объекта, и лишь тогда совершается мысленное восстановление объекта, т. е. его отражение в идеальной форме. Воплощение в метод психологического исследования мышления принципа детерминизма означает, что основной задачей теории мышления является «раскрытие внутренних за-

---

²⁹ П. Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В кн. «Исследования мышления в советской психологии», стр. 251.

³⁰ П. Я. Гальперин. К учению об интериоризации.— «Вопросы психологии», 1966, № 6, стр. 31.

^{30а} С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., 1958, стр. 135.

кономерностей мыслительной деятельности, посредством которой, отправляясь от исходных чувственных данных, совершается мысленное восстановление объекта...»³⁰⁶.

В соответствии с исходным положением своей психологической концепции о существовании психического в качестве процесса или деятельности С. Л. Рубинштейн считает, что «основным предметом психологического исследования мышления является мышление как процесс, как деятельность». Понятие процесса раскрывает специфический для мышления характер взаимодействия внешних и внутренних условий. «Мышление есть процесс именно потому, что каждый шаг мышления, будучи обусловлен объектом, по-новому раскрывает объект, а изменение этого последнего в свою очередь необходимо обуславливает новый ход мышления; в силу этого мышление неизбежно, необходимо разворачивается как процесс»³¹.

В самом процессе мышления создаются внутренние условия для его развития, а результаты мышления включаются в процесс как предпосылка его дальнейшего хода и как средство дальнейшего мыслительного анализа. Объект, изменяясь для познающего субъекта, поскольку выявляются все новые его качества и свойства, детерминирует мышление на всем протяжении процесса.

Понятие процесса в психологии мышления С. Л. Рубинштейн связывает с признанием его рефлексорной природы. Это выражается в понимании мыслительного процесса как аналитико-синтетического и в требовании раскрыть содержание этой деятельности в характеристике способа преобразования объекта. Однако мышление человека не только природное, но. и общественное явление, а потому психология изучает закономерности познания в их обусловленности результатами развития общественного знания.

Психологическому исследованию подлежат основные внутренние закономерности мышления как процесса, т. е. анализ и синтез, последующая абстракция и обобщение. Анализ и синтез являются «общими знаменателями» всего познавательного процесса: и мышления, и чувственного познания. В этом выражается единство познавательного процесса, хотя он принимает различные формы, выступая либо как анализ чувственных образов вещей и их синтез, либо как мыслительный анализ и синтез словесных «образов», понятий. При этом анализ и синтез представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны единого мыслительного процесса: анализ совершается через синтетические акты и наоборот, синтез — через соотнесение выделенных анализом компонентов целого, восстановление целого из проанализированных частей, восстановление действитель-

---

³⁰⁶ Там же, стр. 13.

³¹ Там же, стр. 136.

ности в ее конкретности. «Положение, согласно которому предметом психологического исследования мышления является прежде всего мышление как *процесс*, неразрывно сочетается с исходным положением, согласно которому изучать мышление как процесс — значит вскрывать те *внутренние закономерности* (анализа, синтеза, обобщения и т. д.), посредством которых происходит преобразование чувственных данных, не отражающих «в чистом виде» существенных свойств объекта»^{31а}.

Исследования, построенные на том основании, что объекты обнаруживают разные свойства в разных связях и отношениях, вскрыли, что специальным способом познания новых сторон, качеств и свойств предметов является анализ через синтез. «*Основная форма анализа, основной нерв процесса мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства*»^{31б}.

Отличие собственно мыслительного процесса от умения и навыков, от заученных операций доказано специальными экспериментальными исследованиями³². Это отличие выступило так же ярко при исследовании конкретных случаев взаимодействия мышления и знаний, при выявлении зависимости использования знаний от хода самого мышления³³.

В структуре мышления выделяется, таким образом, два компонента: механизмы мыслительного процесса (анализ, синтез, обобщение, абстракция) и способы действия, операции, связанные с тем или иным конкретным видом деятельности (грамматические, математические и другие общественно выработанные правила, как, например, таблица умножения).

Учение о формировании умственных действий ограничивает психологию мышления усвоением суммы операций, выработанных человеком. Согласно взглядам другого направления, операции являются составной частью мышления, но мышление включает кроме общественно выработанных операций и другую часть, составляющую собственно мыслительный процесс. «Таким образом, к концу 50-х — началу 60-х гг. в отечественной литературе были представлены две основные «доминирующие» общепсихологические концепции мышления: 1) мышление есть система интериоризованных операций (с акцентом на механизмах интериоризации); 2) мышление — это процесс анализа и

---

^{31а} С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования, стр. 52.

^{31б} Там же, стр. 98—99.

³² См. А. М. Матюшкин. Об условиях возникновения анализа. «Доклады Академии педагогических наук РСФСР», 1959, вып. 5.

³³ См. К. А. Славская. Мысль в действии. М., 1968, стр. 155—157.

синтеза (с акцентом на взаимоотношение этих операций и производных от них — абстракции и обобщения)»³⁴.

Как мы видим, то или иное решение вопроса о детерминации психики приводит к разной трактовке психологией мышления марксистского тезиса о происхождении теоретической, идеальной, мыслительной деятельности из материальной практической. Согласно одной точке зрения, мыслительная деятельность происходит из практической путем интериоризации практического, предметного действия. Согласно другой — путем развития, совершенствования того психического образования, которое всегда присутствует в любом практическом действии, всегда опосредствует само практическое действие, выполняя функцию его регуляции. Одна теория выводит психическое развитие из результатов предметного действия. Другая — исходит не из предметного действия, а из развития того психического содержания, которое входит в каждое предметное действие. Эта теория полагает, что психическое развитие человека осуществляется в ходе его деятельности, но не является результатом простого переноса действия из плана материального в план идеальный, развитие представляет собой не только усвоение продуктов человеческой культуры, но и происходит в процессе их создания³⁵. Сущность разногласий формулируется так: «Сейчас противостоят друг другу *два подхода к проблеме мышления, две концепции мышления*... Согласно одной из этих концепций, выступающих в разных вариантах, смягченном и заостренном, мышление — это по преимуществу оперирование в готовом виде полученными обобщениями; умственная деятельность — это функционирование операций, автоматически включаемых по заранее заданным признакам... Проблема мышления сводится к проблеме научения». Вторая концепция видит главное в исследовании самого процесса мышления, «когда оно анализом предметных отношений и новым синтезом элементов, выделенных анализом, идет к *новым обобщениям*». Основным итогом исследований, реализовавших эту концепцию, является вывод о том, что «*возможность освоения и использования человеком предъявляемых ему извне знаний — понятийных обобщений и способов действия или операций — зависит от того, насколько в процессе собственного его мышления созданы внутренние условия для их освоения и использования*»³⁶.

При трактовке умственных действий как интериоризованных внешних, практических мышление превращается в редуцированный дубликат действия, воспроизводит его особенности, а не от-

³⁴ О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования). М., 1969, стр. 56.

³⁵ Сравнение двух подходов к психологии мышления дано в книге К. А. Славской, «Мысль в действии». (М., 1968, стр. 176—185).

³⁶ С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории. — «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 11—12.

ражает объект. «В мыслительной деятельности выступает то, что она есть *деятельность* и сводится более или менее на то, что она — *мышление, познание*»³⁷.

Противопоставляя две линии, два подхода к психологии мышления в их значении для педагогической практики, С. Л. Рубинштейн писал: «Педагогическая нацеленность на то, чтобы снабжать учащихся готовыми, фиксированными приемами мысли, органически связана с направленностью психологического исследования на вычленение и фиксацию определенных операций, включаемых по наперед заданным признакам, без раскрытия того мыслительного процесса, в ходе и в результате которого они выступают»³⁸. Нельзя отрицать необходимость вооружать учащихся техникой мышления, но не в этом заключается вся или важнейшая часть обучения и воспитания. Важнейшим является воспитание мышления, способности не только владеть фиксированными операциями, приемами мышления, «но и вскрывать новые связи, открывать новые приемы, приходить к решению новых задач»³⁹. Именно на это направлено психологическое исследование, стремящееся за отдельными образованиями и операциями раскрыть процесс мышления, который к ним приводит. Применительно к обучению ставится задача «привести в движение собственную мыслительную деятельность учащихся», необходимо «формировать подлинно продуктивное, творческое мышление, способное приходить к новым результатам»⁴⁰.

Двум концепциям мышления соответствуют и два подхода к задачам умственного развития, к практике воспитания и обучения. Для одного — целью является установление наиболее эффективных приемов умственной деятельности и обучение им путем извне вводимых ранее выделенных и готовых технических приемов и операций. Для другого — раскрытие процесса мышления в его закономерностях и воспитание самостоятельного, продуктивного, творческого мышления. Целью обучения становится развитие у учащегося мышления, способного не только автоматически пользоваться заученными приемами, но и открывать нечто новое.

В отличие от прямого научения это путь развития самостоятельного мышления.

Возникнув в психологии обучения, теория умственных действий была направлена на разработку эффективных способов обучения. Применение разработанных ею приемов в педагогической практике показало, что они позволяют учащимся лучше усваивать сообщаемые им знания. Однако концепция формирования умственных действий вызвала дискуссию в педагогиче-

³⁷ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 52.

³⁸ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования, стр. 140.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 141, 142.

ской психологии⁴¹. Речь идет прежде всего о несогласии с теми выводами, которые следуют из теории интериоризации для психологии обучения. «Никак нельзя согласиться..., что процесс превращения внешних действий во внутренние, умственные процессы составляет центральную психологическую проблему обучения у человека»,— пишет Н. А. Менчинская⁴². Анализируя экспериментальные данные, полученные П. Я. Гальпериным и его сотрудниками, данные других исследований, а также специальных исследований, сопоставлявших поэтапное формирование умственных действий с другими методами обучения, Н. А. Менчинская отмечает: «Сторонники концепции умственных действий видят большое преимущество предложенной ими методики обучения именно в том, что в этих условиях ход учения «жестко детерминируется», создается возможность не допускать никакого индивидуального своеобразия в процессе учения. Несомненно, однако, что такая «жесткая детерминированность» достигается только за счет введения процесса учения в узко регламентированные рамки и неизбежно с этим связанного снижения мыслительной активности учащихся»⁴³.

Н. А. Менчинская считает, что односторонняя трактовка психического развития «привела к игнорированию в исследованиях своеобразия личного опыта детей, специфических особенностей их индивидуального и возрастного развития». «По существу,— продолжает она,— отрицается самый факт индивидуальных различий детей, проявляющихся в процессе учения»⁴⁴.

С другой стороны задача развития у учащихся самостоятельного мышления остается все еще мало разработанной, и психологическая теория тут в долгу у педагогической практики.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И КИБЕРНЕТИКА

Кибернетика изучением общих законов управления, связи и регулирования сложных динамических систем изменила взаимоотношение ряда специальных наук. Она ввела в действие в этих науках свои идеи, связав разные области знания, выделила в старых проблемах новые системы отношений и свойства изучаемых явлений, проявляющиеся в этих отношениях.

---

⁴¹ См. Ю. А. Самарин. О концепции так называемых умственных действий П. Я. Гальперина.— «Вопросы психологии», 1959, № 8; Н. А. Менчинская. О концепции формирования умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 1; А. А. Люблинская. О природе действия в концепции формирования умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 3; П. Я. Гальперин. Несколько разъяснений к гипотезе умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 4.

⁴² Н. А. Менчинская. О концепции формирования умственных действий.— «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 161.

⁴³ Там же, стр. 163.

⁴⁴ Там же, стр. 158.

Кибернетика поставила вопрос о моделировании познавательных процессов в технических устройствах. Первоначально речь шла о том, чтобы использовать психологические знания о процессах восприятия и мышления для создания устройств, моделирующих человеческое восприятие и мышление. Но вскоре кибернетическому моделированию стали придавать психологическое значение и расценивать его как новый путь изучения психической деятельности. Происходит сближение принципов организации деятельности человека с программой работы вычислительной машины, выделяется общность этих принципов и отодвигаются специфически человеческие особенности деятельности. Возможность применения психологической теории для составления машинных программ становится критерием ее оценки: теория, которая не может быть превращена в машинную программу, отвергается как неверная. Распространяется мнение о том, что психологическому анализу может подлежать лишь то, что воспроизводимо в работе машин. Соответственно и человеческое восприятие, и мышление начинают описывать по аналогии с работой вычислительных устройств, воспринимающих сигналы или решающих задачи, а психологическое описание заменяется описанием на языке счетно-решающего устройства.

Возникал методологический вопрос, который переходил в старую философскую проблему, выступавшую в новом облике. Возможно ли в принципе моделирование психического или есть качественные границы воспроизведения человеческой психики техническими устройствами? С вопроса «может ли машина мыслить?» начались дискуссии, захватившие философов, кибернетиков, психологов, логиков и представителей других наук. Доводы были таковы. Невозможность моделирования психических характеристик «с жесткой однозначностью» ведет «к признанию второй субстанции, стоящей за психической деятельностью человека, т. е. «души» в традиционно идеалистическом смысле этого понятия»⁴⁵. В новой форме воспроизводится взгляд, что материализм требует материализации психического и, следовательно, только так материалистическая психология может противостоять идеализму. Иначе говоря, полного торжества материализм достигнет, смоделировав психику в технических устройствах. Этому взгляду противостоит утверждение принципиальной невозможности моделирования мышления человека, утверждение того, что всякое мышление в большей или меньшей степени является продуктивным, творческим, самостоятельным, что мышление по своей природе неаддитивно, нелинейно и не представляет собой стохастический процесс и это исключает применение к психологии существующих в современной науке математических теорий и методов.

Л. М. Веккер. Восприятие и основы его моделирования. Л., 1964, стр. 10.

Согласно первому взгляду несводимость сложного к простому ошибочно отождествляется с отношением частного и общего и потому делается ложный вывод о невыводимости специфики изучаемого предмета из более общих по отношению к нему закономерностей. В действительности же всякая кажущаяся уникальной специфика явлений представляет лишь особое сочетание более общих по отношению к данному явлению свойств и закономерностей. Она является частным проявлением общего⁴⁶ Сочетание общих свойств формирует данное частное. На этом основании утверждается, что «все эмпирически выявленные специфические характеристики чувственного образа могут быть переведены на язык более общих областей знания без всякой утраты их качественного своеобразия»⁴⁷ Речь идет не только о чувственном образе, но о психическом вообще, о переводимости характеристик психического на «общий язык детерминистического знания»⁴⁸, о необходимости выйти за пределы собственно психологической теории и перейти к такому научному обобщению, которое позволит представить психические явления в качестве частного случая общих принципов. В системе понятий кибернетики и усматривается тот общий язык, который соответствует синтетическому уровню современной науки. Применение системы кибернетических понятий должно вести к познанию сущности психологических явлений и создать возможность объединения психологических и нейрофизиологических характеристик деятельности мозга с техническими характеристиками информационных устройств, подчинив их единой научной теории.

Рассмотрение восприятия с позиций общих принципов кибернетики, предпринятое Л. М. Веккером для выяснения возможностей его воспроизведения в технических устройствах, потребовало выделить специфические особенности формирования чувственного образа как психического процесса и перевести его структурные и функциональные характеристики из системы психологических в систему кибернетических понятий. Результаты такого перевода оказались весьма показательными с точки зрения методологических позиций по отношению к природе психического.

Новый подход реализуется путем подведения чувственных предметных образов под категорию сигналов-изображений, которые в свою очередь относятся к частным случаям сигналов-кодов. Характеристика образа понимается как выражение специфических способов организации сигнала, соответствующее ограничению более общих принципов упорядоченности сигналов-кодов. Нервный процесс в качестве частотного кода и чувственный образ в качестве сигнала-изображения выступают как частные рядоположные случаи общих форм управляющих сигналов.

⁴⁶ Там же, стр. 10.

⁴⁷ Там же, стр. 12.

⁴⁸ Там же, стр. 7.

Способ воплощения общей теории сигналов в частное проявление, каким можно считать чувственный образ, дает принцип изоморфизма, который переносится на отношение психического отражения и отражаемой реальности. В чувственном образе усматриваются изоморфные отношения множеств сигнала в специальной форме изображения, при этом полагается, что «все его специфические особенности должны без остатка определяться конкретными характеристиками элементов множества и способов их организации»⁴⁹.

Исследование образа с этих позиций состоит в выяснении общего и отличного в организации психического сигнала-изображения как множества элементов в его изоморфном отношении к источнику изображения и в его регулирующей функции по отношению к действию. Развивается мысль, что благодаря физическому взаимодействию рецепторного аппарата с объектом физические характеристики объекта переводятся в соответствующие им элементарные состояния анализатора, составляющие изображение как упорядоченное множество элементов. Таким образом, выдвигается положение о физической основе элементов психического изображения-сигнала.

Конкретные характеристики элементарных компонентов сенсорных процессов усматриваются в числовых значениях порогов различения сенсорных раздражителей. Пороговые величины рассматриваются как выражение энергетических, пространственных и временных характеристик психического сигнала-изображения. Обращение к психофизике, которая когда-то занималась изучением пороговых величин, конечно, не случайно. В свое время психофизика была направлена на изучение физических свойств раздражителей в их соотношении с ощущениями. Принцип изоморфизма направляет поиск в сенсорных элементах материального воспроизведения физических состояний источника изображения и потому актуализирует давние факты. Раньше факты психофизики толковались в русле представлений об ощущениях как исходных элементах психического, механически объединяемых ассоциативными связями. Новая трактовка связывает построение образов с эффекторными звеньями внутрианализаторных рефлекторных актов и опирается на современные данные о том, что специфичность рефлекторных актов, формирующих образ, состоит в уподоблении состояний анализатора свойствам воспринимаемого объекта, которое осуществляется конечными звеньями рефлекторных анализаторных актов.

Такой взгляд на природу образа несет методологические трудности для психологической теории познавательных процессов. Если наряду с периферическим нейродинамическим субстратом образа признать механизм мыслительных процессов корковую нейродинамику, произойдет отрыв процессов восприя-

---

⁴⁹ Там же, стр. 129.

тия от мышления на уровне их физиологических механизмов. А это делает неразрешимым вопрос о взаимодействии чувственного отражения с мышлением.

Методологические принципы изложенного взгляда на восприятие — общие с кибернетическим подходом к мышлению. А потому и возражения, которые они вызывают, являются общими для кибернетического подхода к психологии познавательного процесса в целом и эти возражения, наиболее развернутые в отношении проблемы мышления, мы приведем дальше.

При обсуждении проблемы познавательных процессов идет спор о кибернетическом и психологическом подходах главным образом к вопросу о мышлении. Представители кибернетики утверждают, что мыслит не только человек, но и машина, а сам человек — автомат, перерабатывающий информацию⁵⁰. Общий вывод кибернетиков сводился к тому, что программа решения задач на вычислительной машине и есть теория человеческого мышления, отсюда следует возможность замены кибернетикой не только психологии мышления, но и всей психологической науки или признания психологии ветвью кибернетики. Этой позиции противопоставлено суждение о том, что процесс решения задачи человеком и машиной не совпадает, между ними существует качественное различие. Теоретические исследования и специальные эксперименты, выявившие различие между работой вычислительного устройства и человеческим мышлением по целому ряду свойств, дают основание утверждать принципиальность этого различия.

Анализ соотношения методологических принципов психологии и кибернетики, применяемых к мышлению человека⁵¹, показывает, что принципы, принятые в марксистской психологической теории, позволяют изучать мыслительную деятельность человека, вскрывая ее своеобразие, а это значит, что они соответствуют природе этой деятельности. Принципы кибернетики в применении к мышлению человека обнаруживают свою недостаточность, хотя (и это исторически показательно) и те и другие направлены на преодоление механистического принципа детерминизма,

---

⁵⁰ Высказывания кибернетиков достаточно решительны: «...нет причин, которые делали бы принципиально невозможным построение думающих машин». «Если техническая система решает те же задачи, что и человек, обладающий мышлением и использующий его для решения задач, то значит и техническая система обладает мышлением» (М. М. Бонгард. Проблема узнавания. М., 1967, стр. 6, 260). «Человек — это автомат, воспринимающий, перерабатывающий и отдающий вовне информацию» (Н. М. Амосов. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965, стр. 164). «Наиболее существенным являлось утверждение о возможности разложения всех сложных форм так называемой творческой деятельности мозга на элементарные информационные процессы» (А. В. Напалков, Ю. В. Орфеев. Вступительная статья к книге «Вычислительные машины и мышление». М., 1967, стр. 6).

⁵¹ А. В. Брушлинский. Психология мышления и кибернетика. М., 1970. Мы используем результаты проведенного А. В. Брушлинским анализа,

оказавшегося справедливым лишь в определенных сферах действительности.

Согласно механистическому пониманию причинности, каждое последующее изменение данного явления полностью предопределено его предшествующими изменениями, вызванными исходной причиной, выступающей в качестве внешнего толчка. Отсюда невозможность объяснить возникновение нового состояния в той или иной системе. В действительности развивающееся явление детерминируется не только предшествующими состояниями, но и новыми обстоятельствами, возникающими в ходе взаимодействия данного явления с другими. И это положение выражено диалектико-материалистическим принципом детерминизма, учитывающим тот непреложный факт, что эффект воздействия одного явления на другое опосредуется природой последнего.

Кибернетика, оставляя за понятием детерминированных систем значение жесткой, однозначной и неизменной механической связи, преодолевает ее недостаточность, развивая вероятностный (или стохастический) подход к действительности. Однозначно детерминированным системам противостоят вероятностные, и по отношению к ним кибернетика применяет математическую теорию вероятностей. Но при этом сохраняется свойственный механицизму атомизм, с одной стороны, и статичность — с другой, не учитывается фактор развития. Стохастический подход отвечает тем сторонам действительности, где действуют большие совокупности случайных однородных событий и не ставит задачу исследования процесса их развития.

В психологии атомистическую концепцию строения психических образований из элементарных ощущений в свое время развивала ассоциативная теория мышления, а позже бихевиоризм. Атомизму, как известно, противостояла концепция целостности (гештальта), но она развертывалась в пределах идеалистических и индетерминистических построений в зарубежной психологии. В марксистской психологической теории проблема мышления исследуется на методологической основе принципа детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании, направленном и против механицизма и против атомизма, а также на основе принципа развития. Мышление рассматривается в его изменении и развитии, которое выражается во взаимодействии внешних детерминант и специфических внутренних условий деятельности.

Обобщения кибернетики в отношении роли и значения обратных связей для детерминации процессов управления, выводы о детерминации каждого последующего действия машины результатами предыдущего — универсальны и имеют значение и для психических процессов. Но детерминация психической деятельности не исчерпывается ими. Доказательство этому представляет разработанная С. Л. Рубинштейном психологическая

теория мышления, опирающаяся на экспериментальные исследования, задачей которых было изучение условий протекания мыслительного процесса, понимаемого как непрерывное взаимоотношение внешнего с внутренним. Согласно этой теории, сущность мышления состоит в открытии нового. Целенаправленный поиск его определяет избирательное использование прошлого опыта. Основным механизмом мыслительного процесса является анализ через синтез, поэтому познавательный процесс не является случайным соединением множества однородных, неизменных элементов, к которым можно было бы применить формально-статистический анализ. Следовательно, вероятностный подход не отвечает «нестохастической» природе мышления.

И еще одно свойство мышления, связанное с его основным механизмом анализа через синтез. В мыслительном процессе «то же» свойство объекта в различных системах связей выступает всякий раз по-разному и поэтому мышление в своем развитии непрерывно обогащается новым объективным содержанием. На каждом последующем этапе познавательной деятельности объект выступает в новом качестве и потому начинается новый этап мышления, отличный от предыдущего. Эту особенность обозначают как «неаддитивность», «нелинейность» мышления. В отличие от этого при вероятностном подходе к мышлению за основание принимаются неизменные свойства объекта и неизменные операции. Полагается, что статичные, постоянные элементы перекомбинируются в разных сочетаниях. Таким образом, мыслительный процесс в своем главном свойстве открывать новое в корне отличен от принципа работы вычислительных машин. Столь же неправомерно и отождествление продуктов двух различных процессов решения задачи — человеческого и машинного.

Кибернетическое моделирование опирается на принцип изоморфизма, принимающий определенное соответствие между двумя множествами, выражаемое через взаимно однозначное соответствие элементов и связей одного множества другому. Поэтому подход к моделированию восприятия начинался с попыток приложения этого принципа к процессам восприятия. На основе изоморфизма строятся вычислительные машины — структура выполняемых ими операций изоморфна вводимой программе. Перенос этого принципа в психологию вызывает соображения о том, что отношения изоморфизма нельзя отождествлять с процессами отражения. Выразить связь психического с внешним миром через отношения соответствия нельзя без того, чтобы не потерять особые качества психического, нельзя отождествлять отношения соответствия и адекватность мышления бытию. Действия машин подготовлены программами, в них предусмотрены все возможные альтернативы, и машина не может выйти за пределы предложенных ей программ. Следовательно, действия машин выводятся из конечных результатов процесса, из того, что

должно быть найдено. Выделяя эту особенность при сопоставлении работы вычислительных машин с мыслительным процессом человека, можно видеть, что в моделировании мышления неправомерно отождествляется требование задачи и искомое и не улавливается главное в мыслительном процессе человека — направленное систематическое преобразование и переформулирование исходных, промежуточных условий и требований задачи⁵². «Формула: «машина воспроизводит операции человеческого мышления» не выражает их действительных отношений»⁵³, поскольку логико-математическое и конкретно-психологическое значение термина операция не совпадают. В отношении машины этот термин обозначает результативный аспект, и машина воспроизводит операции в логико-математическом смысле. В конкретно-психологическом значении термин операция обозначает процессуальную сторону достижения какого-либо результата.

Последовательное сравнение принципов познавательной деятельности человека, саморегуляции познания в процессе решения задач человеком и работы автоматов, эвристического программирования демонстрирует специфические особенности, которые отличают мышление человека от работы кибернетической машины. Одной из таких особенностей является то, что в реальной деятельности человека неразрывно связаны между собой два компонента его мышления. С одной стороны, имеет место динамическое воссоздание (внутреннее моделирование) самого материала задачи — тех элементов, из которых складываются ее условия. С другой — в любом реальном процессе решения сложных задач существует некоторая логическая схема решения. Вся совокупность программ электронных вычислительных машин воссоздает лишь один из компонентов реального мыслительного процесса — компонент логический. Процесс моделирования проблемных ситуаций не находит в математике своего полностью адекватного описания. Не менее принципиальны проблемы, возникшие в связи с разработкой путей и методов машинного перевода. Здесь со всей остротой возникает проблема смысла. Тот процесс, который рождает понимание отношений между предметами — процесс отражения, — в кибернетической машине отсутствует⁵⁴.

Касаясь соотнесения информационной характеристики сигнала и его значимости, необходимо подчеркнуть, что качественное отличие мыслительной деятельности человека заключается в значении для нее смысла и ценности информации. «Реальные механизмы, включенные в управление течением поиска решения задачи (субъективный смысл, субъективная ценность), вообще

⁵² А. В. Брушлинский. Психология мышления и кибернетика, гл. IV, V.

⁵³ О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования). М., 1969, стр. 257.

⁵⁴ См. В. Н. Пушкин. Психология и кибернетика. М., 1971, стр. 171—178, 187—208 и др.

не могут быть выражены на языке информационных процессов, поскольку этот язык абстрагируется от них, поскольку эти образования неформальны по своей природе»⁵⁵. Несовпадение поиска решения задачи в работе машины и в мышлении человека носит принципиальный характер.

Анализ данных специального экспериментального исследования, проведенного для сопоставления мышления человека и работы машины со стороны отображения ситуации⁵⁶, показывает, что отражение условий задачи в сознании человека существенно отличается от отражения этих условий в работе машины. И это отражение, и определяемость последующих действий содержанием этого отражения не совпадают в работе машины и в мышлении человека. Ситуация задачи выступает не только в ее абсолютных, но и в относительных характеристиках, что в целом влияет на характер последующих преобразований.

Мышление человека имеет творческий характер, человек — единственный субъект подлинного мышления, и кибернетический анализ нисколько не заменяет и не отменяет собственно психологического анализа мышления и любой другой психической деятельности. Описание мышления на уровне элементарных информационных процессов ограничено. «Исследования мышления человека показывают не только невозможность считать программу машинной работы теорией человеческого мышления, но и невозможность описать действительную природу человеческого мышления в системе кибернетических понятий, и в частности несводимость мышления к «элементарным информационным процессам»⁵⁷.

Более широкое и общее сопоставление кибернетики и психологии также приводит к заключению, «что в мозгу человека и животных существуют такие процессы саморегуляции, которые находятся вне возможностей кибернетических средств описания и анализа процессов управления. Рассмотрение результатов психологических исследований позволяет обнаружить далее процессы переработки информации, которые не могут быть описаны математическим языком современной теории информации. Наконец, психология определенно свидетельствует о том что в деятельности человека имеют место такие компоненты ре-

---

⁵⁵ О. К. Тихомиров. Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования), стр. 263, см. также стр. 255—257.

⁵⁶ Исследовалась игра в шахматы машины и человека. См. там же, гл. IV, X.

⁵⁷ «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. II, гл. 7, стр. 307. Приведенный вывод автора данной главы О. К. Тихомирова тем более важен, что им были проведены специальные сравнительные исследования решения задач человеком и машинами, начатые с рассмотрения решения мыслительных задач как вероятностного процесса. См. О. К. Тихомиров. Решение мыслительных задач как вероятностный процесс.— «Вопросы психологии», 1961, № 5.

шения задач, которые не могут быть раскрыты и описаны логикой и всей совокупностью математических средств современных теорий решения»⁵⁸.

Вывод этот не означает, конечно, отказа психологии от использования кибернетического моделирования в изучении познавательных процессов. И, как известно, результаты такого моделирования в разных формах применяются в современных работах по восприятию и мышлению в соотношении с собственно психологическими исследованиями. Но в сравнении психологии познавательных процессов с кибернетикой наглядно выступает методологическое значение марксистско-ленинской теории отражения для психологической науки.

А. Н. Леонтьев, рассматривая значение понятия отражения для современной психологии и сопоставляя его с понятиями модели и моделирования, отмечает своеобразие теоретической ситуации, которая состоит в том, что понятия отражения и модели не противопоставимы, и распространение понятия управляющей модели на живые системы, в том числе и на человека, для решения некоторых проблем необходимо. «С другой стороны, на уровне человека становится особенно очевидным, что понятие модели, пересекаясь с понятием отражения, не покрывает содержания последнего. Самый аппарат, применяемый для анализа моделей, в том числе и моделей рассматриваемого типа, исключает эту возможность в принципе. Ведь такой анализ неизбежно ограничен рамками формальных отношений (гомоморфизма, изоморфизма), связывающих между собой два множества упорядоченных элементов некоторых систем, в то время как на человеческом, психологическом уровне прежде всего выступает как раз неформальная сторона управляющих моделей»⁵⁹.

---

⁵⁸ В. Н. Пушкин. Психология и кибернетика. М., 1971, стр. 228.

⁵⁹ А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии.— В кн. «XVIII Международный психологический конгресс 4—11 августа 1966 г.» М., стр. 10.

Глава VIII

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПСИХИКИ

УТВЕРЖДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАРКСИСТСКОГО ВЗГЛЯДА НА СОЦИАЛЬНУЮ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПСИХИКИ

На каждом этапе развития советской психологической науки решение вопроса о социальной обусловленности психики оказывалось зависимым от постановки и решения всего комплекса философских проблем психологии. В 20-х гг., как мы видели, вопрос о социальной обусловленности психики решался на основе поведенческих концепций. Особое место тогда заняла попытка решить этот вопрос выделением его из общей психологии в качестве предмета социальной психологии. В начале 30-х гг. проблема общественно-исторической детерминации психики составляет главное содержание учения Выготского и связывается с проблемой овладения знаками. В 40-х гг. этот вопрос включается в исследования, направленные на разработку проблемы деятельности. В начале 50-х гг. на какое-то время проблема общественно-исторической природы психики оказалась отодвинутой на второй план вопросом отношения психики к мозгу и анализом взаимоотношения психологии и физиологии, но во второй половине этого десятилетия происходит восстановление роли и значения этой проблемы. Исследование психики в системе отношений «человек — общество» в конце 50-х и в 60-е гг. привлекает все большее внимание и в философско-теоретическом аспекте и в плане конкретных психологических и социально-психологических исследований.

Философско-теоретические исследования сосредоточиваются вокруг двух подходов к психике, которые определились при соотношении основных характеристик психического и представлены двумя концепциями детерминации психического, развитыми А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном. Об исходных философско-теоретических положениях этих двух разных подходов к толкованию природы психического ранее говорилось. Применительно к социальному аспекту психического происходит

реализация этих исходных позиций таким образом, что центральным становится решение вопроса о детерминации.

Общим для этих теорий, разрабатываемых в советской психологии на единой марксистской основе, является признание марксистского тезиса о том, что общественное бытие человека определяет его сознание, что сознание человека есть общественный продукт и его психика социальна, что результаты человеческой деятельности откладываются в ее продуктах и их освоение составляет необходимое условие развития психики человека, что специфическая черта человеческого развития и состоит в его обусловленности исторически складывающимися продуктами человеческой деятельности, что психическое развитие человека опосредствовано его деятельностью. Оба подхода объединяются постановкой единой задачи — найти пути всестороннего и гармоничного развития членов нового коммунистического общества, способствовать формированию нового человека. На этой общей основе предлагается разное построение психологической теории, преследующее одну цель — реализовать общественно-исторический принцип развития и раскрыть социальную обусловленность психики человека. Создание учения о сознании в советской психологической науке было результатом разработки с позиций марксизма проблемы социальной обусловленности психики.

Расхождения начинаются с того, как понимать механизм социальной детерминации, как понимать и как соотносить внутреннее и внешнее, природное и социальное, а это приводит к существенным различиям и в трактовке предмета и методов психологической науки, и в построении системы психологических понятий и в применении психологической теории к практике воспитания, обучения, так же как и в применении к другим сферам действия психологии в разных областях жизни.

Проблеме социальной обусловленности психики, по сути дела, посвящены все конкретные социально-психологические исследования в современной марксистской психологии. Однако тут надо разграничивать задачи, которые ставит перед собой социальная психология как особая дисциплина, и задачи общей психологической теории.

Социальная психология в совокупности дисциплин марксистской психологической науки начала быстро развиваться в последнее десятилетие. Этому предшествовал длительный перерыв, наступивший после методологических дискуссий 30-х гг. О тех трудностях, которые в свое время встретили советскую психологию в этой области, мы ранее говорили. Методологическое укрепление советской психологической науки и развитие общей психологической теории создали новые условия освоения и применения марксистского учения об общественной сущности человека к социально-психологическим проблемам.

В результате теоретических обсуждений предмета и методов социальной психологии, так же как и широкого развер-

тывания конкретных исследований, определилась в общих чертах область изучаемых ею явлений — социальные общности (национальные, классовые, профессиональные и др.), взаимоотношение людей в больших и малых общественных группах, межличностные отношения индивидов. Социально-психологическому исследованию подвергаются не только так называемые массовидные психические явления, но и объективные закономерности развития личности в различных социальных условиях. Если общая психология стремится найти общие закономерности формирования личности, то социальная психология изучает личность как представителя определенного класса, как члена определенной общественной группы.

При таком разграничении задач общей и социальной психологии решается и вызывавший ранее много споров вопрос о том, должна ли советская психологическая наука стать наукой о психологии советского человека, отказавшись от признания общечеловеческих закономерностей психической деятельности. В 20-х, а затем снова в 40-х гг. вопрос о социальной обусловленности психического ставился как вопрос о классовой психологии. Марксистское положение о социальной обусловленности психического понималось как непосредственное выведение законов психической деятельности из конкретно-исторических особенностей той или иной общественно-исторической формации.

Современная советская психология достаточно четко различает сферу действия общей психологической теории и социально-психологических исследований. «Если общая психология вскрывает закономерности общечеловеческих свойств и качеств личности, то социальная психология, исследуя личность в конкретных общественно-исторических условиях, может и должна вскрыть специфические особенности психологии личности в социалистическом обществе. Психология советского человека как отдел социальной психологии, таким образом, имеет право на существование. Этот отдел психологии не может заменить психологии личности и не может охватить всех вопросов, подлежащих компетенции общей психологии, вскрывающей общие закономерности формирования свойств и качеств личности»¹.

Общепсихологические закономерности социальной обусловленности психики являются исходными для специальных социально-психологических исследований личности в конкретных условиях социалистического общества. Единые методологические принципы марксистской психологии определяют подход к психологии личности и в общей и в социальной психологии. И вместе с тем конкретные социологические исследования обуславливают разработку специальных методологических вопросов,

¹ Е. В. Шорохова. Некоторые методологические вопросы психологии личности.— В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума». М., 1969, стр. 37.

которые ставятся собственными задачами социальной психологии.

Для современного состояния социальной психологии характерно обилие эмпирических данных, очень разнообразных по своему составу, и отсутствие их теоретического обобщения. Теории социальной психологии пока еще нет, и все ее многочисленные эмпирические материалы не сведены воедино. Это затрудняет и последующее обобщение, и включение имеющихся данных в общую психологическую теорию. Тем более сложным является соотнесение фактов конкретных исследований, самых разнообразных, с важнейшей философской проблемой социальной обусловленности психики. А между тем такая соотнесенность нужна для нового шага психологической теории, поскольку все яснее выступает новый аспект психики — ее характеристика, выявленная в системе отношений человека к человеку. Общение человека с большими и малыми группами людей, межличностные отношения составляют необходимый фактор социальной детерминации психики. Человек предстает для психологии как субъект деятельности, познания и общения, а психическое в своей общественной функции раскрывается в качестве деятельности, обеспечивающей общение человека с другими людьми и включающей его в общество.

Показательно, что в материалах симпозиума о задачах и путях развития социально-психологических исследований IV Всесоюзного съезда общества психологов, состоявшегося в 1971 г., преобладала тема общения². Представленные для обсуждения сообщения содержали результаты работ, ставивших своей целью изучение разных форм общения у детей дошкольного возраста, школьников и взрослых, исследование разных сфер общения и средств общения, взаимоотношения массовой и личной коммуникации в процессе общения. Изучение межличностных отношений в разных социальных группах показало роль и значение общения в формировании психических свойств личности.

Вопросы общения были подняты и на симпозиуме по проблемам личности³. Исследования психологии личности также дают основание для заключения о том, что «по существу для изучения психологии человека как социального существа, свойства которого не могут быть поняты вне его общения с другими индивидами, не может быть только интраиндивидуального подхода к личности»⁴.

---

² «Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов». Тбилиси, 1971, стр. 152—217.

³ См. «Проблемы личности. Материалы симпозиума». М., 1969, стр. 35, 282—284; «Личность. Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10—12 марта 1970 г. в Москве». М., 1971.

⁴ Е. В. Шорохова. Некоторые методологические вопросы психологии личности. — В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», стр. 35.

Начавшееся в последнее десятилетие изучение восприятия человека человеком⁵ подтверждает необходимость включения взаимоотношения человека с другими людьми в общее представление о природе психического.

Разработка социологических проблем заставила задуматься над тем, какие методологические выводы можно из них извлечь для психологии, как развивать применительно к ней положения марксистско-ленинской теории общественных отношений. Речь идет не о том, чтобы психологии заняться исследованием общественных связей между людьми, а о том, что общественную природу индивида нельзя искать в нем самом, вне его связи с другими людьми⁶.

Способ психологического анализа, направленного на выявление социальной обусловленности психического, должен опираться на общественные отношения человека, поскольку деятельность каждого индивида определяется структурой общественной организации, историческим уровнем развития этой организации. Каждый индивид по-разному включается в совокупность общественных отношений в зависимости от его места в реальной общественной организации. Поэтому психологии надо учитывать социальную дифференцированность индивидов как исходное методологическое положение. «Отдельный индивид ни в плане познания, ни в плане действия не противостоит один на один бытию, а выступает лишь участником общественно организованного целого»⁷. Эти общественные отношения человека нельзя не учитывать, рассматривая связь сознания с деятельностью. «Исходная методологическая предпосылка психологии состоит в осознании того более общего положения, что деятельность каждого индивида соотнесена с деятельностью других людей, что она всегда носит характер совместной с другими людьми деятельности, которая всегда организована, то есть тем или иным способом приведена в соответствие с деятельностью других»⁸.

Этим обосновывается заключение о том, что «отношение психического к миру, к объекту опосредовано отношением к человеку»⁹.

Соотношение индивидуального и общественного в психологии рассматривалось обычно как соотношение индивидуального и общественного сознания. Другой стороной этой проблемы является это же соотношение в сфере общественного бытия. Изучение психического в этом плане пока еще только начинает-

---

⁵ См. А. А. Бодаев. Восприятие человека человеком. Л., 1965.

⁶ См. К. А. Абульханова-Славская. К проблеме социальной обусловленности психического.— «Вопросы философии», 1970, № 6.

⁷ Там же, стр. 77.

⁸ Там же, стр. 80.

⁹ Там же, стр. 85.

ся и будущее покажет, что оно даст для решения проблемы социальной обусловленности психики.

В целостном понятии психики расширяется и углубляется важнейшая составная часть — характеристика ее социальности. На современном этапе развития психологической науки проблема общения индивида с другими людьми и его общественных связей привлекает все большее внимание психологов. Ее философско-психологическое исследование продолжит всестороннее изучение психики в разных системах отношений, последовательно осуществляемое советской психологической наукой.

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРОДУКТ ПРОЦЕССА ПРИСВОЕНИЯ

А. Н. Леонтьев в конце 50-х гг. выдвигает и в последующее десятилетие разрабатывает концепцию социальной обусловленности психики, согласно которой психическое развитие является результатом особого процесса — процесса присвоения¹⁰. Эта концепция преследует ту же цель, которую ставил в свое время Л. С. Выготский — выяснить закономерность общественно-исторической детерминации психики человека. А. Н. Леонтьев всемерно выделяет качественные отличия психики человека как результата его общественно-исторического развития и противопоставляет их биологическим закономерностям мира животных.

«Духовное, психическое развитие отдельных людей,— пишет А. Н. Леонтьев,— является продуктом совершенно особого процесса — процесса присвоения, которого вовсе не существует у животных, как не существует у них и противоположного процесса опредмечивания их способностей в объективных продуктах их деятельности»¹¹. Основанием такого введения термина «присвоение» в психологическую теорию служит известное высказывание К. Маркса: «... Присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей...»¹² Человек живет в мире общественных предметов, в которых воплощены человеческие способности, сформировавшиеся в процессе развития общественно-исторической практики. Мир этот стоит перед каждым человеком на всем протяжении его онтогенетического развития, он должен присвоить себе заключенные в этом мире общественных предметов психические свойства и способности.

¹⁰ См. А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I; *он же*. Биологическое и социальное в психике человека.— «Вопросы психологии», 1960, № 6; *он же*. О социальной природе психики человека.— «Вопросы философии», 1961, № 1.

¹¹ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 22.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 68.

В положении Маркса о том, что присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов, усматривается не только общее, но и специальное психологическое значение. Предполагается, что объекты внешнего мира, окружающего человека, будучи продуктами деятельности людей, воплощают в себе и их психические свойства и способности. «... Это является возможным именно потому, что эти свойства и способности приобретают объективную предметную форму»¹³.

Следовательно, психическое имеет разные формы своего существования — в человеке и в материальных и идеальных объективных продуктах человеческой деятельности. Совершая по отношению к этим продуктам деятельность, адекватную той, в которой они были созданы, человек «присваивает» заключенное в них и хранимое во вне психическое. «... Специфический процесс овладения («присвоения». — *К. Маркс*) осуществляется в процессе деятельности человека по отношению к предметам и явлениям окружающего мира, воплощающим достижения исторического развития способностей людей»¹⁴. Процесс присвоения, усвоения или овладения и рассматривается в качестве того общего принципа психического развития человека, который обеспечивает специальную детерминацию психики. «... Только в результате этого, всегда активного процесса индивид способен выразить в себе истинно человеческую природу — те свойства и способности, которые представляют собой продукт общественно-исторического развития человека»¹⁵.

Механизм процесса присвоения усматривается в интериоризации, посредством которой и происходит присвоение социальных исторически сложившихся видов и форм деятельности и преобразование их во внутренние психические процессы. Следовательно, процесс присвоения состоит во-первых, в осуществлении деятельности, адекватной той, которая воплощена в присваиваемом продукте и, во-вторых, в том, что деятельность строится извне теми, кто обучает ей. С этой точки зрения как процесс присвоения рассматриваются все психические процессы. В свете этого требования определяются процессы восприятия и мышления¹⁶.

Присвоение характеризуется как «процесс воспроизведения индивидом способностей, приобретенных видом *homo sapiens*

---

¹³ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 22.

¹⁴ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей. — «Тезисы докладов на I съезде общества психологов», вып. 3. М., 1959, стр. 142.

¹⁵ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека. — В кн.: «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 22.

¹⁶ А. Н. Леонтьев. Карл Маркс и психологическая наука. — «Вопросы психологии», 1968, № 5, стр. 10—11.

в период его общественно-исторического развития»¹⁷. Индивид «становится человеком лишь в результате процесса присвоения им человеческой действительности»¹⁸. Начиная с того времени, когда биологически окончательно сложился современный тип людей, «достижения в развитии психических способностей людей закреплялись и передавались от поколения к поколению в особой форме, а именно в форме внешне предметной, экзотерической»¹⁹. «Развитие, формирование психических функций и способностей, свойственных человеку как общественному существу, происходят в форме, существующей только в обществе,— в форме процесса усвоения, овладения опытом предшествующих поколений»²⁰.

Таким образом, различается и противопоставляется генезис психического у человека и у животных. В животном мире онтогенетическое развитие организмов, которое совершается в процессе их взаимодействия со средой, есть реализация их видовых свойств. Человек реализует достижения общественно-исторического развития в форме, которая коренным образом отличается от биологической формы. Согласно А. Н. Леонтьеву, общественно-историческое развитие снимает действие биологических законов и законы общественно-исторические распространяются как на развитие общества, так и на развитие индивидов, образующих это общество. В обществе возникает особая форма передачи достижений предшествующих поколений последующим — достижения воплощаются в материальных и идеальных продуктах человеческой деятельности, специфически человеческие психические способности развиваются путем овладения каждым человеком этими продуктами. Основным механизмом онтогенетического развития и усматривается в том, что «процесс присвоения реализует у человека главную необходимость и главный принцип онтогенетического развития — воспроизведение в свойствах и способностях индивида исторически сложившихся свойств и способностей человеческого вида...»²¹. Из данного положения следует, что главным принципом развития психики является воспроизведение свойств и способностей, воплощенных в предметах, созданных людьми.

Согласно этой концепции развитие человека подчинено только социальным законам: «...возникает эра господства единст-

---

¹⁷ А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека.— «Вопросы психологии», 1960, № 6, стр. 25.

¹⁸ А. Н. Леонтьев. Карл Маркс и психологическая наука.— «Вопросы психологии», 1968, № 5, стр. 10.

¹⁹ А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека.— «Вопросы психологии», 1960, № 6, стр. 24.

²⁰ А. Н. Леонтьев. О социальной природе психики человека.— «Вопросы философии», 1961, № 1, стр. 28.

²¹ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 25.

венно социальных законов»²². В отличие от эволюции животных развитие человека, будучи также зависимо от внешних условий, не является приспособительным процессом в собственном биологическом значении этого термина. Взаимодействие между человеком и природой опосредствуется, регулируется и контролируется его деятельностью. «При этом средства, способности и умения, необходимые для осуществления деятельности, опосредствующей его связь с природой, он находит в обществе, в том мире, который преобразован общественно-историческим процессом. Чтобы сделать их *своими* средствами, *своими* способностями, *своими* умениями, он должен вступить в отношения к людям и к предметной человеческой действительности»²³.

Соответственно положению о разных принципах онтогенетического развития животных и человека происходит и поиск тех механизмов, которые отличают поведение людей. Два типа совместно действующих механизмов, безусловных и условных рефлексов, обеспечивают поведение животных. Видовой опыт закрепляется в механизмах безусловнорефлекторного, инстинктивного поведения. Складывающийся онтогенетически индивидуальный опыт приспособляет видовое поведение к изменчивым элементам внешней среды. Человеку присуща новая общественно-историческая форма накопления опыта. Этот опыт представляет собой результат развития многих поколений людей. В этом смысле он видовой, его коренное отличие от опыта животных в том, что он не передается наследственно. Процесс присвоения общественно-исторического опыта и составляет, по выражению А. Н. Леонтьева, «механизм социальной наследственности»²⁴.

Как специфически человеческий видовой опыт процесс присвоения принципиально отличен от процесса приобретения индивидуального опыта животных. «Этот опыт лежит не в наследственной организации человека, *не внутри, а вовне* — во внешнем объективном мире, в окружающих человека человеческих предметах и явлениях. Этот мир — мир промышленности, наук и искусств — выражает в себе подлинно человеческую природу, итог ее общественно-исторического преобразования; *он и несет в себе человеку — человеческое*»²⁵.

Приводя известную мысль К. Маркса о том, что предметное бытие промышленности является «чувственно представшей перед нами человеческой психологией»²⁶, А. Н. Леонтьев полагает, что эта мысль «имеет для научной психологии общее

---

²² Там же, стр. 19.

²³ Там же, стр. 25.

²⁴ Там же, стр. 40.

²⁵ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей. — «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 11.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 594.

и притом решающее значение»²⁷. И значение это в полной мере выступает при рассмотрении процесса труда не со стороны его опредмечивания в продуктах деятельности людей их сил и способностей, а со стороны их присвоения индивидами.

Так трактуются в применении к психологической теории высказанные Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» мысли о том, что «каждое из *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь, — словом, все органы его индивидуальности... — являются в своем *предметном* отношении или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего, присвоением *человеческой* действительности»²⁸.

Важно то заключение, которое делает А. Н. Леонтьев: «Процесс овладения осуществляется в ходе развития *реальных* отношений субъекта к миру. Отношения же эти зависят не от субъекта, не от его сознания, а определяются теми конкретно-историческими, социальными условиями, в которых он живет, и тем, как складывается в этих условиях его жизнь. Вот почему проблема перспектив психического развития человека и человечества есть прежде всего проблема справедливого и разумного устройства жизни человеческого общества — проблема такого ее устройства, которое дает *каждому* человеку *практическую* возможность овладевать достижениями исторического прогресса и творчески участвовать в умножении этих достижений. Таково социалистическое, коммунистическое общество»²⁹.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ

Тезис о том, что сознание человека есть общественный продукт и вся его психика социально обусловлена, является исходным и для психологической теории С. Л. Рубинштейна. Но представлению о том, что психическое исчерпывается его выведением из продуктов общественной деятельности, их присвоением, он противопоставляет положение о социальной обусловленности психики через посредство внутренних условий. Это положение — детерминация развития психики внешними причинами через внутренние условия — противостоит теориям, разрывающим взаимосвязь внешних и внутренних условий психического развития: как тем, которые утверждают, что развитие целиком детерминируется внешними условиями и не выявляют внутренней обусловленности этой детерминации, так и тем, ко-

²⁷ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 21.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 591.

²⁹ А. Н. Леонтьев. О социальной природе психики человека. — «Вопросы философии», 1961, № 1, стр. 40.

торые переносят детерминацию целиком внутрь индивида и признают врожденность психических свойств и способностей.

С этих позиций С. Л. Рубинштейн заостряет критику методологических установок теории интериоризации в отношении подхода к вопросу о социальной обусловленности психики. «Правильное положение о социальной обусловленности человеческого мышления и человеческих способностей перекрывается в теории интериоризации механистическим пониманием этой его социальной детерминации, разрывающим всякую взаимосвязь и взаимообусловленность внешнего и внутреннего, вытравляющим всякую диалектику внешнего и внутреннего, общественного и природного в человеке»³⁰, — пишет он. И добавляет: «В «опровержение» нашей характеристики теории интериоризации можно как будто возразить, что согласно этой теории интериоризация внешнего опосредствуется деятельностью субъекта по усвоению извне данного. Однако это обстоятельство никак не снижает механистического характера этой трактовки личности и развития ее способностей, поскольку самая деятельность субъекта мыслится как детерминированная *только* объектом, *только* извне»³¹.

Эти возражения следуют из того понимания проблемы детерминации психического, которое С. Л. Рубинштейн определяет как действие внешних причин через внутренние условия. При таком понимании детерминации психического внешнее и внутреннее включается в единый процесс психического развития. Подверженностью тем или иным внешним воздействиям обусловлена внутренними условиями того, на кого оказывается воздействие. В то же время внутренние условия в процессе развития сами непрерывно изменяются, формируясь в зависимости от внешних воздействий, и изменяют условия протекания процесса развития при последующих внешних воздействиях.

Различия в двух подходах к вопросу о социальной обусловленности психики начинаются после того, как признается, что исходной является детерминация психического извне. При том и при другом подходе не считается возможным признавать достаточными для психического развития только внутренние условия. И конечно, оба эти подхода отвергают начисто идеалистическую концепцию замкнутости психического в себе самом. Речь идет о том, считать ли исходными, необходимыми условия психического развития только внешние его условия (при этом признается, что по мере воздействия внешних причин возникают и развиваются внутренние условия), или же взаимодействие внешнего и внутреннего³². Следствием *первой*

³⁰ С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории. — «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 7—8.

³¹ Там же, стр. 7.

³² См. А. В. Брушлинский. Культурно-историческая теория мышления (философские проблемы психологии). М., 1968, стр. 89—104.

концепции является непосредственное выведение психического из объекта, рассматриваемого в качестве носителя психического. В объекте как продукте деятельности людей воплощается их психика, которая затем путем вторичного перевоплощения, «присвоения» становится вновь присущей людям.

Согласно другой концепции носителем психического является только субъект действия, человек. Первостепенное значение здесь приобретает проблема личности. Если психологическая теория трактует детерминацию психики как диалектическое взаимодействие внешнего и внутреннего, центральной становится проблема личности. Следуя единому методологическому замыслу рассматривать явления в их многообразных связях и отношениях, С. Л. Рубинштейн выделяет собственно психологический аспект личности, полагая, что в своих других взаимосвязях она исследуется другими науками. При объяснении любых психических явлений личность выступает как «единая совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»³³. Такое понимание личности требует изучения внутренних условий как разных психических уровней в их взаимосвязи, предостерегает от смешивания закономерностей психической деятельности разных уровней, диктует необходимость выявления зависимости компонентов личности от различных условий, выявления устойчивого ядра и устойчивых компонентов в ее структуре.

Психология каждой личности включает черты, порожденные природными условиями и общие для всех людей, живущих при определенном общественном строе. Причем эти черты получают свое выражение у каждого человека, преломляясь через его индивидуальные особенности, через историю его жизни. Поэтому целесообразно «различать детерминированность психической деятельности самым фактом общественной жизни (выражающимся прежде всего в наличии у человека речи, обуславливающей самую структуру человеческой психики, человеческого сознания) и зависимость психических явлений от различных форм общественной жизни. Зависимость от самого существования общественной жизни обуславливает черты, общие всем людям, которые выражаются в *общих закономерностях* психической деятельности человека; зависимость от различных форм общественной жизни обуславливает различные *типические* характеры эпохи»³⁴. Поэтому С. Л. Рубинштейн резко возражал против утверждения, что психическая деятельность в целом вся изменяется с каждым изменением общественного строя, утверждения, из которого следовало противопоставление психической деятельности советского человека психической деятельности человека капиталистического общества.

---

³³ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 117.

³⁴ Там же, стр. 207.

Два подхода к решению вопроса о социальной обусловленности психики отчетливо выявились в дискуссии о способностях, которая не была завершена ее основными участниками, подготовившими свой материал к I съезду Общества психологов. В опубликованных к съезду тезисах докладов С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев сформулировали принципиально различные точки зрения на проблему способностей в связи с социальной детерминацией психики. В тезисах докладов В. Н. Мясищева и Г. С. Костюка по проблеме способностей вопрос о детерминации психического не был предметом специального рассмотрения³⁵. В. Н. Мясищев отмечал вопрос о единстве в способностях природного и приобретенного как требующий особенного внимания. Г. С. Костюк писал о том, что своего дальнейшего раскрытия требует установленное в советской психологии правильное положение о единстве и различии способностей и задатков как исходных внутренних природных условий, необходимых для их развития. Он же отмечал необходимость конкретнее раскрыть природу одаренности, под которой, по его мнению, следует понимать индивидуальные особенности задатков, природных данных личности, более или менее благоприятствующих формированию ее родовых и индивидуальных свойств и способностей, обуславливающих природную способность к их образованию и развитию. Доклад, с которым А. Н. Леонтьев выступил на съезде, был напечатан в журнале «Вопросы психологии». С. Л. Рубинштейн на съезде не присутствовал из-за болезни, и подготовленный им доклад был опубликован посмертно³⁶.

Дискуссия о способностях, которая выходила за пределы самой проблемы способностей, превратилась в полемику о том, как понимать и как реализовать в психологической теории основополагающий марксистский тезис о социальной детерминации психики, как понимать психическое развитие. Вновь поднятая проблема психического развития, важнейшая для психологической теории, обнаружила с предельной ясностью пункты расхождения двух подходов к психическому. Проблема способностей оказалась слитой с вопросом о развитии, который рассматривался в связи с социальной обусловленностью психики.

³⁵ См.: С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и принципиальные вопросы психологической теории; А. Н. Леонтьев. О формировании способностей; В. Н. Мясищев. Проблема способностей в советской психологии и ближайшие задачи ее разработки; Г. С. Костюк. Психологические вопросы руководства развитием способностей.— «Тезисы докладов на I съезде общества психологов», вып. 3.

³⁶ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей.— «Вопросы психологии», 1960, № 1; С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории.— «Вопросы психологии», 1960, № 3.

С точки зрения одного подхода — теории интериоризации — у человека существует два рода способностей: природные, биологические в своей основе, и специфически человеческие, общественно-исторического происхождения. По отношению к природным способностям проводится различие собственно способностей от задатков. Под задатками понимаются врожденные анатомо-физиологические особенности; под способностями — свойства, онтогенетически развившиеся в самой деятельности в зависимости от внешних условий. Что касается способностей специфически человеческих, то они отличны по своему происхождению и условиям формирования. Эти способности развиваются в процессе присвоения отдельным индивидом продуктов, созданных обществом. История материальной и духовной культуры человечества во внешней предметной форме выражает достижения развития человеческих способностей. «Нужно особенно подчеркнуть, что при этом речь идет о *психических* способностях людей»³⁷, — пишет А. Н. Леонтьев. В результате присвоения «воплощенные во внешней форме высшие человеческие способности становятся *внутренним* достоянием его личности»³⁸.

Природа конкретных механизмов, составляющих основу способностей, усматривается в том, что «в процессе формирования у человека деятельности, адекватной предметам и явлениям, воплощающим человеческие способности, у него прижизненно формируются также и способные осуществлять эту деятельность функциональные мозговые органы, представляющие собой устойчивые рефлекторные объединения или системы, которым свойственны *новые* специальные отправления»³⁹. Согласно этой концепции формирование в онтогенезе интеллектуальных способностей сводится к «усвоению исторически выработанных операций»⁴⁰, в способности проецируются процессы, строящиеся «извне».

Трактовка марковского понятия присвоения, развитая А. Н. Леонтьевым и примененная им к проблеме способностей, вызвала возражения С. Л. Рубинштейна. Обращаясь к трудам К. Маркса, сопоставляя его ранние и поздние произведения, С. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что идеи, которые Маркс связывает с понятием присвоения, никак нельзя отождествить с присвоением как генезисом психического⁴¹.

---

³⁷ А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе в изучении психики человека. — В кн. «Психологическая наука в СССР», т. I, стр. 21.

³⁸ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей. — «Вопросы психологии», 1960, № 1, стр. 11.

³⁹ Там же, стр. 13.

⁴⁰ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей. — «Тезисы докладов на I съезде Общества психологов», вып. 3, стр. 144.

⁴¹ См. С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 187—209; он же. Проблема способностей и вопросы психологической теории. — «Вопросы психологии», 1960, № 3.

С. Л. Рубинштейн возражает против применения этого понятия к генезису психического, потому что этот термин встречается в самых ранних работах Маркса, когда им не были до конца преодолены феербаховские представления о взаимоотношении человека и природы. Поскольку Маркс преодолевает представления Фейербаха об абстрактном природном человеке и приближается к пониманию его как конкретного общественно-исторического существа, постольку понятие «отчуждение» он связывает с частной собственностью, при господстве которой продукт человеческого труда становится чужой собственностью. А понятие «присвоение» связывается с упразднением частной собственности, с установлением коммунизма и общественной собственности. К такой трактовке Маркс приходит уже в «Немецкой идеологии». Вслед за известными словами о том, что «... присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей», Маркс пишет: «Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей». И тут же поясняет: «При всех прошлых присвоениях масса индивидов оставалась подчиненной какому-нибудь единственному орудию производства; при пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе»⁴².

Из приведенных высказываний Маркса С. Л. Рубинштейн делает вывод: «Основная мысль Маркса, таким образом, ясна: *только в результате пролетарской революции — упразднения частной собственности и установления общественной собственности на орудия производства, может произойти такое «присвоение» орудий производства, которое явится «равносильным» развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов*... «Таким образом,— продолжает С. Л. Рубинштейн,— ссылка на присвоение у Маркса никак не может служить обоснованием концепции, согласно которой формирование способностей заключается в усвоении операций, потому уже, что здесь идет речь совсем о другом круге идей, которые никак нельзя смешивать или отождествлять. Одно дело «присвоение», заключающееся в упразднении частной собственности и установлении коммунизма, и совсем другое дело — усвоение отложившихся в предмете операций, из которого якобы и возникают способности. Эта последняя концепция должна выступать на свой соб-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 68.

ственный страх и риск и быть испытана в собственной состоятельности»⁴³.

Несомненное положение о том, что в продуктах труда, в знаниях, в культуре действительно воплощаются результаты человеческой деятельности и обязательной ее составляющей — психической деятельности, требует исследования зависимости от них психического развития. Однако С. Л. Рубинштейн считает недостаточным выяснение односторонней зависимости психического развития людей от внешних продуктов их деятельности, полагая, что при рассмотрении взаимодействия человека и предметного мира нельзя ограничиться только сферой усвоения вне сферы производства. Способности людей, утверждает он, формируются не только в процессе усвоения продуктов, созданных человеком в процессе исторического развития, но также и в процессе их создания: «процесс... создания человеком предметного мира — это и есть вместе с тем развитие им своей собственной природы»⁴⁴. С. Л. Рубинштейн считает необходимым различать овладение знаниями, умениями от развития способностей. *«Развитие человека в отличие от накопления «опыта», овладения знаниями, умениями, навыками — это и есть развитие его способностей, а развитие способностей человека — это и есть то, что представляет собой развитие как таковое в отличие от накопления знаний и умений»*⁴⁵.

По мнению С. Л. Рубинштейна, «связать проблему способностей с вопросом о развитии — значит, по существу, определить свой подход к центральному вопросу о детерминации способностей», а это значит «признать, с одной стороны, что способности не могут быть просто насаждены извне, что в индивидуе должны существовать предпосылки, внутренние условия для их органического роста и, с другой стороны, что они не предопределены, не даны в готовом виде до и вне всякого развития»⁴⁶. Необходимо «исходить из *взаимосвязи и взаимозависимости* внутреннего развития самих людей, их собственной природы, их способностей и внешних объективированных продуктов их деятельности»⁴⁷.

Так встает общая проблема соотношения природного и социального в человеке. Развитие общественной способности, воплощенной в продукте труда, не отменяет, а ставит проблему развития таких психических качеств у индивида, которые бы давали ему возможность сделать воплощенную в продукте способность достоянием индивида. Факт воплощения человеческих способностей в продуктах труда, знаниях, культуре еще не оз-

---

⁴³ С. Л. Рубинштейн. Проблема способностей и вопросы психологической теории. — «Вопросы психологии», 1960, № 3, стр. 7.

⁴⁴ Там же, стр. 5.

⁴⁵ Там же, стр. 3—4.

⁴⁶ Там же, стр. 4.

⁴⁷ Там же, стр. 5.

начает, что эти способности становятся достоянием каждого индивида. «Развитие способностей людей совершается в процессе создания и освоения ими продуктов исторического развития человеческой деятельности, но *развитие* способностей не есть их *усвоение*, усвоение готовых продуктов; способности не проецируются в человека из вещей, а развиваются в нем в процессе его взаимодействия с вещами и предметами, продуктами исторического развития»⁴⁸.

Из факта существования продуктов человеческой культуры, операций, умений никак не удастся вывести различное развитие способностей у разных индивидов. Конечно, развитие способностей индивида осуществляется в процессе усвоения продуктов, созданных человечеством, но это еще не означает, что оно сводится к усвоению, что в индивидах нет ничего, в силу чего обучение у одних идет успешнее, чем у других.

Возражая против того, что в способности проецируются процессы, строящиеся «извне», С. Л. Рубинштейн пишет, что при таком представлении «игнорируется исходная общая зависимость обучения от обучаемости, от предпосылок, лежащих в субъекте обучения; похвальное стремление не упустить *обратные* связи — безусловно действительно существующие и важные — заслоняет у сторонников этой теории способность видеть *прямые*, исходные зависимости. Все как будто идет только от объекта, извне и лишь интериоризация внешнего заполняет внутреннюю пустоту... Первоначально — по логике этой концепции — обучение не имеет никаких исходных внутренних предпосылок в индивиде; обучение *только* условие образования способности; само оно никак ими не обусловлено; способности — только продукт обучения; они не фигурируют вовсе в числе его исходных предпосылок»⁴⁹.

Согласно другой системе взглядов, — пишет С. Л. Рубинштейн, — «в процессе обучения и усвоения способности развиваются и специфицируются, но в неразвитой и общей форме — они образуют и исходные предпосылки обучения и усвоения. На самом деле надо говорить не только о способностях как продуктах освоения предметов деятельности, но и о самих этих предметах как продуктах исторического развития способностей, т. е., отказавшись от утверждения об *односторонней* зависимости развития людей и их способностей от внешних продуктов их деятельности, исходить из *взаимосвязи* и *взаимозависимости* внутреннего развития самих людей, их собственной природы, их способностей и внешних объективированных продуктов их деятельности. Создание этих последних имеет как своим следствием, так и своим условием изменение природы людей, их способностей. Человек и предметный мир должны быть рассмотрены

---

⁴⁸ Там же, стр. 8.

⁴⁹ Там же, стр. 5.

в их *взаимодействии*, и рассмотрение их взаимодействия не может быть ограничено только сферой усвоения, вовсе вне сферы производства»⁵⁰.

Понимая под способностями свойства человека, делающие его пригодным к выполнению какой-либо определенной деятельности, можно выделить в их строении два компонента: способности действия как систему соответствующих общественно выработанных операций, и психические процессы, которыми эти действия или операции регулируются. Ядром способностей будет качество функционирования тех психических процессов, которые регулируют операции, а не усвоенная автоматизированная операция. Условием успешности протекания процессов психической регуляции является анализ и обобщение человеком тех отношений, в которых реализуется операция.

Различие двух линий, представленных в психологической теории, в полной мере проявляется в отношении к двум указанным компонентам способностей. Для одной — задача развития способностей заключается в изучении и отработке необходимых операций, позволяющих наиболее эффективно усваивать внешнее. Для другой — главная задача состоит в исследовании и формировании качеств психических процессов, которые обеспечивают наиболее высокий уровень регулировки и функционирования нужных операций, отработка которых является обязательной, но не исчерпывает развитие способностей.

Дискуссия о способностях оборвалась смертью С. Л. Рубинштейна. Теоретические проблемы, поднятые в этой дискуссии: о социальной обусловленности психики человека, о соотношении природного и социального в его психике, о взаимоотношении общественного и индивидуального сознаний, все они являются актуальными проблемами современной науки, составляя предмет новых исследований и дискуссий.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема взаимоотношения природного и социального вызывает в последнее время много споров в разных науках, изучающих человека. В психологии она связана с вопросами детерминации психики, индивидуальных различий людей и наследственных предпосылок психического развития, с задачами формирования личности. Проблема эта составляет предмет комплексных исследований, объединяемых общей целью познания человека.

Учение А. Н. Леонтьева о процессе присвоения определило один из подходов к проблеме взаимоотношения природного и социального. Преимущество этого подхода с идеями Л. С. Вы-

---

⁵⁰ Там же, стр. 5.

готского выражается в том, что удерживается свойственное культурно-исторической теории исходное разделение и противопоставление в психическом развитии человека двух рядов — биологического и социального, природных данных человека и внешней социальной обусловленности его психического развития.

В культурно-исторической теории социализация психики, включение «культурных» детерминант относилось к периоду школьного обучения. Теперь происходит отнесение социализации все к более раннему периоду. Но тем острее формулируется проблема. Вопрос ставится об «очеловечивании» новорожденного ребенка. Новорожденный ребенок оказывается существом, которому предстоит подвергнуться гоминизации. Усвоение общественно-исторического опыта представляет собой «процесс очеловечивания психики ребенка»⁵¹, или ее гоминизации⁵².

Проблема взаимоотношения биологического и социального решается в пользу «господства единственно социальных законов», которые оттесняют биологическое к моменту рождения ребенка. Человеку человеческое несет механизм социальной наследственности. «...То, что на уровне животных достигается действием биологической наследственности, то у человека достигается посредством усвоения — процесса, который представляет собой процесс очеловечивания психики ребенка»⁵³, — пишет А. Н. Леонтьев. В этом он согласен с французскими психологами, в частности с Пьероном, который считает, что ребенку еще нужно научиться быть человеком.

Эту мысль подчеркнул А. Н. Леонтьев, выступая на симпозиуме по проблеме личности: «...Только присваивая человеческую действительность, человек становится человеком»⁵⁴. Тезис об очеловечивании психики ребенка вызвал возражения участников симпозиума⁵⁵. Так, например, А. В. Брушлинский отмечал: «Очеловечить можно лишь то, что изначально ни в какой степени не является человеческим. Следовательно, необходимость гоминизации означает, что новорожденный ребенок даже в минимальной степени не является еще человеком (оставаясь, по видимому, животным или полуживотным)... Само исходное деление психических свойств человека на специфически человеческие и чисто биологические вообще выводит последние за пределы человеческого, превращая их в нечто животное: связь и преемственность между ними в ходе развития ребенка попросту невозможны». Возвращаясь к дискуссии о способностях, А. В. Бру-

⁵¹ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 186.

⁵² См. А. Н. Леонтьев. Культура, поведение и мозг человека. — «Вопросы философии», 1968, № 7, стр. 51.

⁵³ См. А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека. — «Вопросы психологии», 1960, № 6, стр. 25.

⁵⁴ «Личность. Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10—12 марта 1970 г. в Москве», стр. 197.

⁵⁵ Там же, стр. 71—76, 250—251, 255—258, 266—267 и др.

шлинский приходит к выводу: «... Вся суть дискуссии о способностях может быть выражена следующей альтернативой: или признание исходных внутренних, в частности наследственных, предпосылок психического развития индивида (всегда, конечно, взаимодействующих с внешними условиями), или же отрицание, исчезновение психической реальности. И тогда нельзя не считать доказанным, что исходные внутренние (наследственные и др.) условия играют существенную, специфическую — но не фатальную — роль непосредственно в развитии способностей, а, следовательно, и в развитии всей личности»⁵⁶.

Разделение и противопоставление биологического и социального проявляется в различении понятий природных способностей и специфически человеческих. Первое понятие охватывает филогенетически сложившиеся, наследственно закрепленные свойства организма, выражающие природу его вида; второе — свойства, выражающие человеческую природу; эти свойства передаются путем прижизненного овладения людьми достижениями предшествующих поколений.

Детерминация психического развития внешними условиями без учета внутренних, изначально присущих, условий снимает вопрос о диалектике индивидуального и общественного в этом развитии. Признание того, что социальная обусловленность психики решается утверждением ее возникновения в процессе общественной деятельности, ведет к признанию однозначной заданности индивидуальности самим фактом существования культуры, к тому, что социальное отменяет индивидуальное. В этом случае социальное понимается как внешнее, а индивидуальное сознание оказывается проекцией содержания, заключенного в продуктах духовной культуры, или проекцией психических свойств и способностей людей, заключенных в предметах, представляющих продукт человеческого труда, поскольку в процессе труда «происходит опредмечивание также и тех представлений, которые побуждают, направляют и регулируют деятельность субъекта»⁵⁷. Вопрос о соотношении общественного и индивидуального сознания переносится в плоскость успешности организации процесса усвоения, так как результат усвоения и выступает непосредственно сразу, в качестве психического развития⁵⁸.

⁵⁶ «Личность. Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10—12 марта 1970 г. в Москве», стр. 74—75; А. В. Брушлинский. О наследственных предпосылках психического развития человека (К характеристике двух точек зрения на эту проблему в советской психологии).— «Вопросы философии», 1970, № 9.

⁵⁷ А. Н. Леонтьев. Карл Маркс и психологическая наука.— «Вопросы психологии», 1968, № 5, стр. 7.

⁵⁸ На этом заостряет внимание А. В. Брушлинский, рассматривая вопрос о соотношении социального, общественного и биологического в разных направлениях советской психологии. См. А. В. Брушлинский. Культурно-историческая теория мышления (Философские проблемы психологии). М., 1968, стр. 89—99.

Иной взгляд на соотношение биологического и социального высказал С. Л. Рубинштейн в соответствии с принятой им концепцией детерминации психики. Принципиальное отличие развития человека от развития животных он также связывает с тем, что результаты человеческой деятельности откладываются в виде объективированных продуктов, обуславливающих преемственность исторического развития человечества и опосредующих индивидуальное развитие. Вся суть дела в том, как понимать самое развитие. Возникновение новых сфер бытия (бытия человека) и новых закономерностей общественного развития не отменяет действия закономерностей нижележащих природных сфер бытия. Общественное развитие человека не отменяет природных закономерностей его психического развития. Признание положения о том, что биологическая видовая эволюция человека завершена, вовсе не означает того, что органические условия не играют никакой роли в развитии человека. Речь может идти только о том, что эти условия остаются неизменными. В то же время историческое развитие не снимает значения природных, органических условий в индивидуальном развитии каждого человека.

Внешние и внутренние условия взаимодействуют на всем протяжении психического развития начиная с рождения ребенка. В состав внутренних условий развития ребенка изначально входит общая чувствительность (способность к ощущениям, восприятиям), в которую включаются и безусловнорефлекторные компоненты и, в частности, наследственные и врожденные задатки⁵⁹.

Взаимосвязь внешнего и внутреннего, понятая как действие внешних причин через посредство внутренних условий, снимает в проблеме развития противопоставление внешней социальной обусловленности и внутреннего спонтанного развития, позволяет преодолеть дуализм биологического и социального, представить, что социальное не просто надстраивается над биологическим, а является самой природой человека, так как сама природа человека есть продукт истории. Произведенное так соотношение внешних причин и внутренних условий выводит психологическую теорию из тех конфликтов, которые возникали и в поведенческих теориях, и в теориях, отдававших первенство спонтанным природным силам развивающегося организма, и в тех теориях, в которых на смену спонтанного органического развития первых лет жизни ребенка приходят извне внесенные законы социальной обусловленности.

---

⁵⁹ Под наследственными понимаются органические механизмы, переданные индивиду от предков, которые могут оформиться и обнаружиться через много лет после рождения ребенка. Под врожденными — задатки ребенка к моменту рождения, обусловленные ходом эмбрионального развития. См. С. Л. Рубинштейн, Проблемы психологии в трудах Карла Маркса. — «Советская психотехника», 1934, № 1, стр. 15.

При решении проблемы социальной детерминации психики на основе взаимосвязи внешнего и внутреннего на первый план выступает диалектика индивидуального и общественного в психическом развитии человека. Утверждение социальной детерминации заключается не в отрицании социальным индивидуального, а в выявлении социальной обусловленности индивидуального психического развития. От общества человек получает те знания, которые выработало человечество, но каждый акт освоения предполагает определенные внутренние условия для их освоения и ведет к созданию внутренних условий для освоения дальнейших знаний и умений.

Проблему социальной обусловленности психики человека С. Л. Рубинштейн вводит в более широкую проблему о месте человека в мире. Постановка проблемы субъекта в психологическом плане в «Бытии и сознании» приводит его к рассмотрению человека в качестве не только субъекта сознания, но и субъекта действия, вносящего в мир объективные изменения. В его последнем труде «Человек и мир»⁶⁰ центральным является анализ всех объективных последствий, которые вносит в бытие факт существования человечества и человека как члена общества, как субъекта сознания и действия. Вещи, природа, человеческие отношения выступают в своем человеческом, прежде всего общественном смысле и значении. Главным для С. Л. Рубинштейна является понятие процесса жизни, которое дает возможность диалектически рассмотреть объективные общественные связи и отношения человека, показать, как эти связи раскрываются, преломляясь через внутренние закономерности субъекта, через систему его субъективных отношений. Сознание регулирует действия не только в соответствии с ходом познания, но выступает как отношение, мировоззрение, убеждение и в этом своем качестве, столь же важном, опосредствует действие внешних условий, определяет конечный эффект их воздействия. Таким образом, ведущим звеном психологического изучения вопроса о социальной обусловленности психики человека становится проблема личности, вводящая в психологическое исследование человека как реального общественного индивида.

В последнее десятилетие в психологии развивается мысль о применении к проблеме взаимодействия социального и биологического в личности структурного подхода. К. К. Платонов, разрабатывая концепцию динамической функциональной структуры личности, выделяет в ней четыре основные подструктуры, иерархически связанные и по их генезису, и по видам их фор-

---

⁶⁰ Некоторые разделы труда С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» опубликованы посмертно. См. «Вопросы философии», 1966, № 7; 1969, № 8; кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 348—374.

мирования⁶¹. Первой, опирающейся на остальные, является социально обусловленная подструктура направленности, формируемая путем воспитания. Вторая — подструктура опыта — формируется путем обучения. Третья — индивидуальные особенности психических процессов как форм отражения — формируется путем упражнения. Четвертая — биологически обусловленные типологические особенности — формируется путем тренировки. Характер и способности рассматриваются как общие качества личности, не рядоположные с этими четырьмя подструктурами, а наложенные на них и включающие в свои структуры элементы этих же четырех подструктур. В то же время человек как целое, по мнению К. К. Платонова, имеет только две подструктуры — организма и личности. Четыре подструктуры, согласно данной концепции, находятся в иерархической взаимосвязи. Таким образом, высшая социально обусловленная подструктура в своей основе имеет биологически обусловленные типологические особенности.

Природные свойства вводят в структуру личности Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, А. Г. Ковалев, предлагая разные варианты структуры личности. В. Н. Мясищев единство личности характеризует направленностью, уровнем развития, структурой личности и динамикой нервно-психической реактивности. В комплексных исследованиях личности, проводимых под руководством Б. Г. Ананьева, анализ многих компонентов развития личности и способов взаимосвязи между ними дал возможность выяснить некоторые отношения характерологических черт, интеллекта и различных психомоторных, нейродинамических и вегетативно-биохимических характеристик. «Установлено, что в любом из факторов, определяющих структуру личности, обнаруживаются корреляционные плеяды, сложно-ветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, соматическими и нейродинамическими особенностями человека... Определяющим и ведущим началом в этой структуре, доминантными структурными единицами личности, являются социальные качества, сформированные на основе статуса, социальных функций и опыта фактической деятельности человека»⁶².

Проблема соотношения социального и биологического в психическом развитии человека ставится в современной психологии и направлением, обладающим в настоящее время многочисленными экспериментальными фактами и значительными

---

⁶¹ К. К. Платонов. Виды формирования личности и ее структура.— В сб. «Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму». М., 1968; он же. Понятие «структура» в теории личности.— В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума». М., 1969; он же. Психологическая структура личности.— В сб. «Личность при социализме». М., 1968.

⁶² Б. Г. Ананьев и И. М. Палей. О психологической структуре личности.— В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», стр. 50.

теоретическими обобщениями о связи психического с физиологическим в области индивидуальных различий людей. Исследования школы Б. М. Теплова показали всю сложность взаимосвязи и взаимодействия свойств нервной системы и индивидуальных особенностей человека. Научные факты экспериментальных исследований Б. М. Теплова и его сотрудников дают основание для выводов о значении природных условий развития психики. Данные эти заставили Б. М. Теплова восстать против тенденций «антибиологизма», которые он усматривал в современной психологической науке, протестовать против попыток снятия природного социального⁶³.

О роли природных качеств в развитии личности свидетельствуют и факты, полученные в исследованиях В. С. Мерлина и его сотрудников, которые показали, что свойства нервной системы составляют природную основу личности⁶⁴. Экспериментальные материалы позволяют В. С. Мерлину сделать заключение о том, что, «хотя свойства индивидуума приобретаются и изменяются на протяжении всей жизни, но в силу врожденности некоторых психических свойств уже с момента рождения человек является психическим индивидуумом»⁶⁵. Он подчеркивает, что социализацию свойств индивида следует понимать как использование и регуляцию их для осуществления социально-типичных отношений личности, для достижения социально значимых целей и задач деятельности.

Анализируя роль биологического и социального в онтогенезе человеческой психики, Г. С. Костюк пишет: «При исследовании онтогенеза человека без обращения к биологии обойтись нельзя. Онтогенетическое развитие человека — целостный процесс, выражающийся в различных формах (морфологической, физиологической, психической, социальной). Созревание организма — это генотипически обусловленное становление его морфологических и физиологических признаков и свойств. Как естественное существо человек включен в биологическую, видовую систему, определяющую формы его физического развития, не заканчивающегося с его рождением, а продолжающегося до наступления зрелости организма. Он рождается с наследственно обусловленными органическими потребностями, имеющими свою нейрогуморальную основу, безусловнорефлекторными мозговыми структурами, регулирующими функции его вну-

⁶³ См. Б. М. Теплов. Конспекты и комментарии к книге А. Анастаси. Дифференциальная психология. — В кн. «Проблемы дифференциальной психологии», т. VI. М., 1969, стр. 324, 329, 339 и др.

⁶⁴ В. С. Мерлин. Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермь, 1968; он же. Становление индивидуальности и социализация индивидуума. — В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», стр. 281—291; Проблемы экспериментальной психологии личности. — «Ученые записки Пермского педагогического института», т. 77, вып. 6. Пермь, 1970.

⁶⁵ В. С. Мерлин. Становление индивидуальности и социализация индивидуума. — В кн. «Проблемы личности. Материалы симпозиума», стр. 281.

тренних органов, первоначальные отношения к окружающей среде, и естественными возможностями выработки новых способов регуляции поведения. Последние формируются по мере того, как развивающийся индивид включается в социальную систему человеческих отношений»⁶⁶ Врожденные безусловно-рефлекторные структуры, указывает Г. С. Костюк, включаются в образование и функционирование кортикальных условно-рефлекторных механизмов, лежащих в основе вырабатываемых у человека психических функций и свойств, хотя не определяют их состава, содержания и структуры. Последнее определяется общественными условиями жизни ребенка, а потому и онтогенез психики человека приобретает конкретно-исторический характер. Ребенок рождается естественным существом, потенциально способным к превращению в общественное существо, «созревание нервной системы открывает новые возможности развития, которые реализуются в условиях взаимодействия индивида с окружающим миром, усвоения им ценностей, созданных обществом. Соотношение врожденного и приобретенного в образующихся у индивида психических свойствах изменяется при переходе от низших к высшим уровням их развития, от более простых к более сложным свойствам»⁶⁷.

Г. С. Костюк, разбирая вопрос о социализации ребенка, опирается на утвердившееся в советской психологии с 40-х гг. положение о том, что ребенок развивается, воспитываясь и обучаясь. Определяющая роль обучения и воспитания в развитии психики ребенка имеет принципиальное значение для понимания детерминации этого процесса. И с этих позиций преодолеваются те концепции, в которых психическое развитие и учение выступают как раздельные процессы, внутренние не связанные между собой. Во-первых, взгляды тех, кто усматривает источники будущих психических свойств ребенка в его природе и только в ней и, во-вторых, взгляды тех, кто в становлении психики ребенка видит только усвоение им социального опыта, формирование взрослыми психики ребенка⁶⁸.

Вопрос о соотношении биологического и социального, о наследственных предпосылках психического развития человека оказался одним из центральных теоретических вопросов на симпозиуме по проблемам личности в 1970 г.⁶⁹ О соотношении наследственного и приобретенного в психическом развитии современного человека, о взаимосвязи психического и физиологического в наследственных предпосылках идет речь в дискус-

---

⁶⁶ Г. С. Костюк. Принцип развития в психологии.— В кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии», стр. 127—128.

⁶⁷ Там же, стр. 129.

⁶⁸ Там же, стр. 133—134.

⁶⁹ См. «Проблемы личности. Материалы симпозиума». М., 1969 и 1970; «Личность. Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10—12 марта 1970 г. в Москве».

сии на страницах журналов «Вопросы философии» и «Природа» представителей разных научных дисциплин, изучающих человека ⁷⁰.

Проблема взаимоотношения природного и социального в современном ее состоянии, возбуждая все новые споры, сосредоточивает силы представителей разных наук о человеке и эта разносторонность, включающая борьбу противоречивых взглядов, направляет и движет новые научные поиски.

Изучение философских проблем в историческом развитии советской психологии показывает то главное, решающее значение, которое приобретает в методологии науки диалектический материализм, поскольку он открывает возможность создания теории, вбирающей все знания об объекте научного исследования в их действительной связи. Решение философских проблем на основе диалектического материализма, на основе единых методологических принципов, позволяет исследовать многообразные качества, свойства психики людей, изучить ее детерминацию и направить силы психологов на достижение главной цели — активного участия в решении задач коммунистического строительства и прежде всего в воспитании всесторонне развитого человека коммунистического общества.

18

---

⁷⁰ См. «Вопросы философии», 1968, № 8 и 11; 1969, № 3; 1970, № 7, 8, 9; «Природа», 1970, № 1.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абульханова-Славская К. А. 272, 307.
См. также Славская К. А.
- Авраменко А. М. 214
- Адоратский В. В. 90, 91, 94
- Акимов Н. Е. 118
- Амосов Н. М. 297
- Ананьев Б. Г. 28, 68, 69, 108, 117, 119, 120, 168—170, 195, 205, 209, 272, 282, 283, 285, 236, 325
- Анастаси А. 245, 326
- Анохин П. К. 116, 185, 186, 233, 239, 274
- Ансон К. К. 118
- Антонов Н. П. 215, 216
- Анцыферова Л. И. 168, 264
- Аркин Е. А. 97
- Артемов В. А. 12, 81, 89
- Архипов В. М. 213
- Арямов И. А. 55, 97
- Асеев В. Г. 114
- Аснин В. И. 165
- Асратян Э. А. 233, 236, 243
- Балонов Л. Я. 214
- Баммель Г. К. 27
- Басов М. Я. 14, 22, 103—105, 111, 113, 122, 155
- Бассин Ф. В. 177, 179, 242—244, 276
- Белинский В. Г. 209
- Беляев Б. В. 28, 69, 70, 81, 215
- Бернштейн Н. А. 116, 185, 186, 234, 235, 238—242, 244, 274
- Бехтерев В. М. 7, 10, 12—15, 18, 27, 28, 34, 35, 39—43, 52, 54, 59, 60, 67, 68, 71, 74—77, 83, 84—89, 169, 170
- Бирюков Д. А. 233, 236
- Блонский П. П. 11, 14, 15, 16—18, 22, 31—33, 45—48, 78, 79, 81, 95, 97—99, 107, 111, 113, 121—130, 155, 170
- Богданов А. А. 23, 94
- Богословский А. Н. 118
- Бодалев А. А. 307
- Божович Л. И. 114, 149
- Бойко Е. И. 226
- Бонгард М. М. 297
- Боричевский И. А. 24
- Боровский В. М. 13, 14, 16, 29, 44, 71
- Бочоришвили А. Т. 236
- Бронштейн А. И. 169
- Брушлинский А. В. 140—142, 149, 286, 297, 300, 313, 321, 322
- Быков 13, 192
- Быховский Б. 17, 56
- Бюлер К. 16, 151
- Вагнер В. А. 7
- Варшава Б. Е. 146
- Варьяш А. И. 17, 90, 91, 94
- Введенский А. И. 8, 10
- Введенский Н. Е. 115
- Веденов А. В. 29
- Веккер Л. М. 170, 282, 294—296
- Великовский М. 47
- Венгер Л. А. 282—285
- Войтонис Н. Ю. 116
- Волков И. И. 118
- Воронин Л. Г. 237
- Вундт В. 39
- Выготский Л. С. 13, 14, 17, 18, 19, 22, 54, 58—67, 71, 72, 75, 94, 106, 107, 109, 111, 112, 113, 120—124, 128—152, 154, 161—165, 250—252, 256, 257, 261, 285, 303, 308, 320
- Вяземский Н. М. 214
- Газри Э. 63
- Гальперин П. Я. 149, 195, 250, 251, 254—261, 264, 285—288, 293
- Гегель Г. В. Ф. 26, 125
- Геллерштейн С. Г. 17, 20, 75, 109
- Георгиев Ф. И. 118
- Герцен А. И. 117, 118, 151, 170, 189, 209
- Гиппенрейтер Ю. Б. 231
- Гращенков Н. И. 211, 234
- Грот Н. Я. 8
- Гурьянов Е. В. 118

Давыдов В. В. 149, 256, 261

Деборин А. М. 25, 26, 70

Дедов К. М. 215

Декарт Р. 52, 200, 207

Джемс У. 64—66

Джемсон Л. 45

Дицген И. 33

Добрынин Н. Ф. 12, 14, 18, 48, 118, 195

Додонова А. А. 118

Донской Д. Д. 243

Драпкина С. Е. 209

Дубровский А. И. 15

Енчмен Э. 16, 23

Ерошкин И. Г. 204

Жинкин Н. И. 226

Залкинд А. Б. 17, 28, 95, 100—102

Залужный А. С. 100

Занков Л. В. 118, 149

Запорожец А. В. 120, 149, 165, 194, 237, 251, 273, 282—285

Зинченко В. П. 282—285

Зинченко П. И. 170, 171

Иванова И. И. 114

Иванов-Смоленский А. Г. 53, 54, 55, 210—212, 226, 227

Каганов В. М. 205, 209, 233, 236

Кальсин Ф. Ф. 214

Каммарн М. А. 205

Карев Н. А. 25

Кауфман Д. А. 214

Кекчеев К. Х. 169

Кёлер В. 116, 172

Климов Е. А. 230

Ковалев А. Г. 195, 325

Ковалевский П. И. 7

Коган Т. В. 29

Колбановский В. Н. 19, 149, 189

Кольцова М. М. 211, 212

Комм А. Г. 170

Корнилов К. Н. 11—16, 18, 19, 22, 28, 29, 31—33, 35—39, 47, 52, 54, 70, 71, 79, 95, 118, 155, 184, 195

Корсаков С. С. 7, 214

Костюк Г. С. 184, 194, 217, 249, 315, 326, 327

Котелова Ю. В. 141

Коффка К. 16, 151

Кравков С. В. 14, 18, 48, 169

Крамер В. В. 12

Красильщикова Д. И. 170

Крупская Н. К. 21

Кудрина Л. А. 20

Кузьмин Е. С. 198

Куразов И. Ф. 15, 55, 68, 69

Курманов Н. Ф. 15

Купалов П. С. 233

Ладыгина-Котс Н. Н. 116

Лазурский А. Ф. 7, 103

Ланге Н. Н. 7

Лапшин И. И. 8

Латаш Л. П. 234

Левитов Н. Д. 118

Ленин В. И. 8, 9, 25, 27, 30, 70, 76, 190, 204, 210, 250

Ленц А. К. 55

Леонов М. А. 205

Леонтьев А. Н. 108, 114, 120, 140, 141, 148—150, 160, 161, 165, 166, 168, 193, 195, 196, 199, 200, 204, 205, 231—233, 248, 250—255, 261, 264, 278, 302, 303, 308—312, 315, 316, 320—322

Лесгафт П. Ф. 7

Личко А. Е. 214

Ломов Б. Ф. 170, 195, 202, 244, 282, 283

Лопатин Л. М. 8, 10, 71

Лосский Н. О. 8, 10

Луков Г. Д. 165

Луппол И. К. 25

Лурия А. Р. 13, 15, 17, 56, 57, 114, 120, 130, 131, 149, 150, 195, 232, 233, 251

Люблинская А. А. 293

Майоров Ф. П. 212

Макаренко А. С. 114, 115

Маркс К. 18, 26, 27, 33, 92, 107, 137, 151, 153—157, 161, 174, 260, 263, 264, 308, 309, 311, 312, 316, 317, 322, 323

Матюшкин А. М. 290

Менчинская Н. А. 118, 263, 264, 293

Мерлин В. С. 103, 113, 195, 230, 326

Медведев Н. В. 214

Минин С. 23

Михайлов Ф. Т. 244

Моложавый С. С. 100, 102

Музылев Ф. И. 118

Мясищев В. Н. 195, 315, 325

Напалков А. В. 297

Натадзе Р. Г. 177, 194

Небылицын В. Д. 227, 228

Нечаев А. П. 12, 13

Овчинникова О. В. 231

Орлов В. В. 215, 216

Орфеев Ю. В. 297

Осипова В. Н. 68

Павлов И. П. 7, 9, 15, 18, 40, 46—48, 50—55, 60, 63, 74—76, 92, 93, 105,

115, 116, 134, 191—193, 207—212,
214, 215, 217, 219, 221, 222, 228,
229, 233, 234, 237, 240, 243, 248, 273
Палей И. М. 325
Панов Д. Ю. 233
Пантина Н. С. 256
Парыгин Б. Д. 198
Пашковская Е. И. 141
Петровский А. В. 6, 11, 19, 21, 29, 53,
55, 58, 110, 113, 119, 149, 195, 202
Петрушевский С. А. 215
Платонов К. К. 324, 325
Плеханов Г. В. 25, 33, 70
Поршнев Б. Ф. 158
Прангишвили А. С. 177, 194, 274—277
Пушкин В. Н. 300, 302
Пьерон А. 321

Разенков И. П. 13
Размыслов П. И. 118
Рейснер М. А. 14, 56, 83, 90—94
Репкин В. В. 231
Репкина Г. В. 231
Рогинский Г. З. 116
Розанов И. 109
Рубинштейн С. Л. 5, 107, 108, 112,
116, 117—120, 151, 153—159, 162—
164, 167, 169, 172—174, 176, 183—
186, 190, 192, 194—196, 203—208,
218—220, 222—224, 249, 250, 262—
272, 274, 279—282, 284, 286, 288—
292, 298, 303, 312—320, 323, 324
Рузская А. Г. 282—285
Рыбников Н. А. 118

Савич В. В. 55
Самарин Ю. А. 293
Сапир И. Д. 28
Сарабянов В. Н. 24
Сахаров Л. С. 140, 141
Селиванов В. И. 195
Сеченов И. М. 5, 7, 8, 42, 46, 48—
54, 63, 74, 76, 206, 207, 209, 221,
222, 225, 240—242, 267
Скворцов-Степанов И. И. 24, см. также
Степанов И. И.
Славская К. А. 263, 286, 290, 291,
см. также Абульханова-Славская
Случевский И. Ф. 214, 215
Смирнов А. А. 11, 13, 108, 114, 118,
119, 168, 170, 171, 184, 193, 194,
217, 247, 248, 270
Соколов А. Н. 224
Соколов Е. Н. 226
Сорохтин Г. Н. 69
Спиноза Б. 25^а
Степанов И. И. 24, 25, см. также
Скворцов-Степанов И. И.
Струминский В. Я. 15, 16

Таланкин А. А. 29, 76
Талызина Н. Ф. 255, 256
Теплов Б. М. 11, 13, 39, 45, 108, 118—
120, 168, 169, 173—176, 184, 192,
194, 202, 205, 209, 217—219, 226—
230, 233, 245, 247, 326
Тихомиров О. К. 149, 200, 291, 300,
301
Токарский А. А. 7
Трауготт Н. Н. 214
Тих Н. А. 116

Узнадзе Д. Н. 77, 120, 176—183, 194,
273—276
Уотсон Д. 16, 127
Ухтомский А. А. 7, 13, 18, 115

Фейгенберг И. М. 234
Фейербах Л. 33, 317
Фингерст Б. А. 17, 74, 75
Франк С. М. 8, 10
Франкфурт Ю. В. 15, 16, 33
Фрейд З. 16, 17, 55—58, 91, 179
Фридман Б. Д. 17, 56, 58

Хромов Н. А. 215

Челпанов Г. И. 8, 10—12, 14, 16,
32—34, 45, 52, 71, 74, 75, 80, 81
Чернаков Е. 204
Чернышевский Н. Г. 5, 209
Чуприкова Н. И. 226
Чучмарев З. И. 12
Чхартишвили Ш. Н. 275, 277

Шардаков М. Н. 170
Шварц Л. М. 118, 119
Шеварев П. А. 118
Шемакин Ф. Н. 29, 119
Шеррингтон Ч. 236
Ширвиндт М. 17, 75
Шиф Ж. И. 140, 142
Шифман Л. А. 169
Шнирман А. Л. 68, 74
Шорохова Е. В. 196, 213, 216, 233,
236, 240, 241, 305, 306
Шпильрейн И. Н. 20, 21, 29, 108, 109
Штерн В. 21

Элиава Н. Л. 177
Эльконин Д. Б. 149, 251, 256
Энгельс Ф. 25—27, 33, 90, 92, 157,
260, 270, 308, 311, 312, 317

Юринец В.^к 17

Ярмоленко А. В. 170, 282, 283

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Биологическое и социальное в психике человека 81—82, 86—105, 131—134, 244—245, 315—328

Восприятие см. Чувственное познание

Детерминация психики 79—83, 96—105, 203—205, 219, 249—272, 303—308

— и отражение внешнего мира 249—250, 279—286

— и процесс интериоризации 251—264, 281—293

— и процесс присвоения 251—254, 308—312, 316—318

— внешними причинами через посредство внутренних условий 264—272, 312—314, 316—320, 323—324

— и теория установки 272—277

— и рефлексорная теория 206—209, 219—224

— и регуляторная роль психики 268—270

Деятельность человека 103—105, 159—162, 250 и сознание 154—162

— и процесс интериоризации 251—264

— и проблема развития 103—105, 162—166

— физиологические механизмы управления действием 185, 186, 238—243

— и процесс отражения 253—254, 268—269

— и ощущения 169—170

— и память 170—171

— и мышление 172—173

— и способности 174—176

— и установка 176—183

Дискуссии

— в советской философии 20-х гг. и психология 23—27

— о предмете и методе психологии 30—77

— о рефлексологии 27, 67—70

— о реактологии 29, 70—71

— о книге С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» 189—191, 204—206

— о взаимоотношении психического и физиологического, психологии и физиологии высшей нервной деятельности 191—194, 210—216, 219, 223—224, 233—237

— о способностях 315—322

Идеалистическая психология и борьба с ней 7—8, 10—16, 30—34, 71—72, 78—83

Кибернетика и психология см. Психология и кибернетика

Культурно-историческая теория развития психики 124, 130—150, 320—321

— соотношение высших и низших психических функций 137—140

— процесс интериоризации 136—137

— и учение о высшей нервной деятельности 134—135

— умственное развитие и обучение 143—145, 163—164

— и проблема сознания и мышления 145—148

Личность 83—87, 103—105, 174, 175, 198, 199, 270, 305—307, 314, 324—328

— динамическая функциональная структура 324—325

Методология диалектико-материалистическая 9, 10, 23, 73, 77, 106—107, 121, 123, 125—127, 139, 152—154, 218, 278—280

— принцип развития 107, 117, 121—130, 162—166

— принцип связи сознания и деятельности 107—108, 116—119, 250—251, 269—272

— принцип психофизического единства 117, 183—185, 190, 203—205

— принцип детерминизма 205, 222, 265—270

— методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности и психологии 233—245

Методология механистическая 26—27, 72—77, 95—96, 101, 298

Мышление

— и его детерминация 280, 286—293

— теория формирования умственных действий 286—288, 290—293

— и кибернетика 293, 297—302

— историческое развитие 138—139

Отражения теория, см. психическое как отражение внешнего мира

Память

— историческое развитие памяти 125—129

— и деятельность 170—171

Педология см. Психология и педология

Психическое

— как отражение внешнего мира и функция мозга 30, 42, 72, 169, 203—206, 219—224, 247—251, 253, 278—293

— как субъективная сторона или отражение физиологических процессов 35—38, 41, 42, 61, 67, 69, 72, 73

— как отражение рефлексов 61—67

— и физиологические процессы 46—52, 183—185, 203—249

— как идеальное 253, 260—261, 264, 267—269

— взаимосвязь характеристик психического 246—251, 259

— регуляторная функция психического 221, 268—272, 278

Психология

— предмет, метод и задачи 16, 35—46, 53—67, 123—127, 193, 217—218, 267, 272

— и связь с практикой 18—19, 188, 201—202

— и физиология 46—52, 115—116, 191—194, 196—197, 200, 205—209, 210—216, 222—224, 233—245

— и педология 21—22, 110—113, 122

— и кибернетика 199—200, 293—302

Направления психологической мысли: психология сознания 151—154;

психология поведения 16, 17, 44—46, 53—55, 104, 151—154.

— психология духа 151, 153;

— фрейдизм 17, 55—58

Психотехника 19—21, 108—110, 197

Развитие психическое 96—105, 252, 283, 292—293, 304, 308—328

— биогенетическая концепция 29, 96—100

— социогенетическая концепция 29, 100—103

— и деятельность 103—105, 162—166

— и обучение 112, 143—145, 163—166, 318—320, 327

— и проблема способностей 315—321

Реактология 35—39, 70—72, 81

Рефлексология 27, 39—43, 67—70, 73—77

— коллективная рефлексология 83—89

— рефлексологическая вульгаризация

учения о высшей нервной деятельности 53—55

Рефлекторная теория психического — и ее механистическая оценка 46—48, 73—77, 234—235

— и принцип детерминизма 205—209, 219—224

— психическое как рефлекторная деятельность мозга 183—185, 206—210, 216—224, 233—244

— учение И. М. Сеченова и учение И. П. Павлова 46—51, 206—210, 219—245

— философский анализ рефлекторной концепции психики 219—224

— рефлекторная природа ощущений и восприятий 224—225

— и экспериментальные психологические исследования 224—232

Сознание

— и поведение 58—67, 68—69, 72

— и деятельность 107—108, 116—119, 154—162, 250—251

— как отражение рефлексов 61—67

— и неосознаваемые психические состояния 176—182, 272—277

Социальная обусловленность психики 15, 78—105, 129, 191, 250, 303—328

— и поведенческие концепции 83—89

— в развитии ребенка 96—105, 137—145, 163—165

— и процесс присвоения 251—254, 308—312, 316—318

— и взаимосвязь внешних и внутренних условий 312—314, 318—320

Социальная психология 78—83, 95—96, 140, 198, 304—306

— и реактология 81

— и коллективная рефлексология 83—89

— и идеология 90—94

— и учение о высшей нервной деятельности 90—95

Типологические особенности высшей нервной деятельности человека и психология 226—231, 325—326

Установки теория 176—182, 272—277

Учение о развитии высших психических функций см. Культурно-историческая теория

Физиология высшей нервной деятельности см. Психология и физиология

Формирование умственных действий теория 254—264, 286—288, 290—293

Чувственное познание 169—170, 222—225, 281—286

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
<p>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ</p> <p>НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ</p>	
Введение. Советская психологическая наука в 1917—1931 гг.	7
Глава I. Дискуссии о природе психического, предмете и методе психологии	30
Поражение идеализма в психологии	30
Реактология о предмете и методе психологии	35
Рефлексология — ее предмет и метод	39
Бихевиористские концепции	44
Отношение психологии к рефлекторной теории И. М. Сеченова и учению И. П. Павлова	46
Нейробиологический монизм	53
Фрейдистские концепции	55
Проблема сознания и психология поведения	58
Дискуссии по рефлексологии и реактологии	67
Основные линии теоретических поисков	71
Глава II. Проблема общественной детерминации психики и социальная психология	78
Борьба против идеализма в психологии и вопросы социальной психологии	78
Коллективная рефлексология	83
Психологизация идеологии и физиологизация социальной психологии	90
Социальный фактор в онтогенезе человека	96
<p>ЧАСТЬ ВТОРАЯ</p> <p>СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ</p>	
Введение. Советская психологическая наука 1931—1945 гг.	106
Глава III. Биологическое и социальное в развитии психики человека	121
Принцип развития в психологической теории	121
Генетический метод в применении к проблеме памяти и мышления	125
Культурно-историческая теория развития психики человека	130
Взаимоотношение высших и низших психических функций	137
Экспериментальное обоснование культурно-исторической теории	140

Соотношение обучения и умственного развития в свете культурно-исторической теории	143
Проблема сознания и мышления в учении о высших психических функциях	145
Глава IV. Сознание и деятельность	151
Анализ кризиса психологии сознания и психологии поведения	151
Принцип единства сознания и деятельности и его методологическое значение	154
Проблема деятельности в психологической теории	159
Проблема развития и принцип связи сознания с деятельностью	162
Введение принципа единства сознания и деятельности в конкретные исследования и его экспериментальное обоснование	167
Исследование неосознаваемых психических явлений в их связи с деятельностью и сознанием (теория установки)	176
Принцип психофизического единства	183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗРАБОТКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

Введение. Советская психологическая наука в 1945—1971 гг.	188
Глава V. Психическая деятельность и мозг	203
Критика принципа психофизического единства и новый подход к рефлекторной теории психического	203
Дискуссии о взаимоотношении физиологического и психического	210
Философский анализ рефлекторной концепции психики и введение ее в психологическую теорию	216
Новые направления экспериментальных психологических исследований	224
Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии	233
О взаимодействии психологии и физиологии	237
Глава VI. Взаимосвязь основных характеристик психического и детерминация психической деятельности	246
Проблема взаимосвязи основных характеристик психического в психологической теории	246
Процесс интериоризации и внешняя детерминация психической деятельности	251
Детерминация психической деятельности внешними причинами через посредство внутренних условий	264
Теория установки и проблема детерминации психики	272
Глава VII. Психическая деятельность и объективная реальность	278
Психическое как процесс отражения внешнего мира	278
Чувственное познание	281
Психология мышления	286
Психология познавательных процессов и кибернетика	293

Глава VIII. Социальная обусловленность психики	303
Утверждение в психологической теории марксистского взгляда на социальную обусловленность психики	303
Психическое развитие как продукт процесса присвоения	308
Взаимосвязь внешних и внутренних условий в социальной детерминации психики	312
✓ Дискуссия о способностях	315
Взаимоотношение природного и социального в психическом развитии человека	320
Именной указатель	329
Тематический указатель	332

Елена Александровна Будилова

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР*

Редактор *И. А. Мораф*. Художник *А. Я. Михайлов*
Художественный редактор *Ю. П. Тропаков*

Технические редакторы *Э. Л. Кунина, А. М. Сатарова*

Сдано в набор 4/X 1971 г. Подписано к печати 6/II 1972 г. Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 22,4. Тираж 9400. Т-01220. Тип. зак. 2893. Цена 1 р. 58 к.

Издательство «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2-я типография издательства «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
109	17 стр.	психологии	психотехники
118	11 стр.	1964	1946
140	12—13 стр.	как осознание объек- тивного мира, непосред- ственно низших психических функций	не как осознание объек- тивного мира, а как осознание непосредст- венно низших психи- ческих функций
157	6 стр.	общественные отношения	общественные отношения людей
188	14 стр.	подчиняется ее	подчиняется
309	23 стр.	специальную	социальную

Е. А. Будилова